Образовательное частное учреждение высшего образования
«Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет»

На правах рукописи

Сингх Созонт Сукхдевович

Деятельность судовых священников на кораблях российского флота на рубеже XIX–XX веков

Специальность 5.6.1 Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель

канд. ист. наук, доц. А. В. Постернак

Москва – 2023

Оглавление:

Введение 3

Степень изученности проблемы 6

Источниковая база исследования 16

Глава I. Институт флотского духовенства 36

§ 1. Становление института военного духовенства 36

§ 2. Флотские благочинные 39

§ 3. Духовенство на кораблях РИФ и судах ДФ 44

§ 4. Кадровая реформа и численность флотского духовенства 51

§ 5. Процесс назначения духовенства 77

§ 6. Обязанности судового священника 91

§ 7. Место священника в корабельной иерархии и его материальное обеспечение до кадровой реформы 106

§ 8. Место священника в корабельной иерархии и его материальное обеспечение после кадровой реформы 146

Глава II. Богослужебная деятельность флотского духовенства 164

§ 1. Судовая церковь и церковное имущество 164

§ 2. Подготовка к богослужению и церковный актив 185

§ 3. Судовой церковный хор и чтецы 197

§ 4. Богослужебная практика судовых церквей 218

§ 5. Восприятие богослужений моряками 239

§ 6. Деятельность флотского духовенства в условиях боевых действий 251

Глава III. Внебогослужебная работа судовых священников 263

§ 1. Преподавание Закона Божьего 264

§ 2. Проведение внебогослужебных бесед 272

§ 3. Организация чтений духовной литературы 289

§ 4. Участие священника в корабельной переписке и обучение грамоте необразованных нижних чинов 294

§ 5. Организация судовым священником корабельной библиотеки 306

§ 6. Организация экскурсий и паломнических поездок 330

Заключение 343

Список сокращений и условных обозначений 349

Приложения 350

Список использованных источников и литературы: 353

Введение

Актуальность темы исследования. Рубеж XIX–XX веков стал переломным периодом в отечественной истории. В то время Российская империя переживала как модернизационные процессы, так и череду кризисов. В последние десятилетия наблюдается большой интерес исследователей к этому периоду. Однако некоторые темы остаются лакунами. Одной из них является деятельность судовых священников рубежа XIX–XX веков. Несмотря на то, что истории военного и морского духовенства посвящены сотни публикаций, эта тема остаётся практически неизвестной не только широкому кругу современных читателей, но даже и специалистам по истории флота и истории Церкви.

В целом священнослужители флота находятся в тени военного духовенства, что, вероятно, связано с превалирующим интересом общества к истории сухопутных сил. Судовые священники зачастую лишь упоминаются через запятую с полковыми, гарнизонными и тюремными клириками. В результате те выводы, к которым приходят авторы, распространяются как на представителей военного (сухопутного), так и флотского духовенства. Это можно также объяснить ограниченным числом источников, введённых в научных оборот. Большая часть работ, посвящённых истории военного и морского духовенства, основывается на опубликованных источниках (в первую очередь на дореволюционной периодической печати). Между тем не только общество Российской империи, но даже и полковые священники мало знали о служении своих коллег на флоте, ведь оно протекало в морях и океанах и было скрыто от их глаз. При этом если проблемы приходского и полкового духовенства в этот период вызывали дискуссии, которые нашли отражение в многочисленных публикациях периодической печати, то судовым священникам были посвящены лишь отдельные статьи, а специфика служения на флоте никогда не обсуждалась за пределами их сообщества. Таким образом, для полноценного исследования деятельности судовых священников

необходимо привлечь широкий круг источников, хранящихся в архивах. Более того, существует немало опубликованных материалов, которые ранее не вводились в научный оборот в качестве источников по истории флотского духовенства.

Изучение деятельности судовых священников позволит более целостно оценить религиозную жизнь моряков и специфику служения клириков на кораблях дореволюционного флота. В свою очередь это даёт возможность глубже понять различные аспекты истории российского флота и истории духовенства Российской империи. Кроме того, в настоящее время происходит возрождение института военного и морского духовенства. 7 июня 2022 года постановлением Синода была восстановлена должность протопресвитера военного и морского духовенства. Современные священнослужители армии и флота нередко сталкиваются с теми же проблемами, что и их предшественники в дореволюционной России. Это касается как организации богослужений в сухопутных и морских подразделениях, так и проведения внебогослужебной работы с военнослужащими. В связи с этим становится актуальным изучение дореволюционного опыта служения военного и морского духовенства, деятельность которого подчас далека от существующих в историографии расхожих суждений и «штампов».

Терминология

В европейских странах и США для военных священнослужителей существует термин «капеллан» (chaplain). В Российской империи, как и в настоящее время, для обозначения особого служения к слову священник добавляется определение «военный», «судовой», «полковой» и др. Употребление слова «капеллан» в отношении российских священнослужителей стало активно появляться лишь в XXI веке, в

особенности в 2022 году[1]. В данной работе этим термином будут обозначаться только иностранные священнослужители. В отношении представителя духовенства, служившего непосредственно на корабле, преимущественно используется термин «судовой» священник. Нередко встречаемое в современной литературе словосочетание «корабельные священники»[2] в источниках практически отсутствует. Сами же священнослужители преимущественно называли себя «судовыми», и поэтому данный термин будет наиболее органичным. Также в современной историографии в отношении судовых священников нередко используется термин «флотское духовенство», который почти не встречается в источниках, но представляется удачным. В отношении священнослужителей храмов и соборов Морского ведомства, находящихся на суше, чья деятельность, практически не отличалась от служения гарнизонного духовенства, употребляется термин «береговые». Для всех священнослужителей, осуществлявших свою деятельность как в судовых, так и в береговых церквях, используется обобщающий термин «морское духовенство». В отношении полковых, гарнизонных и священников других армейских церквей употребляется обобщающий термин «военное духовенство».

Необходимо отметить, что в данной работе впервые в историографии будут изучаться не только священнослужители, назначавшиеся на корабли Российского императорского флота (далее – РИФ)[3], но и на пароходы Добровольного флота (далее – ДФ)[4].

---

[1] Напр.: РПЦ предложила допустить капелланов в зону спецоперации // Коммерсант: электрон. версия. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5355784 (дата обращения: 23.05.2023).

[2] Так, например, названа книга: *Смирнов А. А.* Послушники Андреевского флага: корабельные священники Российского Императорского флота. СПб., 2016.

[3] Российский императорский флот – официальное название военно-морского флота Российской империи

[4] Добровольный флот – судоходное общество, основанное в 1878 году на добровольные пожертвования. Пароходы ДФ были резервом военного флота, в мирное время пароходы общества осуществляли грузопассажирские перевозки, а в военное время – в качестве военных транспортов и вспомогательных крейсеров.

Степень изученности проблемы

В дореволюционный период события рубежа XIX–XX веков ещё не воспринимались как история и не были предметом исторического исследования. Рассмотрение особенностей деятельности духовенства на флоте было актуально служащим на кораблях священнослужителям, что не могло не отразиться в их статьях, воспоминаниях, записках и письмах[5]. Священнослужители, как правило, сопоставляли то, каким образом их служение должно было осуществляться согласно Морскому уставу и как оно реализовалось на практике, какие возникали проблемы и как клирики их решали. Но эти материалы являются источниками по истории флотского духовенства, а не историографией и будут рассмотрены в соответствующем разделе. Необходимо также упомянуть «Историю флотского духовенства» – важнейший труд, написанный протоиереем Александром Смирновым в начале 1910-х годов, который посвящён истории морского духовенства первой четверти XVIII века[6]. Однако книга была единственной дореволюционной публикацией, посвящённой исключительно флотскому духовенству (без клириков Военного ведомства). Она оказала колоссальное влияние на всю историографию судовых священников этого периода[7].

---

[5] См., напр.: *Владимир (Гиганов), архим*. Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894., № 11. С. 331–345; *Владимир (Гиганов), архимандрит*. Положение священнослужителя на военном корабле // Вестник военного духовенства. 1894. № 18. С. 554–559; *Левитский Г., свящ*. Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весной 1894 г. // Вестник военного духовенства. 1894. № 17. С. 528–534; *Он же*. Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895 // Вестник военного духовенства. 1896. № 14. С. 427–436; *Поликарпов Д., свящ.* Воспоминания и впечатления первого судового священника во время заграничного плавания в 1900 году // Вестник военного духовенства. 1908. № 15. С. 472–480; № 16. С. 501–511; № 17. С. 533–542; О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 11–18; № 2. С. 41–51; *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). М., 2013.

[6] *Смирнов А., прот.* История флотского духовенства. СПб., 1914.

[7] *Бландов А. А.* Православное духовенство в российском военно-морском флоте XVIII в.: Дис. … к. и. н. СПб., 2014. С. 12.

В советский период были написаны работы по военному духовенству или религии в Вооружённых силах, но весь материал в них был интерпретирован в рамках антицерковной и атеистической идеологии[8]. Кроме того, в этих публикациях преимущественно рассматривались клирики, принимавшие участие в Первой мировой войне, а флотское духовенство практически не упоминалось. При этом единственной литературой, откуда советский читатель мог бы узнать о деятельности судовых священников, были книги, написанные бывшими моряками, где священнослужители представлены в нелицеприятном виде[9]. Исключение составляет роман советского писателя В. С. Пикуля «Крейсера», на страницах которого были подробно раскрыты подвиги судового священника крейсера «Рюрик»[10]. Однако это художественное произведение. А между тем, по идеологическим причинам, в советское время не было написано ни одного исторического исследования, в котором автор уделил бы должное внимание флотскому духовенству.

Первые публикации, в которых деятельность судовых священников изучаемого нами периода нашла отражение, появились лишь на рубеже XX–XXI веков. Чаще всего судовые священники упоминались в литературе, посвящённой военному духовенству, где уделено большое внимание ратному подвигу священнослужителей, а особенно их участию в Русско-японской войне[11]. При этом служение священнослужителей в мирное время освещено

---

[8] *Кандидов Б. П.* Религия в царской армии. М., 1928; *Он же*. Церковный фронт в годы Мировой войны. М., 1929; *Василенко В. О.* Офицеры в рясах: духовенство царской армии. М., 1930; *Сидоров Д. И.* Война и религия. М., 1961; *Суглобов Г. А*. Союз креста и меча. (Церковь и война). М., 1969; *Платонов Н. Ф.* Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 228-240.

[9] См., напр.: *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. Любое издание; *Сливкин М.* Из прошлого. Воспоминания старого рабочего. М., 1938; *Магдалинский А. В.* На морском распутье. Ярославль, 1954; *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987.

[10] *Пикуль В. С.* Крейсера. Ступай и не греши. Звёзды над болотом. М., 2008. С. 192, 193, 199, 209, 217, 221, 222.

[11] См., напр.: *Котков В. М. «*Военное духовенство нередко показывало примеры мужества... во время боевых действий» // Военно-исторический журнал. 2000. № 4. С. 56–60; *Карчевский С.* «Метеоры» воинской славы. История России: священники на бранном поле

мало. Даже если в работах и затрагивается проблематика богослужебной деятельности или других видов служения священников в интересующий нас период, авторы, как правило, не делают различий в описании морского и армейского духовенства, упуская при этом флотскую специфику служения[12].

В ряде работ авторы попытались рассмотреть деятельность судовых священников, но попытки сводились лишь к публикации соответствующих статей Морского устава[13]. При этом авторы не привлекали источники личного происхождения, необходимые для сравнения данной в уставе теории с практикой. Показательна в этой связи диссертация современного историка А. М. Кузнецова[14]. Автор практически не упоминает богослужебную деятельность (главную обязанность священника), но уделяет большое внимание дисциплине, духовно-нравственному воспитанию и роли

// Наука и религия. 1995. № 2. С. 6–7; *Исакова Е. В.* Русское военное духовенство в войне с Японией 1904–1905 гг. // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. СПб., 1998, С. 131–148; *Жукова Л. В.* Военное духовенство в Порт-Артуре в период русско-японской войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 2. С. 33–43; Христолюбивое воинство. Православные традиции русской Армии. Российский военный сборник. М., 2006; *Самохвалов. С. В.* Вера и мужество: флотское духовенство в Русско-японской войне // Вестник военного и морского духовенства № 1 (661). М., 2004. С. 40–44; *Соколов А. Н.* Деятельность флотского духовенства в годы русско-японской войны // Угрешский вестник. 2006. № 2. С. 152–161; *Агафонов Н., прот.* Ратные подвиги православного духовенства М., 2013.

[12] См., напр.: *Байдаков А. В.* Православное духовенство Русской армии и флота: вторая половина XIX – начало XX вв.: Дис. … к. и. н. М., 1995; *Чимаров С. Ю.* Русская православная Церковь и вооруженные силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999; *Котков В. М.* Военное духовенство России: Страницы истории. В 2-х т. СПб., 2004; *Капков К. Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков. М., 2009.

[13] См., напр.: *Григорьев А. Б.* Вера и Верность: очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский, М., 2005. С. 226–232; *Поляков Г., прот.* Военное духовенство России. М., 2002. С. 271–276.

[14] *Кузнецов А. М.* Православное духовенство морского ведомства России и его роль в укреплении флотских традиций: XVIII – начало XX века: Дис. … к. и. н. М., 2000.

духовенства в этих процессах. Этим же аспектам служения клириков автор уделил внимание и в статьях[15].

В некоторых работах авторы, помимо Морского устава, привлекали для исследования и другие источники, но они ограничились немногочисленными лишь уже опубликованными материалами[16].

На общем фоне выделяются исследования современных историков А. А. Кострюкова[17] и А. П. Белякова[18], которые стремились раскрыть различные направления служения духовенства. Кроме Морского устава и опубликованных источников авторы привлекали некоторые архивные материалы. А. А. Кострюков раскрывает деятельность духовенства в Русско-японской и Первой мировой войнах одновременно, что не только осложняет восприятие повествования, но и «размывает» представление о преобразованиях, произошедших в этот период в институте флотского духовенства. Работы А. П. Белякова зачастую носят описательный характер. Кроме того, выявив тот или иной факт или тенденцию, автор иной раз

---

[15] *Кузнецов А. М.* Деятельность института православного духовенства российского флота по духовно-нравственному воспитанию моряков в XVIII – начале XX в // Общество: философия, история, культура. 2019. №1 (57). С. 54–58; *Он же.* «На каждом корабле иметь по одному иеромонаху...». Православные пастыри российского флота // Военно-исторический журнал. 2019. №2. С. 93–95.

[16] См., напр.: *Кузнецов О. Ю.* Русское военно-морское духовенство // Военно-морские силы России и Тульский край: Сборник материалов научной конференции. Тула, 1997. С. 17-25; *Самохвалов С. В.* Духовенство военного флота Российской империи. Корабельные священники на рубеже XIX–XX веков // Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами: офиц. сайт. https://pobeda.ru/biblioteka/nauchnyie-rabotyi/duhovenstvo-voennogo-flota-rossiyskoy-imperii.html (дата обращения: 21.03.2023).

[17] Напр.: *Кострюков А. А.* Деятельность русского военного духовенства в годы Русско-японской и Первой мировой войн: Дис. … к. богосл. н. Сергиев Посад, 2003; *Он же.* К истории служения военного духовенства в годы Русско-японской войны // Православная культура в России: прошлое и настоящее (по материалам Вторых Свято-Филаретовских чтений). М., 2007. С. 135–145.

[18] Напр.: *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014. *Он же.* Деятельность армейского и флотского духовенства по воспитанию духовных и нравственных качеств у военнослужащих (на материале армии и флота дореволюционной России XVIII – начала XX вв.): Дис. … к. пед. н. Краснодар, 2017.

безосновательно распространяет свои выводы на все три столетия истории морского духовенства.

Работы А. П. Белякова, как и вышеупомянутая диссертация А. А. Кузнецова, отражают сложившуюся в последние десятилетия в историографии военного духовенства тенденцию, согласной которой внебогослужебная работа священника с моряками и солдатами рассматривается с педагогической точки зрения, то есть в качестве духовно-нравственного и патриотического воспитания военнослужащих[19]. В отношении работ этого направления историографии уже была высказана точка зрения современным историком А. А. Бландовым[20]. Он отмечает, что духовно-нравственное воспитание моряков священнослужителями «в историографии традиционно оценивается положительно, а некоторые авторы даже видят в ней главную заслугу корабельных священников и иеромонахов»[21]. А. А. Бландов считает, что подобные представления и суждения не имеют достаточного источниковедческого обоснования и во многом являются голословными[22]. Автор пишет о судовых священниках XVIII века. Однако и для рубежа XIX–XX веков это суждение, с некоторыми оговорками, остаётся справедливым.

---

[19] См. напр.: *Чимаров С. Ю.* Русская православная церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота (1800–1917 гг.): Дис. … д. и. н. СПб., 1999; *Полохов Д., свящ.* Нравственно-патриотическое воспитание в вооруженных силах на основах православной христианской веры: Дис. … к. богосл. н. Сергиев Посад, 2000; *Кузнецов А. М.* Православное духовенство морского ведомства России и его роль в укреплении флотских традиций: XVIII – начало XX века: Дис. … к. и. н. М., 2000; *Он же*. Деятельность института православного духовенства российского флота по духовно-нравственному воспитанию моряков в XVIII – начале XX в // Общество: философия, история, культура. 2019. №1 (57). С. 54-58; *Сушанский А. С.* Духовно-нравственное воспитание в военно-учебных заведениях России XVIII – нач. XX в. в: Дис... к. пед. н. М., 2002; *Пашков В. И.* Традиции духовно-нравственного воспитания военнослужащих в русской армии конца XIX – начала XX в.: Дис. … к. пед. н. Москва, 2013.

[20] *Бландов А. А.* Православное духовенство в российском военно-морском флоте XVIII в.: Дис. … к. и. н. СПб., 2014. С. 125–126.

[21] Там же. С. 126.

[22] Там же.

Ещё одним направлением историографии, в котором упоминается флотское духовенство, является история военных и морских храмов[23]. Однако в работах на эту тему сама деятельность судовых священников не затрагивается. Исключением является книга «Плавучие храмы России»[24], в которой информация присутствует конспективно.

В работах исследователей истории флота можно увидеть другую тенденцию. В научно-популярных работах[25] В. А. Дыгало и В. В. Шигина в той или иной степени затронута религиозная жизнь моряков. Авторы стремятся показать её как одну из сторон корабельного досуга или определённую дань традициям и обычаям флота. Особо необходимо выделить работы современного российского историка Н. В. Манвелова[26]. Материал, посвящённый духовенству и религиозной жизни моряков, качественно отличается от работ его коллег, но и здесь деятельность духовенства не является предметом исследования, а предстаёт как часть досуга моряков.

В этом ряду выделяется статья современного исследователя истории флота Г. М. Гузаирова[27]. Автор на широком круге архивных материалов

---

[23] Напр., *Цветков И.Ф.* Храм Спаса на водах – памятник русским морякам: история создания и гибели // Вопросы истории естествознания и техники. 1992, № 3. С. 74–94; *Доценко В. Д., Клавинг В. В.* Морские храмы России. СПб., 1995; *Клавлинг В. В.* Военные храмы России. СПб., 2002; *Исакова Е. В., Шкаровский М. В.* Никольский Морской собор и другие храмы Санкт-Петербурга. СПб., 2003; *Изотова А. О.* Кронштадтский Морской собор // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 28–29; *Крестьянинов В. Я., Гамлицкий А. В., Завьялова А. Е.* Кронштадтский морской собор во имя святителя Николая Чудотворца. СПб., 2013; Морское духовенство (Владимирский Адмиралтейский собор. г. Севастополь) // Православные храмы. Путешествие по святым местам. 2015. № 124. С. 30–31.

[24] *Иванов С. М., Супрун В. И.* Плавучие храмы России: история флотского духовенства. Волгоград, 2006.

[25] *Дыгало В. А.* Откуда и что на флоте пошло. М., 2000; *Он же*. Российский флот. Три века на службе Отечеству. М., 2007; *Шигин В. В.* Повелители фрегатов. М., 2012; *Он же*. Жизнь на палубе и на берегу. М., 2015.

[26] *Манвелов Н. В.* Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота. М., 2008; *Он же*. На вахте и на гауптвахте. Русский матрос от Петра Великого до Николая Второго. М., 2014.

[27] *Гузаиров Д. М.* Проблема православной миссии и духовно-нравственно состояние чинов Балтийского флота накануне революции 1917 года // Труды I Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944), Санкт-Петербург, 27 ноября 2010

раскрывает различные грани истории флотского духовенства, в том числе кадровую реформу 1911–1912 годов. Однако значительная часть публикации посвящена периоду, выходящему за хронологически рамки нашего исследования.

Существуют некоторые работы, посвящённые судовым библиотекам, где упоминается библиотечная деятельность флотских священнослужителей[28]. Однако авторы не ставили перед собой цель проанализировать этот аспект служения судовых священников.

Необходимо отметить, что в историографии ни одним автором до сих пор не изучалось служение священников на пароходах Добровольного флота[29], которое обладало своей спецификой. Единственная существующая на данный момент публикация – статья современного российского историка Д. В. Ливенцева «Рейсы судов Добровольного флота на Сахалинскую каторгу»[30], но автор и не ставил перед собой задачу проанализировать деятельность духовенства.

Важным шагом в новейшей историографии флотского духовенства стали работы современных историков Д. А. Бажанова и Е. В. Коноплёвой[31]. Авторы

года. Исход на Юге России и начало Галлиполийской эпопеи Русской армии, 90 лет 1920-2010. СПб., 2011. С. 37-48.

[28] См. напр.: *Панченко А. М.* Судовые офицерские и матросские библиотеки // Российскому флоту быть! Материалы обл. науч.-истор. конф. (Новосибирск, 17 нояб. 2006 г.). Новосибирск, 2007. С. 122-132; *Бажанов Д. А.* Судовые библиотеки на кораблях Балтийского флота в годы Первой мировой войны // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 17 марта 2017 г. Сб. научн. ст. СПб., 2017. С. 69-77.

[29] Добровольный флот – судоходное общество, основанное в 1878 году на добровольные пожертвования. Пароходы Добровольного флота были резервом военного флота, в мирное время пароходы общества осуществляли грузопассажирские перевозки, а в военное время – в качестве военных транспортов и вспомогательных крейсеров.

[30] *Ливенцев Д. В.* Рейсы судов Добровольного флота на Сахалинскую каторгу // Известия ВГПУ. 2015. № 3 (268). С. 90–95.

[31] *Бажанов Д. А.* Роль священников в поддержании нравственного облика военных моряков на кораблях Балтийского флота в годы Первой мировой войны // Вопросы патриотического и духовно-нравственного воспитания в отечественном образовании XIX–XXI веков материалы регионального этапа XXV международных Рождественских чтений и круглого стола Общественной палаты Ярославской области 24 октября 2016 г. / Под ред. Ю.Ю.

ввели в научный оборот множество архивных материалов, уделили должное внимание как богослужебной, так и внебогослужебной деятельности судовых священников. Однако все работы этих авторов посвящены деятельности духовенства в годы Первой мировой войны.

К сожалению, некоторые новейшие работы, посвящённые флотскому духовенству, не внесли ожидаемый вклад в отечественную историографию. Так в 2016 году была опубликована книга писателя А. А. Смирнова «Послушники Андреевского флага: корабельные священники Российского Императорского флота»[32]. Несмотря на столь обширно заявленную тему, текст мало соответствует ей, поскольку не содержит какого-либо анализа и ссылок на источники информации. В 2018–2019 годах были опубликованы четыре статьи С. Н. Копылова, посвящённые важным для истории флотского духовенства проблемам[33]. Однако ссылочно-справочный аппарат всех

Иерусалимского. Ярославль, 2017. С. 168–177; *Коноплёва Е. В.* Духовенство Балтийского флота в годы Первой мировой войны: основные направления деятельности (Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «Педагогическое образование», профиль «Историческое образование». РГПУ им. А. И. Герцена). СПб., 2022; *Бажанов Д. А., Коноплева Е. В.* Должностные обязанности судовых священников Балтийского флота и их исполнение в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 5. С. 56–63.

[32] *Смирнов А. А.* Послушники Андреевского флага: корабельные священники Российского Императорского флота. СПб., 2016.

[33] *Копылов С. Н.* Место судового священника в иерархии Российского Императорского флота // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. №4 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sudovogo-svyaschennika-v-ierarhii-rossiyskogo-imperatorskogo-flota (дата обращения: 24.01.2023). *Копылов С. Н., Третьяков А. В.* Кадровая политика протопресвитера военного и морского духовенства по формированию штатного состава священников русского флота в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. №4 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaya-politika-protopresvitera-voennogo-i-morskogo-duhovenstva-po-formirovaniyu-shtatnogo-sostava-svyaschennikov-russkogo-flota-v (дата обращения: 24.01.2023). *Копылов С. Н.* Международные контакты судовых священников Российского Императорского флота // Каспийский регион: политика, экономика, культура: научный журнал. Астрахань, 2018. № 4 (57). С. 16-21; *Он же.* Повседневная служба священников русского флота в конце XIX – начале XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. №1 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnaya-sluzhba-svyaschennikov-russkogo-flota-v-kontse-xix-nachale-xx-veka (дата обращения: 24.01.2023).

публикаций был сфальсифицирован[34]. В 2020 году он написал диссертацию, которая представляет собой компиляцию общеизвестных фактов, касающихся истории флота и духовенства, почерпнутых автором из литературы[35]. При этом, как и в статьях, архивные ссылки были сфальсифицированы.

Несмотря на вышеперечисленные публикации, историография флотского духовенства продолжает развиваться. В 2019 году была издана книга специалиста по истории кораблестроения С. И. Овсянникова, посвящённая крейсеру «Аврора»[36]. Помимо прочего труд содержит ценную информацию о судовых священниках, религиозной жизни моряков и корабельном церковном имуществе. Например, автор приводит исчерпывающую историю молитвенного флага и даёт информацию о местах хранения имущества судовой церкви. Кроме того, в книге содержатся редкие изображения корабельного храма и клириков.

В 2021 году была издана книга, посвящённая одному из самых выдающихся судовых священников изучаемого нами периода – иеромонаху Алексию Оконешникову[37]. Историк и краевед М. И. Старостина на основе широкого круга источников, в том числе разнообразных архивных материалов, кропотливо воссоздала биографию клирика. Это важный шаг в историографии, поскольку о личности и деятельности этого неординарного священника зачастую высказывались ошибочные суждения.

Итак, историография флотского духовенства изучаемого нами периода начала формироваться лишь на рубеже XX–XXI веков. Тема до сих пор продолжает привлекать внимание исследователей, но при этом деятельность

---

[34] Подробнее см.: *Сингх С. С., Иванченко М. Р.* Судовые священники Российского императорского флота в исследованиях С. Н. Копылова: череда ошибок или намеренная фальсификация? // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 4 (32). С. 324-340.

[35] *Копылов С. Н.* Деятельность православного духовенства российского императорского флота в конце XIX–начале XX вв.: Дис. … к. ист. н. Курск, 2020.

[36] *Овсянников С. И.* Один день на крейсере «Аврора». СПб., 2019.

[37] *Старостина М. И.* Герой-священник Русско-японской войны якут Алексий (Оконешников). Якутск, 2021.

судовых священников рубежа XIX–XX веков так и не стала предметом комплексного исследования.

Объект исследования – флотское духовенство рубежа XIX–XX веков.

Предмет исследования – деятельность судовых священников на кораблях Российского императорского флота и пароходах Добровольного флота на рубеже XIX–XX веков.

Цель исследования – всесторонний анализ деятельности священников на кораблях российского флота.

Задачи исследования:

1) охарактеризовать институт флотского духовенства Российской империи;

2) проанализировать особенности богослужебной деятельности клириков на флоте;

3) изучить внебогослужебную работу судовых священников.

Хронологические рамки. Исследование охватывает период с 1890 по 1914 годы. Нижняя граница обусловлена изданием «Положения об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств», которое качественно изменило деятельность военного и морского духовенства, разграничило власть епархиальных архиереев и военного духовенства и ввело должность протопресвитера военного и морского духовенства. В ведении последнего теперь находилось всё духовенство армии и флота и все относившиеся к ним церкви (до издания «Положения» должности главного священника армии и флота и главного священника гвардии и гренадер существовали раздельно). Именно в 1890 году структура военного и морского духовенства приняла свою окончательную форму.

Верхняя граница обусловлена Первым Всероссийским съездом военного и морского духовенства, а также вступлением Российской империи в Первую мировую войну. Съезд внёс изменения в «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств», разработал специальную

инструкцию, определившую круг обязанностей священнослужителя в условиях боевых действий. С началом войны армии и флоту потребовалось значительно больше священников, были введены новые должности. Ведомство протопресвитера военного и морского духовенство вступило в новый период своей истории.

Методология диссертационного исследования основана на *принципах историзма, системности и объективности*, которые предусматривают: понимание вариативности исторического процесса; всесторонний учёт политической, идейной, экономической и социальной обстановки, в которой формировался и развивался изучаемый институт как целостная система; и непредвзятый подход к источниковой базе.

Для решения задач и достижения цели исследования кроме комплекса общенаучных (*анализ, синтез, сравнение, обобщение*) были использованы специальные исторические методы. Например, при определении этапов развития института флотского духовенства был задействован *проблемно-хронологический метод*, при выявлении направлений деятельности судовых священников – *типологический метод*, а при изучении трансформации института – *историко-генетический метод*.

Источниковая база исследования

Весь комплекс источников можно разделить на четыре группы: законодательные источники; делопроизводственные материалы и межведомственная переписка; материалы личного происхождения; периодическая печать.

Законодательные источники представлены Морским уставом[38], «Положением об управлении церквами и духовенством военного и морского

[38] В данной работе будет использоваться Морской устав 1885 года, поскольку на него ссылаются многие современники, а в последующих изданиях устава статьи о судовом священники не претерпели каких-либо существенных изменений. Морской устав 1885. СПб., 1885.

ведомств» 1890 года[39], «Высочайшим повелением о штате духовенства церквей морского ведомства»[40] 1890 года, мнением Государственного совета 11 февраля 1902 года «Об учреждении должностей штатных судовых священников из белого духовенства»[41], «Инструкцией для судовых священников 1908 года»[42] и законом от 18 июня 1911 года «Об отпуске из государственного казначейства средств на содержание двадцати двух судовых священников из белого духовенства»[43]. Анализ этих источников позволяет установить права, обязанности и материальное обеспечение флотского духовенства и проследить их изменение.

Основную часть *межведомственной переписки* и *делопроизводственных материалов*, привлечённых для данного исследования, составляют дела фонда 806 Российского государственного исторического архива (РГИА) и фондов 406, 407, 410, 417, 870, 873 и 920 Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ). Кроме того, были привлечены некоторые дела из других архивов[44]. Эти материалы наименее введены в научный оборот.

Значительную часть межведомственной переписки составляют материалы о назначении клириков на флот[45], обсуждения различных аспектов кадровой реформы и дискуссии о необходимости увеличения штата судовых священников[46]. Большую часть делопроизводственных материалов

---

[39] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).
[40] Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 153–158.
[41] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 678. Л. 30–30 об.
[42] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 2-5 об.
[43] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 79.
[44] ЦГИА СПБ (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга), РГАДА (Российской государственный архив древних актов) и ГАРФ (государственный архив Российской федерации).
[45] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 217, 540, 777, 1069, 1213, 1376, 1549, 1674, 1965, 2020, 3092, 3917, 5776; Оп. 5. Д. 5860; РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 7. Д. 133.
[46] РГА ВМФ. Ф. 410 Оп. 3. Д. 1468; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632, Оп. 6 Д. 679, 687; РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 2594.

составляют послужные списки и аттестации священнослужителей, клировые ведомости и метрические книги судовых церквей[47].

Отдельно необходимо остановится на таких разновидностях делопроизводственных документов как судовой журнал и судовой исторический журнал. Они впервые в историографии они привлекаются как источники для изучения истории флотского духовенства рубежа XIX–XX веков. Судовой журнал вёлся вахтенным штурманом, который в этом документе должен был фиксировать всё случившееся за время вахты: происшествия, занятия личного состава, погодные условия, ситуация вокруг корабля, взаимодействие с другими судами и берегом. Записи достаточно короткие, что позволяет зафиксировать все необходимые события, поэтому судовой журнал может быть важным историческим источником, который позволяет точно установить хронологию событий, выявить особенности корабельного распорядка и повседневных занятий личного состава, например, точное время и продолжительность богослужений, ежедневных молитв, внебогослужебных бесед, что в свою очередь даёт возможность оценить повседневную деятельность священника. В данном исследовании был использован судовой журнал крейсера «Адмирал Нахимов»[48]. Выбор корабля обусловлен тем, что деятельность судового священника иеромонаха Авеля (Иванова), служившего на крейсере, хорошо известна и подтверждена другими источниками[49].

Судовой исторический журнал – это официальный документ корабля, призванный фиксировать происходящее на корабле и вокруг него, но не в

---

[47] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 574, 1036, 1741, 1842, Д. 2223; Оп. 13 Д. Р-1а, М-1а, Д-3а, К-4а, Д. З-1а, Д. З-2а, К-2а, С-6а, К-6а; Ф. 419. Оп. 1. Д. 546; Ф. 873. Оп. 29. Д 1, 3, 5, 6, 7, 33; Ф. 920. Оп. 5. Д. 1300; РГИА. Ф. 806. Оп. 12. Д. 168, 172, 173; Оп. 17. Д. 524; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 839, 986, 1054, 1131.

[48] РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16359, 16360, 16361, 17520.

[49] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 899; *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г.; РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 14а. Л. 33–34.

статистической, как в судовом журнале, а в свободной форме[50]. То есть мог содержать подробную информацию о событиях. Создание такого документа требовало больших усилий со стороны офицера, на которого возлагали обязанность его составления, ведь было необходимо вести записи в течение всего плавания, которое могло длиться месяцами, а иногда и годами. Поэтому исторический журнал вёлся не на всех кораблях военно-морского флота. При этом он является самым субъективным из корабельных документов: виду отсутствия перечня событий, которые необходимо в него заносить и регламентации объёма записей, содержание исторического журнала всецело зависело от личности составлявшего его офицера. Поэтому исторические журналы кораблей весьма различны, а по формулировкам текста идентичны дневникам или путевым запискам морских офицеров. В свою очередь это даёт ценные сведения относительно повседневной жизни моряков, в том числе религиозной.

В данном исследовании были использованы исторические журналы крейсера «Адмирал Нахимов»[51], крейсера «Россия»[52] и «отряда судов, назначенного для плавания корабельными гардемаринами» в 1906–1907 годах[53]. К ним можно отнести книгу[54] князя Алексея Павловича Чегодаева-Саконского (1875–1919), написанную им на основе исторического журнала крейсера «Алмаз», который он вёл во время плавания 2-ой Тихоокеанской эскадры.

Большая часть *материалов личного происхождения*, использованных в данном исследовании, опубликованы, но ранее не привлекалась в качестве

---

[50] Подробнее об этих источниках см.: *Емелин А. Ю.* Исторические журналы кораблей и соединений периода Русско-японской войны 1904–1905 гг.: от официоза к человеческим эмоциям // Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. X. СПб., 2020. С. 133–149.
[51] РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 17523А.
[52] РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 181.
[53] РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 149.
[54] *Чегодаев-Саконский А. П.* На «Алмазе» от Либавы через Цусиму – во Владивосток. М., 1910.

источников по истории флотского духовенства. Письма, дневники, путевые записки и воспоминания можно разделить на 2 подгруппы:

1) авторы – священнослужители;
2) авторы, не являющиеся клириками.

К первой группе относятся воспоминания последнего протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского (1871–1951)[55], воспоминания благочинного 2-ой Тихоокеанской эскадры судового иерея Петра Никитича Добровольского[56], путевые записки протоиерея Романа Медведя (1874–1937)[57], прославленного в 2000 году Русской Православной Церковью в лике священноисповедников, воспоминания протоиерея Дмитрия Поликарпова (1870–1937)[58], письмо иерея Александра Касаткина[59], письма иеромонаха, а в будущем архиепископа Зиновия (Дроздова; 1875–1942)[60], путевые записки иерея Николая Дьякова[61] и рассказ о Бое в Корейском проливе (1 августа 1904 года)[62] иеромонаха Алексия (Оконешникова)[63].

Кроме перечисленных следует уделить особое внимание следующим источникам. Важная информация о служении духовенства содержится в сборнике писем архимандрита, а впоследствии патриарха Сергия (Страгородского; 1867–1944). Примечательно, что они были опубликованы ещё при его жизни: автор признаётся, что «многие советовали мне напечатать

---

[55] *Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т.; Он же*. В школе и на службе. М.; Брюссель, 2016.
[56] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 513.
[57] *Медведь Р., прот*. Путевые впечатления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 15–16. С. 572–575; № 17. С. 611–617; № 18. С. 641–643.
[58] *Поликарпов Д., свящ.* Воспоминания и впечатления первого судового священника во время заграничного плавания в 1900 году // Вестник военного духовенства. 1908. № 15. С. 472–480; № 16. С. 501–511; № 17. С. 533–542.
[59] *Касаткин А., свящ.* Пастырь на корабле. Путевые заметки и впечатления священника (из письма на имя о. протопресвитера). // Вестник военного духовенства. 1898. №17. С. 529–534.
[60] *Зиновий (Дроздов), иером.*С эскадрой до Цусимы. Вятка, 1906.
[61] *Дьяков. Н. свящ.* Год на крейсере «Адмирал Нахимов». СПб., 1904.
[62] Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.
[63] Рассказ иеромонаха отца Алексия // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 110–115.

мои письма»[64], что он и сделал в 1897 году[65]. Готовя письма к изданию, архимандрит ничего не изменял, чтобы сохранить свежесть впечатлений, добавляя лишь пояснительные комментарии[66]. В 2013 году, в связи с 70-летием со дня избрания митрополита Сергия (Страгородского) на патриарший престол, письма были переизданы. В них присутствует описание двух плаваний. Первое (1890 год) проходило на пароходе ДФ «Кострома», следовавшем в Японию, куда автор отправлялся в качестве миссионера. Формально являясь пассажиром, фактически иеромонах исполнял обязанности судового священника. Второе плавание (1891–1892 годы) – на крейсере «Память Азова», где иеромонах Сергий исполнял обязанности судового священника (вместо заболевшего). Будущий патриарх Сергий (Страгородский) в качестве судового священника смог побывать как на пароходе ДФ, так и на крейсере РИФ, поэтому можно увидеть деятельность одного и того же священнослужителя в разных условиях.

Большой интерес для исследования представляют записки иереев Георгия Левитского и Алексея Ливанского, поскольку они в разные годы служили на одном и том же судне.

Иерей Георгий Левитский (1849–1908) в 1894 году был назначен на пароход ДФ «Саратов», пассажирами которого были новобранцы. По окончании рейса он описал плавание в записках[67]. Первоначально автор был мало знаком с обязанностями и видами деятельности судового священника. Поэтому представляется возможным проследить, как формировались и трансформировались представления автора о прямых обязанностях

---

[64] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). М., 2013. С. 7.
[65] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). Сергиев-Посад, 1897.
[66] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). М., 2013. С. 8.
[67] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весной 1894 г. // Вестник военного духовенства. 1894. № 17. С. 528–534.

священнослужителя на корабле. Особый интерес представляет подробное описание вступления им в должность, сдача полномочий предшествующим судовым священником и связанные с этим имущественные сложности. Там же присутствует подробное описание особенностей подготовки к богослужению на борту сунда. В следующем, 1895 году, иерей Георгий вновь был назначен на пароход ДФ «Саратов», перевозивший новобранцев, а после завершения рейса изложил свои впечатления в записках[68]. В отличие от прошлых записей, центральным сюжетом является празднование на борту судна Пасхи, подготовка к ней и сам праздник, а остальное повествование строится вокруг него, ведь именно во время Великого поста проводилась большая часть богослужений, внебогослужебных бесед и чтений. Стоит отметить, что в публикации записок о рейсе 1895 года в заглавии священнослужитель ошибочно назван Григорием[69].

В 1896 г. иерей Георгий был назначен на другой пароход ДФ – «Орёл». В записках[70] об этом плавании автор обобщает накопленный за три рейса опыт священнического служения. Данный источник, в отличие от двух предыдущих, содержит подробную информацию об устройстве судовой церкви и хора. Во всех трёх записках автор старается излагать материал не хронологически, а по проблемам (богослужение, общая молитва, беседы, чтение, имущество и т. д.).

В 1896 году вместо отправившегося на пароход «Орёл» иерея Георгия Левитского на пароход ДФ «Саратов» был назначен священник Алексей Ливанский (1871-?), который оставил описание рейса в записках[71]. В отличие

---

[68] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весной 1895 // Вестник военного духовенства. 1896. № 14. С. 427–436.

[69] Структура текста, разбивка на подпункты совпадают с записками о рейсе 1894 года. Кроме того, иерей Георгий Левитский известен как муж сестры изобретателя радио А. С. Попова, и о нём имеются данные как о флотском священнике, а о Григории Левитском никакой информации найти не удалось. Следовательно, можно утверждать, что оба источника принадлежат Георгию Левитскому, а в имени автора допущена опечатка.

[70] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток в 1896 году на пароходе Д.Ф. «Орел» // Вестник военного духовенства. 1897. № 3. С. 86–91.

[71] *Ливанский А., свящ.* Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». (Впечатления и заметки) // Вестник военного духовенства. 1896. № 16. С. 500–504.

от записок иерея Георгия, где материал обобщён и разделён по проблематике, здесь события излагаются в хронологическом порядке. Автор затрагивает проблематику организации богослужений, духовных бесед и чтений.

В 1899 году иерей Георгий Левитский был вновь назначен на пароход ДФ «Саратов». В записках, посвящённых[72] этому путешествию, автор рассматривает это плавание в сравнении с тремя предыдущими, и, вероятно, главной целью этого источника было рассказать своим коллегам о накопленном опыте организации церковной жизни на корабле.

Перечисленные выше записки позволяют не только определить специфику служения на судах ДФ, но и проследить, как с опытом меняется исполнение священнослужителем своих обязанностей, и выявить особенности быта. Кроме того, имеется уникальная возможность сравнить служение двух священнослужителей на одном и том же корабле.

Важным источником для исследования являются воспоминания судового священника броненосца «Александр II» Г. Дьяконова[73]. Долго не удавалось установить его имя, поскольку священник Г. Дьяконов ни в одном источнике не значится. Лишь в сентябре 2021 года удалось обнаружить письма, в которых указано, что данного священнослужителя зовут Иоанн[74]. По-видимому, во время публикации воспоминаний произошла ошибка в инициале автора. Священник Архангельской и Холмогорской епархии Иоанн Дьяконов (1866–1920) известен как проповедник, автор многочисленных статей, поучений и бесед.

Автор разворачивает подробную картину церковно-религиозной жизни на корабле: присутствует описание судовой церкви, рассматривается

---

[72] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1899 // Вестник военного духовенства. 1900. № 9. С. 275–281.
[73] *Дьяконов Г., свящ.* Церковно-религиозная жизнь на корабле «Император Александр II», за два года заграничного плавания (1896–97 гг.) // Вестник военного духовенства. 1907. № 17. 537–541; С № 18. С. 568–570; № 19. С. 599–608.
[74] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1965. Л. 190, 268–269.

положение священнослужителя, раскрыты особенности богослужебной, просветительской и катехизаторской деятельности. А поскольку данные воспоминания охватывают два года, данный источник позволяет выявить тенденции, происходившие, например, в подготовке к богослужениям, в составе хора и проведении внебогослужебных бесед. Кроме того, автор обращает внимание читателей на соотношение прописанных в Морском уставе видов деятельности с теми, какие священнослужителю приходится исполнять на практике.

Записки британского корабельного капеллана (Navy Chaplain) преподобного Монтегю Томаса Хайнсселина (Montague Thomas Hainsselin)[75] содержат любопытную информацию о работе священнослужителя с письмами личного состава британского крейсера, исполнявшего обязанности цензора. Это позволяет сопоставить участие духовенства российского и британского флота в переписке моряков.

Таким образом, в источниках этой подгруппы содержится разнообразная информация по служению флотского духовенства. При этом в представленных источниках есть не только информация о служении духовенства на кораблях РИФ, но и на пароходах ДФ. Поскольку все авторы источников этой подгруппы являются клириками, то мы можем видеть саморефлексию духовенства. Кроме того, благодаря запискам капеллана, имеется возможность сопоставить некоторые аспекты служения российских и британских морских священнослужителей.

[75] *Montague T. Hainsselin.* In The Northern Mists: A Grand Fleet Chaplain's Notebook. London, New York, 1916.

В отличие от первой подгруппы источников, материалы, написанные моряками[76], кораблестроителями[77], врачами[78] а также пассажирами[79], ожидаемо содержат достаточно мало информации о флотском духовенстве. Судовые священники и их служение упоминается эпизодически и, как правило, речь идёт лишь о богослужении. Однако именно в этих источниках содержится ценная информация о разных сторонах жизни моряков, без которой всесторонний анализ служения священников не был бы возможен.

Особый интерес для данного исследования представляют источники, написанные нижними чинами[80]. Среди них необходимо выделить трёх авторов: А. С. Новиков-Прибой, А. В. Магдалинский и Г. П. Сотников.

---

[76] *Апрелев Б. П.* Брызги моря. Прага, 1931; *Он же.* Нашей смене. Шанхай, 1934; *Давидович-Нащинский В.Н.* Воспоминания старого моряка. В 4-х частях. София, б. г.; *Долгов Б. А.* Плавание учебного корабля крейсера 1-го ранга «Герцог Эдинбургский» 1897–1898. Кронштадт, 1899; *Граф Г.* Моряки. Очерки из жизни морского офицера 1897–1905 гг. М., 2012; *Он же.* Императорский Балтийский флот между двумя войнами, 1906–1914. СПб., 2006; *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008; *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г.; *Никитин Д. В.* На берегу и в море. San Francisco, 1938; *Апостоли Н. И.* В Чикаго на выставку. (Из дневника морского офицера). // Разведчик. 1893. № 135. С. 438–439; № 136. С. 452–454; № 140. С. 516–519; № 142. С. 550–553; № 153. С. 745–750; № 159. С. 847–850; *Семёнов В. И.* Цусима. СПб., 2011; *Шуберт Б. К.* На крейсерах «Смоленск» и «Олег». СПб., 2009. *Белобров А. П.* Воспоминания. 1894–1979. М.; СПб., 2008. С. 210; *Стогов П. Е.* На старом «Память Меркурия». Воспоминания 1905–6 г.г. // Морские записки 1944. № 4 (Vol. II). С. 295–324; *Иванов-Тринадцатый К. П.* На Владивостокском отряде крейсеров // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 78–99; *Модзалевская Л. А., Модзалевская Т. Л.* Всеволод Львович Модзалевский. Страницы жизни. СПб., 2008; Дневник князя Язона Константиновича Туманова // «Орёл» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. СПб., 2014. С. 37–111; *Головин П. Н.* На крейсере «Рюрик» // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 3–43; *Соболев Л. С.* Капитальный ремонт. М., 1962.

[77] *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955; *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. СПб., 2003; *Политовский Е. С.* От Либавы до Цусимы. СПб., 2010.

[78] *Щербак А. В.* Перевозка ссыльнокаторжных на остров Сахалин морем // Тюремный вестник 1893. № 6. С. 239–242; № 7. С. 268–273; № 8. С. 300–309; *Кравченко В. С.* Записки судового врача. Через три океана. М., 2014; *Боголюбов Н.* Плавание учебного корабля крейсера 1-го ранга «Герцог Эдинбургский» 1898-1899 гг. Кронштадт, 1899.

[79] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. (Дневник великого князя Николая Александровича); *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. [в 3 томах]. Лейпциг, 1893–1897.

[80] Из Кронштадта в Порт-Артур. Дневник матроса В. М. Ермакова о плавании на крейсере «Диана» в 1902-1904 гг. Екатеринбург, 2014; *Ляпунова О. А.* Дневники участника

Алексей Силантьевич Новиков (1877–1944) известен отечественным читателям как автор книг военно-морской тематики, публиковавший свои произведения под творческим псевдонимом «Новиков-Прибой» и «Затёртый». Всемирную известность приобрёл его роман «Цусима»[81], написанный в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Это произведение нередко критикуется за идеологизированность и недостоверность[82]. Поэтому использовать его как исторический источник необходимо осторожно. Однако Алексей Силантьевич был баталёром[83] эскадренного броненосца «Орёл» и непосредственным участником Цусимского сражения (14–15 мая 1905 года), и сведения о жизни моряков, нашедшие отражение в его произведениях, весьма ценны для нашего исследования. Поэтому нами были использованы более объективные материалы, написанные автором до революции: опубликованная в 1906 году, но сразу запрещённая властями брошюра «Безумцы и бесплодные жертвы (Рассказ из Цусимского боя)»[84] и неизданная статья «Что и как читали

Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017; Дневник неизвестного моряка с броненосца «Орел» // *Гладких С. А.* Забытые герои. История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб., 2013. С. 175–211; *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1958*; Сливкин М.* Из прошлого. Воспоминания старого рабочего. М., 1938. *Столяров И.* От Кронштадта до Мадеры и обратно. Личные впечатления во время плавания на фрегате «Генерал-Адмирал», летом 1888 года. СПб., 1890; *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987; Дневник гальванера Смирнова // *Гладких С. А.* Забытые герои. История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб., 2013. С. 227-247; Дневник «Варяжца» // *Гладких С. А.* Забытые герои. История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб., 2013. С. 35–55; Дневник машиниста Перфильева // *Гладких С. А.* Забытые герои. История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб., 2013. С. 101–121.

[81] *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. Любое издание.

[82] Подробнее см.: *Иванченко М. Р.* Мемуары, дневники, письма моряков крейсеров «Олег» и «Аврора» о походе 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимском сражении (1904–1905 годы). (Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «История»). СПб., 2017.С. 4–5.

[83] Баталёр – специалист, ведающий на корабле продовольственным, вещевым и другими видами снабжения.

[84] *Затертый А.* Безумцы и бесплодные жертвы: Рассказ из Цусимского боя // Новиков-Прибой А. С. Цусима. М., 2008. С. 784–833.

матросы»[85], написанная в 1909 году. Особую ценность для нашего исследования представляет второй источник, где автор приводит ситуацию, связанную с хищением денежных средств при организации матросской библиотеки на броненосце «Орёл», и описывает её книжный фонд.

Книга рулевого боцманмата бронепалубного крейсера «Олег» Александра Васильевича Магдалинского (1881–1959) «На морском распутье. Записки участника Цусимского боя»[86] была впервые опубликована в 1944 году, переиздавалась в 1950 и 1954 гг. Примечательно, что именно встречи с А. С. Новиковым-Прибоем подтолкнули автора заняться литературным творчеством[87]. В рассказе, повествующем об этих встречах, содержится ценная информация об организации переписки матросов на кораблях РИФ[88]. Согласно исследованию М. Р. Иванченко[89], при создании книги Магдалинский опирался на собственный неопубликованный дневник[90]. При изложении событий в книге автор следует за материалом, зафиксированным в дневнике. Однако если повествование в дневнике достаточно сухое, то воспоминаниях оно более эмоциональные, с большим числом подробностей, которые во многом несут отпечаток антирелигиозной идеологии. При сопоставлении источников можно отметить, что упоминания богослужений в дневнике более информативны, а в воспоминаниях содержится ценная информация о работе церковного хора на корабле.

---

[85] *Новиков-Прибой А. С.* Что и как читали матросы? // Российский некрополь: сайт. URL: http://www.necropol.org/novikov-priboy.html (дата обращения 21.06.2023).
[86] *Магдалинский А. В.* На морском распутье. Записки участника Цусимского боя. Ярославль, 1954.
[87] *Фондо Н. И.* Путеводная звезда моряка: А. В. Магдалинский // Ярославский текст в пространстве диалоге культур. Материалы научной конференции с международным участием. 2016. С. 166.
[88] РО ИРЛИ. Ф. 500. Оп. 4. Д. 56.
[89] *Иванченко М. Р.* Мемуары, дневники, письма моряков крейсеров «Олег» и «Аврора» о походе 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимском сражении (1904–1905 годы). (Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «История»). СПб., 2017.С. 21–23.
[90] РГА ВМФ. Ф.763. Оп. 1. Д. 301.

Воспоминания комендора[91] крейсера «Аврора» Григория Павловича Сотникова (1878–1964) сохранились в трёх текстах: публикация в газете «Северный колхозник» № 145 от 1937 года и две рукописи (первая озаглавлена «Из воспоминаний прошлого», а вторая – без названия)[92]. Для нашего исследования представляют интерес публикация в газете[93] и первая рукопись, которая имеет в описи 2 фонда 524 «Новикова-Прибоя А. С.» Отдела рукописей Российской национальной библиотеки озаглавлена «Воспоминания»[94]. В этих источниках содержится информация о судовой матросской библиотеке крейсера «Аврора». При этом её описание в опубликованном тексте отличается от рукописи и фактически источники дополняют друг друга.

Несмотря на то, что данная подгруппа источников содержит довольно мало материалов непосредственно по истории судовых священников, именно в них содержится ценная информация о разных сторонах жизни личного состава, без которой всесторонний анализ служения морского духовенства не был бы возможен. В целом источники личного происхождения позволяют понять, воспринимали служение духовенства моряки и сами клирики, а также дают возможность оценить, насколько предписания Морского устава о судовых священниках исполнялись на практике.

Периодическая печать

Важными источниками для данного исследования являются статьи, сообщения и заметки, опубликованные в отечественном журнале «Вестник военного и морского духовенства» и во французской прессе.

---

[91] Комендор – матрос-артиллерист РИФ.

[92] Подробнее см.: *Иванченко М. Р.* Воспоминания моряков крейсера «Аврора» о заграничном плавании 1903-1906 гг. // Военная история России XIX-XX веков. Материалы VIII Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2015. Сб. научных статей. СПб., 2015. С. 114–123.

[93] *Сотников Г. П.* Из прошлого // Северный колхозник. 1937. № 145. С. 1.

[94] ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358.

«Вестник военного и морского духовенства» (до 1910 года журнал назывался «Вестник военного духовенства») существовал в 1890–1917 годах и был официальным печатным органом Ведомства протопресвитера военного и морского духовенства. До 1911 года журнал делился на две части: официальная и неофициальная. В последней были опубликованы записки, воспоминания и письма судовых священников (они упоминались в разделе «Источники личного происхождения»). В 1911 году «после назначения на должность протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского журнал претерпел реорганизацию»[95]. Появились новые разделы, в том числе рубрики «Корреспонденция» и «Хроника», где публиковались заметки о жизни российской военного и морского духовенства в разных регионах Российской империи и за рубежом.

Среди материалов, опубликованных в неофициальной части Вестника военного и морского духовенства, для нашего исследования в первую очередь представляют интерес статьи архимандрита Владимира (Гиганова) и анонимного священнослужителя.

Цикл статей[96] архимандрита Владимира (Гиганова; 1854 – не ранее 1924), который служил судовым священником на крейсерах 1-го ранга «Генерал-адмирал» и «Владимир Мономах» в 1894–1897 годах, является одним из самых ценных источников по истории флотского духовенства. Автор подробно описывает процесс вступления в должность, обязанности морского священника, особенности совершения богослужений в судовых церквях, устройство хора, рассматривает проведение священником бесед с командой и

---

[95] *Никон (Лысенко), архим.* Вестник военного и морского духовенства // Православная энциклопедия: электронная версия. URL: http://www.pravenc.ru/text/158248.html (дата обращения: 14.03.2022).

[96] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 331–345; *Он же.* Положение священнослужителя на военном корабле // Вестник военного духовенства. 1894. № 18. С. 554–559; *Он же.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 55–61.

сложности, возникавшие в ходе их проведения, обозначает статус священнослужителя на корабле по сравнению с другими моряками и материальное положение морского духовенства. Уникальной является информация об особенностях служения на учебном корабле в сравнении с боевым. Автор подробно раскрывает проблему необразованности многих представителей чёрного духовенства, указывает на опасность создавшейся ситуации, особенно при проведении такими клириками внебогослужебных бесед и чтений. Особое значение имеет последняя статья[97], в которой автор подробно излагает проблемы, с которыми сталкиваются клирики на флоте, и описывает, в каком положении в корабельной иерархии находится судовой священник.

Важная информация для данного исследования содержится в статье[98] анонимного судового священника. Фактически автору удалось создать хорошее пособие, посвящённое священническому служению на корабле и способах выхода из разных ситуаций, не прописанных в Морском уставе. Он абстрагируется от конкретного корабля и излагает свой богатый опыт судового священнослужителя в форме применимых к жизни рекомендаций. Автор рассматривает различные стороны служения духовенства, но особое внимание уделяет внебогослужебной работе: подробно рассказывает об организации духовных бесед, чтений, судовой библиотеке и проведении экскурсий и паломнических поездок. Причём аноним, в отличие от других авторов, раскрывает эти направления деятельности в больших подробностях, приводя при этом различные примеры. Персонификация автора, возможно, могла скомпрометировать некоторых моряков.

Недавно историком М. И. Старостиной была выдвинута гипотеза, согласно которой автором мог быть знаменитый судовой священник

---

[97] *Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 55–61.
[98] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 11–18; № 2. С. 41–51.

иеромонах Алексий (Оконешников)[99]. Это интересное предположение, но оно основано лишь на словах иеромонаха Алексия, сказанных на братском собрании о том, что он напишет заметку о служении духовенства на флоте. Других фактов, свидетельствующих о том, что автором является именно этот человек, найти не удалось. Поэтому, по нашему мнению, автором мог быть любой из клириков, проходивших в те годы служение на кораблях российского флота.

В рубрике «Корреспонденция» немаловажная информация по теме нашего исследования содержится в новостном сообщении священника Феодора Миляновского[100] и заметках протоиерея Дмитрия Андреева[101].

В рубрике «Хроника» для данного исследования представляет особый интерес новостное сообщение[102], подробно рассказывающее о плавании протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского на транспортном судне «Океан». Оно было предпринято в 1912 году для «обозрения судовых и военно-морских церквей Балтийского побережья»[103] после проведения им кадровой реформы флотского духовенства. Основные результаты инспекции представлены в источнике, причём протоиерей В. Архангельский предложил вниманию читателей не только описание путешествия, но и зафиксировал речи и рекомендации протопресвитера,

---

[99] *Старостина М. И.* Герой-священник Русско-японской войны якут Алексий (Оконешников). Якутск, 2021.С. 75.

[100] *Миляновский Ф., свящ.* Из Севастополя // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 9. С. 347–349.

[101] *Андреев Д., свящ.* Из Гельсингфорса // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 1. С. 39–41; *Он же.* Из Гельсингфорса // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 9. С. 349–350; *Он же.* Из Ревеля (погребение лейтенанта В. Е. Крафта) // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 4. С. 522.

[102] *Архангельский В., прот.* Обозрение о. Протопресвитером военного и морского духовенства Г. И. Шавельским судовых церквей Балтийского флота и военно-морских Прибалтийского края // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 15–16. С. 555–575.

[103] Там же. С. 556.

касавшиеся богослужебной практики и внебогослужебной работы пастырей на флоте.

Говоря о периодической печати, необходимо упомянуть статью «Забытые», написанную судовым священником учебного судна «Рында» Фёдором Кругловым и опубликованную в 1914 году в газете «Колокол»[104]. В ней автор подробно описывает различные проблемы, с которыми сталкивается духовенство на флоте. Автор высказывается достаточно резко, поэтому протопресвитер Георгий Шавельский статью не одобрил, но тем не менее клирик её опубликовал.

Ценную информацию о судовых священниках РИФ можно получить из французской периодической печати[105]. В начале 1890-х годов происходило политическое сближение Франции и России и оформление военного союза. В августе 1891 года был совершён визит французской эскадры под командованием адмирала А. Жервэ в Кронштадт. В октябре 1893 года в Тулон с ответным визитом прибыла эскадра под командованием контр-адмирала Ф. К. Авелана. Это событие широко освещалось в прессе. В числе прочего встречаются упоминания о судовых священнослужителях РИФ. Особую ценность для нашего исследования представляет заметка[106] в Тулузской ежедневной газете «L'Express du Midi», которая открывает номер и содержит гравюрный портрет благочинного эскадры судового священника иеромонаха Авеля (Иванова) и сведения о духовенстве и религиозной жизни на борту русских кораблей. В заметке описывается иерархия духовенства в эскадре, положение иеромонаха Авеля как благочинного, отношение к нему личного состава и упоминается ежедневная утренняя и вечерняя молитва на борту

---

[104] *Круглов Ф., свящ.* Забытые // Колокол. 1914. 10 июня. № 2430. С. 3.

[105] Автор благодарит за предоставленные материалы тулонский Национальный морской музей (Musée de la Marine, Toulon) и Военно-исторический архив обороны Тулона (Service historique de la défense antenne de Toulon).

[106] L'Actualite // L'Express du Midi. 1893. 17 octobre. № 5 (748). P. 1.

каждого русского корабля[107]. Необычное изображение судовой церкви было опубликовано в парижском журнале «L'illustration»[108].

Положения, выносимые на защиту:

1) В начале XX века произошла существенная трансформация института флотского духовенства: появились штатные должности судовых священников, которые заняли образованные представители белого духовенства (кадровая реформа), изменился круг их обязанностей и материальное положение. Ускорению этих процессов способствовали события Первой русской революции.
2) До преобразований начала XX века материальное обеспечение судовых священников было ниже, чем у представителей военного духовенства и священнослужителей береговых церквей, а после них – значительно выше.
3) Несмотря на расширение обязанностей, увеличение жалования и кадровую реформу, авторитет судовых священников существенно не изменился. Моряки, в особенности морские офицеры, привыкли свысока, а нередко и с пренебрежением относиться к клирикам, и запоздалые преобразования не смогли изменить ситуацию.
4) Судовой священник не являлся офицером и даже не был приравнен к нему. Флотское духовенство лишь сравнивалось с офицерами в отношении жалования и некоторых прав. Его статус так и не был окончательно определён Морским ведомством.
5) Поскольку досуг нижних чинов должным образом не организовывался, просветительская работа флотского духовенства с матросами (обучение грамоте, организация библиотеки, паломнические поездки и т. п.) имела большое значение. Именно это направление деятельности священнослужителей было наиболее

[107] Автор благодарит за перевод С.А. Беликову.
[108] Nos gravures // L'illustration. 1893. 14 octobre. № 2642. P. 320.

перспективным. Однако просветительская работа предполагала определённые усилия со стороны клириков и соответствующие компетенции. Поэтому значительная часть судовых священников её не проводила, а имевшийся потенциал не был реализован.

Научная новизна работы состоит в комплексном подходе к изучению деятельности судовых священников с привлечением широкого круга источников. Значительная часть использованных опубликованных и архивных материалов ранее не была введена в научный оборот. Впервые в историографии в рамках одного исследования было проанализировано и сопоставлено служение священников на кораблях Российского императорского флота и пароходах Добровольного флота, что позволило глубже понять различные аспекты истории флотского духовенства. Впервые рассмотрена трансформация обязанностей морского духовенства в контексте событий Первой русской революции. Большая часть исследования посвящена служению судовых священников в мирное время, что позволило проанализировать деятельность клириков вне боевых действий. Впервые в историографии для исследования истории духовенства российского флота рубежа XIX–XX веков были привлечены французские источники.

Научно-теоретическая и практическая значимость. Результаты диссертационной работы могут быть использованы для дальнейших исследований в области истории Русской Православной Церкви и истории российского флота, а также преподавания соответствующих дисциплин. Кроме того, они могут быть полезны современным священникам, занимающим должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры Истории России Историко-филологического факультета ПСТГУ, научных семинарах и конференциях,

нашли отражение в 23 публикациях, среди которых 4 – в научных журналах, входящих в перечень периодических изданий ВАК РФ.

Структура и содержание работы

Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, содержащих 20 параграфов, заключения, списка источников и литературы, а также двух приложений.

Глава I. Институт флотского духовенства

В данной главе будет рассмотрена история становления института военного духовенства, приведшее к появлению должности протопресвитера – высшего лица в иерархии военного и морского духовенства, затем будут проанализированы обязанности и специфика деятельности флотского благочинного – нижестоящего в иерархии священнослужителя. Затем будет раскрыт вопрос о том, когда, как и почему на флоте появились священники – нижний элемент иерархии священнослужителей – и на какие корабли и суда их назначали. После этого будет проанализирована кадровая реформа флотского духовенства и обозначена проблема с опрелением численности судовых священников, изучены особенности процесса назначения клириков на корабли РИФ и суда ДФ, установлен круг обязанностей судового священника, его положение в корабельной иерархии и материальное обеспечение.

§ 1. Становление института военного духовенства

При Петре Великом в начале XVIII века началось формирование института военного и морского духовенства. Первоначально в мирное время военное и морское духовенство подчинялось епархиальным архиереям, а в военное время назначались полевой обер-священник для руководства полковыми священнослужителями и обер-иеромонах для флотских[109]. При Павле I в 1800 году была создана должность обер-священник армии и флота, на которую был назначен протоиерей Павел Озерецковский (1758-1807)[110]. Должность была постоянной и тем самым военное и морское духовенство было объединено в единый институт[111]. Обер-священник получил уникальные

---

[109] *Бландов А. А.* Православное духовенство в российском военно-морском флоте XVIII в.: Дис. … к. и. н. СПб., 2014. С. 30.

[110] *Горемыкин Н. Д.* Павел Озерецковский – первый по времени, обер-священник (Из дней Павла I) // Русская старина. 1887. Т. 56. № 12. С. 844.

[111] *Васильев А. В.* Реорганизация военного духовенства в ходе военной реформы императора Павла I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. №3. С. 432–433.

полномочия: он был членом Св. Синода, имел право прямого доклада императору и мог напрямую, минуя Синод, проводить переговоры с епархиальными архиереями по вопросам кадровой политики. Фактически права обер-священника были выше, чем епископские, что вызвало сопротивление Синода. Это было связано не только с возможностью прямого доклада императору, но и с распространением власти обер-священника на всех военных и морских священнослужителей Российской империи, в то время как власть архиерея ограничивалась лишь его епархией[112].

По инициативе протоиерея Павла Озерецковского в июле 1801 года была создана армейская семинария[113]. Отсутствие специальной подготовки священнослужителей армии и флота вызывала немало сложностей в их служении и, возможно, это начинание оказало бы самое благотворное влияние на дальнейшее развитие института военного и морского духовенства. Однако после смерти императора Павла I (1801) и протоиерея Павла (1807) позиции военного духовенства были ослаблены. Синод смог добиться отмены многих привилегий для обер-священника армии и флота[114], а Армейская семинария в 1819 году, не получив должно финансирования, была закрыта[115]. Денежных средств семинарии не хватало, ввиду всё увеличивающегося числа учащихся и можно предположить, что её недофинансирование и закрытие стало следствием конкурентной борьбы с епархиальными духовными учебными заведениями.

В первой половине XIX века произошли изменения в структуре управления военным духовенством. В 1816 году учреждена должность обер-

---

[112] Подробнее об обер-священнике см.: *Капков К. Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков. М., 2009. С. 35–36.
[113] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. 1. СПб., 2018. С. 6.
[114] Там же. С. 7.
[115] *Котков В. М. Коткова Ю. В.* Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. СПб., 2005. С. 37.

священника Главного штаба (первоначально ему подчинялись священнослужители гвардейских церквей, а с 1844 года – гренадёрских)[116]. В 1840 году появилась должность обер-священника Кавказского корпуса (с 1858 года – Кавказской армии)[117]. Такое дробление ещё больше усложнило взаимодействие военного духовенства и Синода. В середине XIX века ситуация несколько меняется. В 1853 году обер-священникам были частично возращены полномочия, данные Павлом I[118]. 1858 году должности обер-священников были переименованы в главных священников[119]. В 1867 году казачьи церкви Северного Кавказа были переданы в ведение епископа Ставропольского и Кавказского[120]. В результате вместо трёх стало два главных священника: армии и флота, а также гвардии и гренадёр.

В конце 1880-х годов происходило объединение всего военного и морского духовенства. Датой завершения этого процесса можно считать 12 июня 1890 года, когда высочайше было утверждено «Положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств»[121]. Была учреждена должность протопресвитера военного и морского духовенства, который теперь стал единственным руководителем для всех священнослужителей армии и флота. Протопресвитер избирался Синодом и утверждался императором. По делам церковным протопресвитер получал указания от Синода, по делам военного ведомства – от военного министра[122]. Во многом ситуация в управлении вернулась к временам Павла I. Однако права протопресвитера были шире, чем павловского обер-священника армии

---

[116] Подробнее об этой должности см.: *Барсов Т.В.* Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879. С. 51–101.
[117] Подробнее об этой должности см.: *Там же.* С. 137–168.
[118] *Капков К. Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков. М., 2009. С. 38.
[119] *Барсов Т.В.* Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879. С. 81.
[120] Там же. С. 157.
[121] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).
[122] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. 1. СПб., 2018. С. 10.

и флота. По военной линии он был приравнен к генерал-лейтенанту, а по духовной – к архиепископу[123]. Также был образован разветвленный управленческий аппарат – Духовное правление при протопресвитере, функции которого были аналогичны епархиальным Духовным консисториям. Современный российский историк Г.К. Капков отмечает любопытную деталь. Если ранее только у епископов было право обозревать подведомственные им церкви, то теперь аналогичная возможность появилась у протопресвитера. «Таким образом, протопресвитер стал единственным духовным лицом, свободно перемещавшимся по всей территории Российской Империи»[124].

Итак, на рубеже XIX–XX веков всё морское и военное духовенство подчинялось протопресвитеру. Первым эту должность в 1890–1910 годах занимал отец Александр Желобовский, затем в 1910–1911 годах – отец Евгений Аквилонов, а последним протопресвитером стал в 1911–1918 годах отец Георгий Шавельский. Однако если в духовных делах военные и морские священнослужители подчинялись через благочинных протопресвитеру, то по остальным – непосредственному военному начальству. Тем самым структура управления духовенства была двойственной, что не могло не вызывать многочисленные противоречия и сложности. Поскольку протопресвитер был далеко, а полковое или корабельное начальство – рядом, то нередко распоряжения последних оказывались в приоритете.

§ 2. Флотские благочинные

Аналогично епархиальной системе управления на ступеньку ниже протопресвитера в иерархии флотского духовенства находились благочинные. Согласно статье 215 Морского устава, на должность благочинного назначался старший «из священников на эскадре»[125]. То есть тот священнослужитель, который был рукоположен в священнический сан раньше других клириков

---

[123] Там же.
[124] *Капков К. Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков. М., 2009. С. 39.
[125] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 82.

соединения кораблей. При этом старший из священников эскадры не становился благочинным автоматически. Кандидатура благочинного согласовывалась между командующим корабельным соединением и протопресвитером военного и морского духовенства, причём инициатива назначить благочинного исходила, как правило, со стороны Морского ведомства или конкретного командира отряда кораблей[126].

Можно было бы предположить, что благочинным становился священник флагманского корабля. Это было бы целесообразно с той точки зрения, что благочинный должен был согласовывать свои действия с командующим корабельным соединением. Так и решили французские журналисты во время визита в порт Тулон российской эскадры под командованием контр-адмирала Ф. К. Авелана. В газете «L'Express du Midi» на первой странице выпуска расположена заметка о благочинном, в которой упоминается следующее: «Монах Авель – главный капеллан средиземноморской эскадры. <…> Как того требует регламент русского флота, он исполняет свои обязанности на флагманском корабле "Император Николай I"»[127]. Однако источники позволяют нам утверждать, что принцип старшинства, как правило, соблюдался и есть случаи, когда благочинными были священнослужители не флагманских кораблей. Например, вышеупомянутый благочинный иеромонах Авель был судовым священником крейсера «Адмирал Нахимов»[128], между тем как контр-адмирал Ф. К. Авеллан находился на броненосце «Император Николай I». А благочинным 2-ой Тихоокеанской эскадры, погибшей в Цусимском сражении, был судовой священник крейсера «Дмитрий Донской»

---

[126] См. напр.: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 217. Л. 78-83; Оп. 5. Д. 5860. Л. 139.
[127] L'Actualite // L'Express du Midi. 1893. 17 octobre. № 5 (748). P. 1.
[128] РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1 Д. 14а. Л. 34; *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г. С. 98.

иерей Дмитрий Добровольский[129], в то время как вице-адмирал З. П. Рожественский держал свой флаг на броненосце «Князь Суворов»[130].

Функции благочинного корабельного соединения заключались в следующем. Согласно статье 217 Морского устава, в случае, если он сам «заметит неточное исполнение» судовым священником своих обязанностей или же поступил жалоба, «имеет правило делать священнику по своему усмотрению, словесные или письменные внушения»[131]. А в случае «важных проступков», как гласит статья 218, благочинный «может войти к флагману[132] с представлением об отправлении обвиняемого священника, при первой возможности, к высшему духовному начальству для поступления с ним по церковным уставам»[133].

Согласно статье 216, с разрешения флагмана он осуществляет проверку судовых храмов, церковного имущества, «удостоверяется в правильном исполнении богослужения, а также справляется у командиров кораблей, в точности ли священники исполняют свои обязанности», а о «последствиях каждого осмотра» старший священник должен «доводить до сведения флагмана, а в случаях важных, доносит и своему духовному начальству»[134]. Таким образом, командующий соединения являлся непосредственным начальником благочинного и лишь с его разрешения могла производится деятельность старшего священника. Именно флагману он отчитывался в своих действиях, а Ведомство протопресвитера ставил в известность лишь о «случаях важных». Поэтому религиозная жизнь всего флота (эскадры)

---

[129] Офицерский состав II эскадры Тихого океана // С эскадрой адмирала Рожественского. Сборник статей, посвященных двадцатипятилетию похода II-й эскадры Тихого океана. Прага, 1930. С. 18.
[130] *Золотарев В. А. Козлов И. А.* Три столетия Российского флота, XIX– начало XX века. СПб., 2004. С. 594.
[131] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 83.
[132] Флагман – командующий флотом, эскадрой или отрядом кораблей.
[133] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 83.
[134] Там же. С. 82.

фактически регламентировалась командиром корабельного соединения. Особенно ярко это можно проследить в богослужебной практике.

Перед началом богослужения на кораблях поднимали, а после окончания спускали молитвенный флаг, который представлял собой белое полотнище с красным крестом посередине (буква «Х» по военно-морскому своду сигналов). С 1911 года, чтобы избежать путаницы с флагами госпитальных судов, красный крест был заменён на жёлтый православной формы[135]. Согласно статье 827 Морского устава, молитвенный флаг поднимался «на адмиральском корабле и ему следовали «все остальные корабли, спускается же он на каждом корабле независимо, по окончании богослужения»[136]. То есть богослужения на остальных кораблях совершались в то же время, что и на флагманском. Как было отмечено выше, адмирал мог и не находится на одном борту с благочинным, однако именно богослужебная практика флагманского корабля определяла время и частоту богослужений всего корабельного соединения.

При церковных торжествах полагался орудийный салют. Флагманский корабль производил первый выстрел, а остальные начинали салют «по второй пушке флагмана»[137]. В связи с этим, согласно примечанию к статье 827, подъём молитвенного флага на флагмане приобретал следующее значение: сигнал для начала богослужения во всех судовых церквях эскадры, на адмиральском же корабле оно должно было начинаться на полчаса позже, «для того чтобы ко времени производства салюта богослужение было окончено на всех кораблях эскадры»[138].

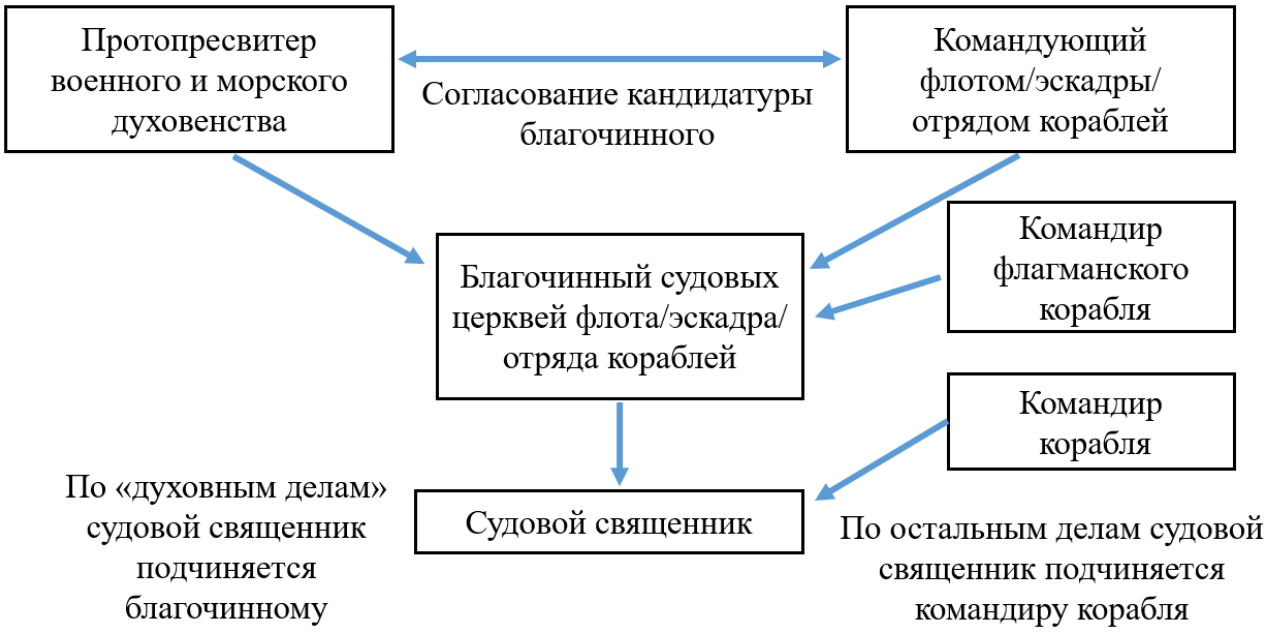
Важно отметить, что на флагманском корабле был командир корабля и командующий корабельным подразделением, иногда обе должности совмещались в лице одного офицера, но как правило, это было два человека.

---

[135] *Овсянников С. И.* Один день на крейсере «Аврора». СПб., 2019. С. 69.
[136] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 306, 307.
[137] Там же. С. 307.
[138] Там же.

Это обстоятельство, особенно в случае, когда между двумя командирами был конфликт[139], могло осложнить служение благочинного: как священник корабля, он находился в подчинении у командира корабля, а как благочинный – у флагмана. При этом как благочинный он находился в подчинении у протопресвитера военного и морского духовенства. Т. е. фактически, если судовой священник находится в двойном подчинении у благочинного и командира корабля, то сам благочинный – в тройном. В результате, несмотря на то, что священнослужители были «духовными лицами» и должны были осуществлять свою деятельность согласно церковным правилам, фактически они находились в таком же положении подчинённых, как и другие офицеры флота. Управление судовыми священниками схематически можно изобразить следующим образом:

Схема 1. Структура управления судовыми священниками Российского императорского флота на рубеже XIX–XX веков



[139] Вероятно, самым ярким примером конфликта между адмиралом и командиром корабля служит авария крейсера «Богатырь», произошедшая в 1904 году во многом из-за разногласий между контр-адмиралом К. П. Иессеном и капитаном 1-го ранга А. Ф. Стемманом. Подробнее см.: *Егорьев В. Е.* Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904-1905 гг. М. – Л., 1939. С. 112–118.

Таким образом, несмотря на то, что формально судовой священник являлся представителем духовенства, фактически он становился частью личного состава корабля российского флота и подчинялся командиру.

§ 3. Духовенство на кораблях РИФ и судах ДФ

Священнослужители появились на кораблях регулярного российского военно-морского флота в 1710-е годы, а сам институт морского духовенства сформировался к 1720 году[140]. Необходимость флотского духовенства объяснялась следующими причинами: «С увеличением численности корабельных экипажей и продолжительности морских плаваний, а также с ростом смертности на море в военное время священники, которые могли бы совершать таинства и требы, становились во флоте всё более востребованы. Современники объясняли острую необходимость нахождения священнослужителя на судне страхом православного христианина умереть без причащения и исповеди»[141]. К рубежу XIX–XX веков представления о цели пребывания духовенства на флоте принципиально не изменились[142].

Каждый день на корабле РИФ начинался и заканчивался пением молитв: «Утром поётся молитва Господня [Отче наш], а вечером, кроме неё, поются: "Богородице Дево" и молитва за царя и Отечество [Спаси Господи люди Твоя]; от Пасхи до Вознесения вместо молитвы Господней поётся трижды "Христос Воскресе"»[143].

В Российской империи каждый православный христиан был обязан[144] не реже раза в год говеть (поститься), исповедоваться и причаститься. Поскольку перед причастием необходимо поститься, то сложилась традиция, говеть, исповедоваться и причащаться в Великий пост. Моряки не были исключением.

---

[140] *Бландов А. А.* Православное духовенство в российском военно-морском флоте XVIII в.: Дис. … к. и. н. СПб., 2014. С. 30.
[141] Там же. С. 34.
[142] См напр.: РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 1, 1 об.
[143] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 20.
[144] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 6. № 3718 (25 января 1721 г.).

Важно отметить, что в году, согласно православной традиции, насчитывается от 178 до 212 постных дней (зависит от дня празднования Пасхи). Однако моряки, как и другие военнослужащие, не постились положенный срок. Разрешение морякам не поститься подтверждалось в начале XVIII века грамотами Константинопольского патриарха[145]. Во время Великого поста личный состав (как правило не целиком, а партиями) в течение нескольких дней говел (число дней зависело от распоряжений командира, это могла быть и неделя[146], и один день[147]). Особенности говения на корабле описал судовой священник броненосца «Император Александр II» Иоанн Дьяконов: «По обстоятельствам службы все матросы разделены были на очереди так, что говение каждой очереди, т. е. хождение в церковь, исповедь и причастие, кончалось в два дня. <…> Команде я выяснял[148] исключительность нашего положения (негде было взять постной провизии), указывал на лучший вид поста, воздержание от грехов… и заметил, что некоторые в страстные дни постились добровольно, ограничивая свой стол одним куском сухого хлеба»[149].

Судовые священники назначались на все корабли 1-го ранга[150], отдельные корабли 2-го ранга[151], госпитальные и некоторые учебные суда, а также императорские яхты. По мнению современного российского историка Д. А. Бажанова, наличие священника на корабле зависело от возможности

---

[145] Подробнее об этом см.: *Бландов А. А.* Православное духовенство в российском военно-морском флоте XVIII в.: Дис. … к. и. н. СПб., 2014. С. 179.
[146] *Долгов Б. А.* Плавание учебного корабля крейсера 1-го ранга «Герцог Эдинбургский» 1897-1898. Кронштадт, 1899. С. 34.
[147] *Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе Д.Ф. «Орел» // Вестник военного духовенства. 1897. №2. С. 89.
[148] Вероятно, перед нами опечатка и имеется ввиду слово «объяснял».
[149] *Дьяконов Г., свящ.* Церковно-религиозная жизнь на корабле «Император Александр II», за два года заграничного плавания (1896–97 гг.) // Вестник военного духовенства. 1907. №17. 541.
[150] К кораблям 1 ранга относились самые крупные единицы военно-морского флота: эскадренные броненосцы (с 1907 года они были переквалифицированы в линкоры), крейсера 1 ранга.
[151] К кораблям 2 ранга относились крейсера 2 ранга, броненосцы береговой обороны и др.

иметь на борту судовую церковь[152]. Это можно считать одной из причин, однако богослужение могло совершаться и без специальной сборной церкви. В таком случае создавался импровизированный храм из подручных средств (флаги, тенты и т. п.)[153]. Поэтому более вероятными причинами можно считать численность личного состава, а также наличие на борту юнкеров и воспитанников, которым, согласно 652 статье Морского устава, священник должен был преподавать Закон Божий, «обращая внимание на развитие их нравственности»[154].

На остальных кораблях ответственность за религиозную жизнь личного состава ложилась на офицеров (в первую очередь на командира и старшего офицера). Так, согласно статье 826 Морского устава, «В небытность, или в случае болезни священника команда собирается к общей молитв, которую командир поручает читать одному из офицеров или членов команды»[155]. Если корабль, где отсутствовал священнослужитель, находился в составе эскадры, то для участия в таинствах на борт приглашался судовой священник или часть личного состава отправлялась на тот корабль, где совершалось богослужение. При одиночном плавании морякам дозволялось посещать православные церкви на берегу.

Однако на практике в дальних плаваниях в течении многих месяцев, а то и лет) подобной возможности могло и не быть. В результате имели место случаи, когда не удавалось организовать говение даже один раз в год. Показателен фрагмент из рапорта командующего эскадрой Тихого океана

---

[152] *Бажанов Д. А.* Роль священников в поддержании нравственного облика военных моряков на кораблях Балтийского флота в годы Первой мировой войны // Вопросы патриотического и духовно-нравственного воспитания в отечественном образовании XIX — XXI веков. Материалы регионального этапа XXV международных Рождественских чтений и круглого стола Общественной палаты Ярославской области 24 октября 2016 г. / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2017. С. 175.
[153] *Сингх С. С.* К вопросу о богослужебной практике в судовых церквях на рубеже XIX–XX веков // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 146.
[154] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 247.
[155] Там же. С. 320.

вице-адмирала В. П. Шмидта от 14 декабря 1889 года: «14 ноября, по случаю высокоторжественного дня рождения государыни императрицы, совершено на флагманском корабле молебствие, на котором присутствовали все командиры, офицеры и команды с судов эскадры, свободные от службы. <…> Таким образом, к 20 ноября собралась в этом году в первый раз вся вверенная мне эскадра. Команда клипера "Разбойник" отговела, чего невозможно было исполнить вместе с другими судами в прошлом году великим постом»[156].

Важно отметить, что православие являлось государственной религией Российской империи и флотскими священнослужителями были исключительно клирики Русской Православной Церкви. Однако на корабле могли быть моряки и неправославного вероисповедания. Если это были христиане, принадлежащие к другой конфессии, то согласно 829 статье Морского устава они могли совершать «общественные молитвы по правилам своей веры с разрешения командира, в назначенном им месте, и по возможности одновременно с православным богослужением. Во время продолжительных плаваний, они увольняются по возможности, в свою церковь для молитвы и для говения»[157]. Если же на корабле были моряки, исповедующие ислам или иудаизм, то согласно статье 830, им было дозволено «читать общественные молитвы по правилам своей веры и в назначенных командиром местах: мусульманам – по пятницам, а евреям – по субботам. Это разрешается им и в главные их праздники, на время которых они, по возможности, освобождаются от службы и увольняются на берег»[158].

Таким образом, на флоте можно наблюдать веротерпимость, закреплённую законодательно. При этом в источниках не встречаются какие-либо описания молитвенных собраний лиц неправославного вероисповедания. Известны лишь клировые ведомости судовых церквей, где указывалось чисто

---

[156] Из рапортов начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала В.П. Шмидта // *Арбузов В. В.* Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». СПб., 2000. С. 41.
[157] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 307-308.
[158] Там же. С. 308.

неправославных, а также сбор соответствующих списков моряков[159]. Известен также следующий случай, произошедший в 1842 году: «когда в Морской департамент пришел запрос, "можно ли в субботние дни высылать в работу евреев в случае экстренных работ по адмиралтейству", вице-адмирал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен ответил, что суббота у евреев – самый священный день, и в ходатайстве решительно отказал»[160]. Однако не все вероисповедания подпадали под веротерпимость. Самыми известными учениями, с которыми приходилось бороться судовым священникам, были старообрядцы (до 1905 года) и баптисты[161].

Кроме кораблей военно-морского флота на рубеже XIX–XX веков священники назначались на пароходы ДФ. Если на корабли военно-морского флота священнослужители назначались с начала XVIII века, то на судах ДФ они появились лишь в конце XIX века. Условия пасторской деятельности на пароходах, хотя во многом и совпадали с особенностями служения на кораблях РИФ, но в некоторых аспектах существенно отличались. Ситуация осложнялась тем, что назначение священников на пароходы было новым явлением как для руководства различных ведомств, так и для самих клириков. Поскольку служение духовенства на судах ДФ практически не освещалось в историографии, необходимо подробно раскрыть историю появления клириков на пароходах.

Добровольный флот – судоходное общество, основанное в 1878 году на добровольные пожертвования. Согласно Уставу общества, пароходы ДФ «в случае войны обязательно поступают по распоряжению правительства на военные надобности в качестве крейсеров; в мирное же время служат целям

---

[159] См. напр.: РГА ВМФ. Ф. 794. Оп. 1. Д. 8. Л. 104; РГИА. Ф. 806. Оп. 12. Д. 168. Л. 7, Д. 170. Л. 5, Д. 171. Л. 5.
[160] *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827-1914. М., 2003. С. 84.
[161] Подробнее см.: *Беляков А. П.* Решение межрелигиозных проблем в вооруженных силах дореволюционной России // Вестник ПСТГУ. История. 2004. №3. С. 104–118.

торговым»[162]. То есть фактически эти суда являлись резервом военно-морского флота и должны были удовлетворять определённым требованиям по тактико-техническим характеристикам, предъявляемым Морским ведомством. В конце XIX века пароходы ДФ в основном осуществляли грузопассажирские перевозки на Восточном направлении (из Одессы во Владивосток), а в начале XX века были открыты несколько новых линий[163].

С 1879 года, после подписания контракта между Министерством внутренних дел и Комитетом ДФ, началась перевозка ссыльнокаторжных на остров Сахалин. Фактически контракты на перевозку заключённых, а затем и на транспортировку военнослужащих были первыми заказами для судоходного общества. Кроме коммерческой выгоды эти перевозки могли принести «большую пользу в политическом, военном и хозяйственном отношении»[164]. Значительная часть заключённых была православного вероисповедания, поэтому для удовлетворения их религиозных потребностей на пароходы назначались священнослужители. Перевозка заключённых планировалась заранее, и Главное тюремное управление обращалось в Святейший Синод с просьбой назначить на пароход священнослужителя. Это было связано ведомственной принадлежностью пассажиров: если это были новобранцы, то для них, как для военнослужащих, священнослужитель назначался протопресвитером военного и морского духовенства. А для пассажиров-заключенных священнослужителя назначал Святейший Синод. Суда с каторжанами отправлялись из Одессы на остров Сахалин два раза в год: в марте и августе[165].

---

[162] Начало Добровольного флота: Материалы для истории Русскаго добровольнаго флота / Ред. А. Е. Носа. М., 1890. (Известия Общества для содействия русскому торговому мореходству; Вып. 40). С. 24

[163] Добровольный флот. СПб., 1915. С. 20.

[164] *Яровой В. В.* Добровольный флот. СПб., 2010. С. 8

[165] *Щербак А.В.* Перевозка ссыльнокаторжных на остров Сахалин морем // Тюремный вестник 1893. № 6. С. 241.

В 1870-х годах связи с увеличением численности населения и развитием хозяйства на Дальнем Востоке возникла необходимость в создании регулярного сообщения региона с европейской частью страны. Ввиду усиления экспансии западных стран в этом регионе[166] воинским подразделениям было необходимо регулярно получать новобранцев. Однако «людских ресурсов Сибири для пополнения войск на Дальнем Востоке было недостаточно», поэтому стало очевидным, что необходимо отправлять в Приамурский военный округ и «на Квантунский полуостров новобранцев из европейской части страны»[167]. Транспортная проблема становилась все более острой. Традиционный путь «на перекладных» был неудобным, а его пропускная способность была невелика, Транссибирская магистраль ещё не существовала, и с 1880 года между Одессой и Владивостоком было налажено грузопассажирское сообщение[168], которое осуществляли пароходы ДФ[169]. В связи с дальнейшим обострением внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке началось наращивание российских вооружённых сил[170], и 1884 году были образованы Приамурское генерал-губернаторство и Приамурский военный округ. Перевозка все увеличивающегося числа новобранцев на Дальний Восток осуществлялась при помощи пароходов ДФ.

Первоначально пароходы с новобранцами отправлялись из Одессы в начале марта[171], плавание, длившееся 40–45 дней, выпадало на время Великого

---

[166] *Дворников И. Н.* Приамурский военный округ в системе управления, освоения и обороны Дальнего Востока (1884–1903 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 3. С. 168.
[167] Там же. С. 26.
[168] *Ковалева З. А. Плохих С. В*. История Дальнего Востока России. Владивосток, 2002. С. 98.
[169] Начало Добровольного флота: Материалы для истории Русского Добровольного флота / Под ред. А. Е. Носа. М., 1890 (Известия Общества для содействия русскому торговому мореходству. Вып. 40). С. 24.
[170] *Баяндин В. И.* Российская армия в конце XIX – начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 25.
[171] Позже суда с военнослужащими отправлялись и в другие месяцы. Так, в 1896 году из Одессы отправлялось 6 пароходов с новобранцами в период с января по май. Подробнее см.: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1674. Л. 13.

поста и праздника Пасхи, и отсутствие на пароходах ДФ священнослужителей и церковных служб производило «крайне неприятное действие на новобранцев»[172], из которых, согласно данным Генерального штаба, 90% были православного вероисповедования[173]. Кроме того, нередки были случаи тяжёлых заболеваний. Сообщалось, что среди рекрутов есть больные, «требующие последнего христианского напутствия, а в случае их смерти, трупы опускаются в море без отпевания, что производит на молодых солдат, отправляющихся на Дальних Восток, весьма удручающее впечатление»[174]. Поэтому, начиная с 1892 года, Генеральный штаб стал обращаться к протопресвитеру военного и морского духовенства, и тот назначал священника на каждый пароход ДФ, осуществлявший перевозку новобранцев[175]. В документах Севастопольского порта упоминается назначение одного иеромонаха даже на два парохода[176], однако найти информацию о том, как это было организовано на деле, пока не удалось. К 1898 году судами ДФ из Одессы во Владивосток «было перевезено в общем до 200 000 солдат, свыше 73 000 переселенцев и больше 30 000 ссыльных»[177].

§ 4. Кадровая реформа и численность флотского духовенства

На рубеже XIX–XX веков для морского начальства и протопресвитера стало очевидно, что необходима кадровая реформа флотского духовенства. Дело в том, что монашествующие, в отличие от представителей белого духовенства, зачастую не получали должного богословского образования. Монахом мог стать простой крестьянин или мещанин, для которого монастырь становился «социальным лифтом». Между тем корабль с каждым годом становился всё более сложным инженерным сооружением и требовал

[172] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 1.
[173] Там же.
[174] Там же. Л. 1, 1 об.
[175] Там же. Л. 7-10; РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л 2, 8.
[176] РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 7. Д. 133. Л. 31.
[177] Добровольный флот. СПб., 1915. С. 10.

технических познаний у всего личного состава[178]. Поэтому образование, получаемое офицерами, во многом носило технический характер, а в матросы старались зачислять промышленных рабочих[179]. Так во время Русско-японской войны и Первой русской революции (1905-1907) около 30 % нижних чинов флота были представителями рабочего класса[180]. Кроме высших учебных заведений (Морского кадетского корпуса и Морского инженерного училища Императора Николая I), осуществлявших подготовку офицеров, постепенно появлялись особые классы (школы): Минный офицерский класс, Морской артиллерийский класс, Водолазный класс, Класс подводного плавания и т. д. Туда для повышения квалификации по военно-морским специальностям поступали офицеры, прослужившие на кораблях не менее двух лет[181]. Для нижних чинов также существовали школы, в которых готовили следующих специалистов: электрики, артиллеристы, минёры, рулевые, сигнальщики, кочегары, водолазы и т. д[182]. Кроме того, офицеры и нижнее чины проходили практику на учебных судах[183].

Корабль, особенно в дальних плаваниях, представляет собой особый изолированный мир. Моряки оторваны от берегов, семей, привычного образа жизни. Белое (женатое) духовенство было, как правило, многодетным и обременённым множеством забот в приходском храме. Отрывать

---

[178] РГАДА. Ф.1289. Оп.2. Д.139. Л. 7 об.

[179] *Назаренко К. Б.* Крестьянин на флоте после отмены крепостного права: Служебное положение и самосознание // Проблемы аграрной истории Северо-запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России. Международная межвузовская научная конференция. Псков, 2011. С. 209.

[180] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 210.

[181] *Беспалов А.* История военно-морского образования в России // РГАВМФ: офиц. сайт. URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/bespalov_navy-education.pdf (дата обращения: 02.12.2022).

[182] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 215-217.

[183] *Грибовский В. Ю.* Личный состав Российского Флота в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Сборник статей «Синдром Цусимы». Цитадель, СПб., 1997. Электронная версия. URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_19/page_26/page_26_004/ (дата обращения 21.06.2023).

священников от семьи и прихода было нецелесообразно. Поэтому с 1719 года на флот назначалось, как правило, не белое, а чёрное духовенство – иеромонахи[184]. Наряду с ними также могли назначаться вдовые священнослужители. В результате на флоте сложилось устойчивое представление о том, что судовой священник – монах. Священнослужитель не имел никакой специальной подготовки. Он должен был сразу исполнять свои обязанности. Между тем на корабле было немало особенностей в служении духовенства, например, качка осложняла проведение богослужения, в условиях дальних плаваний немалую сложность составляло обеспечение судовой церкви просфорами, из-за особенностей корабельного распорядка богослужения невероятно сокращались, сам храм необходимо было каждый раз собирать и разбирать[185]. Также было важно учитывать особенности взаимодействия личного состава корабля между собой. Священнослужители нередко признавались, что не понимают специфику корабельной службы. Например, в 1899 году судовой священник крейсера «Владимир Мономах» иеромонах Михаил написал в рапорте: «сознаю свою крайнюю неопытность [в] судовой жизни военного корабля»[186].

Любопытный эпизод содержится в воспоминаниях священника В. Ильинского о посещении им, совместно со священником Варфоломеем, броненосца «Полтава». Они не были представителями флотского духовенства, но это описание хорошо показывает те чувства, которые могли возникнуть у клирика, особенно малообразованного, на современном корабле: «после молебна мы отправились смотреть стоявшие на рейде военные суда. Мы попали на броненосец "Полтава". Все здесь представляло для нас большой

---

[184] Подробнее о появлении духовенства на флоте см.: *Бландов А. А.* Православное духовенство в российском военно-морском флоте XVIII в.: Дис. … к. и. н. СПб., 2014. С. 32-44.

[185] Подробнее см.: *Сингх С. С.* К вопросу о богослужебной практике в судовых церквях на рубеже XIX–XX веков // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 143–157.

[186] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6737. Л. 12 об.

интерес: и распорядок жизни, и устройство отдельных помещений, и, наконец, разнообразные орудия для истребления людей и неприятельских судов. Мой спутник положительно был подавлен новизною впечатлений. Объяснения давал нам офицер, и о. Варфоломей то и дело вставлял в его речь свои замечания: "Господи, какая премудрость! До чего же дошел человек! Ах ты, Боже мой! Ну и человек!" – и т.п. А когда мы спустились в машинное отделение, где перед нами были огромные поршни и шатуны, бесконечное число винтов и отдельных механических приспособлений с различными цифровыми показателями, словом, главная двигательная лаборатория судна со своею мускульной и нервной системой и со своими артериями, приводящими пар в различные части механического организма, о. Варфоломей только вздыхал и качал головой. В его глазах светилась уже растерянность»[187].

Кроме необразованности и не понимания корабельной специфики ещё одной существенной проблемой чёрного духовенства был его моральный облик. Так, упоминания о пьянстве иеромонахов неоднократно встречаются в мемуарах и литературе[188]. Некоторые случаи зафиксированы документально и хранятся в фондах РГИА и РГА ВМФ. Например, 14 мая 1896 года на броненосце «Пётр Великий» иеромонах Авраамий начал совершать литургию в нетрезвом состоянии. Командир корабля был вынужден прервать богослужение[189]. Не менее яркий эпизод зафиксирован 16 октября 1905 года в историческом журнале крейсера «Россия». Команда корабля отказалась петь молитву ввиду отсутствия священника (он был на берегу) и от её лица несколькими матросами была заявлена старшему офицеру претензия, в первом пункте которой была обозначена следующая просьба: «батюшка ведёт себя не как духовный отец, он постоянно сходит на берег, пьёт и ведёт развратный

---

[187] Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. /Сост. Фирсов С. Л. М., 1994. С. 105.
[188] См. напр.: *Граф Г. К.* Моряки. Очерки из жизни морского офицера 1897-1905 гг. М., 2012. С. 51; *Магдалинский А. В.* На морском распутье. Ярославль, 1954. С. 131.
[189] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1376. Л.2–3.

образ жизни; просим другого батюшку»[190]. Важно отметить, что священнослужитель имел особое право провоза алкоголя на корабль, что было связано с необходимостью наличия вина для совершения таинства Евхаристии. Однако известны случаи злоупотребления этим правом. Так, 12 марта 1899 года на крейсере «Владимир Мономах» был арестован матрос, который буянил в пьяном виде[191]. Дальнейшее расследование показало, что иеромонах Михаил продавал вино матросам[192]. Иерей Иоанн Дьяконов в своих воспоминаниях ёмко охарактеризовал проблемы флотского духовенства до проведения кадровой реформы: «К сожалению, во времена не столько давнопрошедшие были назначаемы на суда флота священнослужители необразованные, не знавшие приличий и не умевшие себя держать, подрывавшие иногда к тому же и уважение к своему сану»[193].

Можно выдвинуть предположение, что сложившая ситуация была вызвана тем, что епархиальное священноначалие нередко отправляло на флот «ненужных» священнослужителей: необразованных, провинившихся или неугодных. Внутреннее плавание обычно длилось около полугода (точное число месяцев зависит от моря, например для Балтийского моря это 5 месяцев), заграничные плавания зачастую были многолетними, а терять ценного клирика епископ не хотел, тем более, что на рубеже XIX–XX веков в Церкви ощущался недостаток священников[194]. Косвенные подтверждения можно встретить в высказываниях представителей Морского ведомства и протопресвитера о необходимости лучшего подбора, со стороны епархий, священников на флот. Так в 1896 году Морское министерство просило обер-

---

[190] РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 181. Л. 17.
[191] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6737. Л. 6.
[192] Там же. Л. 1.
[193] *Дьяконов Г., свящ.* Церковно-религиозная жизнь на корабле «Император Александр II», за два года заграничного плавания (1896–97 гг.) // Вестник военного духовенства. 1907. № 19. С. 603-604.
[194] *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX в. М., 2010. С. 25; *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: Дис. …д. и. н. М., 2020. С. 114–120.

прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева сделать распоряжение о том, чтобы при назначении епархиальными архиереями клириков на флот «было обращаемо особенное внимание на выбор их из таких духовных лиц, которые могли бы принести действительную пользу на судах»[195]. Св. Синод издал соответствующий циркуляр от 14 августа 1896 года, в котором сообщал епископам, чтобы «при выборе таковых иеромонахов обращали особенное внимание на способности их к исполнению пастырского долга, а главное на доброе поведение и нравственные их качества»[196].

Однако усилия Св. Синода не принесли заметного результата, ведь в монастырях могло и не быть подходящих иеромонахов. Показательна переписка между начальником штаба Черноморского флота контр-адмирала В. С. Сарнавским и настоятелем Херсонесского монастыря Сильвестром за 1907 год упоминается ситуация, возникшая ввиду болезни штатного судового священника линейного корабля «Пантелеймон»: «а назначенный вместо него заштатный священник Сечко оказался неудовлетворяющим своему назначению, прошу Вас избрать священнослужителем на этот корабль одного из иеромонахов монастыря; при этом считаю нужным присовокупить, что на корабле при большом составе команды желательно иметь интеллигентного священнослужителя»[197]. Настоятель в ответном письме сообщает, что «вполне интеллигентного священнослужителя» в обители нет и обещал лично сообщить об этой ситуации «преосвященному епископу Таврическому»[198]. Данный эпизод представляется нетипичным, поскольку обычно запросы, касающиеся назначения и замены клириков, направлялись морским начальством в Духовное правление при протопресвитере, а не напрямую в монастыри. Вероятно, это объясняется тем, что на линкор срочно требовался

[195] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 2594. Л. 1.
[196] Там же.
[197] РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 7. Д. 297. Л. 101.
[198] Там же. Л. 104.

священнослужитель и контр-адмирал решил, что подобный способ был бы более эффективным.

Протопресвитер военного и морского духовенства неоднократно сообщал в Св. Синод, что продолжаются «случаи присылки на суда флота священнослужителей малоспособных к исполнению пастырского долга и неблагонадёжных по своим нравственным качествам» и что «со стороны епархиальных начальств обнаруживается иногда крайняя медленность в назначении и присылке на суда флота священнослужителей»[199]. Св. Синод пытался найти варианты устранения этих проблем и после обсуждения 22 февраля 1900 года отправил циркулярные указы епархиальным архиереям и синодальным конторам «на случай поступления к ним ходатайств от протопресвитера военного и морского духовенства с требованиями на суда флота священнослужителей, заблаговременно предназначать нескольких отличающихся добрым поведением и нравственными качествами иеромонахов или вдовых священников, могущих с пользою проходить пастырское служение на судах флота и без замедления отправляться к месту служения»[200].

Сложившаяся ситуация с флотским духовенством в такой же степени беспокоила командиров кораблей и руководство флота. Однако долгое время она не менялась, поскольку была выгодна казне. Это подробно объясняет морской министр вице-адмирал С. А. Воеводский министру финансов В. Н. Коковцеву в письме от 10 ноября 1909 года: «Для исполнения духовных треб на судах флота во время плавания до 1902 года приглашались на суда исключительно иеромонахи, которые по окончании кампании списывались с судов и возвращались в свои монастыри. Этот порядок комплектования судовых священнослужителей представлял то преимущество, что взыскиваемый им из казны расход был очень незначителен, так как

[199] Там же.
[200] Там же. Л.4.

приглашаемые иеромонахи получили лишь морское довольствие в плавании, а по списании с судов на берег никакого содержания от Морского ведомства не имели. Исполнение, однако, на судах пастырских обязанностей священнослужителями из монашествующего духовенства <…> имело много отрицательных сторон, при которых пользование услугами иеромонахов не могло представляться желательным. Именно, большинство иеромонахов не обладает богословским образованием и не имеет достаточной житейской опытности и поэтому ведение духовно-нравственных бесед с судовой командою для них почти недоступно, между тем как для судовых команд было крайне необходимо опытное пастырское руководительство»[201].

Необходимо отметить, что в Ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства было штатное и не штатное духовенство. Штатные – числившиеся по Ведомству и получавшие постоянное жалование, прибавку к нему, право на пенсию из казны и из эмеритальной кассы. Штатными были священники Военного ведомства, а также береговых церквей Морского ведомства. До кадровой реформы судовые священники были нештатными. Они продолжали числиться епархиальными клириками, временно командированными на флот, а затем возвращались на своё место служения. В документации непременно прописывалась их принадлежность к монастырю, что подчёркивало его временный статус. Например: «Крейсер 1 ранга "Князь Пожарский" – иеромонах Тихвинского монастыря Новгородской епархии Нил»[202], «Крейсер 1 ранга "Адмирал Нахимов" – Иоанно-Златоустого московского монастыря иеромонах Авель»[203]. Нештатные клирики получали средства от Морского ведомства только на время плавания, а финансовые привилегии штатного духовенства на них не распространялись[204].

---

[201] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 24.
[202] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1965. Л. 77.
[203] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 899. Л. 2.
[204] Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 155.

В июне 1901 года протопресвитер Александр Желобовский в личном разговоре высказал пожелание императору Николаю II о введении на флоте штатных судовых священников[205]. Его императорское величество милостиво выслушал протопресвитера и «соизволил приказать управляющему Морским министерством ввести во флоте 15 штатных судовых священников белого духовенства преимущественно для назначения их на суда отряда Морского кадетского корпуса и на суда 1 ранга, плавающие заграницей»[206]. После чего начались обсуждения всех деталей между протопресвитером и Морским ведомством[207]. Протопресвитер считал, что штатных судовых священников необходимо приравнять по жалованию и всем привилегиям к штатным священникам Военного ведомства и штатным священникам береговых церквей Морского ведомства. Если же штатные судовые священники будут уступать по своему положению штатных полковым и береговым священнослужителям, то, как считал протопресвитер, это лишит его «возможности привлекать на означенную службу лиц, по образовательному цензу и нравственным качества вполне соответствующих своему назначению»[208]. То есть такая реформа не имела бы смысла. К середине августа 1901 года Морское ведомство и протопресвитер согласовали статус и материальное положение штатных судовых священников[209].

20 августа Морское министерство отправило отношение Министерству финансов с просьбой представить отзыв насчёт предполагаемых расходов. В документе подробным образом обосновывалась необходимость замены монашествующих на представителей белого духовенства: «На основании существующего порядка назначения на священнослужительские места во флоте для исполнения пастырских обязанностей командируются духовные

[205] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 678. Л. 3.
[206] Там же. Л. 10 об.
[207] Там же. Л. 3–9.
[208] Там же. Л. 6 об.
[209] Там же. Л. 9.

лица из монашествующих, которые мало к тому подготовлены и не соответствуют своему назначению; даже при высоких своих нравственных качествах там непригодны: у них недостаёт образовательного ценза и навыка для ведения религиозно-нравственных бесед, особенно в присутствии г.г. офицеров. Оторванные от своей среды, с которой они сроднились, нынешние священнослужители на кораблях и по мыслям, и по внешним приёмам совсем там чужие; они не только не влияют на своих духовных детей, а напротив, чувствуют всю свою обособленность и приниженность. Паства же на корабле не малочисленна и сильно нуждается в опытном пастыре <…> Все религиозно-нравственные потребности морских чинов во время плавания в желательной мере могли бы быть удовлетворены только в том случае, если на суда будут назначаться священнослужители из белого духовенства, получившие богословское образование, что можно лишь при условии предоставления им прав и преимуществ по службе наравне с штатным духовенством морских церквей»[210]. Протопресвитер и Морское ведомство предлагали «учреждаемым 15 штатным судовым священникам производить содержание по сравнению с капитанами корпусов Морского ведомства, по высочайше утвержденным 19-го июня 1900 г. табелям окладов содержания строевым чинам флота, внося потребную на это сумму в смету Морского министерств в пределах нормального его бюджета, и присвоить им все права и преимущества, предоставленные духовенству церквей Морского ведомства»[211]. Аналогичное отношение было отправлено управляющему Государственным контролем[212]. Министр финансов и государственный контролёр ответили на отношение Морскому ведомству, что не встречают препятствий к «приведению этого предложения в исполнение»[213].

---

[210] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 678. Л. 10–10 об.
[211] Там же. Л. 10 об.
[212] Это ведомство наблюдало за приходом, расходом и хранением средств государственного бюджета.
[213] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 678. Л. 15 об.

11 февраля 1902 года высочайше утверждённым мнением Государственного совета было учреждено 15 «должностей штатных судовых священников из белого духовенства»[214]. 16 марта это решение было объявлено приказом по Морскому ведомству за № 51 – и именно эта дата в историографии считается днём введения на РИФ штатного флотского духовенства[215]. Это событие можно было бы считать кадровой реформой, ведь изменился порядок комплектования флотского духовенства, однако, на наш взгляд, корректнее её считать прологом, подготовкой к ней. Кадровая реформа произойдет 1911 году. Для понимания ситуации необходимо обратиться к вопросу о численности духовенства.

Численность судовых священников напрямую зависела от количества корабельного состава флота. Причём речь идёт не о номинальной численности кораблей РИФ, а, в первую очередь, о единицах флота, совершающих плавание. Кроме учебно-практических, эти плавания решали задачи демонстрации флага – военно-морского присутствия РИФ в разных районах Мирового океана. Рубеж XIX–XX веков – это период активного строительства российского флота, при этом не стоит забывать, что одни корабли устаревали, другие – модернизировались или находились в ремонте. Численность корабельных соединений (эскадр, отрядов кораблей) ежегодно менялись. В тексте указа Св. Синода от 22 февраля 1900 года, посвящённом необходимости своевременного выбора и назначения достойных священнослужителей на суда флота, упоминается, что их «ежегодно требуется не менее 40 лиц»[216].

---

[214] Там же. Л. 29.

[215] См. напр.: *Кострюков А. А.* Деятельность русского военного духовенства в годы Русско-японской и Первой мировой войн: Дис. … к. богосл. н. Сергиев Посад, 2003. С. 19. *Котков В. М. Коткова Ю. В.* Указ. соч. С. 118; *Самохвалов С. В.* Духовенство военного флота Российской империи. Корабельные священники на рубеже XIX–XX веков // Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами: офиц. сайт. https://pobeda.ru/biblioteka/nauchnyie-rabotyi/duhovenstvo-voennogo-flota-rossiyskoy-imperii.html (дата обращения: 21.03.2023).

[216] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 2594. Л. 1.

РИФ необходимо было иметь не менее 40 судовых священнослужителей. Протопресвитер Георгий Шавельский отмечал, что до июля 1911 года две трети судовых священнослужителей оставались монахами, большинство из которых «были совершенно неспособны выполнить пастырскую задачу во флоте, где и по условиям жизни, и по составу паствы требовалось и требуется от пастыря образование, и пастырская опытность»[217]. В 1902 году было учреждено 15 должностей штатных судовых священников. В 1903 году штаты флотского духовенства были расширены на две должности[218]. В официальном «Списке священнослужителей и церквей, состоящих в ведомстве Протопресвитера военного и морского духовенства на 1908 год» можно найти 17 судовых священников и ещё одного священнослужителя, которого можно отнести к этой категории – благочинного Каспийской флотилии[219]. Однако эту цифру нельзя считать численностью морского духовенства, т. к. на 1908 год известно значительно больше введённых в строй кораблей, на которые могли быть назначены священнослужители[220]. Очевидно, что в список внесены лишь штатные священники, а их реальная численность, вероятно, была значительно выше. В документах Морского ведомства также можно встретить в период с 1908 по 1911 год упоминания о 17 штатных должностях судовых священников[221], а в некоторых – 16[222] и 15[223]. Вероятно, разночтение связано с тем, что не учитывался священник яхты «Штандарт», а также, возможно, с машинальным

---

[217] Братское собрание военного и морского духовенства в Санкт-Петербурге 14 февраля 1913 г. // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 5. С. 219.
[218] РГА ВМФ. Ф.417. Оп. 6. Д. 679. Л. 20.
[219] Список священников, служивших на кораблях и в церквях Морского ведомства в 1908 году // *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014. С. 384-389.
[220] *Моисеев С. П.* Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948. С. 30-33.
[221] См. напр.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6 Д. 687. Л. 4; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 1.
[222] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л.26, 45.
[223] Там же. Л.42, 48.

перепечатыванием закона 1902 года, где содержалось число 15. Возможно в будущем удастся найти источники, проясняющие эту коллизию.

В переписке между Морским ведомством и Министерством финансов отмечалось, что «согласно программе плавания 1910 года на весь флот потребуется 36 священнослужителей (не считая в том числе священника на императорской яхте "Штандрат", получающего содержание на основании высочайшего повеления [от] 4 июня 1901 года)»[224], а на 1911 – 37 клириков, не считая вышеупомянутого священнослужителя императорской яхты[225]. То есть не менее половины клириков являлись не штатными. В свою очередь это означает, что всё ещё не были решены проблемы, связанные с необразованностью, моральным обликом и т. п. В 1909 году вице-адмирал С. А. Воеводский отмечал: «Штатного числа священников, однако, было недостаточно для назначения на всех суда и поэтому, наряду со священниками из белого духовенства, к службе на судах допускались и после 1902 года иеромонахи, несмотря на то, что они, как объяснено выше, не отвечали тем требованиям, которые Морское министерство предъявляет к священнослужителям на судах»[226]. При этом надо учитывать, что это время активного строительства флота и с каждым годом необходимость в судовых священниках возрастала.

В 1908–1911 годах развернулись обсуждения между различными ведомствами насчёт необходимости увеличения штатов судовых священников[227]. Любопытно, что инициатором была Государственная дума. На заседании 24 мая 1908 года было высказано пожелание, «чтобы число судовых священнослужителей было увеличено до таких размеров, чтобы каждое крупное судно и каждый отряд меньших судов обслуживался отдельным штатным священником и чтобы должности эти замещались лицами

[224] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 25.
[225] Там же. Л. 48 об.
[226] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 24 об.
[227] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632, Оп. 6 Д. 687, 688.

с высшим и средним богословским образованием»[228]. Вновь, как и в случае с появлением первых штатных должностей флотского духовенства в 1901–1902 годах, всё упиралось в финансовый вопрос. Поэтому основная полемика развернулась между морским министром вице-адмиралом С. А. Воеводским и министром финансов В. Н. Коковцевым. Последний предложил увеличить штат судовых священников засчёт сокращения штатов береговых священнослужителей Морского ведомства: «с целью сокращения расходов казны»[229]. Морской министр передал это предложение Духовному правлению при протопресвитере, которое признала такой вариант совершенно неприемлимым[230].

18 июня 1911 года правительство приняло зкаон «Об отпуске из государственного казначейства средств на содержание двадцати двух судовых священников из белого духовенства»[231]. Согласно этому закону с 1 июля 1911 года штат флотского духовенства был расширен на 22 новые должности[232]. В 1911–1912 годах протопресвитер произвёл замену монашествующих белым духовенством, преимущественно выпускниками духовных семинарий и академий. То есть произошло принципиальное изменение в комплектовании флотского духовенства. Поэтому кадровую реформу можно датировать 1911–1912 годами, а 1902 год считать её прологом. После её проведения протопресвитер совершил поездку-проверку судовых церквей Балтийского флота. 10 июня 1912 года на борту броненосного крейсера «Рюрик» II[233] в речи, обращённой к старшим офицерам и судовым священникам Балтийского флота, протопресвитер Георгий Шавельский отметил: «Я видел, я убедился, я

---

[228] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 1.
[229] Там же. Л. 26 об.
[230] Там же. Л. 34.
[231] Там же. Л. 79.
[232] Там же.
[233] Первый броненосный крейсер с таким названием погиб в бою с японскими кораблями в Корейском проливе 14 августа 1904 года. Поэтому при упоминании данного корабля принято добавлять римскую цифру «II».

знаю, что священник в полку может быть главным и лучшим помощником командира, вдохновителем, добрым гением воинской части. Так могло быть и во флоте. К нашему стыду и сожалению, до последнего времени, когда флот довольствовался вольнонаёмными пастырями, неподготовленными к великому служению пастыря во флоте (иеромонахами) этого не было, этого и не могло быть. Теперь, слава Богу, состав духовенства изменился; теперь вы имеете почти без исключения священников образованных, которые способны выполнить принятую на себя задачу, а я приложу все усилия, чтобы они её выполнили»[234].

Важно отметить, что к этой реформе приложили руку все протопресвитеры военного и морского духовенства. Её разработка началась при первом протопресвитере Александре Желобовском (занимал должность в 1890–1910), продолжилась при втором протопресвитере Евгении Аквилонове (1910–1911), а воплотилась в жизнь при последнем протопресвитере Георгие Шавельском (1911–1918). Поэтому, не умаляя достоинств отца Георгия, хочется отметить, что нельзя считать это исключительно его заслугой, как может создаться впечатление при чтении Вестника военного и морского духовенства[235]. Аналогичное ощущение может создаться при прочтении воспоминаний протопресвитера Георгия: «С морским ведомством у протопресвитера было гораздо меньше сношений потому, что морских священников было гораздо меньше, чем военных. Мои предшественники, – можно было подумать, – совсем не интересовались флотом, ибо никогда не посещали военных кораблей. Я первый начал посещать их и налаживать работу судового священника. <..> Н. О. Эссен придавал огромное значение работе судового священника и в моих реформах оказывал мне самую

---

[234] *Архангельский В., прот.* Обозрение о. Протопресвитером военного и морского духовенства Г. И. Шавельским судовых церквей Балтийского флота и военно-морских Прибалтийского края // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 15–16. С. 561.
[235] Напр. см. там же.

энергичную поддержку. Общение с этим кристально чистым человеком было для меня великим наслаждением»[236].

Однако вновь возникает проблема с численностью судовых священников. По нашим подсчётам к 1912 году штатных священнослужителей должно быть либо 39 (если учесть, что к 1911 году было 17 штатных должностей[237] и затем в 1911 году добавлено 22) либо 37 (если исходить из того, что штатных должностей было 15[238], а затем добавлено 22). Современый исследователь Д. М. Гузаиров, рассматривая полемику между морским министром и министром финансов в 1908–1911 годах, отмечает увеличение «штатной численности судового духовенства сначала до 22 священников, а позже до 44»[239]. Однако, к сожалению, автор в этом абзаце не ссылается ни на какие источники. В 1915 году в связи с военным временем было учреждено ещё 25 штатных должностей[240]. Если обратиться к отношению Главного морского штаба в Канцелярию Морского министерства от 1 июня 1915 года[241], посвящённое введению 25 дополнительных должностей судовых священников, то мы видим, что предполагалось увеличение численности штатного духовенства с 37 до 62 человек. Над этим числом 37 есть пометка карандашом, вероятно сделанная начальником Канцелярии С. Радковичем: «15+22=37»[242]. То есть если исходить из этого документа, то к 1911 году было 15 штатных судовых священников, а в 1911 году было введено 22 должности и всего штатных судовых священников стало 37 человек. Однако это противоречит мнению Государственного совета от 19 мая 1903 года, согласно которому необходимо «учредить две новые должности штатных судовых

---

[236] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 103–104.
[237] См. напр.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6 Д. 687. Л. 4; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 1.
[238] Там же. Л.42, 48.
[239] *Гузаиров Д. М.* Указ. соч. С. 42.
[240] РГА ВМФ. Ф. 410 Оп. 3. Д. 1468. Л. 1–4.
[241] Там же. Л. 5–5 об.
[242] Там же. Л. 5.

священников из белого духовенства для Черноморского флота»[243]. Кроме того, если обратиться к замыслам реформы, то, например, в письме от 3 июля 1908 года Морской министр «со своей стороны, вполне соглашаясь с отзывом протопресвитера военного и морского духовенства о необходимости заменить на судах флота лиц монашествующих лицами, получившими полное богословское образование, признал необходимым увеличить штат судовых священников из белого духовенства до 44 согласно прилагаемому при сем списку должностей судовых священников, внесённых в программу плавания на 1909 год»[244]. Летом 1913 года на запрос Министерства иностранных дел о количестве священников на кораблях РИФ, Главным морским штабом был дан ответ: «в данное время на судах флота имеется 46 священников»[245].

Единственным рациональным объяснением этих нестыковок в численности может быть то, что размер штатов судовых священников постоянно отставал от роста корабельного состава РИФ. Поэтому, несмотря на кадровую реформу 1911–1912 годов на флот продолжали отправляться иеромонахи, но теперь они не составляли большинство (см. Таблицу 2). Итак, можно полагать, что численность флотского духовенства в период с 1890 по 1914 годы составляла порядка 30-40 человек (за исключением 1905-1906 годов, когда в результате Русско-японской войны корабельный состав РИФ серьёзно сократился). Вплоть до 1902 года кадровая политика была обусловлена сложившейся традицией комплектования флотского духовенства из монашествующих, а также экономией со стороны Министерства финансов. В 1902 году было введено 15 должностей штатных судовых священников, которые заняли образованные представители белого духовенства. Однако это не смогло кардинально изменить ситуацию. Коренное сдвиг произошёл в 1911

[243] РГА ВМФ. Ф.417. Оп. 6. Д. 679. Л. 20.
[244] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632, Оп. 6 Д. 687. Л. 5–5 об.
[245] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4315. Л. 43.

году, когда были учреждены ещё 22 штатные должности судовых священников. Однако реформа явно запоздала.

Поскольку служение духовенства на судах ДФ до сих пор является малоизученной темой, то и численность священников, служивших на этих судах, также остаётся неизвестной. На данный момент можно лишь утверждать, что количество священнослужителей на судах ДФ напрямую зависело от числа специальных рейсов, которыми перевозились военнослужащие или заключённые. Ситуация с подсчётом духовенства осложняется тем, что в описях фонда 806 в РГИА напротив большинства архивных дел по ДФ стоит отметка «выбыло». Из материалов, имеющихся на данный момент в нашем распоряжении, можно привести лишь один пример, благодаря которому становится возможным оценить ориентировочную численность духовенства на пароходах ДФ: в переписке между Ведомством протопресвитера и руководством ДФ упоминается о том, что в 1898 году из Одессы во Владивосток планировались рейсы шести пароходов с новобранцами на борту, и, соответственно, для сопровождения военнослужащих требовалось назначить шесть священнослужителей[246].

Необходимо отметить, что некоторые священнослужители в разные годы служили и на кораблях РИФ, и на судах ДФ. Например, иерей Николай Дьяков в 1898 году был судовым священником на пароходе ДФ «Владимир», а в 1899 году – на крейсере «Адмирал Нахимов»[247]. При этом было бы ошибочно утверждать, что условия для служения священнослужителей на кораблях РИФ и судах ДФ были одинаковыми. При первом рассмотрении отличия практически отсутствуют. Но при подробном исследовании источниковой базы возможно выделить специфику деятельности духовенства на судах ДФ, которая будет освещена в данной работе.

---

[246] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1674. Л. 13.
[247] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1549. Л. 51–53; РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 1–5; *Дьяков. Н. свящ*. Год на крейсере «Адмирал Нахимов». СПб., 1904.

В последние три десятилетия историография Российской империи активно развивается, учёные применяют новые методы исторического исследования. Среди них важно отметить количественные методы, которые позволяют историку дистанцироваться от отдельных казусов и перейти к обобщению. Новейшие исследования ярко демонстрируют эффективность этих методов и вносят большой вклад в отечественную историографию[248]. В свою очередь это может свидетельствовать о том, что в целом период накапливания нарратива в отечественной историографии уже прошёл. Однако это не касается истории судовых священников рубежа XIX–XX веков. Данное направление отечественной историографии только складывается. Как уже было сказано выше, имеющаяся на данный момент источниковая база не позволяет даже проследить точную динамику численности штатного духовенства. Не говоря уже о более подробных статистических данных, как это сделано, например, в работах по приходскому духовенству[249].

С точки зрения Морского ведомства каждый календарный год – это кампания «N» года. Плавания зачастую длились около 5 месяцев (хотя, разумеется, были и многолетние заграничные), и каждый год на один корабль могли назначаться разные священнослужители. Кто-то лишь разово попадал на флот, а другие служили на различных кораблях в течение многих лет. При этом отдельные клирики, как правило, самые достойные представители духовенства, нашедшие подход к личному составу, могли служить на одном корабле долгие годы. Например, насельник Московского Златоустова монастыря иеромонах Авель (Иванов) был судовым священником крейсера

---

[248] См. напр. последние публикации: *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018; *Андреев А. Ю.* Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93.

[249] См. напр.: *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX в. М., 2010; *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX-XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: Дис. …д. и. н. М., 2020; *Иконников С. А.* Материальное обеспечение приходского духовенства Центрально-черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века): Дис. …д. и. н. Воронеж., 2019.

«Адмирал Нахимов» в течение 10 лет[250], снискал уважение всего личного состава[251] и в 1891 году был назначен благочинным Тихоокеанской эскадры[252].

Послужные списки священнослужителей разбросаны про различным федеральным и региональным архивам. Поиск осложняется тем, что у иеромонахов и архимандритов в делопроизводственных материалах флота обычно не указывались фамилии. Поэтому затруднительно собрать данные по всему флотскому духовенству Российской империи рубежа XIX–XX веков. Это важная проблема для дальнейшего исследования. На данный момент наибольшее число послужных списков, аттестаций и другой информации о клириках приходится на 1898–1899 годы (12 человек) и 1914 год (23 человека). Разумеется данные о 35 священниках, не могут быть репрезентативными с точки зрения истории флотского духовенства всего изучаемого нами периода. Однако эти материалы могут, хотя бы частично, подтвердить или опровергнуть сведения, содержащиеся в других источниках. Например, утверждения, уже приводимые в этом разделе, о происхождении, об образовательном уровне духовенства и эффективности кадровой реформы.

В 1898–1899 годах 91,7% (11 списков) клириков, чьи послужные списки нам известны, были монашествующими. Лишь один священник был представителем белого духовенства. В 11 из 12 послужных списков указано происхождение клирика: 7 – из крестьян, 1 – из казаков, 1 – из мещанского звания, 1 – «из обер-офицерских детей», 1 – «сын псаломщика» и 1 – из духовного сословия. В целом эти данные подтверждают распространённое в межведомственной переписке и мемуарах мнение о том, что большая часть флотского духовенства до кадровой реформы являлись монашествующими крестьянского происхождения. В 8 из 12 послужных списков указан уровень

---

[250] Подробнее о его деятельности см.: *Сингх С. С.* Служение морского духовенства на примере деятельности иеромонаха Авеля (Иванова), участника Восточного путешествия цесаревича Николая Александровича // Златоустовские чтения: Сборник докладов историко-богословской научно-практической конференции. М., 2018. С. 40–60.
[251] L'Actualite // L'Express du Midi. 1893. 17 octobre. № 5 (748). P. 1.
[252] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 217. Л. 82.

образования: 3 – домашнее, 1 – «удовлетворительно знает пение, катехизис и [церковный] устав», 1 – сельское училище, 1 – «частное учебное заведение» в Санкт-Петербурге, 1 – Елисеевское народное училище и 1 – Новгородская духовная семинария. Можно предположить, что и у 4 священнослужителей, чьё образование не было указано, оно отсутствовало, поскольку для составителей послужных списков в Российской империи, как правило, образовательный уровень имел большее значение, чем возраст или происхождение. Тем более, что в отношении одного из них в переписке сказано: по «малограмотности едва ли способен к служению во флоте»[253]. При этом есть лишь один священнослужитель, окончивший духовное учебное заведение. Таким образом, высказывания морских офицеров и протопресвитера о низком образовательном уровне флотского духовенства в конце XIX века подтверждаются.

Таблица 1. – Флотское духовенство и клирики, рассматривавшиеся на должность судового священника в 1898–1899 годах[254]

Имя и Фамилия	Сан	Возраст	Образование	Происхождение	Корабль
Алексий (Летвинов)	Иеромонах	43	-	Из крестьян	Кандидат на должность судового священника
Антоний	Иеромонах	-	-	Из обер-офицерских детей	-
Нил	Иеромонах	64	-	Из крестьян	Кандидат…
Григорий	иеромонах	39	-	Из казаков	-
Иннокентий (Сорокин)	Иеромонах	34	«Частное учебное заведение» в СПб	Из крестьян	«Георгий Победоносец»
Иов (Абрамов)	Иеромонах	54	Домашнее	Из крестьян	«Воин» в 1898 году
Платон	Иеромонах	54	«Удовлетворительно знает пение, катехизис и	Из крестьян	«Верный»

[253] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1965. Л. 97.
[254] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1965. ЛЛ. 30 об., 47, 62, 109, 134–134 об., 138, 205–205 об., 208–208 об., 211, 220–220 об., 244–245, 285–285 об., 286, 287–287 об.; РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1 Д. 14а. Л. 33–34.

			[церковный] устав»		
Тимон	Иеромонах	51	Домашнее	-	-
Алексий	Иеромонах	35	Сельское училище	Из духовного сословия	«Наварин»
Антоний	Иеромонах	49	Елисеевское народное училище	Из крестьян	«Моряк»
Авель (Иванов)	Иеромонах	-	Домашнее	Из мещанского звания	«Адмирал Нахимов» в 1898 году
Александр Щеглов	Иерей	29	Новгородская ДС	Сын псаломщика	«Герцог Эдинбургский»

В целом эти данные подтверждают сведения о флотском духовенстве этого периода, содержащиеся в других источниках. В 1902 году на флоте появились первые штатные судовые священники, а в 1911–1912 годах происходит произошла кадровая реформа. Представляется важным проанализировать послужные списки флотского духовенства за 1914 год, чтобы определить, произошли ли на деле те изменения, о которых заявил протопресвитер Георгий Шавельский.

В 1914 году из 23 священнослужителя 19 (82,6%) были представителями белого духовенства и лишь четверо – монашествующими. Уровень образования, в отличие от послужных списков 1898–1899 годов, указан у всех священников. Самый низкий уровень образования зафиксирован у иеромонахов: начальная сельская школа, неполный курс гимназии и домашнее образование. 15 священников являлись выпускниками духовных семинарий (далее – ДС), 1 – прогимназии и далее прошёл испытание на сан священника, 1 – Самарское Духовное училище, 1 – Бийского миссионерского катехизаторского училища, затем был вольнослушателем в Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1 – Николаевской купеческой школы в Санкт-Петербурге, 1 – юридического факультета Московского университета, 1 – Петроградской Духовной Академии и «Императоского Петроградского Археологического института» и ещё 1 клирик учился на юридическом факультете Московского университета, не окончил его по болезни, а затем сдал экзамен при Литовской духовной семинарии. Приведённые данные ярко

демонстрируют, что кадровая реформа прошла успешно. Теперь большинство судовых священников, как и задумывалось, были образованными представителями белого духовенства. Если в послужных списках 1898–1899 годов духовное образование указано лишь у одного клирика, то в 1914 году его имели 19 человек (82,6%): 15 были выпускниками семинарий, двое – духовных училищ, а ещё двое подтвердили свои богословские компетенции экзаменом. Примечательно, что единственный представитель белого духовенства, служивший в 1898–1899 годах на флоте, чей послужной список был нами найден, иерей Александр Щеглов, вошёл в нашу статистику и в 1914 году.

Таблица 2. – Священники, служившие на флоте в 1914 году[255]

ФИО	Сан	Возраст	Образование	Происхождение	Корабль
Павел Баранкеев	Иерей	29	Архангельская ДС	Сын диакона	«Петр Великий»
Дмитрий Алексеевич Лебедев	Иерей	48	Новгородская ДС	Из духовного звания	«Полтава»
Феодор Иоаннович Корчинский	Иерей	49	Подольская ДС	Из духовного звания	«Цесаревич»
Алексий Иоаннович Страхов	Иерей	39	Вифанская ДС	Из духовного звания	«Петропавловск»
Владимир Куклин	Иерей	37	Вятская ДС	Из духовного звания	«Слава»
Валериан Павлович Добронравов	Иерей	42	Казанская ДС	Сын диакона	«Адмирал Макаров»
Феодор Круглов	Иерей	28	Николаевская купеческая школа в СПб	-	«Рында»

[255] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 574. Л.1; Д. 1036. Л. 1; Д. 1842. Л. 1, 6. об.; Д. 2223 Л. 1, Л. 3 об. –4., Д. 1741. Л. 1, 17.; Оп. 13 Д. Р-1а. Л. 1–10; Д. М-1а. Л. 1; Д. Д-3а. Л 1, 4; Д. К-4а. Л. 1–1 об.; Д. З-1а. Л. 1-об.; Д. З-2а. Л. 1-Л 1 об., Л. 2; Д. К-2а. Л. 1, об Л 2; Д. С-6а. Л. 1, Л. 4 об.; Д. К-6а. Л. 5-5 об.; Ф. 419. Оп. 1. Д. 546. ЛЛ. 22–22 об., 26–26 об., 30–30 об., 34–34 об.; РГИА. Ф. 806. Оп. 12. Д. 168. Л. 3об.; Д. 170. Л. 3об.; Д. 172. Л. 3об.; Д. 173. Л. 3об.; Оп. 17. Д. 524. Л. 1; *Максимов В. Ю. Капков К. Г.* За службу и храбрость. Священники – кавалеры ордена Святого Георгия. Неизвестные страницы. М., 2018. С. 434.

Иоанн Спицын	Иерей	52	Прогимназия и экзамен на сан священника	Личный почетный гражданин[256]	«Россия»
Алексей Николаевич Завьялов	Иерей	50	Тверская ДС	Сын причетника	«Громобой»
Дмитрий Васильевич Андреев	Иерей	32	Бийское миссионерское катехизаторское училище и вольнослушатель СПбДА	Из духовного звания	«Андрей Первозванный»
Иоанн Тимофеевич Виноградов	Иерей	50	Московский университет, юридический факультет	Из духовного звания	«Император Павел I»
Сергий (Завьялов)	Иером.	41	Начальная сельская школа	-	«Нарова»
Валентин (Куликов)	Иером.	43	Домашнее образование	Из мещан	«Севастополь»
Серафим (Курчински)	Иером.	38	Неполный курс гимназии	Из купеческой семьи[257]	«Император Александр II»
Антоний (Смирнов)	Иером.	70	Самарское Духовное училище	Из духовного звания	«Прут»
Николай Антипович Сысоев	Иерей	33	Донская ДС	Из духовного звания	«Паллада»
Иоанн Фомич Крашановский	Иерей	38	Волынская ДС	Сын диакона	«Пантелеимон»
Александр Щеглов	Иерей	45	Новгородская ДС	Сын псаломщика	«Богатырь», благочинный штаба
Понтий Петрович Рупышев	Иерей	35	Учился на юридическом факультете Московского университета, не окончил и сдал экзамен при Литовской ДС	Сын Надворного Советника	Благочинный 2-й минной дивизии Балтийского флота
Алексей Сербов	Иерей	51	Таврическая ДС	Сын псаломщика	Бригада подводных лодок Балтийского флота

[256] Личным почётным гражданином был сам священник, но именно это было указано в графе «происхождение» в послужном списке. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 1842. Л. 1, 6 об.
[257] Это известно слов одного из офицеров. *Граф Г. К.* Императорский Балтийский флот между двумя войнами, 1906–1914. СПб., 2006. С. 259.

Димитрий Удимов	Иерей	38	Петроградская ДА и Императоский Петроградский Археологический институт	Сын потомственного почётного гражданина	Церковь Морского кадетского корпуса, с 1915 года благочинный отряда учебных судов корпуса
Пётр Никитич Добровольский	Иерей	53	Таврическая ДС	Из духовного звания	Императорская яхта «Штандарт»
Александр Васильевич Малиновский	Иерей	37	Олонецкая ДС	Сын священника	«Ростислав»

Известен ещё один судовой священник (игумен Антоний), служивший в это время, чей послужной список пока не был обнаружен, и невозможно точно указать, какое он имел образование, однако известна его характеристика как высокообразованного священнослужителя, занимавшегося «с нижними чинами грамотностью», кроме того, хорошо знавшего английский язык[258].

В целом, знание иностранного языка было большой редкостью среди клириков, и во многих аттестациях, составленных как на представителей белого духовенства[259], так и на монашествующих[260], фигурирует формулировка: «иностранных языков не знает»[261]. Кроме вышеупомянутого игумена в качестве исключений можно привести священника Валериана Добронравова, в чьей аттестации за 1912 год указано, что он «немного знает французский язык»[262], священника Владимира Попова – «может изъяснятся по-польски»[263], а также самого необычного в этом ряду клирика – иеромонаха Алексия (Оконишникова), в чьей аттестации указано, что «знает якутский язык»[264]. Необходимо отметить, что священник Алексий (Оконешников) до

[258] РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 29. Д. 3. Л. 1 об.–2; *Белобров А. П.* Воспоминания. 1894–1979. М.; СПб., 2008. С. 210.
[259] Напр.: РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 29. Д. 6, 7, 12.
[260] Напр.: РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 29. Д. 1, 5, 15.
[261] РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 29. Д. 7. Л. 2.
[262] РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 29. Д. 12. Л. 1 об.
[263] РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 29. Д. 42. Л. 1 об.
[264] РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 29. Д. 33. Л. 1 об.

службы на флоте самостоятельно изучал английский язык в монастыре[265] и смог говорить на нём с японцами, когда личный состав крейсера «Рюрик» попал в плен[266]. Однако знание иностранного языка не нашло отражения в его аттестации.

В конце XIX века судовой священник архимандрит Владимир (Гиганова) отмечал, что знание языков было желательным для флотского духовенства. Он считал, что нужно знать «по крайне мере французский», но желательно и английский языки[267], поскольку французский был принят в Европе и Северной Африке, а английский – в Северной Америке, Австралии, Южной Азии, Японии и т. д. Сам архимандрит Владимир владел немецким, который «для путешественника имеет значение не много более, чем русский», поэтому он начал изучать французский и английский языки, которые, «по правде сказать, в сорок-то лет даются очень туго»[268]. Иеромонах Авель (Иванов) самостоятельно изучал французский язык, но не смог достигнуть в этом деле больших успехов[269]. Несмотря на то, что оба представителя чёрного духовенства не смогли в должной мере освоить необходимые им иностранные языки, на наш взгляд, важен сам факт наличия монашествующих, понимавших эту проблему и старавшихся исправить положение.

Средний возраст клириков в 1898–1899 годах составлял 45 лет, а в 1914 – 42,5. Если обобщить данные о возрасте всех клириков из таблиц 1 и 2, то самому молодому священнику было 28 лет, а старшему – 70 лет. Средний возраст составлял 43 года. Что частично совпдает с данными других источников, в которых нередко упоминается, что корабельные

---

[265] *Максимов В. Ю. Капков К. Г.* За службу и храбрость. Священники – кавалеры ордена Святого Георгия. Неизвестные страницы. М., 2018. С. 295.
[266] Рассказ иеромонаха отца Алексия // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 113.
[267] *Владимир (Гиганов), архим*. Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного и морского духовенства. 1894. № 11. С. 344.
[268] Там же. С. 345.
[269] *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г. С. 98.

священнослужители были людьми немолодыми. Например, контр-адмирал Д. В. Никитин-Фокагитов отмечал, что судовые священники – «люди всегда пожилые»[270]. А в переписке о назначении духовенства на флот в 1902–1903 годах содержится любопытное упоминание, что иеромонаха Троице-Сергиевой лавры нельзя отправить на флот, поскольку «слишком ещё молод (37 лет)»[271]. Однако все имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют делать однозначный вывод о том, что большинство флотских священников были людьми в солидном возрасте. На данный момент можно утверждать, что возраст многих судовых священников составлял около 40-50 лет.

Итак, задумка Морского ведомства и Ведомства протопресвитера направить на флот образованное духовенство вполне удалась, если не считать языкового аспекта. Однако это произошло незадолго до Первой мировой войны, поэтому можно утверждать, что реформа запоздала. Поэтому было бы неверным говорить о судовых священниках изучаемого нами периода как о едином, однородном и специализированном сообществе, каковым являлись, например, морские строевые офицеры. Судовые священники были представителями как белого, так и чёрного духовенства, имели разное происхождение, образование, опыт и способности, что делает их историю ещё более многогранной.

§ 5. Процесс назначения духовенства

Для лучшего понимания межведомственной ситуации, в которой находились флотские священнослужители, важно рассмотреть, как проходил процесс назначения клириков на корабли РИФ и суда ДФ.

Назначение клирика на корабль РИФ начиналось, как правило, с запроса Главного морского штаба в Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства. Рассмотрим для примера назначение священника на учебное

---

[270] Там же. С. 91.
[271] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3917. Л. 23.

судно «Генерал-Адмирал». 6 февраля 1907 года Главный морской штаб обратился к протопресвитеру Александру Желобовскому: «Для исполнения пастырских обязанностей на учебном судне "Генерал-Адмирал" и на судах 1 отряда минных судов в порте императора Александра III[272] Главный морской штаб просит <…> избрать одного священнослужителя для указанного назначения и командировать его в порт императора Александра III в распоряжение командующего 1 отрядом минных судов, имея в виду, что учебное судно "Генерал-Адмирал" весною текущего года предполагается послать в кратковременное заграничное плавание с кадетами Морского корпуса»[273]. Далее к протопресвитеру с такой же просьбой обратился капитан I ранга М. В. Князев[274] и командир порта императора Александра III контр-адмирал И. К. Григорович[275].

Сразу три обращения с просьбой назначить священника на один корабль – нетипичная ситуация. Вероятно, это было связано с тем, что, как упомянуто в отношении Главного морского штаба, весной «Генерал-Адмирал» предполагалось отправить в заграничное плавание с кадетами Морского корпуса, а уже 5 марта начинался Великий пост, во время которого команды кораблей говели, а священнослужителя не было. Тем более, что священник «Генерал-Адмирала» должен был «окормлять» не только моряков этого корабля, но и отряд миноносцев.

На письме И. К. Григоровича сверху приписка-распоряжение, вероятно рукой протопресвитера: назначить судового священника Иоанна Спицина[276]. Это был штатный судовой священник. То есть числившийся по Ведомству протопресвитера военного и морского духовенства. Когда штатного флотского духовенства не существовало (до 1902) или в случае, если штатных

---

[272] Либава, совр. Лиепая в Латвии.
[273] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 5860. Л. 15.
[274] Там же. Л. 17.
[275] Там же. Л. 18.
[276] Там же.

судовых священников не хватало, протопресвитер обращался к епархиальному начальству. Как правило, среди епархиального духовенства было немало священников, желавших попасть на флот. Об этом свидетельствуют их письма[277]. Мотивы, изложенные клириками в прошениях, различны, но можно предположить, что нередко это было связано с тем, что судовой священник имел жалование значительно выше, чем большинство епархиальных клириков. Поэтому у протопресвитера был список кандидатов[278], и при необходимости он обращался к епархиальным архиереям с просьбой отправить в командировку в его Ведомство конкретного священника. Кроме того, Морское ведомство могло просить повторно назначить нештатного священнослужителя, если тот хорошо себя проявил[279]. В результате процесс мог сильно затянуться, особенно в случаях, когда у протопресвитера не было клириков на примете и он просто просил епархиальное начальство отправить кого-нибудь из достойных священников на флот. Морское ведомство и протопресвитер неоднократно жаловались обер-прокурору Св. Синода на нерасторопность архиереев[280]. Но в рассматриваемом нами случае священник был штатный и напрямую подчинялся протопресвитеру (между плаваниями штатные священники прикомандировывались к береговым церквям Морского ведомства).

24 февраля протопресвитер сообщил отцу Иоанну Спицыну, что тот назначен судовым священником на учебное судно «Генерал-Адмирал» и ему необходимо отправиться Либаву[281]. Это был неординарный клирик, на тот момент уже заслуженный священнослужитель, награждённый камилавкой[282],

---

[277] Напр.: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 2020. Л. 1, Л. 12; Д. 777. Л. 1–1 об.; Д. 3092. Л. 1; Д. 5776. Л. 1.
[278] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 2020. Л.11, 14.
[279] См. напр.: РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 51. Л 4.
[280] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 2594. Л. 1.
[281] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 5860. Л 30.
[282] Список священников, служивших на кораблях и в церквях Морского ведомства в 1908 году // *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014. С. 388.

в 1896 году «за заслуги по духовному ведомству» он получил звание почётного личного гражданина, в 1897 году участвовал в организации первой всеобщей переписи населения[283]. Также священник состоял в Киевском уездном комитете попечительства о народной трезвости, преподавал в различных учебных заведениях, за труды по народному образованию был награждён серебряной медалью «За усердие» на Александровской ленте[284]. Он занимал должности священника киевского военного Николаевского собора, а с 1903 года – судового священника учебного судна «Воин» с прикомандированием на зимнее время к церкви Морского кадетского корпуса[285]. Иерея Иоанна можно считать идеальным кандидатом на должность судового священника.

Итак, Морское ведомство попросило протопресвитера назначить священника на учебное судно «Генерал-Адмирал». Протопресвитер назначил штатного священника Иоанна Спицына, который уже имел опыт служения на кораблях РИФ. Обычно в таких случаях священник получал от протопресвитера специальный документ – ордер, удостоверяющий, что он назначен на корабль, и далее клирику оставалось прибыть на борт и вступить в должность. Однако в этот раз процесс назначения был неожиданно прерван. 2 марта 1907 года к протопресвитеру обратился исполняющий должности директора Морского корпуса капитан 1-го ранга (с апреля – контр-адмирал) С. А. Воеводский: «Ввиду того, что соединение арестных домов в Кронштадте состоялось, и следовательно, 1 из священников является свободным <…> имею честь покорнейше просить <…> назначить священника Урбанова на крейсер 2 ранга "Рында " вместо священника Орлова, которого в свою очередь – в Либаве на "Генерал-Адмирал" вместо предназначенного туда священника Спицина, которого прошу оставить в прикомандировании к Морскому корпусу»[286].

---

[283] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 1842. Л. 1 об.
[284] Там же. Л. 1 об. –2.
[285] Там же. Л. 2.
[286] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 5860. Л 33.

То есть руководитель Морского корпуса, вероятно, не захотел отпускать отца Иоанна Спицына, который, как уже было отмечено выше, был неординарным клириком. Более того, у С. А. Воеводского были свои представления о том, какую морскую должность какой священнослужитель должен занимать. Протопресвитер исполнил его просьбу, отменил своё распоряжение и сообщил священнику Иоанну Спицыну, что он «освобождается» от назначения на учебное судно «Генерал-Адмирал», а вместо него на эту должность назначен судовой священник учебного судна «Рында»[287]. Письмо такого же содержания было направлено С. А. Воеводскому[288]. Здесь можно говорить о ярком примере фактической подчинённости духовенства морскому начальству.

8 марта командир «Рынды» капитан 2-го ранга А. А. Хоменко обратился к протопресвитеру с просьбой «об оставлении на вверенном мне крейсере для дальнейшего плавания судового священника Николая Орлова», поскольку он уже около года исполняет пастырские обязанности на корабле, «вполне достойный и незаменим для плавания с воспитанниками»[289]. Однако протопресвитер ответил отказом, уведомляя, что «отменить назначение» не может и на «Рынду» уже назначен священник Иоанн Урбанов[290]. Отказ можно объяснить либо тем, что Урбанов был уже в пути, либо тем, что протопресвитер не хотел объяснять командиру корабля, что за перестановками стоит не его желание, а просьба С. А. Воеводского, чтобы, возможно, не уронить свой авторитет. Воеводский, по-видимому, даже не поинтересовался мнением командира «Рынды», стоящего ниже его по чину, о предстоящей перестановке.

12 марта 1907 года С. А. Воеводский (исполняющий должность директора Морского корпуса, а с 4 марта назначенный командующим отряда

---

[287] Там же. Л. 34.
[288] Там же. Л. 34 об.
[289] Там же. Л. 41 об.
[290] Там же. Л. 44.

учебных судов Морского корпуса) вновь обратился к протопресвитеру: «Прошу Вас о назначении на суда отряда морского корпуса на предстоящую кампанию нижеследующих священников. На учебное судно "Аврора" о. Поликарпова, на "Минин" о. Щеглова, на "Рынду" о. Урбанова, на "Воин " о. Спицына и на "Верный" о. Заводовского. Прошу именно об этом распределении, ибо перечисленные священники как уже привыкшие к обращению с воспитанниками как раз соответствуют тем возрастам воспитанников, которые будут плавать на названных судах»[291]. Это письмо создаёт впечатление, что Воеводский хорошо осведомлён о служении духовенства, является рачительным руководителем учебного заведения и организатором практики, во время которой священники были обязаны преподавать Закон Божий. Но приведённое ранее письмо командира «Рынды» наводит на мысль, что Воеводский был знаком с ситуацией поверхностно и руководствовался при переводах клириков какими-то своими мотивами. И вновь роль протопресвитера свелась лишь к утверждению предложенной расстановки кадров.

Между тем эпопея с назначением священника на «Генерал-Адмирала» была далека от завершения. 27 марта в Главный морской штаб обратился командующий 1 отрядом минных судов Балтийского моря капитан 1 ранга Н. О. фон Эссен. Он уточнял, назначен ли священник Николай Орлов, «согласно моему представлению», на Генерал-Адмирал» и сообщал, что с «началом кампании учебное судно "Генерал-Адмирал" будет отчислено от отряда, который вновь окажется без священника», поэтому просит о назначении Орлова на должность священника на 12 месяцев в плавание[292]. Первоначально, 6 февраля 1907 года, Главный морской штаб сообщал, что священник нужен для «исполнения пастырских обязанностей на учебном судне "Генерал-

[291] Там же. Л. 45.
[292] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 5860. Л. 59.

Адмирал" и на судах 1 отряда минных судов»[293], то есть должен был одновременно «окормлять» и учебное судно, и миноносцы. Теперь выясняется, что «Генерал-Адмирал» будет нести отдельную службу и необходим ещё один священник для миноносцев.

Вновь решение о том, какого священника направить на это служение, принял не протопресвитер Александр Желобовский, а Главный Морской штаб, который 11 апреля 1907 года сообщил отцу Александру: священник Николай Орлов «будет переведён на одно из судов [у]казанного отряда для исполнения церковных треб на всем отряде, о чём Главный Морской штаб уведомляет ваше высокопреподобие, добавляя, что Орлов будет получать то же содержание, как и во время пребывания на "Генерал-Адмирале" и остаётся в плавании в течение всего текущего года»[294]. В том же деле, где хранится эта переписка, содержится справка, согласно которой ввиду того, что священник Николай Орлов остался на миноносцах, «надлежит затребовать сведения, следует ли назначить священнослужителя на учебное судно "Генерал-Адмирал" вместо Орлова»[295]. На документе отсутствуют ведомственные атрибуты или фамилия составителя. Присутствует лишь дата: 16 апреля 1907 года. По содержанию можно предположить, что это – внутренний документ Ведомства протопресвитера.

Тем временем священник Николай Орлов написал рапорт протопресвитеру, в котором сообщил, что был назначен на «Генерал-Адмирала», потом корабль покинул отряд, и Н. О. фон Эссен перевёл его на другое судно, но без разрешения протопресвитера он не может перейти и просит распоряжения[296]. Это необычный эпизод, ведь, как правило, клирики лишь соглашались с мнением офицеров. Орлов же чётко обозначил, что его

---

[293] Там же. Л. 15.
[294] Там же. Л. 73.
[295] Там же. Л. 85.
[296] Там же. Л. 90.

начальство – протопресвитер и только по его распоряжению он перейдет на другой корабль.

Затем ситуация с назначением священника на «Генерал-Адмирала» на несколько месяцев пропадает из источников. 18 августа к протопресвитеру обратился помощник начальника Главного морского штаба капитан 1-го ранга А. И. Русин с просьбой назначить на «Генерал-Адмирал» священника «преимущественно из участников минувшей войны», поскольку подобными клириками «во время собеседований с командой могли бы приводиться примеры из чисто боевой обстановки, что заинтересовывает нижние чины, заставляя их чаще толковать между собою о военном деле»[297]. То есть, можно утверждать, что на «Генерал-Адмирала» так и не назначили священника. Между тем с первого обращения к протопресвитеру по этому вопросу (6 февраля) прошло уже полгода. В письме Русина можно увидеть последствие Русско-японской войны. Для флота она была тяжелейшим испытанием и участие в боевых действиях было важным достоинством для судового священника. Тем более, что только завершились события Первой русской революции. Политическая пропаганда шла рука об руку с антицерковной и священник должен был бороться не только с различными религиозными «лжеучениями», но и с революционными идеями. На письме сверху, вероятно, рукой протопресвитера, сделана приписка: «иеромонаха Алексия Оконешникова»[298]. Это был известный герой войны, о котором будет рассказано в следующей главе.

В ответ на письмо А. И. Русина Духовное правление при протопресвитере, возможно, не совсем разобравшись в ситуации (ведь Ведомство протопресвитера получало множество различных писем), сделала запрос в Главный морской штаб: протопресвитер уже назначил на учебное судно «Генерал-Адмирал» священника Николая Орлова, его необходимо

[297] Там же. Л. 193.
[298] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 5860. Л. 193.

заменить?[299] Главный морской штаб ответил, что просит назначить отдельного священника на учебное судно, поскольку «Генерал-Адмирал» несёт «самостоятельную службу брандвахтенного судна» в порте императора Александра III и более не состоит в отряде контр-адмирала Н. О. фон Эссена, где пастырские обязанности исполняет упомянутый священник Николай Орлов[300]. То есть всё это время «Генерал-Адмирал» так и не имеет на борту священнослужителя. Подробности содержались в письме командира порта императора Александра III контр-адмирала И. К. Григоровича, который сообщил, что клирик назначается «на 4 месяца этого года и на весь следующий», при этом Григорович просит учесть, что на «Генерал-Адмирале» находятся «порочные нижние чины, подследственные и политически неблагонадёжные» поэтому нужен священник, способный влиять на них[301]. В результате протопресвитер назначил на «Генерал Адмирал» штатного судового священника Балтийского флота Василия Чуева, о чём сообщил клирику[302] и контр-адмиралу И. К. Григоровичу[303].

Однако на этом история не закончилась. К протопресвитеру обратился командир «Рынды» капитан 2-го ранга А. А. Хоменко, который сообщил, что нельзя забрать с корабля священника Чуева, поскольку клирик необходим на борту «Рынды» для «исполнения церковной службы и для бесед и занятий с командой» и «обучения нижних чинов»[304]. В отличие от вышеописанного эпизода, когда с «Рынды» был переведён Орлов и протопресвитер отказал Хоменко оставить его на корабле, в этот раз протопресвитер решил оставить Чуева на «Рынде», а на «Генерал-Адмирала» вместо него 18 сентября был назначен иерей Владимир Осмачкин[305]. 10 октября 1907 года Главный морской

[299] Там же. Л. 194.
[300] Там же. Л. 200.
[301] Там же. Л. 195
[302] Там же. Л. 204.
[303] Там же. Л. 205–205 об.
[304] Там же. Л. 207–207 об.
[305] Там же. Л. 210.

штаб сообщил протопресвитеру о том, что на «Генерал-Адмирал» до сих пор не прибыл священник[306]. 12 октября командир корабля «Генерал-Адмирал» капитан 1-го ранга Е. К. Крафт сообщил протопресвитеру, что священник Осмачкин прибыл на борт[307], о чём Духовное правление при протопресвитере сразу сообщило в Главный морской штаб[308].

Таким образом, с первого обращения к протопресвитеру (6 феврале 1907 года) о том, что необходимо назначить священника на учебное судно «Генерал-Адмирал» до прибытия на борт священника (12 октября) прошло 8 (!) месяцев (если не считать иерея Николая Орлова, который был сразу переведён на другой корабль). Важно отметить, что эта эпопея скорее является исключением лишь с точки зрения её длительности. В остальном – это типичная ситуация назначения священника на корабль РИФ. В одном только деле 5860 фонда 806 РГИА, где хранятся материалы этой истории, содержится ряд аналогичных ситуаций. По своей сути эта история показывает то положение, в котором находились как рядовые флотские священники, так и сам протопресвитер военного и морского духовенства. Священники из лиц, относившихся к другому ведомству (в случае штатных священников – к Ведомству протопресвитера, а в случае нештатных – к Епархиальному ведомству), фактически превратились в служащих Морского ведомства. Морское начальство распоряжалось ими, как считало нужным, лишь уведомляя о своих решениях их духовное руководство в лице протопресвитера. Также нельзя утверждать, что система назначения клириков на флот была отлаженной. Назначение каждого судового священника требовало личного участия протопресвитера. При этом морские офицеры регулярно вмешивались в распоряжения протопресвитера, даже иногда не учитывая интересы друг друга (как в случае с командиром учебного судна

[306] Там же. Л. 242.
[307] Там же. Л. 250.
[308] Там же. Л. 245.

«Рында»). Всё это приводило к путанице и, как следствие, к описанной выше ситуации. Священники воспринимались морским начальством (например, А. И. Русиным и И. К. Григоровичем) как инструмент, с помощью которого можно улучшить политическую ситуацию на борту. Всё это привело к тому, что Ведомство протопресвитера не было равным по отношению к Морскому ведомству. Оно было лишь послушным винтиком в большой государственной машине, где священники были фактически чиновниками, что, кстати, мало отличалось от положения епархиальных клириков. Однако государство, в отличие от Морского ведомства, не вмешивалось в назначения священников на епархиальные приходы.

Несколько иначе происходило назначение духовенства на пароходы ДФ. На суда, перевозившие солдат, священнослужители назначались протопресвитером военного и морского духовенства, а на суда, перевозившие ссыльных, – Святейшим Синодом. Информация о назначении священнослужителей для сопровождения переселенцев отсутствует. Можно предполагать, что они назначались Св. Синодом. Нам известно лишь одно упоминание, содержащееся в записках судового священника Георгия Левитского, о старом иеромонахе, сопровождавшем переселенцев на пароходе «Хабаровск»[309].

На данный момент, исходя из материалов 806 фонда РГИА, возможно раскрыть подробно лишь процесс назначения духовенства на суда ДФ для сопровождения новобранцев. Поэтому именно в таком варианте на примере одного священнослужителя и будет рассмотрено назначение священников на ДФ.

Подготовительный этап этого процесса был связан с перепиской между Комитетом ДФ и канцелярией протопресвитера или канцелярией протопресвитера и Главным штабом. Задолго до самого плавания (например,

---

[309] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весной 1895 // Вестник военного духовенства. 1896. № 14. С. 435.

в декабре[310]) протопресвитер обращался в Комитет ДФ с просьбой сообщить ему о количестве священников, необходимых для сопровождения новобранцев от Одессы во Владивосток[311]. Во время межведомственной переписки оговаривались сроки плавания, в какой день и куда должен явиться священнослужитель, который будет судовым священником в данном рейсе. Для примера приведём выдержку из переписки между протопресвитером и инспектором ДФ за декабрь 1893 года: «… в будущем 1894 году предполагается отправить из Одессы во Владивосток 1450 нижних чинов на пароходе «Саратов», выход которого из Одессы назначается на 1-ое марта 1894 г., причём пароход должен возвратиться в Одессу 20-го июня 1894 года. Так как на вышеупомянутый пароход будет необходим священник, то имею честь обратиться к Вашему высокопреподобию с просьбою о назначении священника для сопровождения новобранцев с тем, чтобы он явился в Одессу к г. помощнику инспектора Добровольного флота отставному капитану 1-го ранга Сергею Ильичу Кази не позже 27-го февраля 1894 года»[312].

Но были случаи, когда передислокация войск была незапланированной, и тогда планировать перевозку военнослужащих и назначать священнослужителей приходилось в срочном порядке[313].

Далее происходил подбор духовенства. Когда Контора ДФ или Главный штаб сообщали необходимое количество священников, сроки прибытия в порт отправления, а также длительность плаваний, протопресвитер начинал подбор клириков.

Как уже отмечалось выше, на рубеже XIX–XX веков представители как белого[314], так и чёрного духовенства[315] нередко просили протопресвитера о том, чтобы их назначили на должность судовых священников. Этих

---

[310] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 5.
[311] Там же.
[312] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 8.
[313] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 7. об.
[314] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1069. Л. 1; Д. 3092. Л. 1; Д. 5776. Л. 1.
[315] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1674. Л. 7; Д. 1213; Л 3. Оп. 5. Д. 5860. Л 14.

священнослужителей протопресвитер имел в виду в первую очередь. Одним из них был иерей Георгий Левитский, чья личность уже была подробно раскрыта при характеристике его многочисленных записок.

На первом письме иерея Георгия Левитского, которое содержало просьбу о назначении его в штат военного духовенства, имеется следующая резолюция протопресвитера Александра Желобовского: «на один из кораблей Добровольного флота, или в кругосветное плавание»[316]. Когда появилась вакансия на пароходе «Саратов», Ведомство протопресвитера обратилось в Екатеринбургскую духовную консисторию, и там сообщили, что «не встречается препятствий к увольнению» священнослужителя для службы на флоте[317]. Под увольнением в данном случае понимается не исключение из числа клириков епархии, а временный перевод, командировка на другое место служения. В начале XX века, с появлением штатов флотского духовенства, на пароходы ДФ стали нередко назначаться не епархиальные, а штатные священнослужители. Но каково было соотношение штатных и епархиальных священников, исходя из имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы, на данный момент установить невозможно.

После двух плаваний на пароходе «Саратов» в 1894 и 1895 годах иерей Георгий пишет письмо протопресвитеру со следующей просьбой: «Не благоугодно ли будет и в следующем 1896 году дать мне назначение в плавание, причём, если возможно, осмеливаюсь выразить моё желание – получить назначение на одно из военных судов»[318]. На письме имеется резолюция следующего содержания: «Иметь в виду при открытии вакансий священнослужителя на корабле»[319]. Несмотря на пожелание о назначении на один из кораблей РИФ, протопресвитер, вероятно учитывая успешную

[316] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 1.
[317] Там же. Л. 9.
[318] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1069. Л. 1.
[319] Там же.

деятельность иерея Георгия на судах ДФ, назначил священнослужителя на пароход ДФ «Орёл»[320].

Когда у протопресвитера не было «на примете» кандидатов на должность священника для судов ДФ, он обращался к ближайшему к порту отправления (Одесса) архиерею – архиепископу Херсонскому и Одесскому, и тот выделял епархиальных клириков[321]. При подборе духовенства на корабли РИФ протопресвитер обращался не только в эту, но и в другие епархии.

После согласования между Ведомством протопресвитера и епархиальным руководством касательно кандидатуры на должность судового священника протопресвитер выписывал священнослужителю ордер. В нём указывалось, на какое судно назначен клирик, куда и в какой срок ему необходимо явиться[322]. После этого протопресвитер сообщал инспектору ДФ о том, какой именно священник был назначен на должность судового священника конкретного парохода[323].

Процесс назначения духовенства на корабли РИФ близок к назначению на суда ДФ. Разница состоит в том, что на корабли РИФ ежегодно назначалось в разы больше клириков, чем на суда ДФ, а большая часть назначаемого до кадровой реформы духовенства были монашествующими, между тем как в это же время значительная часть священнослужителей на пароходах были представителями белого духовенства. Кроме того, при назначении на суда ДФ, исходя из известных нам источников, на протопресвитера не оказывалось такого же воздействия со стороны какого-либо ведомства, как в случае с назначением священников на корабли РИФ. Военному ведомству, в чьём ведении были новобранцы, как и Комитету ДФ, было не столь важно, какой именно священник окажется на пароходе. Поэтому с протопресвитером

---

[320] *Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе Д.Ф. «Орел» // Вестник военного духовенства. 1897. № 3. С. 86.
[321] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 5, 6.
[322] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 2; РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 18.
[323] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 19.

выстраивались равные межведомственные отношения, а священник был приглашённым сторонним сотрудником. В свою очередь священник корабля РИФ, по-видимому, рассматривался в больше степени как чиновник Морского ведомства, которым можно распрояжаться по собственному усмотрению, чем как духовное лицо.

§ 6. Обязанности судового священника

Чтобы обозначить круг обязанностей судового священника РИФ в изучаемый нами период для начала необходимо проанализировать два главных документа, которые регламентировали деятельность морского духовенства: Морской устав и «Положение» 1890 года.

Согласно статье 644 Морского устава 1885 года, священник «корабля состоит в ведении командира оного и обязан сообразовываться с учреждённым на корабле общим порядком. По духовным делам остаётся в подчинении своему духовному начальству»[324]. Очевидна двойственность положения судового священника, т. к. ему надо было подчинятся и командиру корабля, и благочинному соединения кораблей. Кроме того, его деятельность на флоте должна осуществляться в рамках судового распорядка.

Подчинённость и согласование действий священника с командиром корабля прописывается также в статьях 644, 645, 648, 650, 651, 652, 653, 823 и 825. При этом церковные правила фигурируют лишь в трёх статьях: согласно статье 646, священнослужитель должен «заботится о приличном содержании и хранении их (церковных вещей – С. С.) сообразно церковным правилам…»[325], в статье 653 указано, что священнослужитель «обязан выполнять требы и оказывать духовную помощь, по правилам Православной Церкви и с разрешения командира[326], а в статье 819 упоминается о том, что богослужения «отправляются по церковному уставу», а от командира корабля

[324] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 245.
[325] Там же.
[326] Там же. С. 248.

«зависит в случае особенных обстоятельств, отменить службу»[327]. То есть в двух из трёх статей, где упоминаются церковные правила, фигурирует согласование действий с командиром корабля. Эти указания Морского устава, вкупе с тем, что, согласно статье 644, деятельность духовенства должна осуществляться в рамках судового распорядка, привела к тому, что богослужебная практика во многом формировалась не священнослужителем, а командиром корабля. Исходя из приказов корабельного начальства, которые противоречили статьям 644 и 819 Морского устава, духовенство предельно сокращало те немногие богослужения, которые служились, причём каждый священник по-своему сокращал и видоизменял его.

Обязанности священнослужителя регламентируются в десяти статьях Морского устава (644–653, 819). Семь из десяти статей связаны с богослужебной деятельностью (совершение треб, таинств, говение моряков, церковное имущество, пение молитвы и т. п.), что показывает главную цель нахождения священнослужителя на борту корабля. Они будут рассмотрены нами подробно во второй главе данного исследования. На статьях 645, 648, 652 и 819 необходимо остановится подробнее.

Статьи 645 и 652 можно отнести к регламентации внебогослужебной деятельности морского духовенства. Согласно первой, после богослужения, «с предварительного согласия командира, священник излагает команде краткие поучения, стараясь, чтобы они были доступны понятиям слушателей и чтобы имели на них благодетельное нравственное влияние»[328]. Статья 652 в первую очередь касалась священнослужителей, назначенных на учебные суда: «Священник обязан, когда командир признаёт возможным, поучать юнкеров и воспитанников закону Божию, обращая внимание на развитие их нравственности. С разрешения командира он занимается также с командой,

[327] Там же. С. 303, 304.
[328] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 246.

соображая свои поучения с понятиями матросов и их военным званием»[329]. Именно эти две статьи Морского устава стали основанием для проведения духовенством внебогослужебных духовных бесед и чтений, о чём подробно будет рассказано в третьей главе.

Статья 645 обозначала обязанность священнослужителя в несколько иной сфере: «Священник обязан своим поведением подавать пример христианской жизни и повиновения корабельному начальству, внушая тоже самое команде и назидая её в правилах нравственности»[330]. Неисполнение этого указания, в особенности пьянство, очень вредило репутации судового священника и нередко могло стать причиной его увольнения с корабля[331].

Статья 819 содержит подробное описание того, как и когда должны совершаться богослужения на корабле, что будет подробно проанализировано во главе II, а также следующее указание: «Перед раздачей коек поются краткие вечерние молитвы, под руководством священника»[332]. На кораблях, в том числе и ДФ[333], существовала традиция не читать, а петь ежедневные молитвы[334]. При этом проводились не только вечерние, но и утренние молитвы[335]. Вероятно, информацию о проведении утренней молитвы забыли добавить в Морской устав. Позже это недоразумение было исправлено, например, в Морском уставе 1901 года, в статье 920 (при переиздании устава нумерация статей изменялась) упомянуты обе молитвы: «Утром и вечером, в назначенное время, поются установленные молитвы, под руководством

---

[329] Там же. С. 247.
[330] Там же. С. 245.
[331] См. напр.: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1376; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6737.
[332] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 304.
[333] *Дьяков. Н. свящ.* Год на крейсере «Адмирал Нахимов». СПб., 1904. С. 176.
[334] *Апрелев Б. П.* Брызги моря. С. 7; *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. // Вестник военного духовенства. 1896. № 14. С. 430.
[335] См. напр.: *Дьяков. Н. свящ.* Год на крейсере «Адмирал Нахимов». СПб., 1904. С. 176; *Кравченко В. С.* Записки судового врача. Через три океана. М., 2014. С. 259.

священника»[336]. Таким образом, статьи 645 и 819 регламентируют ежедневные обязанности священнослужителя – «своим поведением подавать пример христианской жизни и повиновения корабельному начальству» и возглавлять молитву.

В «Положении об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств» (1890 года)[337], кроме уже указанных в Морском уставе, упоминаются следующие обязанности военного священника: организация хора из военнослужащих (п. 50); проведение катехизаторских бесед (п. 51); устроение, с согласия начальства, внебогослужебных бесед и чтений (п. 52); искоренение суеверий и исправление нравственных недостатков, забота об утверждении воинских чинов в вере и благочестии» (п. 53). Однако во всех пунктах говорится о священнослужителях, осуществлявших служение в сухопутных подразделениях, а судовые священники не упоминаются. Кроме того, жизнь на борту мог регламентировать только Морской устав и распоряжения Морского ведомства. И поскольку «Положение» было внутренним документом Церкви и не могло влиять на действия командира, судовые священники в своей деятельности, опирались исключительно на Морской устав.

Таким образом, круг обязанностей судового священнослужителя практически ограничивался богослужебной деятельностью, которая должна была осуществляться в строгих рамках Морского устава и с разрешения командира корабля. Обучение Закону Божьему и поучения осуществлялись также с дозволения командира.

Необходимо отметить, что значительная оторванность от внешнего мира (в сравнении с полковыми и епархиальными коллегами), замкнутость пространства, зависимость от морской стихии, судового распорядка, качка и

---

[336] Свод морских постановлений. Книга X. Морской устав. Издание 1901 года. СПб., 1902. С. 225.
[337] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).

другие условия корабельной жизни составляли специфику служения морского священнослужителя. Подготовка к богослужению на корабле осложнялась ещё и тем, что священнику приходилось не только организовывать процесс, но и нередко делать все самому: помощников по штату ему не полагалось, можно было рассчитывать только на добровольцев. Делать же приходилось немало: организовать сборку судовой церкви, расставить необходимое имущество, иметь в наличии нужные для проведения богослужения вещества, провести спевку хора и подготовить чтецов. При этом подготовка к богослужению не нашла никакого отражения в Морском уставе, что не могло не осложнять организацию религиозной жизни на флоте.

Ситуация с регламентацией деятельности флотского духовенства несколько изменилась в 1907 году. Современная исследовательница Е. В. Коноплёва отмечает: «Однако, судовым священникам, их статусу, обязанностям в "Положении" не уделялось никакого внимания. Вообще, судовые священники были достаточно малочисленными, по сравнению со священниками сухопутных частей, и в связи с этим "забытыми" своим непосредственным начальством. Только через 17 лет, в 1907 г. протопресвитер А. Желобовский обратил внимание на отсутствие в "Положении " каких-либо указаний насчет судовых священников и обратился с данным вопросом в Главный морской штаб, присовокупив к своему обращению проект "Инструкции судовым священникам"»[338]. Вероятно, протопресвитер был автором или же одним из её составителей.

В письме от 23 июня 1907 года протопресвитер Александр Желобовский так объясняет Главному Морскому штабу необходимость принятия Инструкции: «Отсутствие в существующем "Положении об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств", объявленном в

---

[338] *Коноплёва Е. В.* Духовенство Балтийского флота в годы Первой мировой войны: основные направления деятельности (Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «Педагогическое образование», профиль «Историческое образование». РГПУ им. А. И. Герцена). СПб., 2022. С. 27.

приказе по морскому ведомству 1890 г. № 125, указаний об обязанностях и порядке прохождения службы судовых священников и недостаточно подробное изложение таковых в Морском Уставе побудили меня озаботиться составлением инструкции судовым священникам, каковая и составлена ныне, по моему поручению, во вверенном мне Управлении. Введение означенной инструкции представляется особенно благовременным и необходимым в настоящее время, когда к пастырской деятельности морского духовенства предъявляются исключительные требования. К тому же побуждают неоднократно возникавшие недоразумения между судовыми священниками и их непосредственным морским начальством, а также и случаи нарушения некоторыми лицами из судовых священников обязанностей своего высокого звания»[339]. В дополнении к словам протопресвитера о недостаточной регламентации в Морском уставе обязанностей священника необходимо отметить, что проблема назрела давно, поскольку предыдущая инструкция судовым священникам была создана ещё при Петре I[340]. Между тем сам Морской устав к 1907 году уже существенно устарел и требовал многочисленных доработок, и это касалось не только обязанностей священнослужителя. С середины XIX века Морской устав, по меткому выражению советского историка флота Д. И. Дмитриева, «в целом являлся лишь запоздалым фиксатором происходивших в русском флоте изменений»[341].

В письме от 29 сентября 1907 года в Морской Генеральный штаб протопресвитер настаивал на необходимости «объявить» инструкцию, то есть утвердить её циркуляром ввиду того, что: «1) морские чины не будут считать себя обязанными сообразоваться с инструкцией судовым священникам в потребных случаях, если она будет объявлена только распоряжением

---

[339] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 1.

[340] Подробнее об инструкции см.: *Бландов А. А.* Православное духовенство в российском военно-морском флоте XVIII в.: Дис. … к. и. н. СПб., 2014. С. 117–123.

[341] Подробнее о недостатках Морского устава см.: *Дмитриев В. И.* История корабельного устава. Л., 1984. С. 55.

духовного Начальства и 2) то обстоятельство, что в ближайшем будущем предстоит пересмотр Морского Устава, и возможно, изменение тех статей, на которые делается ссылка в инструкции, по моему мнению, не может служить препятствием к объявлению её в приказе по морскому ведомству, так как означенная инструкция не только не стоит в противоречии с имеющими отношение к ней статьями Морского устава, но как строго согласованная с ним, может служить материалом при новом издании Морского устава»[342]. Доводы протопресвитера в очередной раз подтверждают, что жизнь на корабле мог регламентировать только Морской устав и распоряжения Морского ведомства. Если обратиться к тексту Инструкции, то можно убедиться, что большая часть пунктов повторяет, дополняет или корректирует статьи Морского устава. Из 37 пунктов лишь 17 не содержат ссылки на статьи Морского устава. При этом ни один из пунктов не противоречит Морскому уставу, а всё изложенное в инструкции можно расценивать в качестве важного источника, зафиксировавшего как представление протопресвитера об идеальном служении судового священника, так и реальную специфику деятельности флотского духовенства.

Обратимся к тем пунктам инструкции, в которых содержатся наиболее важные изменения и дополнения к уже изложенным в Морском уставе обязанностям. Пункты 3 и 4 существенно дополняют статью 652 Морского устава (протопресвитер пользуется более поздним изданием, в котором статья дословно перепечатана, но имеет другой номер), согласно которой «Священник обязан, когда командир признаёт возможным, поучать юнкеров и воспитанников закону Божию, обращая внимание на развитие их нравственности. С разрешения командира он занимается также с командой, соображая свои поучения с понятиями матросов и их военным званием»[343]. Пункты инструкции расширяют эту обязанность: «3. Накануне воскресных и

[342] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 7.
[343] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 247.

праздничных дней, а также особенно во дни говения команды, он ведёт с нею внебогослужебные собеседования, стараясь при этом приноровиться к её пониманию и потребностям (М[орской] [У]став ст. 705). 4. Там, где есть на судне учебная команда, судовой священник есть обязательный законоучитель её (та же статья)»[344]. Таким образом, расплывчатые формулировки статьи Морского устава о том, что внебогослужебные беседы должны проходить «когда командир признаёт возможным» и «с разрешения командира», заменяются на точное указание: «накануне воскресных и праздничных дней, а также особенно во дни говения команды».

В пункте 6 протопресвитер не ссылается на статьи Морского устава. В нём автор подчёркивает значение судового священника как пастыря, который должен заботиться о каждом духовном чаде: «В свободное же от занятий команды время он входит также в общение с нижними чинами путём частных и отдельных личных собеседований с ними, стараясь узнать настроение каждого члена судовой команды и приобрести её доверие к себе и принимая соответственные нужде меры пастырского воздействия»[345]. Однако факт того, что здесь речь идёт исключительно о нижних чинах, с которыми священник «входит» в общение и старается узнать «настроение» каждого матроса, а инструкция была написана в 1907 году, позволяет предположить, что за этим пунктом стоит нечто больше, чем забота о душеспасении.

В годы Первой русской революции (1905–1907 годы) немалую роль сыграли матросы, в связи с этим власти стремились усилить контроль над нижними чинами флота. Эффективная деятельность судовых священников считалась одним из способов борьбы с антиправительственной пропагандой, которая шла рука об руку с антирелигиозной[346]. Поэтому можно полагать, что

---

[344] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 20.
[345] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 20 об.
[346] См. напр.: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5673.

появление 6 пункта инструкции являлось реакцией на революционные события на флоте.

Пункт 7 тоже не имеет аналогов в Морском уставе. Он является продолжением 6, однако затрагивает другую грань внебогослужебной работы священника: «Для большего укрепления тех религиозных начал, которые судовой священник насаждает в команде, он заботится об устройстве для неё церковной библиотеки и заведует ею»[347]. Проблема нехватки книг для чтения в этот период нижних чинов была достаточно острой. Если у офицеров была, как правило, библиотека в кают-компании, а также личные собрания, то у нижних чинов зачастую не было средств для покупки книг. На многих кораблях матросские библиотеки отсутствовали и бывали случаи, когда единственным человеком, который бы позаботился о чтении для матросов, был судовой священник. Однако эта деятельность не была регламентирована и не считалась обязанностью священника.

Существенные уточнения по различным аспектам богослужебной деятельности содержатся в 11–13 пунктах. Так, например, согласно пункту 11 судовому священнику предписано хранить «Св. Антиминс и Св. Дары» в алтаре на престоле (если церковь не разборная, что было редкостью) или в специальном ящике, «отделанном внутри замшею или плисом[348]», а не при корабельном образе, как это требует Морской устав[349]. Примечание к пункту 12 призвано решить одну из существенных проблем подготовки священника к богослужению – вопрос о просфорах, которые невозможно было запасти впрок: «При уходе в заграничное плавание судовой священник должен заботиться о том, чтобы печению просфор своевременно на берегу был обучен один или двое способных к тому матросов, чему также содействует и судовое начальство»[350]. Последнее указание о том, что судовое начальство должно

[347] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 20 об.
[348] Хлопчатобумажная или шерстяная ткань.
[349] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 21.
[350] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 21 об.

содействовать организации просфоропечения представляется попыткой протопресвитера облегчить жизнь священнику, ведь зачастую офицеры не оказывали должной помощи при организации богослужений.

Показателен пункт 13, согласно которому судовой священник «лично наблюдает и руководит установкой иконостаса и уборкой его до и после богослужения, охраняя святыню от небрежного обращения с нею назначенных для этого людей»[351]. В начале XX века участились случаи осквернения церквей и икон, что и нашло отражение в инструкции.

Большое значение для регламентации богослужебной деятельности имеет пункт 17: «Продолжительность богослужения и порядок совершения служб церковных, по возможности, должны быть согласованы с условиями судовой жизни без нарушения, однако ж, основ церковного Устава. Во избежание произвола в этом отношении как со стороны священнослужителей, так и судового начальства, на всех судах флота должен быть один общий порядок службы, принятый в церквях Придворного ведомства и вполне подходящий к условиям судовой жизни»[352]. Длительность богослужения на корабле зачастую зависела от указаний командира корабля, согласно которым церковная служба могла серьёзно сокращаться. Одно и тоже богослужение может сокращаться различными способами, и главная задача, которая нередко ставилась перед священником, – чтобы богослужение быстрее закончилось (ни о каком благоговении или благолепии богослужения речи уже не было). Известны случаи, когда священник отказывался сокращать богослужение или заменить более длительное (литургия) на более короткое (обедница) и судовое начальство отменяло церковную службу вовсе[353]. В связи с этим было

---

[351] Там же.
[352] Там же. Л. 22.
[353] См. напр.: *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. II. СПб., 2018. С. 391. 407–409.

необходимо принять единые правила сокращения богослужений для всех корабельных церквей.

В пункте 17 протопресвитер указывает, что богослужебная практика корабельных церквей должна соответствовать порядку служб, утверждённому для придворных церквей. Важно отметить, что это попытка унификации произошла в 1907 году, когда протопресвитером был Александр Желобовский. Ранее в историографии высказывалось мнение, что порядок богослужений, принятый в Придворном ведомстве, был принят на флоте в 1915 году протопресвитером Георгием Шавельским[354]. Между тем отец Георгий, как и в случае с кадровой реформой флотского духовенства, лишь продолжил дело предшественника.

Примечания к пункту 18 существенно дополняли Морской устав в одной из главных сфер религиозной жизни моряков – говение: священник должен ежедневно проводить внебогослужебные беседы с говеющими моряками и «наделять их соответствующими книгами из духовной библиотеки», а само говение должно продолжаться не менее 4-х дней[355]. Последнее уточнение особенно важно, поскольку длительность говения зависела только от решения командира.

Пункт 19 призван существенно упростить служение судового священника: «Подготовление церковника и чтецов, если на судне нет способных к тому лиц, лежит на обязанности судового священника; им же, при содействии судового начальства, формируется церковный хор»[356]. У священника на корабле отсутствовали штатные помощники, и можно было рассчитывать только на добровольцев, а поскольку их подготовка (например, чтецов, певцов) не упоминалась в Морском Уставе, то священнослужитель мог

---

[354] См. напр.: Кострюков А. А. Особенности богослужения в действующей армии в начале XX века (об одном «свидетельстве» Н.Д. Жевахова) // Церковно-исторический вестник. 2007. № 14. С. 162.
[355] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 22 об.
[356] Там же.

столкнуться с тем, что судовое начальство не содействовало, а иногда даже препятствовало этой деятельности.

Пункты 20–24 содержат подробную информацию о церковной отчётности: какие книги необходимо заполнять и каким образом осуществляется приёмка и сдача имущества[357].

Пункты 25–37 регулируют различные дисциплинарные аспекты: каков должен быть моральный облик священнослужителя, его взаимоотношения с судовым начальством, а также в каком облачении он должен находиться в различных ситуациях, связанных с «высочайшими особами» и «государем императором», флагманом эскадры, главнокомандующим, морским министром и т. д.[358].

Можно утверждать, что «Инструкция судовым священникам» являлась большим шагом в регламентации деятельности флотского духовенства. Составитель грамотно восполнил многочисленные недостатки Морского устава, а также учёл опыт «Положения об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств»[359], которое являлось церковным документом и не могло влиять не решения судового начальства. Инструкция была утверждена Главным Морским штабом циркуляром № 24 от 18 января 1908 года[360]. Поскольку ряд пунктов регламентировал взаимодействие священнослужителя с матросами, можно полагать, что одним из факторов, повлиявших на составление инструкции была Первая русская революция (1905-1907 гг.).

Таким образом, до 1908 года, когда была утверждена инструкция, деятельность судовых священников фактически делилась на 2 части: обязанности, зафиксированные в Морском уставе (должностные обязанности), и отсутствовавшие в нём.

---

[357] Там же. Л. 21 об. – 23 об.
[358] Там же. Л. 24–26 об.
[359] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).
[360] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 19 об.

1. Согласно Морскому уставу, судовой священник был обязан: совершать богослужения годичного круга и службы по требованию (требы – молебен, отпевание, венчание и т. п.), причащать больных и раненых, возглавлять ежедневную молитву, «излагать» краткие поучения после богослужения, поучать юнкеров и воспитанников Закону Божию, учить матросов основам православия и подавать пример христианской жизни.

2. Не обозначенные в Морском уставе обязанности можно в свою очередь разделить на 2 части: деятельность, которую священник вынужден делать для исполнения должностных обязанностей (организация сборки, разборки и украшения судовой церкви, подготовка певцов и чтецов, просфоропечение) и по собственной инициативе (например, создание библиотеки, организация паломнической поездки).

После утверждения инструкции должностные обязанности судового священника стали следующими:

1. совершать богослужения годичного круга богослужений и требы, причащать больных и раненых;
2. возглавлять ежедневную молитву;
3. организовывать сборку, разборку украшение судовой церкви и при этом «защищать святыню» от возможных осквернений;
4. организовывать просфоропечение;
5. организовать судовой хор, подготовить певцов и чтецов;
6. создать судовую духовную библиотеку и заведовать ею;
7. «излагать» краткие поучения после богослужения;
8. поучать юнкеров и воспитанников Закону Божию, учить матросов основам православия;
9. проводить внебогослужебные беседы накануне воскресных и праздничных дней, а также в дни говения;
10. в свободное «от занятий команды время» беседовать с нижними чинами, «стараясь узнать настроение каждого члена судовой команды и

приобрести её доверие к себе и принимая соответственные нужде меры пастырского воздействия»;

11. подавать пример христианской жизни.

Однако если обязанности, хоть и запоздало, но были должным образом обозначены в инструкции, то сам статус судового священника и его положение в корабельной иерархии осталось неопределённым.

Говоря об обязанностях судовых священников, необходимо привести ещё один источник. Летом 1913 года «южно-американский епископ Григорий Игнатий Ромеро», который духовно «окормлял» военно-морской флот Аргентины, обратился к Министерству иностранных Российской империи дел с рядом вопросов касательно флотского духовенства РИФ[361]. Министерство иностранных дел в свою очередь обратилось к Морскому министерству, где был подготовлен развёрнутый ответ (полный текст см. в Приложении 1)[362]. На вопрос аргентинского епископа: «в чём заключаются обязанности морского духовенства» и ограничиваются ли они «исполнением религиозных треб или же ему вменяется также законоучительская деятельность» Морское ведомство дало подробный ответ: обязанности судовых священников изложены в статьях Морского устава и в «Инструкции судовых священников». Священнослужителям «вменяется в обязанности помимо совершения духовных треб также и ведение с командою внебогослужебных собеседований; на тех же кораблях, на коих находится учебная команда, обязанная пройти особый курс обучения, судовой священник есть обязательный законоучитель её»[363].

Таким образом, к 1913 году внебогослужебные беседы стали, наряду с богослужебной деятельностью, важнейшей обязанностью судового священника. В свою очередь это существенно повышало требование к уровню

[361] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4315. Л. 36.
[362] Там же. Л. 43–43 об.
[363] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4315. Л. 43 об.

богословского образования флотского духовенства. А поскольку в 1911–1912 годах прошла кадровая реформа и теперь большая часть судовых священников – образованные представители белого духовенства, то появились клирики, способные исполнять эту обязанность. Возможно, если бы кадровая реформа и изменения регламентации обязанностей флотского духовенства произошли бы на несколько десятилетий ранее, то эти решения могли бы принести существенные плоды. Однако спустя всего несколько лет произойдёт революция, а военное и морское духовенство будет упразднено.

Деятельность духовенства на пароходах ДФ не была регламентирована. Во всяком случае автору на данный момент не удалось найти каких-либо инструкций, регулирующих служение священников.

В межведомственной переписке содержатся следующие формулировки: священнослужители назначались на пароходы ДФ «для сопровождения новобранцев»[364] и «для исполнения пастырских обязанностей»[365]. Но пояснения встречаются не так часто. Наиболее подробно обязанности данных священнослужителей раскрыты в документе, направленном 20 января 1892 года Главным штабом протопресвитеру военного и морского духовенства Александру Желобовскому: «сверх обычных церковных богослужений и необходимых духовных треб следует возложить ещё занятие с новобранцами, возможно чаще, духовными беседами, поддерживающими хорошее нравственное настроение и бодрость духа, отражающиеся благотворно и на их здоровье»[366]. То есть священник на пароходе должен был заниматься не только богослужебной деятельностью, но и проводить внебогослужебную работу с военнослужащими.

---

[364] См.: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 2, 5
[365] См.: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1674. Л. 125; РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 7. Д. 133. Л. 31.
[366] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 1 об.

§ 7. Место священника в корабельной иерархии и его материальное обеспечение до кадровой реформы

Священник в корабельной иерархии, по мнению морских офицеров, близок по своему положению с судовым врачом. Внешне это сравнение кажется вполне естественным, ведь если первый врачует душу, то второй – тело. Тем более, что священнослужитель и медицинский работник были некомбатантами, то есть лицами, входящими в состав вооружённых сил, но не участвующими в боевых действиях. В их отношении должен проявляться нейтралитет и на них не может распространяться режим плена. Во время Русско-японской войны личный состав кораблей и судов неоднократно попадал в плен. Японцы не сразу, но спустя определённое время отпускали представителей духовенства.

Однако современники выделяли судового врача и священника как особых людей на борту по другой причине. Она выражена в поговорке, о которой наиболее подробно рассказывает в мемуарах контр-адмирал Г. К. Граф: «На военных кораблях священникам было мало дела. Их обязанности ограничивались церковными службами по субботам, воскресеньям и праздникам. В остальные дни они могли заниматься чем хотели. О. Серафим хлопотал о еде и слонялся по кают-компании. В рабочее время она пустовала, и ему не с кем было пускаться в разговоры, разве что появлялась другая скучающая персона в лице доктора, с которым он любил засесть за партию в трик-трак или шашки. Судовые врачи, конечно, были гораздо больше заняты, чем священники. Они принимали больных утром и вечером, следили за лазаретом и проверяли качество принимаемого мяса для команды. В рабочее время должны были находиться на корабле на случай какого-либо несчастья. Время от времени они также производили медицинские осмотры команды. Но все же у них оставалось много свободного времени, и часто священники являлись единственными компаньонами по их вынужденному бездействию. Недаром ещё в старые времена сложилась поговорка: "Хорошо живется на

корабле – коту, попу и доктору"»[367]. На вопросе о том, насколько справедливо такое суждение о судовом священнике, мы ещё подробно остановимся в главе III. Пока отметим, что врачи и священнослужители не только вместе проводили досуг, но и находились на одном посту в бою – в судовом лазарете.

Для понимания места священнослужителя на корабле необходимо коснуться проблемы чёткого разделение личного состава РИФ на офицеров и нижних чинов. Это деление очень точно охарактеризовал современный историк В. Я. Крестьянинов: «Каждый военный корабль представляет из себя как бы маленькое совершенно изолированное государство, население которого состоит из двух крайне противоположных элементов – офицеров и матросов – людей, живущих под одной кровлей, но думающих очень различно»[368]. Серьёзный барьер между командным составом и матросами был основополагающей стороной военно-морской дисциплины и во многом определял повседневную жизнь на флоте, поэтому на данной проблеме необходимо остановиться подробнее.

Субординация и дисциплина в российской императорской армии и на флоте, которые были «в значительной степени унаследованы от крепостнических времён, к концу XIX в. ощущались матросами как унизительные»[369]. В быту это проявлялось в первую очередь в «в виде чёткого деления личного состава на две категории – нижних чинов и офицеров. Они различались не только объёмом ответственности и власти, что характерно для любой эпохи, но и принципиально разной системой рекрутирования, поощрений и наказаний, организацией снабжения, правами на отпуска и

---

[367] *Граф Г. К.* Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914. СПб., 2006. С. 259–260.

[368] *Крестьянинов В. Я.* Российский императорский флот в фотографиях конца XIX – начала XX века. СПб., 2012. С. 269.

[369] *Назаренко К. Б.* Крестьянин на флоте после отмены крепостного права: Служебное положение и самосознание // Проблемы аграрной истории Северо-запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России. Международная межвузовская научная конференция. Псков, 2011. С. 207.

отставку, культурой и проч.»[370]. На флоте должно было соблюдаться чинопочитание, которое выражалось не только в беспрекословном повиновении и исполнении приказов, что было предписано Морским уставом, но и в обязательном уважении не только к начальнику, но и к любому старшему в чине как во время корабельной службы, так и во внеслужебное время[371]. Кроме того, во многом под влиянием английских морских традиций, неотъемлемой частью этой дисциплины «были жестокие телесные наказания матросов»[372], ещё её называют «палочной».

Как отмечал корабельный инженер В. П. Костенко, эта система была оправдана, когда на парусных кораблях «требовалось "дрессировать" и "драить" команду, чтобы матрос умел бегать по палубе утлых корветов и клиперов в океанский шторм, взбираться с акробатической легкостью по вантам на головокружительную высоту, брать рифы и крепить паруса под ударами шквала, когда корабль, кажется, проваливается в бездну. От матроса требовалась прежде всего физическая сила, ловкость и тренировка»[373].

Однако к концу XIX века роль механизмов на флоте всё больше возрастала, ввиду чего стало необходимым как для офицеров, так и для нижних чинов повышать свои технические знания и навыки. Теперь матрос «прежде всего должен быстро соображать. Мускулы утратили первенствующую роль. Без технической выучки и знаний матрос не годен для ухода за теми механизмами, которые ему доверяются»[374]. Кроме того, как отмечает современный историк К. Б. Назаренко, взаимоотношения между матросами и офицерами после 1861 года претерпели изменения: «Представление о том, что барин сделан из другого теста, уходит в прошлое. После отмены крепостного права начинается рост чувства собственного

---

[370] Там же. С. 202.
[371] Подробнее см.: Свод Морских постановлений. Книга 17. Военно-морской дисциплинарный устав. СПб., 1895.
[372] *Назаренко К. Б.* Крестьянин на флоте... Псков, 2011. С. 203.
[373] *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955. С. 239.
[374] Там же.

достоинства среди крестьян и, в особенности, рабочих. На флоте этот процесс был скрыт за внешними формами субординации. Не слишком наблюдательные офицеры продолжали снисходительно-покровительственно смотреть на матроса как на низшее, но, по сути, доброе существо»[375].

Таким образом, к концу XIX века внедрение техники, а также изменение матросского самосознания привели к тому, что старая «палочная» система стала восприниматься нижними чинами как ненормальная, что не могло не привести к неподчинениям и конфликтам[376]. При этом «Морской устав, система морского ценза, воспитание личного состава и дух воинской дисциплины флота ещё остались всецело пропитанными идеологией парусного времени, которая казалась старым морякам незыблемой и переходила от одного поколения к следующему»[377]. Современный исследователь В. Ю. Грибовский обращает внимание на политический аспект сложившейся ситуации: «Рост грамотности и сознательности матросов настоятельно требовал изменения методов воспитания и совершенствования системы стимулирования служебной активности. Однако офицерский корпус и судовые священники оказались совершенно к этому не готовыми и в основном придерживались традиционных установок, основанных на незыблемости веры и заведомом превосходстве барина над крестьянином. Между тем некоторые матросы не без влияния революционных идей в своем политическом развитии оставили позади не только служителей церкви, но и большинство офицеров»[378].

---

[375] *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции 1917–1918 гг. М., 2017. С. 172.
[376] *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955. С. 232.
[377] Там же. С. 236.
[378] *Грибовский В. Ю.* Личный состав Российского Флота в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Сборник статей «Синдром Цусимы». Цитадель, СПб., 1997. Электронная версия. URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_19/page_26/page_26_004/ (дата обращения 21.06.2023).

Нижним чинам, как и прежде, «запрещались любые действия, которые могли нарушить сословные барьеры»[379], а в отношении к ним со стороны командного состава (как правило, унтер-офицеров) старая система активно продолжала проявляться в унизительном обращении, «ругани» и рукоприкладстве[380], тем самым всё больше разделяя «личный состав на два враждебных лагеря: офицерские командные верхи и матросские низы»[381]. Это разделение, зафиксированное в жёстких рамках устава, приводило к тому, что культура нижних чинов «была близка к народной, фольклорной, тогда как культура офицеров, как и всего дворянства, была европеизированной, книжной»[382]. Стоит отметить, что положение матросов в культурном отношении было неоднозначным. Для них на суше «были закрыты все общественные сады, театры и кино <…> разрешен был доступ только в "народный дом"»[383], который был отчасти аналогом офицерского Морского собрания[384]. Как и Морское собрание, Народный дом был предназначен для проведения праздников, танцев, концертов, лекций, чтений и т. д., там же могла располагаться библиотека. Это было единственное учреждение для морских нижних чинов, предназначенное для культурно-образовательных целей.

Не обойдена эта проблема и в воспоминаниях протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского: «Детальнее говорить о флоте мне трудно: я сравнительно мало наблюдал внутреннюю жизнь флота, меньше был знаком с его личным составом и с его распорядками и укладом всей его жизни. При моих сравнительно не частых соприкосновениях с флотом у меня получалось впечатление, что в отношениях между офицерами и матросами

---

[379] *Назаренко К. Б.* Крестьянин на флоте... Псков, 2011. С. 202.
[380] Там же. С. 211–213; *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955. С. 233, 240.
[381] *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955. С. 234.
[382] *Назаренко К. Б.* Крестьянин на флоте... Псков, 2011. С. 202.
[383] *Магдалинский А. В*. На морском распутье. Ярославль, 1954. С. 33.
[384] *Граф Г.* Моряки... С. 92.

есть какая-то трещина. Мне тогда казалось, что установить добросердечные отношения между офицерским составом и нижними чинами во флоте гораздо труднее, чем в армии. Это зависело и от состава нижних чинов, и от условий жизни во флоте. Армейские нижние чины были проще, доверчивее, менее требовательны, чем такие же чины флота. И разлагающей пропаганде они подвергались несравненно меньше, чем матросы, бродившие по разным странам и портам. Совместная жизнь матросов с офицерами бок о бок на кораблях, при совершенно различных условиях в отношении и помещения, и пищи, и разных удовольствий, и даже труда – больше разделяла, чем объединяла тех и других»[385].

На борту всё зависело от командира и офицеров, в том числе и культурно-религиозная сфера, поэтому ситуация на разных кораблях немного отличалась. Судовому священнику в своей деятельности, как лицу духовному, было необходимо учитывать особенности этих культурных миров. При назначении на корабль, особенно когда клирик впервые оказывался на флоте, священнику было необходимо понять, к какому из миров он относится и как себя вести. Для священнослужителей, далёких от реалий корабельной жизни и особенностей взаимоотношений между морскими чинами, это сделать было зачастую непросто. В этой связи можно привести эпизод, произошедший в 1904 году на борту учебного судна «Березань» и зафиксированный в межведомственной переписке. Командир корабля капитан 1 ранга барон Нолькен пытался уволить священника Алексея Сербова за то, что тот «роняет достоинство начальника во мнении подчинённых»[386]. Клирик заступился за матросов, которых постоянно избивал боцман Сериков, тем более, что нижние чины ему жаловались и священнослужитель пообещал им помочь. Но по мнению командира, Сериков – «отличный боцман и строгий служака»,

---

[385] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 104–105.
[386] РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 369. Л. 1 об.

священнику надо воздержаться от «намека на "заступничество"», а самого клирика уволить[387]. Таким образом, священник считал, что он как пастырь или же как человек, формально относившийся к командному составу, вправе вмешаться и заступиться за матросов. Но с точки зрения командира, клирик повёл себя недопустимым образом. Контр-адмирал Н. И. Небогатов высказал мнение, что священник совершенно не понимает «своих пастырских обязанностей по отношению к нижним чинам»[388]. Более того, он попросил протопресвитера «о немедленном списании» священника с корабля и назначении вместо него другого клирика, «преимущественно из монашеского звания»[389]. Вероятно, по опыту контр-адмирала, монашествующие были менее деятельными и не вмешивались во взаимоотношения личного состава.

Важно отметить, что разделение личного состава на два лагеря – не российская аномалия, а особенность флотской жизни этой эпохи[390]. Это также относится к сравнению священника с судовым врачом. Например, ведущий американский специалист по истории морских капелланов ВМС США C. Drury в книге «The History of the Chaplain Corps, United States Navy» писал о ситуации на корабле ВМС США в начале XX века: «Перенаселённое пространство корабля чётко разделено на два мира, так как существует традиционное разделение между матросами и офицерами, между носовым кубриком и кают-компанией. Однако на судне есть два офицера, которые благодаря особенностям своей службы переходят эту границу чаще и легче других. Это доктор и капеллан»[391].

Однако, если в Королевском флоте (Royal Navy) или ВМС США (US Navy) капеллан – офицер, то его статус в РИФ охарактеризовать проблематично.

---

[387] Там же. Л. 3 об.
[388] Там же. Л. 1.
[389] Там же. Л. 1. об.
[390] Подробнее см.: *Назаренко К. Б.* Крестьянин на флоте... Псков, 2011. С. 219.
[391] *Drury C.* The History of the Chaplain Corps, United States Navy. 1778–1939. Volume 1. Washington, 1948. P. 179. Автор благодарит за перевод А. А. Щеголяева.

В Морском уставе содержится 5 статей, которые в той или иной степени дают представление о статусе судового священника, о его месте в иерархии личного состава корабля.

Наибольший почёт оказывался священнику, когда он шёл со Св. Дарами причащать больного. Согласно статье 824 священнослужитель «сопровождается одним из офицеров по назначению командира. В это время соблюдается должное благоговение, часовые отдают честь при проходе священника, и люди, мимо которых он идёт, не должны ни сидеть, ни оставаться с покрытою головою»[392].

Статья 972 причисляла священнослужителя к наиболее почётным морякам: «Флагманы, командиры кораблей, старшие офицеры, лица штаб-офицерских чинов, офицеры, имеющие Георгиевской крест и корабельные священники пристают к кораблю и съезжают с онаго с правой стороны, а все другие лица с левой. Примечание. Военные и гражданские чины пользуются в этом отношении правом наравне с флотскими офицерами соответствующего чина»[393]. С эпохи парусного флота правый борт корабля и, соответственно правый трап, считался почётным. Право взойти по нему на корабль являлось символом уважения. В связи с этим возникали случаи, когда у священнослужителя складывалось представление о своём особом положении на борту корабля, что в свою очередь могло привести конфликту. Например, П. Е. Стогов, исполнявший должность минного офицера на учебном судне «Память Меркурия» в 1905–1906 годах, отмечал в воспоминаниях: «Для сношения с Павловским мыском, от которого мы были совсем недалеко и для хозяйственных посылок, применялась двойка[394] и к этому все относились как к должному, кроме судового священника, который всегда пенял дежурному офицеру или вахтенному начальнику ссылаясь, что как священнослужитель,

[392] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 305–306.
[393] Там же. С. 369.
[394] Двухвёсельная шлюпка.

он имеет право на больший почет»[395]. В другом эпизоде автор отмечает, что священник напоминал «нам, мичманам, что он штаб-офицер, ибо пристаёт к правому трапу и что за ним нельзя посылать двойку или тузик, как за мичманом»[396]. Эта фраза представляется нам ключевой для понимания неоднозначности положения священника. У него есть привилегия как у штаб-офицера, а относятся к нему как к мичману.

Важное значение имеет 975 статья, регулирующая размещение личного состава на корабле: «Все чины, служащие на корабле, размещаются в следующем порядке: 1. командир корабля; 2. а) старший офицер, б) старшие два вахтенных начальника, в) штаб-офицеры: флотские, штурманские, морской артиллерии, инженер-механики, состоящие по адмиралтейству и медицинские чины штаб-офицерского чина; 3. а) ревизор и прочие вахтенные начальники, б) старшие офицеры: штурманской, артиллерийский и механик обер-офицерских чинов, в) прочие лейтенанты, г) священник, д) капитаны и штабс-капитаны корпуса штурманов и остальных морских служб и медицинские чины IX класса[397]; 4. а) мичманы, б) обер-офицеры остальных морских служб и медицинские чины остальных классов; 5. нестроевые чины в составе экипажа, как то: шкипер, комиссар[398], содержатель по механизму, учитель музыки, лекарский помощник и проч., а также боцман»[399]. Как мы видим, судовой священник упомянут в одном разделе со старшими специалистами в обер-офицерских чинах. Разумеется, обер-офицеры (младшая категория среди офицерских чинов) и разного рода служащие, приравненные к ним, находились внизу офицерской иерархии. Внутри

---

[395] *Стогов П. Е.* На старом «Память Меркурия». Воспоминания 1905–6 г.г. // Морские записки 1944. № 4 (Vol. II). С. 297.
[396] Там же. С. 312.
[397] Речь о лекарях, произведённых в чин IX класса Табели и рангах. Подробнее см.: *Смирнова Е. М.* «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII середина XIX в.) // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 10, 12.
[398] Комиссар – лицо, занимавшееся административной и хозяйственной деятельностью. Например, вёл подсчёт расхода корабельной провизии.
[399] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 371.

офицеров РИФ наблюдалось существенное расслоение. Они делились на строевых (командир, старший офицер и офицеры, имевшие право нести обязанности вахтенного начальника) и специалистов (штурманы, артиллеристы, минные офицеры, инженер-механики и приравненные к офицерам лица, например, судовой врач). Строевые офицеры были «белой костью» флота, большая часть которых была дворянского происхождения[400]. К остальным офицерам отношение со стороны строевых офицеров было снисходительным, и не последнюю роль в этом явлении играл сословный аспект[401]. Однако поскольку корабль был разделён на два лагеря: привилегированный (офицеры) и непривилегированный (нижние чины), то согласно вышеупомянутой статье Морского устава священнослужитель чётко был отнесён к первому. И в сравнении с любым нижним чином судовой священник был привилегированным лицом.

Если три приведённые выше статьи показывают судового священника как должностное лицо, относящееся к офицерам и имеющее определённые привилегии, а в некоторых случаях и особый почёт, то две другие существенно осложнили ситуацию.

Согласно статье 977 каюты, расположенные «в кают-компании[402], имеют преимущество перед каютами на кубрике[403] и в палубах. Священник получает каюту на кубрике или в палубе, дабы быть доступнее для команды»[404]. Таким образом, если с точки зрения права пользоваться правом трапом священник был одним из самых уважаемых должностных лиц на корабле, то по распределению кают, несмотря даже на своё положение в статье

---

[400] *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 148–149.
[401] *Манвелов Н. В.* Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота. М., 2008. С. 22–25.
[402] Корабельное жилое помещение для питания и отдыха офицеров.
[403] Корабельное жилое помещение для нижних чинов.
[404] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 373.

975 среди старших специалистов по разряду 3, фактически оказался одним из наименее почётных (5-й разряд).

Лучше всего сложившуюся ситуацию объясняет архимандрит Владимир (Гиганов): «таким образом священник в праве на выбор каюты помещён в 3 й разряд как бы по ошибке, на самом же деле он получает каюту по 5-му разряду; а если там и прибавлено: "чтобы доступнее быть для команды", то такое пояснение может быть и имело особый смысл, не обидный для священника, в прежнее время, когда военные корабли были парусные и когда в помещении нынешнего машинного отделения устраивались каюты для офицеров, а теперь, при настоящем устройств судов, такое пояснение может показаться резонным только тому, кто не знает судовой жизни и расположения кают, потому что в офицерском отделении, исключая кают, помещённых в кают-компании, все каюты, особенно прилегающие к жилой палубе команды, не менее доступны для команды, как и каюты на кубрике, где они есть, или в лазаретном отделении и в жилой палубе команды. Доктора также нужны для команды, как и священник, однако же им не отводятся каюты "на кубрик, дабы доступнее быть для команды" или в носовом отделении, чтобы быть ближе к лазарету. Во всяком случае прибавка "на кубрике" в прежнее время, при особом расположении кают на парусных судах, по всей вероятности, и имела особый смысл, не обидный для священника; теперь же она прямо указывает на низшее достоинство каюты для священника, что в большинстве случаев и подтверждается фактами, практикой, т. е., священник получает каюту применительно к 5-му разряду, а не к 3-му. А если я и занимаю каюту в офицерском отделении, то это, очевидно, потому, что в жилой палубе команды в носовом её отделении всего только одна каюта для боцмана; и если бы там была еще другая, то меня, наверное, поместили бы туда на законном основании, в пользу чего говорит то, что месяцев 5 тому назад в кают-компании, при участии старшего офицера, и поднимался вопрос о перемещении меня из ординарной каюты в двойную вместе с учителем

музыки, т. е. с лицом 5-го разряда, несмотря на то, что у меня в каюте помещается много таких церковных вещей, для которых нет подходящего помещения на судне; да и вообще положение священника таково, что посещение его в двойную каюту представляет гораздо более неудобств, чем офицера. Во всяком случае, хотя в выборе каюты священник и помещён по 3-му разряду, но он нисколько не гарантирован от того, что его не поместят по 5-му разряду, несмотря на несоответствие с правом священника приставать к правому трапу, наравне со штаб-офицерами»[405].

Можно полагать, что в конце XIX – начале XX века единственным существенным аргументом в пользу предоставления судовому священнику личной каюты была необходимость выделить помещение для хранения разборной церкви и другого церковного имущества. Поэтому священнослужителю каюта всё же выделялась, но нередко была небольших размеров или сопровождалась другими неудобствами. Например, в каюте судового священника на крейсере «Адмирал Нахимов» отсутствовал иллюминатор, что доставляло клирику дискомфорт: «Не хочется спускаться в каюту, куда ко мне не попадает ни один ласковый луч света. Надоело постоянное электрическое освещение, необходимое в моей каюте и днём. И для глаз оно утомительно, так как при письме и чтении оно даёт резкие световые блики на глянцевитой бумаге, на какой теперь стали печатать, кажется, большинство книг»[406]. Даже на императорской яхте «Штандарт» каюта судового священника не была достаточно комфортной. Так её недостаток описывает протоиерей Дмитрий Поликарпов: «Вскоре приехали на яхту с визитом французский консул, как исполняющей вместе обязанности и русского консула, почему яхта, провожая его, отсалютовала ему семью выстрелами. А так как одна из пушек, употребляемых для салюта, стоит как

---

[405] *Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 60–61.
[406] *Дьяков. Н. свящ.* Год на крейсере «Адмирал Нахимов». СПб., 1904. С. 39.

раз над каютой священника, то, всякий раз, как раз давалась команда комендорам: «приготовиться к салюту», я тоже принимал это к сведению, только по-своему готовился к нему, стремглав убегая из каюты и спасаясь от него где-нибудь в кормовой части»[407].

В западном христианстве иконостасы отсутствуют поэтому у морского капеллана было значительно меньше церковного имущества, а значит необходимость в отдельной каюте для священнослужителя было несколько ниже (хотя, как правило, её старались выделить). В 1895 году при проектировании французского броненосца «Бувэ» произошёл любопытный случай: «Генеральная инспекция, изучая схемы кают, обнаружила отдельный кабинет для священника и поинтересовалась "в какой момент было дано разрешение на подобную бесполезность". От кабинета немедленно отказались»[408].

Ещё более усложняла положение священника статья 986: «Священник обедает в кают-компании и благословляет обед»[409]. При внешней безобидности и благочестии она фактически вычёркивала священнослужителя из числа офицеров корабля. Для лучшего понимания необходимо кратко обрисовать ситуацию, связанную с питанием офицерского состава дореволюционного флота: они «получали так называемые столовые деньги, на которые должны были либо закупать провизию самостоятельно (такое бывало, в основном, на берегу), либо пускать их в "общий котёл" и столоваться в кают-компании. <…> Безусловно, офицерский стол был куда богаче матросского – прежде всего потому, что офицер имел возможность выбирать своего "кормильца". Дело в том, что члены кают-компании регулярно выбирали так называемого содержателя – человека, который отвечал, говоря современным

---

[407] См. напр.: *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 508.
[408] *Якимович Д. Б.* Эскадренный броненосец «Бувэ» // Морская коллекция. 2010 № 12 (135). С. 7.
[409] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 377.

языком, за вкусную и здоровую пищу»[410]. Бюджет содержателя, формировавшийся из столовых денег, тратился на приобретение продуктов, из которых офицерский кок осуществлял приготовление блюд, которые подавались в кают-компании. Тем самым получилось, что священнослужитель питался за счёт офицеров.

С одной стороны, священнослужитель, питаясь в кают-компании, благословлял пищу только офицерам. И по словам иерея Иоанна Дьконова, «этот даровой стол, всегда и неизменно доказывая одно лишь благородство, тонкую деликатность и внимание г.г. морских офицеров к своему духовному отцу»[411]. Но с другой, это ставило священника в зависимое, и даже унизительное положение. Ведь значительная часть офицеров не была глубоко верующими людьми, а наличие в кают-компании священнослужителя, питающегося за их счёт, особенно если он был малообразованным, делала отношение к духовенству со стороны членов кают-компании более негативным. Архимандрит Владимир (Гиганов) отмечал: «Хотя многие офицеры и называют такой обычай хорошим, но он может казаться хорошим только для тех, кто считает священника не равноправным с собою, как только лишь допущенным в кают-компанию по какому-то особенному исключению, по какой-то милости, а не по праву; а кто думает о священнике, как о равноправном члене кают-компании, для того такой обычай не будет казаться хорошим, потому что даровое кормление показывает на неравноправность, на зависимость, на подчинение, так как только старшим прилично кормить даром младших, а не равным равных. Другое было бы дело, если бы в уставе взамен слов: "священник обедает в кают-компании", было бы сказано: "офицеры обязаны кормить священника даром"; тогда и священник и офицеры смотрели

---

[410] *Манвелов Н. В*. Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота. М., 2008. С. 115–117.

[411] *Дьяконов Г., свящ.* Церковно-религиозная жизнь на корабле «Император Александр II», за два года заграничного плавания (1896–97 гг.) // Вестник военного духовенства. 1907. №19. С. 606.

бы на это дело, как на долг, как на обязанность со стороны последних по отношению к первому, а не как на вынужденную милость; и тогда в этом пункте не только не нарушалась бы равноправность священника, как члена кают-компании, но даже оказывалась ему этим самым особенная привилегия, как долг чести духовных детей к своему духовному отцу»[412].

В этом же ключе иерей Александр Касаткин в письме к протопресвитеру военного и морского духовенства Александру Желобовскому описывает ситуацию с питанием в кают-компании: «Прибыв на крейсер [Герцог Эдинбургский], я прежде всего постарался поставить себя в добрые отношения, с одной стороны, к обществу офицеров, а с другой, к нижним чинам команды. Я знал, что священник на судне занимает невысокое положение, знал, что он только из милости член кают-кампании, что он, довольствуясь даровым столом, должен претерпевать многое "ради хлеба-куса", как сказал про духовенство своего времени св. Димитрий Ростовский; знал и о многих других тяжёлых условиях жизни священника на корабле»[413].

По мнению писателя А. А. Смирнова, именно с даровым питанием в кают-компании связано появление пословицы «коту и попу хорошо живётся[414]». Эта гипотеза подтверждается протопресвитером Георгием Шавельским, который приводит в воспоминаниях слова капитана 1 ранга Попова[415] «почти все священнические должности замещены полуграмотными, вольнонаёмными иеромонахами, весьма часто служащими посмешищем не только для офицеров, но и для матросов, многим из которых они уступают в развитии. Не имея возможности оплачивать стоимость стола в офицерской кают-компании, они кормятся за счёт офицеров. Последние, условливаясь с

---

[412] *Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 60–61.
[413] *Касаткин А., свящ.* Пастырь на корабле. Путевые заметки и впечатления священника (из письма на имя о. Протопресвитера). // Вестник военного духовенства. 1898. №17. С. 529.
[414] *Смирнов А.А.* Послушники Андреевского флага: корабельные священники Российского Императорского флота. СПб., 2016. С. 88.
[415] К сожалению, протопресвитер не указал его инициалы.

содержателем кают-компании, так и уговариваются: кормить столько-то офицеров, кота и попа. Потом этому бесплатному настольнику приходилось выслушивать от молодёжи обидные шутки и даже издевательства»[416]. То, что нередки были случаи, когда судовой священник мог стать объектом для насмешек со стороны молодых офицеров[417] или пренебрежительно-снисходительного отношения офицеров, «доходящего даже до обращения на "ты"»[418], подтверждается и в других источниках.

Архимандрит Владимир (Гиганов) отмечал: «Очень трудно было мне установить, по крайней мере формально, более или менее нормальные отношения ко мне некоторых гг. офицеров, открыто обращавшихся со иной унизительно для моего сана, тем более, что они находили себе поддержку в большинстве гг. офицеров, считавших вообще обращение со священником с характером покровительства, шутливости, бесцеремонного обращения на "ты" и проч. нормальным; мои претензии на равноправность отношений они находили странными, находя поддержку в примере прочих судов эскадры, где гг. офицеры почти все обращаются с иеромонахами именно в таком тоне и на "ты" без всякого возражения со стороны последних»[419].

Истинные причины сложившейся ситуации лежат в финансовой сфере. Выше уже были приведены слова капитана 1-го ранга Попова о том, что судовые священники не имели возможности «оплачивать стоимость стола в офицерской кают-компании»[420]. Этому же мнению вторит архимандрит Владимир: «Но допустив священника в кают-компанию, Морской уставь не назначил ему столовых денег и тем самым поставил его в зависимое отношение от офицеров, а именно: так как священник вследствие

---

[416] *Шавельский Г. И., протопр.* В школе и на службе. М.; Брюссель, 2016. С. 676.
[417] См. напр.: *Апрелев Б. П.* Брызги моря. Прага, 1931. С. 15; *Соболев Л. С.* Капитальный ремонт. М.,1962. С. 90–91.
[418] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 604.
[419] *Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 56.
[420] *Шавельский Г. И., протопр.* В школе и на службе. М.; Брюссель, 2016. С. 676.

ограниченности содержания не в состоянии платить своей части за кают-компанейский стол, то офицеры как-бы из милости кормят его даром»[421]. Штатный судовой священник Балтийского флота Фёдор Круглов отмечал, что флотское духовенство «получая скудное жалованье и не имея никаких доходов, вынуждено, в материальном отношении, безумно бедствовать, во всем нуждаться»[422].

Жалование судового священника на кораблях РИФ составляло 60 рублей[423], а в заграничном плавании – 72 рубля в месяц[424]. Жалование благочинного составляло 87 и 105 рублей соответственно. Для лучшего понимая уровня жалования духовенства приведём выдержки из «Табеля № 3 с месячными окладами морского довольствия – адмиралам, генералам, штаб и обер-офицерам и классным чинам команд военного флота» на 1898 год[425].

Таблица 3. – Оклады морского довольствия в рублях

1. Начальники эскадр и отрядов и их штабы	Для внутренних плаваний	Для заграничных плаваний
Вице-адмирал или контр-адмирал, командующий эскадрой	798	984
Контр-адмирал, командующий отдельным отрядом	576	711
Флаг-капитан при старшем флагмане или при командующем эскадрою	320	380
Старший флаг-офицер (когда в штабе не назначен флаг-капитан)	141	174

[421] *Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 60.

[422] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. 2. СПб., 2018. С. 392.

[423] Здесь и далее доходы отражены пореформенной валюте. Подробнее о денежной системе и реформе С. Ю. Витте см.: *Долакова М. И., Зиннатуллина А. Н.* Формирование монометаллической денежной системы в России в конце XIX века // Вестник Казанского технологического университета. 2009. № 5. С. 195–200

[424] В Российской империи жалование служащих обычно указывалось за год. Но доходы судовых священников, также, как и моряков, завесили напрямую от того находились ли они в плавании или нет. Поэтому в делопроизводственных материалах в первую очередь обозначалось месячное жалование флотского духовенства.

[425] Памятная книжка Морского ведомства на 1898 г. СПб., 1898. С. 171–174.

Флаг-офицер, делопроизводитель флагманского штаба, **благочинный**[426] и ревизор миноносцев и миноносок	87	105
2. Учебный артиллерийский отряд		
Заведывающий обучением офицеров и приготовлением гальванёров	180	-
Минный офицер	141	
Старшие артиллерийские офицеры на канонерских лодках, состоящих в отряде	99	
Обучающиеся офицеры, во время нахождения в учебной команде, за время плавания	60	
3. Командиры судов и судовые офицеры		
Командиры судов 1-го ранга	366	420
Командиры судов 2-го ранга	270	321
Командиры судов и плавучих маяков 3-го ранга	141	174
Командиры судов и плавучих маяков 4-го ранга	99	120
Старшие офицеры на судах 1-го ранга	141	174
Старшие офицеры на судах 2-го ранга	129	162
Старшие инженер-механики, управляющие машинами в 3000 и более индикаторных сил	141	174
Артиллерийские и минные чины офицеры 1-го разряда, старшие и младшие штурманские офицеры 1-го разряда	129	162
Артиллерийские и минные чины офицеры 2-го разряда, старшие и младшие штурманские офицеры 2-го разряда	99	120
Младшие штурманские офицеры, не зачисленные в разряд	60	72
Помощники старших офицер-механиков	87	105
Младшие инженер-механики	60	72
Старшие офицеры на внутренних брандвахтах, гидравлическом доке и помощники командиров плавучих маяков 3-го ранга	87	105
Помощники командиров плавучих маяков 4-го ранга	60	72
Шкиперы	78	96

[426] Выделено мною.

Прочие судовые содержатели офицерского звания	48	66
Вахтенные начальники и ревизоры	87	105
Подвахтенные офицеры на судах и вахтенные начальники на внутренних брандвахтах и гидравлическом доке	60	72
Священнослужители	60	72
Водолазные офицеры на судах 1-го ранга	99	120

Таким образом, жалования духовенства, в особенности у судового священника, было одно из самых низких среди морских офицеров и специалистов. И здесь важно подчеркнуть, что приведённые выше суммы это – морское довольствие, то есть сумма, выплачиваемая морским офицерам исключительно во время плавания. Оно выплачивалось в дополнение к основному жалованию и столовым деньгам. А все флотские священнослужители до начала XX века получали только морское довольствие. Ни постоянное жалование, ни надбавки, ни пенсии Морского ведомства на судовых священников не распространялись[427]. Поэтому если сравнить указанные здесь суммы (60 и 72 рубля) и жалование самых младших строевых офицеров – мичманов, то они получали в зависимости от подразделения: 504 рублей (Балтийский и Черноморский флот), 648 рублей (Каспийская флотилия) или 828 рублей (Сибирская флотилия) основного жалования[428]. Кроме того, они получали столовые деньги в размере 183 рублей[429]. В результате, например, мичман Балтийского флота в мирное время за год 504 рубля жалования, 183 рубля столовых и 300 рублей морского довольствия (если исходить из обычной кампании внутреннего плавания, которая длилась 5 месяцев[430])[431]. Итого 987 рублей в год или 82,25 рубля в месяц. Это минимальный доход самого младшего из строевых морских офицеров – члена

[427] *Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 57.
[428] Памятная книжка Морского ведомства на 1898 г. СПб., 1898. С. 166.
[429] Там же. С. 168.
[430] *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 141.
[431] Памятная книжка Морского ведомства на 1898 г. СПб., 1898. С. 166, 168, 173.

кают-компании, не считая различных надбавок. В заграничном плавании, продвижении в чинах и выслуге лет жалование существенно увеличивалось. Также жалование и столовые деньги морских офицеров облагались следующими вычетами: «1% "на госпиталь" и 1.5% на медикаменты, а 6% доходов вычитали на пенсионный эмеритальный капитал, так что общая сумма вычетов составляла 8,5%»[432]. По подсчётам современного историка К. Б. Назаренко, с учётом вычетов, мичман Балтийского флота в мирное время получал «1059 руб. 50 коп. в год или в среднем по 87 руб. 46 коп. в месяц»[433].

Максимум чего мог бы достичь судовой священник – стать благочинным и получать уже не 60 (72 в заграничном) рублей, а 87 (105) рублей. Между тем благочинный был один на корабельное соединение и большинство представителей флотского духовенства не занимали эту должность, а мичман затем становился лейтенантом, старшим лейтенантом, капитаном 2-го ранга, капитаном 1-го ранга и т.д.

В связи с этим можно вспомнить приведённый в этом параграфе выше эпизод с судовым священником крейсера «Память Азова», который пытался доказать, что к нему нельзя относиться как к мичману, поскольку он как штаб-офицер и пристаёт к правому борту корабля. Однако морское довольствие священнослужитель получал наравне с теми должностями, что занимали мичманы, а постоянного жалования и столовых денег не получал, что было ещё одним фактором, который уменьшал его авторитет. Тем более, что мичманы – совсем молодые офицеры, а священнослужители были их значительно старше. Как уже было сказано в параграфе 4, возраст многих представителей флотского духовенства в конце XIX века, согласно известным послужным спискам, составлял 40-50 лет. Между тем в этом возрасте многие морские офицеры достигали чинов капитана 1-го ранга. Если взять для

---

[432] *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции 1917–1918 гг. М., 2017. С. 96.
[433] *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 141.

примера капитана 1-го ранга, командира корабля 1-го ранга Балтийского флота, то в мирное время он получал жалование в размере 1080 рублей, 1995 столовых и 1830 морского довольствия (исходя из 5 месяцев обычной кампании внутреннего плавания)[434]. Итого 4905 рубля в год или 408,75 в месяц (и это, не считая различных надбавок). Судовой священник, зачастую ровесник капитана 1-го ранга, получал в разы меньше.

В параграфе 4 уже отмечалось, что в Ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства было штатное и нештатное духовенство. Штатные – числившиеся по Ведомству и получавшие постоянное жалование, прибавку к нему, право на пенсию из казны и из эмеритальной кассы. К ним относились священники Военного ведомства и береговых церквей Морского ведомства. До кадровой реформы судовые священники были нештатными (до 1902 года – все, а к 1911 году, когда произошла реформа – большая их часть). Они получали средства от Морского ведомства, указанные выше в «Табели № 3», только на время плавания, а финансовые привилегии штатного духовенства на них не распространялись.

На 1890 год в Ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства в штатах морских церквей числилось 55 должностей: 4 протоиерея, 20 священников, 7 дьяконов и 24 псаломщика[435]. Это были исключительно береговые священнослужители и церковнослужители, служившие при Санкт-Петербургском Адмиралтейском соборе, Санкт-Петербургском Морском госпитале, Троицкой Гаваньской церкви, Морской исправительной тюрьме, Троицкой Колпинской церкви, Кронштадтской Богоявленской морской церкви, Кронштадтской госпитальной церкви, Ревельской портовой Симеоновской церкви, Бакинской портовой церкви, Севастопольском соборе, Николаевском соборе, Николаевской госпитальной

---

[434] *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 164, 167, 172.

[435] Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 156–157.

церкви, а также служившие в Астабаде и Владивостоке (название церквей не указаны)[436]. Согласно утверждённым штатам в год они получали следующее жалование:

Таблица 4. – Ведомость окладов содержания берегового духовенства[437]

Звание чинов	С какими чинами сравнены	Оклады содержания в год (в рублях)										
				Квартирных								
		Жалование	Столовых	С. -Петербург	Колпино	Кронштадт	Ревель	Баку	Севастополь	Николаев	Владивосток	Астрабад
Настоятель собора и протоиерей благочинный	С полковником	687	546	500	150	300	250	250	200	250	300	250
Нештатный протоиерей и священник в звании благочинного	С подполковником	531	420	500	150	300	250	250	200	250	300	250
Священник	С капитаном	366	366	300	100	200	175	175	150	175	200	175
Штатный диакон	С поручиком	312	183	200	70	150	125	125	100	125	150	125
Нештатный диакон	Тоже	312	-	200	70	150	125	125	100	125	150	125
Псаломщик	С подпрапорщиком	240	-	180	48	120	90	90	60	90	120	90

Таким образом, штатным священнослужителям было положено жалование, состоящее из трёх параметров: само жалование, столовые и квартирные деньги. Последние различались в зависимости от региона.

[436] Там же.
[437] Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 158.

Минимальный совокупный годовой доход священника (если взять данные колпинского священнослужителя) составлял 772 рубля (56 рублей в месяц). Средний же доход можно условно обозначить в 902 рубля (75,1 рублей в месяц), если взять за минимальное число жалование колпинского священника, а за максимум – столичного священника. Судовые священники в месяц получали 60 рублей во внутреннем и 72 рубля в заграничном плавании, и может возникнуть впечатление, что они получали практически одинаковое жалование. Однако судовые священники кроме вышеуказанных сумм не получали ничего (за исключением средств на проезд до места службы и обратно). При этом, например, внутренние плавания Балтийского моря длились 5-6 месяцев, а в другие месяцы судовому священнику ничего не выплачивалось и возвращался в епархию к месту своего постоянного служения.

Кроме того, штатные священники Ведомства протопресвитера военного и морского духовенства имели ряд существенных преимуществ.

Во-первых, они имели право на прибавку к жалованию за 10 и 20 лет службы в Ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства[438].

Во-вторых, они частично получали права военных чинов, к которым приравнены в жаловании: «В отношении отпуска прогонных денег, при определении на службу, при переводах и служебных командировках, а также прав на награждение орденом святого Владимира за выслугу лет и на определение дочерей в женские учебные заведения священно- и церковнослужители морского ведомства сравниваются с теми чинами военно-сухопутного ведомства, с которыми они сравнены в содержании»[439]. Здесь важно отметить, что священнослужители береговых церквей Морского ведомства приравнивались не к морским, а к сухопутным чинам. Вероятно, это

[438] Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 154.
[439] Там же. С. 155.

связано с тем, что поскольку служение в береговой церкви Морского ведомства мало отличалось от служения в полковой или крепостной церкви, то при расчёте жалования штатов взяли уже существующие правила военного духовенства[440].

В-третьих, из оклада (совокупность жалования, столовых и квартирных денег) 6% вычиталось «в эмеритальную кассу Морского ведомства»[441]. Это тот же процент, что платили морские офицеры.

Служащим Морского ведомства, в том числе штатным священнослужителям полагалась государственная пенсия. Согласно статье 126 Книги IX Свода морских постановлений священник, прослуживший в Морском ведомстве «беспорочно двадцать лет и более до тридцати лет, получает пенсию при отставке треть жалования; тридцать лет и более до тридцати пяти лет – две трети, а тридцать пять лет и более – полное жалование»[442]. Таким образом, если клирик служил менее 20 лет, то пенсия ему не назначалась (исключение – отставка, связанная с неизлечимыми болезнями)[443]. Важно отметить, что при подсчёте годов службы священнослужителей для пенсии Морского ведомства служение в «епархиальном ведомстве, до поступления в морское, принимается в счёт, полагая два года за один»[444]. В результате священник, бывший много лет епархиальным клириком, а затем уже в возрасте перешедший в Морское ведомство, из-за этого правила мог и не получить государственной пенсии.

Российская империя была не в состоянии обеспечить достойную пенсию всем служащим, поэтому во второй половине XIX века начали набирать популярность эмеритальные проекты. Суть эмеритальной кассы близка к современным частным пенсионным фондам. Служащие в течение долгого

---

[440] Подробнее о них см.: Вестник военного духовенства. 1890. № 1. С. 4–7.
[441] Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 157.
[442] Свод морских постановлений. Издание 1898 года. Книга IX. СПб., 1899. С. 42.
[443] Там же. С. 43.
[444] Там же. С. 42.

срока отчисляли часть своего дохода в пользу кассы, та аккумулировала средства, вкладывала их в активы (банковские вклады, облигации, давали ссуды и т. д.) с целью преумножить капитал. Затем при выполнении определённых правил (в каждой эмеритальной кассе они могли различаться) участнику или членам его семьи назначалось ежегодное пособие. С 1879 года духовенство получило право на участие в эмеритальной кассе Морского ведомства[445]. Если взять минимальный оклад священника береговой церкви (772 рубля), то ежегодно из него, согласно вышеуказанному правилу, отчислялось в эмеритальную кассу Морского ведомства 46,32 рубля (6%). Это солидная сумма. Для сравнения большая часть клириков Московской епархии, одного из значимых регионов империи, могла позволить отчислять в эмеритальную кассу своей епархии лишь от 3 до 10 рублей[446]. Связано это с тем, что большая часть приходского духовенства, в особенности сельское, получала скудное жалование и зачастую боролась за выживание[447].

Важно отметить, что ни казённая ни эмеритальная пенсия Морского ведомства не распространялись на монашествующих. Дело в том, что священники выходили на пенсию, когда уже не могли служить по состоянию здоровья. Для монашествующих само понятие пенсия не существовало. Они содержались в монастыре на основе утверждённых государством штатов до смерти вне зависимости от того, в состоянии они совершать богослужения или нет. Поэтому, несмотря на то, что согласно статье 16 Положения об эмеритальной кассе Морского ведомства нештатные священнослужители

---

[445] *Фирсов С. Л.* Военное духовенство России (к вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетий) // Новый Часовой. СПб., 1994. № 2. С. 20.

[446] *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX в. М., 2010. С. 77.

[447] Подробнее о приходском духовенстве см: *Белоногова Ю. И.* Указ. соч. М., 2010; *Иконников С. А.* Материальное обеспечение приходского духовенства Центрально-черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века): Дис. …д. и. н. Воронеж., 2019; *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: Дис. …д. и. н. М., 2020.

имели право на добровольное участие в кассе[448], они не принимали в ней участие. Это связано с двумя причинами. Во-первых, большая часть флотского духовенства были монашествующими, а значит они не имели права быть членами эмеритальной кассы. А во-вторых, клирики (до появления штатных священников в 1902 году и кадровой реформы 1911–1912 годов) командировались из епархий на корабль на каждое плавание отдельно. И было не известно будет, ли он ещё раз назначен судовым священником или нет. А поскольку по правилам кассы пенсии не полагались лицам, платившим взносы менее 3 лет[449], то и смысла участвовать в ней для судовых священников не было. Этим, вероятно, и объясняется то, что на данный момент не удалось найти ни одного факта участия нештатного судового священника в эмеритальной кассе.

При принятии вышеупомянутых штатов морского духовенства, служащего на берегу (Таблица 4), было указано: «Действие настоящего узаконения не распространяется на духовенство, хотя и получающие жалование по смете Морского министерства, числящееся в ведении епархиального начальства»[450]. То есть судовые священники, которые были нештатными и продолжали числиться клириками своих епархий, были лишены вышеперечисленных преимуществ. В результате должность штатного священника береговой церкви была гораздо привлекательнее для священнослужителя с финансовой точки зрения, чем должность нештатного священника судовой церкви. В связи с этим образованное духовенство предпочитало должности штатных священников церквей Военного ведомства или штатных священников береговых церквей Морского ведомства, а на корабли преимущественно попадали малообразованные клирики, что стало

---

[448] Свод морских постановлений. Издание 1898 года. Книга IX. СПб., 1899. С. 88.
[449] Там же. С. 95.
[450] Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 155.

одной из причин падения авторитета священнослужителя и острой необходимости кадровой реформы.

Как уже упоминалось выше, самый младший строевой офицер, член кают-компании, получал в среднем 87,46 рублей в месяц[451]. При этом ежемесячный взнос на питание в кают-компании составлял не менее 30 рублей с каждого офицера[452]. Сумма была обусловлена тем, что большинство из офицеров были представителями дворянского сословия, а часть из них – титулованными особами. Соответственно уровень кают-компанейского стола должен был соответствовать лучшим ресторанам Российской империи[453]. Между тем матросы ели подразделениями из общего бака ложкой, тарелок и вилок им не полагалось. К ним всегда (до марта 1917 года это было обязательным) обращались на «ты», как это было нередко и в отношении священника. И здесь мы видим любопытную грань: священник ест за офицерским столом, то есть фактически в ресторане, а отношение к нему нередко – как к простому матросу, на «ты».

При скромном жаловании, которое полагалось священнику, выплачивать 30 рублей в месяц было бы непросто. Иерей Иоанн Дьяконов в воспоминаниях так обозначает проблему материального обеспечения судового священника: «Материальные условия его таковы, что он не может думать спокойно даже о ближайшем будущем. Офицерам и чиновникам доступны развлечения: они, утомившись продолжительным плаванием, могут брать отпуски; и при всем том каждый из них может отложить про запас порядочную сумму. Священник предпринимать поездок не может и откладывать на черный день ему не приходится. Принимая во внимание скромность его потребностей, "довольствия" его можно считать совершенно достаточным, если он один. Но если у него есть дети, престарелая мать, бедная сестра или другие

---

[451] *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 141.
[452] *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции 1917–1918 гг. М., 2017. С. 100.
[453] Там же.

родственники (а у кого их нет?), которым он должен помогать, тогда положение его будет совсем незавидным. В этом случае бесплатный стол в кают-кампании – традиционный обычай на судах флота – является для священника поистине благодеянием. Но этот даровой стол, всегда и неизменно доказывая одно лишь благородство, тонкую деликатность и внимание г.г. морских офицеров к своему духовному отцу, свидетельствует в тоже время о скудости вознаграждения судового священника»[454]. Таким образом, бесплатный стол с одной стороны позволял священнику питаться и оставлять денежные средства на остальные нужды, а с другой стороны – подрывало его авторитет.

Архимандрит Владимир (Гиганов) также отмечает, что священник получает «жалованье только морское», то есть морское довольствие, «в количестве мичманского»[455]. При этом он обращает внимание читателей «Вестника военного духовенства» на то, что священник «до начала кампании, хотя бы он и числился назначенным на военный корабль, жалованья никакого не получает; от чего он некоторое время вынужден находиться в затруднительном положении; так, я был зачислен на "Генерал-Адмирал" 1-го мая 1892 г., а жалование стал получать только 1-го сентября того же года; вследствие чего я принуждён был перебиваться целых четыре месяца, как мог; подобное же случалось и при переходе с "Генерал-Адмирала" на "Владимир-Мономах", когда я некоторое время снова должен был жить без жалования»[456]. То есть священник даже теоретически не мог бы внести полагающуюся лепту в общий стол кают-компании, поскольку не располагал жалованием.

В вопросе организации питания материальное обеспечение священников на судах ДФ существенно отличалось от положения духовенства на кораблях РИФ. Питание священнослужители получали «натурою из пароходных

---

[454] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 606.
[455] *Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 57.
[456] Там же.

кухонь»[457]. Согласно данным Главного штаба, питание одного военнослужащего из Одессы во Владивосток и обратно обходилось Военному ведомству примерно в 350 рублей[458]. По окончании плавания Комитет ДФ должен был составлять счета и направлять их в Военное министерство, и расходы пароходства на питание духовенства компенсировались «по уменьшенной стоимости продовольствия»[459]. Под уменьшенной стоимостью продовольствия, вероятно, подразумевались не цены, по которым подавались блюда на пароходе, а их себестоимость. В остальном жалование священников на пароходах ДФ, во всяком случае при сопровождении новобранцев, составляло аналогичные суммы: 60 рублей во внутреннем и 72 рубля в заграничном плавании[460].

Между тем была ещё одна сторона повседневной жизни на борту корабля, особенно в заграничном плавании, который показывает всю противоречивость положения священнослужителя – путешествия по прибрежным территориям. В ней можно выделить несколько аспектов.

Для начала необходимо отметить то, что среди православного духовенства Российской империи бытовало мнение о недопустимости появления заграницей в священническом одеянии. Оно доходило до того, что по мнению флотских священников нельзя даже «съезжать» с корабля на берег[461], а тем более ходить по улицам за границей священнослужителю в «православно-русском одеянии духовенства» без риска подвергнуться незаслуженному осмеянию и оскорблению[462]. Это мнение активно подогревалось и добавлялось новыми подробностями от сослуживцев-

---

[457] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 2 об.
[458] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 7, 7 об.
[459] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 2 об.
[460] Там же. Л. 2–2 об.
[461] Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера) М., 2013. С. 29.
[462] *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 473

офицеров, священнослужителей, служащих за границей в посольствах[463] и от различных «доброжелателей», убеждающих, что в духовном костюме за границей быть «никак было нельзя»[464]. Причем бытовало представление, что хождение в гражданском костюме позволяет не отдавать «и себя и свое одеяние, а чрез это и как бы и все православно-русское духовенство, на посмешище заграничным дикарям»[465]. Таким образом, священникам, отправлявшимся в плавание, было навязано мнение, что им необходимо для того, чтобы иметь возможность сходить на берег, приобретать гражданское платье. Альтернативой покупки светской одежды, как считали клирики, было лишь «все время сидеть в своей каюте, как в берлоге»[466] и лишь с корабля рассматривать заграницу[467]. Следовательно, священнослужителю нужно было смириться и оправдывать необходимость переодевания в «вольное» платье народной мудростью: «в чужой монастырь с своим уставом не суйся»[468].

Судовой священник яхты «Штандарт» протоиерей Дмитрий Поликарпов так описывает покупку гражданского платья: «Однако не без смущения входил я в "магазин готового мужского и дамского платья", думая, что удивлю и, пожалуй, насмешу там всех своим появлением. Я уже готовился услышать "любезное", соединённое с плохо скрываемой иронией, замечание и предубеждение, что я, "вероятно, по ошибке не туда зашёл" и – ещё более удивит их, заявив, что мне нужно и именно для себя пиджачную пару и летнее пальто. Но ничего подобного не случилось: выслушали спокойно, без всякой тени удивления и усмешки, как будто так и быть должно, и, вместо ожидаемого ехидного вопроса, я услышал самый естественный: "вероятно, за

---

[463] Там же.
[464] Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера) М., 2013. С. 29.
[465] *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 473.
[466] Там же.
[467] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера) М., 2013. С. 30.
[468] *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 474.

границу собираетесь?" Оказалось, что у них я был далеко не первый и, вероятно, не последний из таких оригинальных покупателей штатского платья для себя. После этого у меня отлегло на сердце, и я уже без смущения совершил покупку»[469].

Важно отметить, что на гражданское платье нужны были деньги, а поскольку Морское ведомство начинало выплачивать жалование духовенству только после начала плавания, то могло стать проблемой. Кроме того, священнослужители, особенно в возрасте, уже десятилетиями носили подрясник, рясу и могли совершенно не разбираться в том, какой костюм им выбрать и как его носить. В результате морские офицеры, в особенности мичманы, могли подтрунивать над ним. Например, так контр-адмирал Д. В. Никитин-Фокагитов описывал судового священника броненосца «Император Николай I» иеромонаха Мину: «Статское платье у него было заблаговременно закуплено ещё в Кронштадте в татарских ларьках против Гостиного двора. Хоть и не модный был его наряд и не совсем по мерке, но о. Мина находил, что зато "материал добротный". В шляпе с широкими полями наш иеромонах со своими длинными волосами имел вид несколько "артистический" и не совсем обычный»[470].

Таким образом, священнослужители стремились «замаскироваться» во время путешествий по заграничным территориям, поскольку считали, что могут подвергнуться осмеянию со стороны местных жителей. В свою очередь это, возможно, показывает их определённую неуверенность, боязнь выделиться из общей массы «господ». При этом архимандрит Сергий (Страгородский) отмечал: «Ходить священнику в светском костюме за границей – это одно из многочисленных наших суеверий, от которых пора бы отрешиться. Каюсь весьма, что послушал тогда своих учителей»[471]. Однако

---

[469] Там же.
[470] *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г. С. 97.
[471] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера) М., 2013. С. 29.

большая часть клириков, исходя из известных нам источников, продолжали носить светскую одежду в заграничных плаваниях.

Второй аспект, связанный с путешествиями, – финансовый. Скудное жалование священника компенсировалось бесплатным столом. Но при плавании, особенно заграничном, появлялись новые статьи расходов. Это и вышеупомянутое платье и, например, расходы на стирку постельного белья и одежды[472], которые достигали существенных сумм, поскольку пресная вода в заграничных портах стоила «очень значительных денег»[473]. Архимандрит Владимир (Гиганов) считал, что для несемейного клирика остаётся достаточно средств, чтобы «делать различные путешествия во время стоянки судов и удовлетворять любознательности. Благодаря этому, я имел возможность совершать поездки в глубь тех стран, которые мы посещали: во Франции, Испании, Португалии, на о. Мадера и др.; кроме этих незначительных поездов [так в тексте – С. С.], я предпринимал и большие, как, напр.: из Нью-Йорка в Чикаго и на Ниагару; эта поездка обошлась мне не менее 200 руб.; на обратном пути в Россию я предпринимал поездку из Шербурга в Париж, обошедшуюся мне в сто руб. со всеми расходами: и несмотря на всё это у меня от жалованья, получаемого за границей, осталось ещё рублей двести; разумеется, если считать предварительные расходы перед началом кампании без жалованья, то тогда можно сказать, что у меня денег не только не осталось, но и не хватило. Ко всему этому нужно добавить, что я путешествия свои старался совершать по возможности на самых экономичных началах; в этом отношении мне за офицерами далеко было не угнаться: они имеют возможность ездить во втором классе, останавливаться в хороших гостиницах, кушать в хороших ресторанах и пр.; я наоборот: еду в третьем классе, останавливаюсь в дешёвеньких

---

[472] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. 341.
[473] *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 476.

гостиницах, получаю пищу в простых ресторанах и пр., но несмотря на это в общем я не могу пожаловаться на недостаточное содержание за границей»[474].

Как мы видим, архимандрит оценивает достаточно позитивно уровень своего материального обеспечения в качестве судового священника на корабле в заграничном плавании. Эта статья была написана после плавания на учебном судне «Генерал-Адмирал». Автор отмечал, что его положение существенно отличается от офицерского. Он не может себе позволить тот же уровень жизни. После плавания на крейсере «Владимир Мономах» архимандрит вновь написал статью, но в ней уже материальный аспект заграничных путешествий описан в более мрачных тонах: «для офицера, получающего вполне достаточное жалование, легко предпринимать такие путешествия, как поездка в Париж, в Каир и проч. и при том с таким комфортом, какой приличествует офицеру; священник и предпринял бы что-нибудь, как путешественник, но вследствие ограниченности содержания не всегда может это сделать; или же если и предпринимает какое-либо путешествие, то с разного рода лишениями и неудобствами, как, напр., в третьем классе в вагонах, останавливаться в самых дешёвых гостиницах и проч.; вследствие этого по необходимости приходится прибегать даже к обману; так, напр., когда я ездил из Шербурга в Париж в 3-м классе и когда меня французы спрашивали кто я такой, то я счёл долгом скрыть своё настоящее звание и выдавал себя за ресторатора с крейсера "Генерал-Адмирал". Но главная сила не в этом – человек иногда не придаёт особенного значения разным внешним неудобствам и бывает малым доволен, да и должен быть доволен по Евангелию, если при этом не страдает моральная сторона дела в смысле ли вообще унижения человеческого достоинства или в частности, как здесь, в смысле умаления чести священника; и при многом, да чувствует себя не довольным, если к этому многому присоединяется

[474] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. 341–342.

моральная неудовлетворенность. Находясь на "Генерал-Адмирале" в таких условиях жизни, которые не производили во мне какого-либо особенного морального недовольства, я и не обращал особенного внимания на недостаточность содержания священника в сравнении с офицерами, как на внешнюю, так сказать, оценку ею достоинства и как на причину умаления ею чести; под влиянием то сравнительного морального довольства я и выразился в вышеупомянутой статье, мною напечатанной, о материальном обеспечении священника на военном корабле, с некоторыми оговорками, почти как о достаточном для вдового, одинокого священника; но теперь, когда различные обстоятельства заставили меня убедиться, что ограниченность содержания священника в сравнении с офицерами является одною из главных причин приниженности его положения, умаления его чести и неравноправности с офицерами, я не могу не чувствовать морального недовольства. Эта-то причина, причина, главным образом моральная, и заставляет меня теперь отречься от прежних моих слов о сравнительно-достаточном содержании на военном корабль для одинокого священника»[475].

Столь пространные цитаты были приведены по той причине, что в них наиболее полно и точно судовым священником изложено восприятие ситуации и его трансформация. В целом из приведённых отрывков видно, что священнослужитель, приравненный в некоторых привилегиях со старшими офицерами, отчасти и начинал себя ощущать таковым. Однако материальное положение не позволяло вести офицерский уровень жизни. А значит он и не мог себя ощущать полноценным членом кают-компании. Справедливости ради надо отметить, что для многих сельских священников уровень материального обеспечения флотского духовенства мог быть пределом желаний, а путешествовать за границей для них было непозволительной

---

[475] *Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 57–58.

роскошью. Именно поэтому среди епархиальных клириков были священнослужители, желавшие отправиться на флот.

Необходимо отметить ещё один аспект путешествий, который подчёркивал существенное различие между офицерами и большинством священнослужителей – знание иностранных языков. Как уже отмечалось в 4-м параграфе данной главы, большинство священников не владело иностранными языками (во всяком случае среди известных нам послужных списков практически не встречаются клирики со знанием языков), между тем как в начале XX века им владело около 67% строевых офицеров[476]. Это обстоятельство также не могло не влиять как на отношение к священнику, так и на удобство путешествии. Оказываясь в заграничном плавании, священники нередко понимали, что им необходимы знания иностранных языков. Однако быстро освоить язык было непросто, особенно учитывая то, что многие священнослужители были преклонного возраста.

Все вышеперечисленные аспекты путешествий показывают положение священнослужителя не с лучшей стороны. Он явно проигрывает морским офицерам, а поскольку клирик был частично приравнен к ним, то у него нередко возникало моральное неудовлетворение и чувство несправедливости. Однако был один аспект, в котором судовой священник находился в более выигрышной позиции.

У судового священника, по сравнению с моряками, было неоспоримое преимущество. Священнослужитель не нёс вахту и с разрешения командира мог покинуть борт[477]. Это позволяло ему при желании и соответствующих обстоятельствах стать настоящим путешественником, ведь судовые священники часто назначались на корабли, отправлявшиеся в дальние

---

[476] Подробнее см.: *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 184.

[477] «Никто из служащих на корабле не отлучается с него, не получив предварительно согласия старшего офицера просить на то дозволения у командира». Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 368.

плавания. Для священнослужителя, как и для всего личного состава корабля, это был уникальный шанс побывать в различных уголках мира, понаблюдать за жизнью людей, полюбоваться разнообразием и красотой природы. Корабли РИФ посещали не только европейские и американские порты, но и берега африканских стран, заходили на полуостров Индостан и Индокитай, были в Японии, Индонезии и т. д. Традиционным для многих плаваний было посещение Турции.

Архимандрит Владимир (Гиганов) в записках подробно останавливается на этой стороне жизни морского духовенства: «Кроме официального своего назначения исполнять пастырские обязанности на корабле священник является ещё путешественником. Это последняя сторона самая приятная, самая высокая, самая благодарная в частной жизни судового священника. Нет ничего приятнее, как приобретать новые познания и в то же время освещать, пополнять и исправлять посредством новых живых наблюдений прежде полученные путём искусственным, посредственным»[478]. То есть путешествия могли способствовать повышению образовательного и культурного уровня пастыря. Автор отмечает, что для судовых священников, «получивших семинарское или академическое образование, есть своего рода высшая школа, оживляющая, расширяющая, исправляющая и пополняющая тот умственный кругозор, который образовался у них по преимуществу под влиянием книжного образования»[479].

Образованный священник мог не только путешествовать, но и собирать коллекции животных, растений и минералов. Так, например, архимандрит Владимир (Гиганов) привёз из дальних разнообразные коллекции для Омского музея и музеев народных школ. Он был избран почётным членом[480] Западно-

---

[478] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 342.
[479] Там же. С. 344.
[480] *Владимир (Гиганов), архим.* Положение священнослужителя на военном корабле // Вестник военного духовенства. 1894. № 18. С. 556.

Сибирского общества[481]. Конечно, это редкий случай, но не исключение. Священник Георгий Левитский, служивший на пароходах ДФ, коллекционировал различные бытовые предметы и произведений искусства из стран Ближнего и Дальнего Востока. Часть экспонатов он подарил музею при жизни, а остальные были переданы по его завещанию[482]. В одном из плаваний архимандрит Владимир «встретил пастора на одном немецком судне, который занимался собиранием разного рода коллекций для какой-то школы»[483]. По его мнению, деятельность судового священника может быть «гораздо шире, полезнее и плодотворнее, если он, кроме исполнения своих прямых пастырских обязанностей, задастся ещё целью выполнять по своим силам задачу сбора полезных коллекций из животного и растительного царства»[484].

Но к сожалению, большинство представителей чёрного духовенства, составлявшего подавляющую часть судовых священников до реформы 1911–1912 годов, происходило в основном из крестьян и было малообразованно и, по словам архимандрита Владимира, они были «не способны пользоваться плодами заграничных путешествий в смысле возвышенном, научном»[485].

В целом реальный статус священнослужителя на корабле можно назвать неопределённым. Он не относится ни к офицерам, ни к нижним чинам. В некотором смысле его можно считать сторонним элементом в корабельной системе. Почти всю историю флотского духовенства Российской империи (до кадровой реформы) оно преимущественно состояло из монашествующих[486].

---

[481] Западно-Сибирское общество – Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества, основанный в 1877 году.

[482] *Каменский С. Ю.* Уральские туристы XIX века // Каменский С. Ю. Учебная приемная: сайт. URL: http://ksu.ucoz.ru/news/uralskie_turisty_xix_veka/2012-02-08-10 (дата обращения 15.11.2022).

[483] *Владимир (Гиганов), архим.* Положение священнослужителя на военном корабле // Вестник военного духовенства. 1894. № 18. С. 555.

[484] Там же.

[485] Там же.

[486] *Архангельский В., прот.* Обозрение о. Протопресвитером военного и морского духовенства Г. И. Шавельским судовых церквей Балтийского флота и военно-морских Прибалтийского края // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 15–16. С. 561.

То есть они были насельниками монастырей, а не клириками обычных приходских храмов. Однако моряки переносили своё привычное представление о приходском духовенстве на судовых священников и, очевидно, не видели между ними разницы. Между тем авторитет приходского священника в изучаемый нами период был низким. Ситуацию очень точно охарактеризовала современный историк Ю. И. Белоногова: «Для крестьян священник, как правило, являлся исключительно исполнителем церковных треб и был необходим только для того, чтобы крестить, венчать, исповедовать, причащать, отпевать и служить молебны. Обрядность и формировала у крестьян, с одной стороны, благоговение, а с другой – презрение и насмешливое отношение к духовному чину: вне установленного круга треб пастыря можно было не уважать. Отсюда проистекали и финансовые взаимоотношения – священник для крестьян становился наемником: с ним договаривались о плате, как и в других житейских делах, с ним торговались, стремились, не считая зазорным, обмануть. К сожалению, и сами клирики часто рассматривали своё служение как ремесло и исключительный источник доходов»[487].

Флотское духовенство, в отличие от приходского, не имело права брать деньги за совершение треб, поскольку им выплачивалось фиксированное жалование от Морского ведомства, однако судовые священники зачастую воспринимали себя как требоисполнителей и соответствующим образом относились к своему служению. Судовой священник броненосца «Император Александр II» Иоанн Дьяконов в начале XX века отмечал: «К сожалению, во времена не столь давнопрошедшие были назначаемы на суда флота священнослужители необразованные, не знавшие приличий и не умевшие себя держать, подрывавшие иногда к тому же и уважение к своему сану. И вот – наследие прошлого, с которым приходится иным считаться и теперь: это –

[487] *Белоногова Ю. И.* Указ. соч. С. 57–58.

снисходительное, несколько небрежное отношение офицеров к священнослужителю, доходящее даже до обращения на "ты". Означенная ненормальность, очевидно, зависит главным образом от мягкости самого священнослужителя, которому надлежит, по этому, быть не только требоисправителем и духовником для моряков, но и – равноправным членом офицерского общества»[488]. В результате судовой священник, хоть и был приравнен к офицерам по ряду привилегий, не воспринимался таковым ни самими офицерами, ни матросами.

Показательно мнение о духовенстве Керчь-Еникальского градоначальника контр-адмирала М. Е. Колтовского: «с этим ведомством ничего не поделаешь, наше духовенство поставлено так, что над ним нет ни суда, ни расправы, возможна только личная расправа: или бороды припечатывать или бить по морде»[489]. Припечатывание священнической бороды сургучом, по словам Котловского, «сделано было где-то флотскими офицерами какому-то священнику»[490]. Конфликт, в рамках которого было высказано это мнение, произошёл в 1892 году и был связан с духовенством города Керчи. Однако очевидно, что подобное отношение транслировалось офицерами флота и на судовых священнослужителей. Было бы некорректным утверждать, что все морские офицеры негативно относились к духовенству, однако такое положение дел на флоте лишь отражало общую для Российской империи ситуацию с неуважением священнослужителей. Дореволюционный церковный историк Д. И. Ростиславов за несколько десятилетий до этого случая отмечал: «ныне очень уже известно, что духовенство, особенно белое, потеряло уважение и любовь чуть не во всех сословиях. Отдельных из него

---

[488] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 604.
[489] РГА ВМФ. Ф. 407. Опись 1–1. Д. 1802. Л. 4 об.
[490] Там же. Л. 8.

лиц любят и уважают, да и нельзя не полюбить и не уважать: многие стоят этого, но целое сословие находится в презрении»[491].

Завершая раздел о материальном обеспечении флотского духовенства до кадровой реформы, необходимо отметить следующий парадокс. В Российской империи наиболее почётной была служба в гвардии и на флоте. В первую очередь это выражалось в более высоком жаловании. Морские офицеры получали жалование, сопоставимое с гвардейским[492]. Доход нижних чинов флота был существенно выше, чем у солдат и унтер-офицеров в гвардии. Например, жалование самых старших нижних чинов гвардии (фельдфебеля и вахмистра) составляло 78 рублей в год[493]. Между тем, например, боцман, корабельный писарь, музыкант, горнист, водолаз и рулевой получали 108 рублей (в дальнем плавании – 518,4 рублей) в год[494]. Машинный старшина, артиллерийский старшина – 225 рублей (1080 рублей в дальнем плавании), а авиационный старшина – 360 рублей в год[495]. То есть личный состав корабля получал солидный доход, который был гораздо выше, чем у чинов сухопутной армии, а местами даже превышал жалование гвардии. Поэтому служить на флоте с материальной точки зрения было значительно выгоднее, чем на суше. Однако из этого правила было исключение – судовой священник. Армейский священник в сане иерея получал 366 рублей основного жалования, 366 рублей столовых и (в зависимости от региона) от 100 до 300 рублей квартирных денег[496]. Следовательно, его годовой доход колебался от 832 до 932 рублей. Годовой доход священника на корабле, как уже было сказано выше, зависел

---

[491] *Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х томах. Том 2. Рязань, 2011. С. 403–404.
[492] *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 141.
[493] *Назаренко К. Б.* Материальное обеспечение офицеров и матросов русского флота накануне и во время Первой мировой войны // Вестник ТГУ. 2010. №5. С. 115.
[494] Там же.
[495] Там же.
[496] *Фирсов С. Л.* Военное духовенство России (к вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетий) // Новый Часовой. СПб., 1994. № 2. С. 20.

от количества месяцев, проведённых в море. При условии, что он все 12 месяцев находился в плавании, его годовой доход колебался от 720 до 864 рублей (60 рублей в месяц во внутреннем и 72 рубля в заграничном), что уже ниже, чем у армейского духовенства. Но большая часть духовенства служила на кораблях Балтийского флота (где плавания длились 5–6 месяцев) или Черноморского флота (где длительность плаваний – около 9 месяцев). Их доход соответственно составлял от 300 до 540 рублей в год. Поэтому единственный, кому было невыгодно служить на флоте – священнослужитель. Важно отметить, что после плавания клирик, возвращался к месту прежнего служения (откуда был командирован). В оставшиеся месяцы его доход зависел от региона и занимаемой должности, но это уже никак не было связано с флотом.

§ 8. Место священника в корабельной иерархии и его материальное обеспечение после кадровой реформы

В 1902 году на кораблях появились первые штатные священнослужители, а в 1911–1912 годах произошла полноценная реформа, и теперь вместо необразованных монашествующих большую часть флотского духовенства составляют образованные представители белого духовенства. Жалование нештатных судовых священников представляло собой лишь морское довольствие, которые выплачивались только после начала кампании. Поэтому центральным вопросом, который обсуждался при подготовке кадровой реформы между Ведомством протопресвитера военного и морского духовенства, Морским ведомством и Министерством финансов стало материальное обеспечение флотского духовенства[497]. По мнению протопресвитера Александра Желобовского, жалование штатных судовых священников необходимо приравнять по жалованию и всем привилегиям к штатным священникам Военного ведомства и штатным священникам

[497] См. напр.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 26 об.

береговых церквей Морского ведомства[498]. Ему, вместе с Главным Морским штабом, удалось этого добиться.

11 февраля 1902 года высочайше утверждённым мнением Государственного совета было учреждено 15 «должностей штатных судовых священников из белого духовенства»[499]. Согласно первой статье этого документа, теперь штатному флотскому духовенству, кроме ранее установленного морского довольствия (в месяц 60 рублей во внутреннем и 72 в заграничном плавании), было «присвоено» жалование и «добавочное содержание» наравне «с капитанами корпусов морского ведомства»[500]. Согласно второй статье, если на должность судового священника назначался нештатный протоиерей (то есть должность иерея, а на неё назначен протоиерей), то «жалование производить ему по чину подполковника, а добавочное содержание и морское довольствие на основании ст[атьи] I»[501]. Согласно третьей статье, штатным судовым священникам присвоены «все права и преимущества, предоставленные духовенству церквей морского ведомства»[502]. Позже будут более подробно проработаны различные аспекты, связанные с береговым жалованием, различными вычетами из жалования и т. д.

Таким образом, материальное обеспечение штатного судового священника кардинально отличалось от нештатного. Теперь он получал все те преимущества, которые ранее были у священнослужителей береговых церквей, которые уже рассматривались в прошлом параграфе: право на прибавки к жалованию (за выслугу 10 и 20 лет в Ведомстве протопресвитера), некоторые права военных чинов, к которым они приравнены в жаловании, в отношении «отпуска прогонных денег, при определении на службу, при

[498] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 678. Л. 6 об.
[499] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 678. Л. 29.
[500] Там же. Л. 30.
[501] Там же.
[502] Там же.

переводах и служебных командировках, а также прав на награждение орденом святого Владимира за выслугу лет и на определение дочерей в женские учебные заведения» и участие в эмеритальной кассе Морского ведомства[503].

Эмеритальные пенсии Морского ведомства делились на высший и низший разряд в зависимости от срока государственной службы[504]. К высшему относились пенсии, выплачиваемые участникам, прослужившие 35 и более лет. К низшему разряду относились пенсии, выплачиваемые участникам, прослужившим с 25 до 35 лет. То есть человек, состоявший на службе менее 25 лет эмеритальную пенсию не получал. Поскольку первые штатные судовые священники появились на флоте в 1902 году, полноценная реформа произошла в 1911–1912 годах, а в 1918 году институт уже был упразднён, то, подавляющее большинство представителей флотского духовенства не успели выйти в отставку и получить эмеритальную пенсию. Единственные упоминания, связанные с эмеритальной кассой и флотским духовенством, – информация в делопроизводственных материалах о взносе штатными судовыми священниками 3% вычета в пользу эмеритальной кассы[505]. Согласно статье 20 Положения об эмеритальной кассе Морского ведомства, лица, переходящие на службу из посторонних ведомств, за исключением «военно-сухопутного», в морское, «обязаны произвести в пользу эмеритальной кассы Морского ведомства единовременный денежный взнос в размере трёх процентов за каждый год службы в постороннем ведомстве»[506]. Это было необходимо для правильно расчёта лет государственной службы, которые будут учитываться при определении того, к высшему или низшему разряду будет отнесена эмеритальная пенсия служащего[507]. Например, штатный судовой священник Балтийского флота Понтий Рупышев, согласно квитанции

---

[503] Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 155.
[504] Свод морских постановлений. Издание 1898 года. Книга IX. СПб., 1899. С. 94-96.
[505] См. напр.: РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 5. Д. 1300. Л. 4 об.; Ф. 406. Оп. 13. Д. Р-1а. Л. 3 об.
[506] Свод морских постановлений. Издание 1898 года. Книга IX. СПб., 1899. С. 90.
[507] Там же.

Гельсингфоргского казначейства за № 57962, внёс «в эмеритальную кассу Морского ведомства 3% вычет в пользу кассы за время с 23 ноября 1901 года по 12 августа 1911 года в сумме 125 руб. 38 коп.»[508].

Важно отметить, что штатные судовые священники были приравнены не к строевым морским офицерам, а к капитанам корпусов Морского ведомства. То есть к капитанам Корпуса морской артиллерии, Корпуса флотских штурманов и т. д. Это были не самые почётные офицеры в глазах «белой кости» – строевых офицеров флота, что вновь подчёркивает, что священник на корабле не такая почётная персона, как могло казаться из некоторых пунктов Морского устава. Тем более, что капитан корпусов Морского ведомства относился к обер-офицерам – младшей категории среди офицерских чинов. И лишь протоиереи были приравнены к подполковникам, которые относились уже к штаб-офицерским чинам.

Штатный судовой священник в год получал (суммы указаны после вычетов – 1% в инвалидный капитал и 6 % в эмеритальную кассу Морского ведомства): жалование в размере 684 рублей, 366 рублей добавочного содержания и морское довольствие (сумма у каждого священника различалась и зависела от того сколько месяцев он был в море и рассчитывалась из 60 рублей для внутреннего и 72 для заграничного плавания)[509]. В результате клирик в сане иерея на должности судового священника, находясь в заграничном плавании мог получать 684 рубля жалования, 366 рублей добавочного содержания, 864 морского довольствия, что в итоге равнялось 1 914 рублям в год или 159,5 рублям в месяц, что было практически вдвое выше мичманского жалования (987 рублей в год или 82,25 в месяц). Протоиерей на должности судового священника в заграничном плавании в год мог получить ещё более солидную сумму – 2 130 рублей. Однако все вышеперечисленные виды жалования выплачивались только во время

[508] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 13. Д. Р-1а. Л. 3 об.
[509] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 678. Л. 21, 38; Оп. 2. Д. 2632. Л. 61, 70.

плавания и, разумеется, не все корабли совершали ежегодно заграничные плавания. Кампания внутреннего плавания для кораблей Балтийского флота обычно длилась 5–6 месяцев, а, например, для учебных судов она могла составлять 3 месяца. До и после плавания судовой священник прикомандировывался к одной из церквей Морского ведомства и получал береговое жалование из расчёта 1200 рублей в год[510]. Таким образом, минимальное жалование судового священника, если взять самую короткую кампанию (3 месяца внутреннего плавания) получается следующим: 171 рубль жалования (из 684 в год), добавочных 91,5 рубля (из 366 в год), 180 рублей морского довольствия (60 рублей в месяц для внутреннего плавания) и береговое жалование за 9 месяцев (из 1200 рублей в год). Итого – 1342,5 рубля в год или 111,88 рубля в месяц. Если взять наиболее распространённую кампанию Балтийского флота – 5 месяцев, то жалование будет 1437,5 рублей в год или 119,79 в месяц. Для кораблей Черноморского флота кампания обычно составляла 9 месяцев. Соответственно жалование священника будет составлять 1 627,5 рублей в год или 135,62 рублей в месяц. Как уже было показано выше, в заграничном плавании в год судовой священник получал 1 914 рублей в год или 159,5 рублей в месяц. Если взять годовое жалование с трёхмесячной кампанией внутреннего плавания (1342,5 рубля) за минимальное значение, а годовое жалование в заграничном плавании (1 914 рублей) за максимальное, то среднее число (1 628,25 рубля в год или 135,69 рублей в месяц) можно условно считать среднестатистическим жалованием штатного судового священника РИФ в изучаемый нами период.

Все вышеперечисленные расчёты не учитывали разного рода надбавок, которые были положены штатному духовенству. Например, за выслугу лет, надбавки – «усиленный оклад» за службу в Каспийской, Сибирской и Амурской речной флотилиях и т. п. Жалование протоиерея, а тем более

[510] Там же. Л. 61.

флотского благочинного существенно отличалось от материального обеспечения остального духовенства. Тем не менее даже минимальное жалование судового священника (1342,5 рубля) было значительно выше доходов приходского духовенства[511]. Например, в конце XIX века в среднем (учитывая оклады и пожертвования) по подсчётам современного историка С. А. Иконникова в епархиях Центрального Черноземья (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская) сельский священник получал 540–550 рублей, а городской – 770-780 рублей[512]. При этом важно учитывать, что приходские клирики, как правило, «были многодетными, особенно в деревнях, имели по 5-6, а часто до 10 детей»[513]. Таким образом, с точки зрения среднестатистического приходского священнослужителя Российской империи штатный судовой священник получал огромное жалование. Особенно если иметь ввиду, что средний годовой заработок рабочего составлял 263,6 рубля[514]. Если сравнить с жалованием самого младшего офицера (мичмана) и офицера, подходящего по возрасту к большинству судовых священников (капитан 1-го ранга), то можно увидеть, что доход флотского духовенства так и остался близким к младшим офицерам флота. Для примера приведём жалование молодого матроса (самого низкооплачиваемого человека на корабле), только поступившего на флот и машинного старшины (один из самых оплачиваемых представителей нижних чинов)[515]. Для удобства сравнения поместим средний годовой доход в таблицу:

---

[511] Разумеется, в столице священнослужители могли получить жалование близкое к этим суммам, или даже больше, но и в Санкт-Петербурге были священнослужители, получавшие скудный доход. Подробнее см.: *Морозан В. В.* Материальное обеспечение приходского духовенства соборов С.-Петербурга в XIX – начале XX века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 94. С. 31–44.

[512] *Иконников С. А.* Материальное обеспечение приходского духовенства Центрально-черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века): Дис. …д. и. н. Воронеж., 2019. С. 443.

[513] *Белоногова Ю. И.* Указ. соч. С. 26.

[514] Там же. С. 52.

[515] Данные приведены по расчётам К.Б. Назаренко. См.: *Назаренко К. Б.* Материальное обеспечение офицеров и матросов русского флота накануне и во время Первой мировой войны // Вестник ТГУ. 2010. №5. С. 115.

Таблица 5. – Сравнение годового жалования судового священника с жалованием другими лицами

Приходское духовенство в епархиях Центрального Черноземья		Священник береговой церкви Морского ведомства	Судовой священник	Мичман Балтийского флота	Капитан 1-го ранга Балтийского флота	Машинный старшина	Молодой матрос	Рабочий
Село	Город							
540-550 рублей	770-780 рублей	902 рубля	1 628 рубля 25 копеек	1059 рублей 50 копеек	4905 рубля	225 рубля	9 рублей	263 рубля 60 копеек

Таким образом, даже с точки зрения материального обеспечения священник был чужд матросам. Говоря о жаловании нижних чинов необходимо иметь ввиду, что в отличие от морских офицеров, «матросы получали питание и обмундирование натурой»[516]. Но тем не менее пропасть между жалованием нижних чинов и офицеров была колоссальной. В целом можно утверждать, что после кадровой реформы судовые священники, занимавшие штатные должности (на протяжении всего изучаемого нами периода наряду со штатными священнослужителями на кораблях оставались нештатные), получали неплохой доход для жителя Российской империи начала XX века. Если сравнить с тем жалованием, что получали нештатные священнослужители, то материальное обеспечение штатного священнослужителя вдвое увеличилось (максимум нештатный получал 72 рубля в месяц в заграничном плавании, а в аналогичном положении штатный – 159,5 рубля). Однако возникает резонный вопрос. Вместе с материальным положением изменилось ли отношение к судовым священникам? Можно ли утверждать, что теперь они заняли более почётное положение в иерархии корабля?

[516] Там же.

С. Н. Копылов в статье «Место судового священника в иерархии Российского императорского флота» очень позитивно оценивает произошедшую реформу и указывает на улучшение отношения к судовому священнику со стороны личного состава кораблей: «Подобный судовой священник как минимум не уступал по своему интеллектуальному развитию офицерам, составлявшим кают-компанию корабля, не говоря уже о нижних чинах. Проповеди и службы, по свидетельству современников, в судовых церквях приобретают содержательное значение с интеллектуальной точки зрения. Теперь священник во многом может объяснить проблемы мирозданья с позиций чисто научного, а не только теологического подхода. В итоге у офицеров флота исчезает презрительное отношение к судовому священнику»[517]. К сожалению, автор не приводит ни одного свидетельства современников.

В РГА ВМФ хранятся материалы, которые позволяют оценить положение священнослужителя в иерархии после кадровой реформы 1911 года: «Рапорты и донесения дипломатических представителей заграницей о плавании иностранных военных судов»[518] и «О пересмотре приговора Кронштадтского военно-морского суда о заключении в военно-исправительную тюрьму морского ведомства унтер-офицера линкора "Андрей Первозванный" С. Кондратьева за неоказание уважения священнику»[519].

В прошлом параграфе уже упоминался запрос, сделанный летом 1913 года аргентинским епископом в Министерство иностранных дел, касательно духовенства РИФ. Один из пунктов запроса был сформулирован следующим образом: «Приравнены ли начальник военно-морского духовенства и военно-морские духовники к каким-нибудь военным или гражданским чинам».

---

[517] *Копылов С.Н.* Место судового священника в иерархии Российского Императорского флота // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. №4 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sudovogo-svyaschennika-v-ierarhii-rossiyskogo-imperatorskogo-flota (дата обращения: 24.01.2023).
[518] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4315.
[519] РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1–2. Д. 7218.

Морским ведомством, к которому были переадресованы вопросы епископа, был написан следующий ответ: «Как протопресвитер военного и морского духовенства, так и священники на судах флота не приравнены ни к военным, ни к гражданским чинам, но в отношении отпуска некоторых видов денежного довольствия, так то: в выдаче прогонных денег, а также в отношении прав на награждении некоторыми орденами, они сравниваются с военными чинами. Протопресвитер – с генералами, благочинные (старшие священники на отрядах) – со штаб-офицерами, а судовые священники – с обер-офицерами»[520].

Таким образом, по мнению Морского ведомства, судовой священник не только не являлся морским офицером, но и даже не был приравнен к нему. Они лишь сравниваются с военными чинами в некоторых обстоятельствах. То есть даже само слово «приравнен» не могло быть отнесено к клирику. Те священники, которые наивно полагали, что они являются штаб-офицерами[521], с точки зрения Морского ведомства ошибались.

3 июля 1915 года Кронштадтский Военно-морской суд, рассмотрев в судебном заседании дело о машинном унтер-офицере 1 статьи линейного корабля «Андрей Первозванный» Сергее Кондратьеве, «признал его виновным в неоказании с намерением должного уважения своему судовому священнику, находившегося при исполнении обязанностей службы, при отсутствии как увеличивающих, так и уменьшающих вину обстоятельств»[522]. Однако помощника прокурора Кронштадтского Военно-морского суда подполковник Шпаковский приговор посчитал «неправильным» и подал кассационный протест. Подполковник обратил внимание на то, что одна из статей Военно-морского устава о наказаниях, согласно которой был вынесен приговор, касалась исключительно морских офицеров. Приговор был немного

---

[520] Там же. Л. 43.
[521] См. напр.: *Стогов П. Е.* На старом «Память Меркурия». Воспоминания 1905–6 г.г. // Морские записки 1944. № 4 (Vol. II). С. 312.
[522] РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1–2. Д. 7218. Л. 2.

скорректирован[523]. Для нашего исследования имеет большое значение то, что священник в данном деле неоднократно указан как «военно-морской чиновник»[524].

Ответ аргентинскому епископу и переписка о пересмотре приговора унтер-офицеру красноречиво показывают, что никаких изменений в статусе священнослужителя после кадровой реформы не произошло. Более того, по всей, видимости Морское ведомство само до конца не могло определить статус судового священника. Во всяком случае на данный момент более точных определений, чем те, что были приведены выше, найти не удалось. Эта неопределённость не могла благотворно отражаться на деятельности флотского духовенства.

В свою очередь воспоминания моряков также показывают, что существенного изменения в отношении к судовым священникам не произошло. Разумеется, когда вместо малообразованных монашествующих на флот пришли образованные представители белого духовенство, они давали меньше поводов для критики в свой адрес. Однако для изменения отношения к священнику этого было недостаточно. Тем более, что авторитет духовенства в Российской империи, особенно в глазах образованного населения, был крайне низок. Поэтому, вплоть до упразднения института военного и морского духовенства в январе 1918 года, священники так не смогли стать полноценными членами кают-компании и стать органичной частью личного состава корабля РИФ.

В качестве наиболее яркого примера отношения офицеров к судовому священнику приведём фрагмент из воспоминаний А. П. Белоброва, бывшего в годы Первой мировой войны мичманом Балтийского флота: «Корабельным священником на "Олеге" был о. Владимир Попов. При мне ему было около 55 лет. Он был вдовец, где-то жила его взрослая дочь. Он окончил Духовную

[523] Там же. Л. 7–7 об.
[524] Там же. Л. 2 об., Л. 7 об.

Академию, хорошо знал историю, был ленив, был любителем туризма, жалование получал малое и питался на положение нахлебника в кают-компании. <…> Интересно бывало слушать, как иногда за столом ктитор судовой церкви старший врач Н. Н. Быстров обращался к попу: "Поп, ты что сегодня выдумал какую-то проповедь читать? Только задержал наш завтрак. Ты мне показывай сперва, о чем ты будешь говорить". Это вызывало большое оживление у всех присутствовавших. По утрам поп обычно садился за стол раньше всех и входившие с ним здоровались кто как: "Здравствуй, батюшка", "здорово, Володька", а некоторые: "здорово, поп". Потом пошла мода здороваться с ним: "здорово, попиздра". Наконец, один раз Гирс поздоровался с ним "здорово…", совершенно нецензурно. Тогда поп не стерпел и пожаловался старшему офицеру, и тот перед завтраком попросил больше так не здороваться с ним. Все это показывает, что никакого обаяния поп не имел. А все это объяснялось тем, что религия была вовсе не в почете и никто в массе офицерской особенно не веровал. Была только традиция ходить в церковь и ее соблюдали, а веры не было»[525].

Само флотское духовенство также не ощутило серьёзных изменений в своём статусе. В 1914 году в газете «Колокол» вышла статья «Забытые», написанная судовым священником учебного судна «Рында» Фёдором Кругловым[526]. Протопресвитер Георгий Шавельский её не одобрил, объясняя это тем, что «подобные статьи приносят более вреда, чем пользы»[527]. Вероятно, руководитель Ведомства военного и морского духовенства не хотел предать огласке проблемы флотского духовенства. Однако священнослужитель всё-таки опубликовал эту статью. В ней штатный судовой священник Балтийского флота отмечает: «Жизнь судовых священников, к

---

[525] *Белобров А. П.* Воспоминания. 1894–1979. М.; СПб., 2008. С. 210–211.
[526] *Круглов Ф., свящ.* Забытые // Колокол. 1914. 10 июня. № 2430. С. 3.
[527] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах Российского Государственного Исторического Архива. СПб., 2018. Т II. С. 386.

великому сожалению, совершенно сокрыта от взора всего прочего духовенства и общества, она никому не ведома в своей голой истине, кроме тех, кто ее переживает, кто в ней страдает, мучается, погибает... Мы можем прочитать очерки и повести о жизни сельского духовенства; мы найдем литературу о жизни и идеалах городского духовенства: приходских, домовых, госпитальных и кладбищенских церквей; мы знаем о подвигах и служении военного духовенства, всех видов оружия, но о судовом духовенстве, вся жизнь которого протекает в цепях коварного моря... которое, из года в год, в течение всей своей жизни, живет в тесной, жалкой и неуютной каюте и никогда не видит и сотой доли того домашнего комфорта и уюта, которым окружен каждый из военных и приходских священников, дьяконов, псаломщиков... которое, имея также, как и прочее духовенство, жену и детей, не видит их в течение многих месяцев будучи поэтому не в состоянии внести в свою семью участие мужа и воспитательное влияние отца и пастыря... которое, нося на себе также великую благодать священства, и будучи не менее ревностным своих собратий вынуждено всю жизнь только приноравливаться к обстановке и времени, пользоваться для осуществления задач своего пастырства случаем, моментом, все, так сказать, вырывать, выхватывать... которое обречено идти и кланяться всем и каждому, от старшего офицера до младшего мичмана, выслушивать неуместные замечания, часто обидные, для того чтобы получить время и возможность для своего «слова» и «службы», ему законно даже принадлежащее <…> жизнь этих тружеников, тружеников моря, неизвестна никому, как неизвестны никому ни их подвиги, ни их нужды»[528].

Отчасти, вероятно, автор несколько сгущает краски. На Первом всероссийском съезде военного и морского духовенств в 1914 году в Морской секции обсуждалась эта статья и отмечалось, что авторитет флотского

[528] *Круглов Ф., свящ.* Забытые // Колокол. 1914. 10 июня. № 2430. С. 3.

духовенства, в сравнении с периодом, когда назначалось на корабли необразованное монашество, повысился[529]. Однако в ходе работы этой же секции отмечалось: «Взгляды у большинства моряков остались старые, а люди на места священников стали назначаться новые, интеллигентные, развитые, легко отзывающиеся на все окружающие их явления. И нужно много такта, выдержки, умения, чтобы заставить плавающий состав флота переменить прежнее мнение и взгляды на священников как людей бесправных, с которыми можно не считаться. Эти укоренившиеся привычки смотреть на священника лишь только как на совершителя богослужения, а не учителя являются, по мнению [морской] секции, главною причиною, препятствующею судовому священнику право править слово истины»[530].

Более того, с самим священником Фёдором Кругловым в 1916 году произошёл следующий случай. На тот момент был священником вспомогательного крейсера «Орёл», и во время перехода через экватор офицеры захотели «крестить» его по морскому обычаю. Священник был категорически против, поскольку считал, что это языческий ритуал и заперся в каюте. Но дверь выломали, клирика схватили и с выкриками «крестить попа», «тащите попа» погрузили в импровизированную купель Нептуна[531]. Письменный стол священника был кем-то залит водой и многие его бумаги, книги были испорчены[532]. Данный акт был признан совершенно недопустимым в отношении духовного лица[533]. Действительно, судовых священников обычно не подвергали этой процедуре. Например, при описании церемониала перехода через экватор крейсера «Варяг» в том же 1916 году младший артиллерийский офицер лейтенант Б. П. Апрелев коротко упомянул

---

[529] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах Российского Государственного Исторического Архива. СПб., 2018. Т. II. С. 391–392.
[530] Там же. С. 397–398.
[531] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 82. Л. 19–20 об.
[532] Там же. Л. 20 об.
[533] Там же. Л. 18.

священника: «Рядом с ним [с командиром] стоял наш батюшка, который по обычаю в этом не участвует»[534]. Поэтому можно предположить, что у священника Фёдора ранее был конфликт с офицерами. Однако «выламывание двери» каюты священника и порча его имущества, вероятно, не могло бы иметь место, если бы авторитет флотского духовенства как института действительно изменился.

Итак, статус судового священника РИФ можно считать неопределённым. С одной стороны, он имел определённые привилегии, которые сближали его с морскими офицерами. Но офицеры не считали его равным себе. Первоначально во многом причина лежала в скудном материальном обеспечении флотского духовенства, которое было вынуждено питаться за счёт офицеров. Личный состав кораблей РИФ имел чёткое разделение на офицеров и нижних чинов. Но священник был чужим не только для первой, но и для второй группы. Ведь он обедал в кают-кампании, получал жалование в разы превосходившее доход любого нижнего чина и никак не мог быть ровней матросу. Кроме того, судовой священнослужитель – это в первую очередь духовное лицо и отношение к нему было аналогичным отношению к приходскому священнику, который к концу XIX века во многом утратил авторитет в глазах паствы. Церковь значительной частью общества воспринималась лишь как государственный институт, который нужен для регистрации актов гражданского состояния или как некая традиция, но не более. С. Ю. Витте в начале 1910-х годов вспоминал: «У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения – в службы не Богу, а земным богам, всякое православие – в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели адепты всех других христианских религий. Мы делаемся постепенно менее всех верующими»[535].

---

[534] *Апрелев Б. П.* На «Варяге». Жизнь после подвига. М., 2013. С. 201.
[535] *Витте С. Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 1. Л., 1924. С. 299.

Можно полагать, что для Морского ведомства священник – формальный элемент, который присутствует на корабле для регистрации участия в Таинствах Церкви (которые были необходимы морякам как служащим) и для соблюдения определённых традиций. В лучшем случае священники (особенно после Революции 1905–1907 годов) могли восприниматься как инструмент для борьбы с революционной пропагандой. Офицеры подчас не стеснялись при матросах пренебрежительно относиться к иконам и святыням судовой церкви, есть у них на глазах колбасу в дни Страстной седмицы Великого поста и т. д.[536] Военно-морское начальство, по-видимому, не считало нужным более подробно прорабатывать статус судового священника, поскольку это должностное лицо их мало интересовало. Да и даже для собственного начальства (протопресвитера и его правления) проблемы флотского духовенства оставались на периферии внимания. Протопресвитер Георгий Шавельский объяснял это тем, что «морских священников было гораздо меньше, чем военных. Мои предшественники, – можно было подумать, – совсем не интересовались флотом, ибо никогда не посещали военных кораблей. Я первый начал посещать их и налаживать работу судового священника»[537]. Но несмотря на эти слова, как верно отметила современная исследовательница Е. В. Коноплёва, на деле протопресвитер Георгий относился к флотскому духовенству снисходительно, не желая уделить должное внимание их проблемам[538]. Вероятно, наилучшей характеристикой статуса судового священника будет слово «забытые», которое священник Фёдор Круглов вынес в заглавие своей статьи[539]. Именно оно позволяет понять

---

[536] РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 369. Л. 7 об.

[537] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 103–104.

[538] *Коноплёва Е. В.* Духовенство Балтийского флота в годы Первой мировой войны: основные направления деятельности (Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «Педагогическое образование», профиль «Историческое образование»). СПб., 2022. С. 27.

[539] *Круглов Ф., свящ.* Забытые // Колокол. 1914. 10 июня. № 2430. С. 3.

причину, по которой флотское духовенство так запоздало получило финансированные из казны штаты и осталось в неопределённом положении в иерархии личного состава кораблей военно-морского флота.

***

Подводя итог главе, можно утверждать, что в 1890 году было сформировано единое Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, было обозначено положение священнослужителей в воинской иерархии, определены их обязанности и установлены финансируемые из казны штаты. Все нюансы служения священников были подробно изложены в «Положении об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств». Ведомство приобрело свою окончательную форму. Однако судовые священники ни разу не упомянуты в «Положении». Штатные полковые священники и клирики неподвижных храмов Военного и Морского ведомств получили существенные права, привилегии, достойное жалование и пенсию. Но штатные должности корабельных священников отсутствовали и в 1890 году так и не появились. Поэтому всё флотское духовенство было нештатным, продолжало числиться клириками своих епархий, а вместо постоянного жалования получало лишь небольшое содержание на время плавания. В результате подавляющее большинство судовых священников оставалось малообразованными монашествующими, которые зачастую не могли должным образом исполнять свои обязанности. Это (вкупе с тем, что священник не мог из-за низкого жалования делать взносы в кают-компанию и питался за счёт офицеров) серьезно уменьшало авторитет судового священника, делало его объектом насмешек и превращало в «требоисполнителя». Чтобы изменить кадровую политику, необходимо было улучшить финансирование флотского духовенства и тем самым привлечь на флот образованных священнослужителей. В 1902 году появились первые штатные должности судовых священников, на которые пришли образованные представители белого духовенства. На них стали распространяться права и

привилегии берегового духовенства, а их жалование было даже выше последних. Но большая часть корабельных священнослужителей оставались нештатными монашествующими. Лишь в 1911–1912 годах произошла кадровая реформа, в рамках которой Морское ведомство и протопресвитер стремились добиться того, чтобы все должности судовых священников стали штатными. Но поскольку в строй вводились всё новые корабли, то число штатных должностей, по всей видимости, отставало от потребностей флота. В связи с этим на флот продолжали попадать небольшое количество нештатных священников (как правило, монашествующих). В свою очередь эта ситуация затрудняет подсчёт численности духовенства, поскольку в делопроизводственных материалах обычно упоминалось лишь число штатных должностей. В целом в изучаемый нами период численность флотского духовенства колебалась в районе 40 клириков. Во главе иерархии находился протопресвитер военного и морского духовенства, на ступеньку ниже стоял благочинный флота, эскадры или отряда кораблей, а на последней располагался судовой священник. При этом священнослужители, согласно Морскому уставу, по всем нерелигиозным делам подчинялись корабельному начальству. А поскольку авторитет Церкви был невысок, то офицеры (начиная от корабельных вплоть до руководителей ведомства) относились к священникам как к своим подчинённым во всех делах, включая сугубо религиозные. Они регулярно вмешивались даже в распоряжения протопресвитера. Ни запоздалая «Инструкция судовым священникам», утверждённая Морским ведомством в 1908 году и призванная улучшить религиозную ситуацию на флоте, ни кадровая реформа флотского духовенства, сопровождавшаяся повышением жалования, не смогли исправить отношение к священнослужителю, сложившееся у моряков. Статус судового священника так и остался неопределённым. Вопреки расхожему (даже среди самого духовенства) мнению, священники не являлись офицерами. По мнению Морского ведомства, они не были к ним приравнены,

а лишь сравнивались с офицерами в некоторых правах. Ни офицеры, ни матросы не считали судового священника «своим». Не обладая должным авторитетом, институт флотского духовенства на рубеже XIX–XX веков во многом превратился лишь в необходимую формальность, не оказывавшую существенного влияния на личный состав кораблей. Отдельные судовые священнослужители стремились изменить эту ситуацию: старались быть инициативными, проводили различную работу с моряками, и анализ их деятельности показывает весь многогранный потенциал этой должности, о чём пойдет речь в следующих главах. Но эти пастыри были лишь исключением.

Глава II. Богослужебная деятельность флотского духовенства

Рубеж XIX–XX веков показателен с точки зрения литургического богословия. Проблемы богослужебного устава и сокращения богослужений достаточно широко обсуждались как среди духовенства, так и среди мирян[540]. В полковых и судовых церквях богослужебная практика обладала особой спецификой, связанной с военной паствой и условиями, в которых священники были вынуждены совершать богослужения. И именно в полковых и судовых церквях проблема сокращения богослужения стояла наиболее остро. Но в мирное время армейские подразделения (и полковые священники) не были столь оторваны от внешнего мира, как их коллеги на флоте. Свою богослужебную деятельность судовые священники преимущественно осуществляли непосредственно в море, что приводило к многочисленным сложностям, которые и составляют специфику богослужебной практики на флоте. В данной главе будет рассмотрены судовые церкви кораблей РИФ и судов ДФ и их имущество, подготовка корабельного храма к богослужению и состав церковного актива. Затем будет раскрыта специфика организации судового церковного хора и богослужебного чтения. После этого будет проанализирована богослужебная практика судовых церквей и восприятие богослужений личным составом кораблей. В конце главы будет рассмотрено служение флотского духовенства в условиях боевых действий.

§ 1. Судовая церковь и церковное имущество

При вступлении в должность судового священника корабля РИФ клирик принимал от ревизора[541] «по описи, положенные штатом вещи для богослужения»[542]. При окончании плавания или переводе священника на другой корабль церковное имущество сдавалось ревизору. А между

---

[540] Подробнее см.: *Балашов Н, прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001. С. 259–339.

[541] Ревизор – офицер, заведующий хозяйственной частью корабля (в том числе и денежными средствами).

[542] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 245.

плаваниями оно хранилось в специальном месте на берегу. Например, для кораблей Балтийского флота это был склад в Новой Голландии (Санкт-Петербург)[543]. Важно отметить, что на кораблях РИФ судовая церковь представляла собой чаще всего складной иконостас с необходимым имуществом. Перед каждым богослужением церковь необходимо было собрать, а после него разбирались и либо хранилась в ящиках в каюте священника, либо подвешивалась «на железных пластинах к потолку жилой палубы»[544]. Это было связано с дефицитом внутренних помещений: на корабле любое место, палуба, каюта, было исключительно функциональным. Даже на императорской яхте «Штандарт» судовая церковь была разборной[545]. Церковная служба проводилась, как правило, на батарейной и на некоторых кораблях – на жилой палубе[546]. А та её часть, где устанавливалась церковь, называлась церковной палубой. На ней моряки ежедневно собирались на утренние и вечерние молитвы, там же нередко располагались судовые иконы, которые становились средоточием церковной жизни, а под ними могли размещаться: кружка для пожертвований на церковные нужды, богослужебные книги, ноты и т. д.[547] Там же могла располагаться судовая церковная читальня, причем такое местоположение могло быть не только удобным для моряков, но и символичным: «таким образом, отсюда изливался на живущих здесь не только свет неугасимой лампады, но и «свет Христов, просвещающий всякого человека» через хорошую книгу»[548].

---

[543] *Овсянников С. И.* Один день на крейсере «Аврора». СПб., 2019. С. 71.

[544] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 332.

[545] *Манвелов Н. Н.* Под Андреевским флагом: Русские офицеры на службе Отечеству. М., 2011. С. 308.

[546] Батарейная палуба – палуба, находящаяся под верхней палубой корабля и предназначенная для размещения орудий. Жилая палуба – часть средней или нижней палубы корабля, предназначенная для проживания команды.

[547] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 513. Л. 76.

[548] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 47.

Описаний сборного храма сохранилось не так много. Наиболее полное из них присутствует в воспоминаниях судового священника броненосца «Император Александр II» Иоанна Дьяконова: «Наша судовая церковь (собственно алтарь) находится в батарейной палубе, в кормовой её части <…> церковь наша в обычное время, когда прикрыта, совсем не заметна для посторонних лиц, проходящих мимо её, в расстоянии одного аршина, по трапам с верхней палубы в жилую. Зато, когда церковь не покрыта, она производит на всякого отрадное впечатление своим красивым, даже богатым, так выделяющимся среди боевой обстановки судна, видом. Пред богослужением же, когда трапы убраны, наша церковь принимает вид домовой, отдельной от других помещений просторной церкви. И только верхняя палуба (потолок, если б слово это употреблялось на корабле) да два 9-ти дюймовых орудия в полу-портиках по сторонам (почти скрываемые, впрочем, рядами молящихся) напоминают, что храм этот – на боевом корабле. Полукруглый алтарь состоит из семи деревянных (тикового дерева) разных щитов. В среднем щите – царские врата ажурной работы; на них образ Тайной Вечери, Благовещения и Евангелистов; под вратами в полукруге слова: «на Тя Господи уповахом» и выше, над алтарём, крест. <…> Для богослужения кругом алтаря, в уровень с его особым основанием, устраивается площадка, образующая солею с выдающеюся частью по середине – закрытым люком (амвоном), а шесть медных стоек с толстым щёлоковым леером (шнуром) и кистями красиво заменяют собой пред-алтарную решётку. Пред образами, несколько впереди – аналой с иконою двунадесятых праздников, а угол налево образует "клирос" – обычное место певцов и чтецов. Кроме естественного света через верхние люки (покрываемые флагами) и боковые полупортики, кроме свеч и лампад, церковь освещается электрическою люстрою <…> Весь алтарь, амвон и значительная часть пространства для молящихся застилаются

коврами»[549]. Перед нами достаточно редкий пример постоянного размещения сборной церкви на батарейной палубе, ведь на большинстве кораблей судовые церкви собирались лишь для богослужения, а после него разбирались.

Поскольку большая часть церквей по своим размерам и декоративным элементам органично вписываются в судовое помещение, можно предположить, что каждый храм заказывался для конкретного корабля. Но несмотря на внешние отличия, конструктивно эти храмы были устроены таким образом, чтобы качка не оказывала на них существенного воздействия: верхняя часть иконостаса крепилась к потолку корабельного помещения, а подсвечники чаще всего были подвесными. Солея[550] и амвон[551], в привычном понимании этих слов, у судовой церкви либо отсутствовали либо представляли собой лишь ковёр, расстеленный перед иконостасом (Рис. 1, 5).

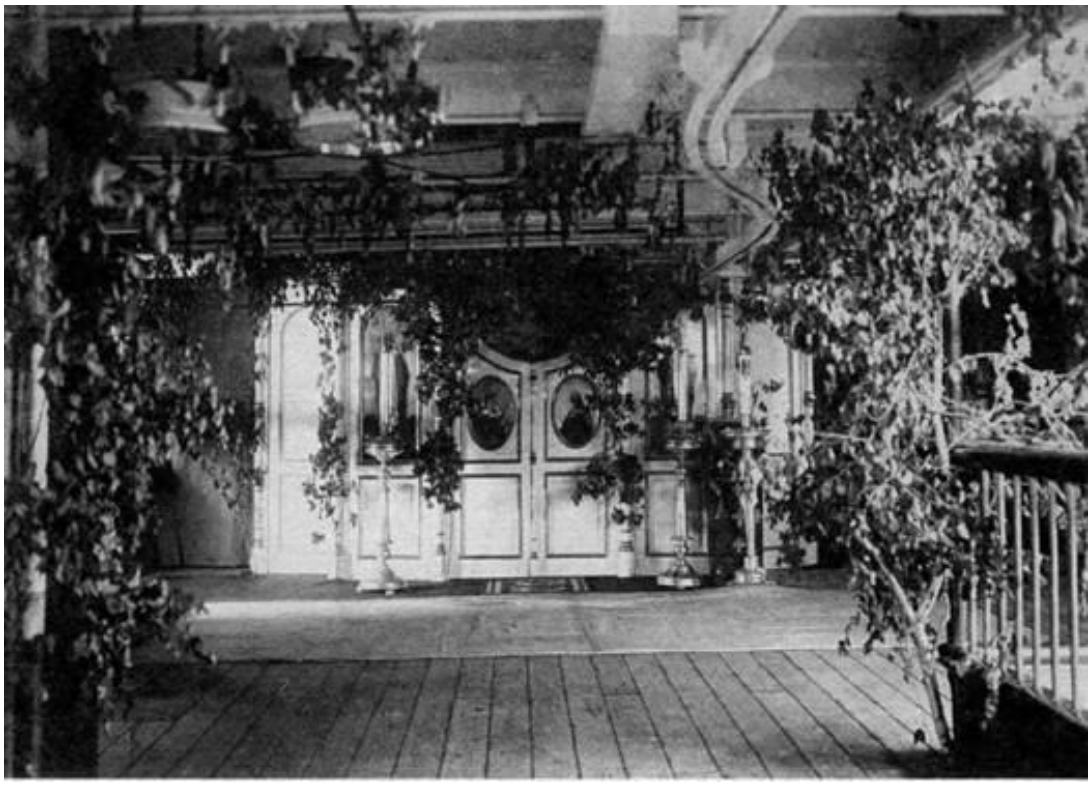


Рисунок 1. – Судовая церковь крейсера «Рюрик»[552]

[549] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 537, 538.
[550] Солея – возвышение перед иконостасом.
[551] Амвон – часть солеи, полукруглый выступ, расположенный перед царскими вратами.
[552] Корабельная церковь «Рюрика» перед праздником. // *Мельников Р. М.* Крейсер I ранга «Рюрик» (1889–1904). Самара, 2005. С. 46.

На этом фоне выделяется судовая церковь броненосца «Император Николай I», изображение которой было опубликовано в парижском журнале «L'illustration»[553] (Рис. 2). На гравюре мы видим массивную деревянную солею и небольшую ступеньку на том месте, где обычно располагается амвон. Вероятно, иконостас был недостаточно высоким для этого судового помещения, и он был поднят с помощью деревянной платформы, часть которой и стала солеёй.

Рисунок 2. – Судовая церковь броненосца «Император Николай I»[554]

Несмотря на различия, все судовые сборные церкви представляли собой полноценный иконостас, который при установке в корабельном помещении позволял молящимся ощутить себя в привычной церковной обстановке[555]. При этом размеры судовых церквей не позволяли священнослужителю в одиночку производить их сборку, и ему требовались помощники. Необходимо отметить, что место размещения престола на корабле было постоянным. Даже в случае

[553] Nos gravures // L'illustration. 1893. 14 octobre. № 2642. P. 320.
[554] Nos gravures // L'illustration. 1893. 14 octobre. № 2642. P. 320.
[555] *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г. С. 92.

если богослужение из судовых помещений (например, по причине духоты) переносилось на верхнюю палубу, церковь собиралась в одном и том же месте.

При вступлении в должность судового священника на пароходе ДФ клирик принимал имущество в ризнице Одесского архиерейского дома, и затем оно размешалось в каюте священнослужителя. На пароходах ДФ, в отличие от кораблей РИФ, не было постоянной каюты для судовых священников. Ситуацию с размещением священника иерей Георгий Левитский описывает следующим образом: «администрация парохода, за неимением якобы мест, не стесняется вместе с священником помещать и других пассажиров. Так, по крайне мере, было со мной в передний путь, что крайне неудобно»[556].

Но ещё большей проблемой для священника на пароходах ДФ была сама организация судового храма и подбор места для проведения богослужения. На суда ДФ сборные храмы не выделялись. Их использование на пароходах ДФ в источниках не зафиксировано (исключение составляет сборная церковь, подаренная на пароход «Орёл» императрицей, когда тот уже был мобилизован из Добровольного флота и переоборудован в госпиталь[557]). В результате престол, жертвенник и другое церковное имущество приносилось из каюты священнослужителя и просто выставлялось на палубе, а вокруг из подручных материалов (флаги, фанерные щиты и т. п.) могло ограждаться необходимое пространство, размещались иконы – и возникала импровизированная церковь. При этом на судах ДФ отсутствовало постоянное место для проведения богослужений. Вероятно, это было связано с тем, что, в отличие от кораблей РИФ, на которых уже при постройке предполагалось размещение судовых церквей, на пароходах ДФ проведение богослужений первоначально не предусматривалось.

---

[556] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 533.
[557] *Зиновий (Дроздов), иером.* С эскадрой до Цусимы. Вятка, 1906. С. 4.

Вот как какую характеристику импровизированной судовой церкви на пароходе «Саратов» в 1894 году даёт иерей Георгий Левитский: «Какого-либо складного иконостаса при пароходе нет; алтарь обыкновенно закрывался от ветра щитами и завешивался флагами. Образа приносились из команды и кают»[558]. На каждом пароходе ситуация складывалась по-разному, так, например, выглядело место для богослужения на пароходе «Орёл» в 1896 году: «Здесь богослужения отправлялось над трюмом по направлению к носовой части парохода. Это небольшая возвышенная площадка, где сооружался алтарь и помещались чтецы и певчие; остальная часть площадки постоянно была открыта и ограждена веревочной сеткой. От палящих лучей солнца защищал тент»[559]. В свою очередь, фотография молебна на пароходе «Орёл» (Рис. 3), сделанная в 1904 году, позволяет увидеть, как выглядела подобная церковь на практике. На изображении хорошо видны флаги, составляющие стены судового храма, и натянутый для защиты от солнца тент, образующий потолок, а какой-либо иконостас отсутствует. Мы видим, что подобный импровизированный храм – лишь временное помещение для богослужения – в противоположность сборному, включающему в себя полноценный алтарь с иконостасом. Он требовал значительно меньше времени, человеческих усилий и помощников на свою установку, чем сборная церковь.

---

[558] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 529.

[559] *Левитский Г., свящ*. Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе Д. Ф. «Орел». С. 86.

Рисунок 3. Молебен на пароходе «Орёл»[560]

Однако убранство импровизированной судовой церкви значительно уступало в благолепии и не могло в той же степени, что и убранство деревянной сборной церкви, помочь молящимся ощутить себя в привычной храмовой обстановке. Кроме того, создание временного помещения тентами и флагами на флоте происходило не только для богослужения, но и для светских мероприятий, например, для приёма, бала или концерта[561]. Пример создания подобного помещения для торжественного обеда на крейсере «Адмирал Нахимов» можно видеть на рисунке 4.

[560] Группа лиц на освящении госпитального судна «Орел» // ЦГАКФФД СПб. А 3533.
[561] РГАДА. Ф.1289. Оп. 2. Д.149. Л. 92.

Рисунок 4. – Помещение, созданное из флагов, парусины и других подручных средств, для торжественного обеда на крейсере «Адмирал Нахимов»[562]

То, что на судах ДФ не было специально выделенных для богослужения мест, а сборные храмы для них не выделялись, крайне усложняло организацию служб, особенно если ранее духовенство на этот пароход не назначалось. Священнику было необходимо найти место для проведения богослужений и согласовать его с судовым начальством, изыскать материалы для создания импровизированного храма, получить разрешение на их использование. Поэтому сочувственное отношение офицеров парохода к проблемам организации церковной жизни на судне могло значительно упростить процесс создания церкви. Вероятно, на некоторых пароходах подобное

[562] Помещение, созданное из флагов, парусины и других подручных средств, для торжественного обеда на крейсере «Адмирал Нахимов». Начало 1890-х годов. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1464. Л. 321.

сотрудничество происходило, но на данный момент удалось найти лишь один эпизод плодотворного взаимодействия офицера и священнослужителя. Согласно запискам иерея Георгия Левитского, во время плавания на пароходе «Саратов» в 1899 году в организации богослужебной деятельности всевозможную помощь оказывал старший офицер[563]. Однако данный эпизод нельзя считать примером эффективного взаимодействия судового начальства с духовенством, поскольку офицер был сыном[564] одесского кафедрального протоиерея[565].

Отсутствие постоянного места для совершения богослужения, кроме организационных сложностей, порождало следующую проблему: согласно учению Православной Церкви место, где совершалось богослужение, а в особенности располагался престол, должно быть «непопираемым», и к нему верующие должны относиться с должным почтением. Но на судах ДФ такого отношения к месту богослужения в источниках не зафиксировано. Иерей Алексей Ливанский говорит об обратной ситуации: «Постоянного, определённого и сколько-нибудь приспособленного места для совершения богослужения нет на пароходе, служить приходится то на одной стороне палубы, то на другой. Потом, к сожалению, те два угла спардека (около штурманской рубки)[566], у которых ставится престол и устраивается как-бы алтарь, ничем не выделены и не ограждены, так что во внебогослужебное время там стоят диваны, как и по всему спардеку. По моему мнению, такое богатое общество, как Добровольный флот, на своих больших пароходах, вроде "Саратова", могло бы устроить и постоянные места для совершения

---

[563] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д.Ф. «Саратов» весною 1899. // Вестник военного духовенства. 1900. № 9. С. 276.
[564] Вероятно, речь о Георгии Гавриловиче Селецком (1859–1913), чьим отцом был протоиерей кафедрального Одесского Преображенского Гавриил Селецкий (1829–1904).
[565] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д.Ф. «Саратов» весною 1899. // Вестник военного духовенства. 1900. № 9. С. 276.
[566] Верхняя палуба на судах рубежа XIX–XX веков.

богослужения или чем-нибудь выделить и огранить такие места из благоговения пред святыней»[567].

На каждый пароходный рейс мог назначаться новый священник. Пассажиры могли быть различны, и ситуация с судовыми помещениями на пароходах каждый рейс складывалась по-разному, ведь, например, распределение кают при перевозке новобранцев или переселенцев могло отличаться. Поэтому часто даже судовому священнику, ежегодно назначавшемуся на суда ДФ, приходилось каждый рейс заново организовывать церковную жизнь на судне. Таким образом, импровизированные судовые храмы, где размещалось церковное имущество для богослужения, на пароходах были разными (в том числе, могли представлять собой лишь тент для защиты от солнца) или вовсе отсутствовали. В этом отношении служение духовенства на пароходах ДФ было сложнее, чем на кораблях РИФ, где существовала священническая каюта, разборный храм и постоянное место для проведения богослужений.

Таким образом, судовые храмы можно разделить на два типа: сборные судовые церкви (деревянный иконостас) и импровизированные судовые церкви (из подручных материалов). Первые были распространены на кораблях РИФ, а вторые – на пароходах ДФ.

При вступлении в должность священник мог обнаружить, что далеко не всё церковное имущество могло оказаться в наличии или в пригодном состоянии, что происходило из-за его неправильного складирования или ошибок в описи и т. п.[568] Поэтому судовому священнослужителю было необходимо самостоятельно дорабатывать, дополнять церковное имущество, исходя из особенностей конкретного корабля. На данный момент подробную

---

[567] *Ливанский А., свящ.* Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». (Впечатления и заметки). С. 502.

[568] Левитский Г., свящ. Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. // Вестник военного духовенства. 1894. № 17. С. 533.

информацию о состоянии церковного имущества и размерах его финансирования удалось обнаружить лишь по пароходам ДФ.

На каждый рейс парохода ДФ Военным ведомством выделялось 50 рублей на «церковные принадлежности: (вино, просфоры, свечи, ладан и проч.)»[569]. Часть этих средств священнослужитель мог потратить на приобретение религиозно-нравственной литературы, иконок и крестиков[570]. Священник отчитывался «в расходовании сих денег» в специальном рапорте, прикладывая к нему «оправдательные» документы, и направлял их в управление Одесского уездного начальника, а остаток средств – в Одесское казначейство[571].

Иерею Георгию Левитскому в 1894 году при подготовке к плаванию на пароходе «Саратов» этих средств хватило, а остаток составил 26 рублей 16 копеек[572]. Иерей Николай Дьяков в отчёте на имя протопресвитера Александра Желобовского заявляет, ссылаясь на опыт предыдущих плаваний на других кораблях и последних двух рейсов на пароходе «Владимир», совершённых в 1898–1899 годах, что, учитывая совершенную «бездоходность судовых служб», ассигнуемые на церковные принадлежности суммы незначительны и «позволили сделать только самое необходимое в данном отношении»[573]. К сожалению, поскольку на данный момент не удалось найти особые рапорты, приходно-расходные книги, финансовые отчёты судовых священников, то объективно оценить ситуацию с ассигнованием сумм на церковные принадлежности не представляется возможным.

Между плаваниями имущество, необходимое для совершения богослужений на судах ДФ, хранилось в ризнице «Одесского архиерейского

---

[569] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 2 об.
[570] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 1.
[571] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. // Вестник военного духовенства. 1894. № 17. С. 534.
[572] Там же.
[573] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 1, 1 об.

дома»[574]. В 1892 году, когда было принято решение о назначении священнослужителей на суда ДФ, перевозившие новобранцев, из казны на приобретение церковного имущества для каждого парохода единовременно было выделено по 120 рублей[575].

По словам иерея Георгия, в 1894 году имущество было в достаточном количестве, «разве необходимо только иметь не один, а несколько ковшичков для теплоты, недостаток в сих вещах ощутителен при большом числе причастников»[576]. Возможно, это замечание связано с тем, что плавание парохода «Саратов» (на который он был назначен) из Одессы во Владивосток должно было проходить в период Великого поста[577], а именно в это время большинство находившихся на борту людей говело и приступало к таинству причастия[578]. В другое время, «в силу той традиции, что "вне поста говеть неудобно"»[579], моряки и пассажиры не причащались, и в имуществе вполне хватало одного «ковшичка».

Кроме того, по мнению священника, «было бы не лишним иметь другую перемену священнического облачения из более легкой материи: здесь надобно принять во внимание климатические условия – совершение, особенно литургии, при высокой температуре воздуха естественно вызывает утомление в высшей степени»[580].

---

[574] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. // Вестник военного духовенства. 1894. № 17. С. 533.
[575] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 7 об.
[576] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 533.
[577] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 8.
[578] *Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе Д.Ф. «Орел. С. 87.
[579] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1899. С. 277.
[580] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 533.

Наличие в пароходной церковной утвари всего одного «ковшичка» и отсутствие «легкого» облачения может свидетельствовать о том, что человек закупавший имущество, вероятно, не был знаком со спецификой служения священнослужителей на флоте или же выделенной суммы не хватило на их покупку. Закупка имущества должна была произойти в 1892 году, когда было принято решение о назначении клириков для сопровождения новобранцев на суда ДФ. Необходимость духовенства на борту обосновывалась Генеральным штабом тем, что пароходы ДФ с новобранцами отправлялись из Одессы в начале марта и плавание, длившееся 40–45 дней, выпадало на время Великого поста и праздника Пасхи[581]. Именно в этот период большинство православных христиан приступало к причастию и необходимость иметь несколько «ковшичков» была очевидной (особенно учитывая то, что зачастую новобранцев на борту было более тысячи человек). Кроме того, чтобы перевести новобранцев на Дальний Восток, пароходам нужно было пройти через воды Индийского и Тихого океанов, и клирикам желательно было иметь более «легкое» облачение.

Несмотря на то, что для каждого парохода в ризнице имелся специальный ящик, наибольшую проблему вызывала разрозненность церковного имущества. Вот как данную проблему описывает иерей Георгий: «чтобы собрать всё для походной церкви, мне пришлось не один раз побывать в архиерейском доме. Некоторые священные вещи не значатся ни в каких описях. Плащаницу, напр. я нашёл на пароходе, где она оставалась в продолжение года»[582]. Ссылаясь на мнение «о. ризничего», священнослужитель отмечает, что такое положение связано со следующим: «нередко всё церковное имущество после плавания общим свалом оставляется

---

[581] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 1.

[582] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 533.

в крестовой церкви[583], без всякой сдачи»[584]. Дабы избежать подобных ситуаций, автор записок после окончания плавания составил опись церковного имущества парохода «Саратов» и направил один экземпляр в ризницу, а другой – в судовую канцелярию[585].

На следующий 1895 год иерей Георгий Левитский был вновь назначен в плавание на пароход ДФ «Саратов». В записках, посвящённых этому путешествию, он описывает ситуацию с церковным имуществом следующим образом: «В ризнице Одесского архиерейского дома, где обыкновенно хранятся богослужебные ящики, заведённые собственно для отправления на судах Д. Ф. войск, не оказалось ни одного ящика, они выданы были иеромонахам, командированным на пароходы: "Кострома" и "Петербург". Не оказалось и "Саратовского ящика", который в прошедшем году мною приведён был в порядок. Завязалась неизбежная переписка между управлением Одесского воинского начальника и конторою Д. Ф., что доставило и мне немало хлопот»[586]. Такое развитие событий связано с тем, что ещё в 1892 году, когда церковное имущество для пароходов ДФ только формировалось, вопросы об их «заготовлении» решались Главным штабом и Комитетом ДФ[587], поэтому урегулированием вопроса занимались их региональные подразделения. По словам иерея, «за день, кажется» до отхода парохода церковное имущество со склада ДФ было доставлено на пароход[588]. Как уже отмечал священник Георгий в путевых заметках за 1894 год, в

---

583 Крестовая церковь – особый вид домового храма при архиерейских домах. В крестовой церкви одесского архиерейского дома хранилось имущество для судов ДФ.

584 *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 533.

585 Там же.

586 *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. С. 432.

587 РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 7 об.

588 *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. С. 432.

прибывшем комплекте «недостатка ни в чём не ощущалось»[589]. В дополнение иерей приобрёл «два ковшичка для теплоты», один «в счёт суммы ассигнованной на церковные потребности», а другой – за свой счёт[590], что показывает недостаточность выделяемых Военным ведомством средств на церковные потребности.

После окончания плавания на пароходе «Владимир» иерей Николай Дьяков в 1899 году в отчёте так характеризует церковное имущество: «облачения чрезвычайно старые, Евангелие – в медном окладе, крест – малый, бронзовый – найдены совершенно неудовлетворяющими своему высокому назначению, в следствие давности употребления и неудобства сохранения их в морском пути при постоянном действии на таковы неблагородные металлы, как медь и бронза, солёных испарений. Данная мне медная водосвятная чаша, по неприличию её, была заменяема серебряною мисою[591] из судового буфета»[592]. Далее автор упоминает любопытную деталь: «указанные церк[овные] вещи отпускаются только по требованию Военного ведомства», в рейсах с переселенцами на пароходы ДФ поставляет «свои богосл[ужебные] принадлежности, очень благолепные»[593]. Благодаря этому упоминанию становится возможным утверждать, что на рейсах, перевозивших переселенцев на Дальний Восток, были священнослужители, а церковное имущество во время этих плаваний отличалось от того, что выделялось во время перевозки военнослужащих. В 1892 году оно было закуплено для судовых священников, назначаемых на рейсы с новобранцами, хранилось в одесской архиерейской ризнице и с тех пор не обновлялось. А церковное имущество, предназначенное для судовых священников, сопровождающих поселенцев, хранилось на складе ДФ. Вероятно, именно один из этих

---

589 Там же.
590 Там же.
591 Миса – суповая чашка.
592 РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 1 об.
593 Там же.

комплектов и был выдан иерею Георгию Левитскому в 1895 году, когда в ризнице не оказалось ни одного ящика с церковной утварью. Но никакой дополнительной информации о священнослужителях, сопровождавших переселенцев, и соответствующем церковном имуществе на данный момент найти не удалось.

Иерей Николай Дьяков заканчивает эпизод с церковным имуществом упоминанием о том, что он доложил военному начальству о необходимости замены «старых и негодных церковных вещей Военного ведомства новыми и серебряными именно»[594].

Иерей Георгий Левитский, совершивший в том же 1899 году плавание на пароходе «Саратов», рассказывает об иной ситуации с церковным имуществом этого судна: «Благодаря усердию *судовой команды* (курсив мой – С. С.), на "Саратове" инвентарь церковных вещей год от года всё увеличивается. Так в настоящее время имеется: одежды на престол, жертвенник и анологий[595], Евангелие, напрестольный крест (медный), две пары священнических облачений, запрестольный подсвечник. Ныне заведена небольшая плащаница и *своими мастерами* (курсив мой – С. С.) сделан пасхальный трикирий[596]. Кроме того, мною приобретено было в Одессе три образа (олеографии[597]) Спасителя, Божией Матери и Воскресения Христова, которые наклеены были на доски, освящены и за богослужением поставлялись на приличествующих местах с возжёнными свечами, а при крестных ходах служили выносными иконами»[598]. Здесь, в отличие от информации, содержащейся в отчёте иерея Николая Дьякова, автор не указывает никаких недостатков в состоянии церковного имущества. Даже наоборот, оно только

---

[594] Там же.
[595] Совр.: аналой – высокий церковный стол, используемый как подставка для икон или богослужебных книг.
[596] Трикирий – разновидность трехсвечника.
[597] Способ репродукции живописи.
[598] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1899. С. 277.

увеличилась. Особенно важно отметить, что в формировании церковной утвари парохода «Саратов» принимал участие не только священнослужитель, но и моряки. Под мастерами здесь понимаются моряки, обладавшие необходимыми навыками, ведь среди матросов были люди разнообразных профессий, что во многом позволяло кораблю автономно функционировать в дальних плаваниях. Это не единственный пример участия моряков в формировании корабельного церковного имущества. На броненосце РИФ «Император Александр II», например, на пожертвования нижних чинов были приобретены напрестольный крест и Евангелие[599]. Как мы видим, морякам могло быть не безразлично состояние церковного имущества, и даже простые матросы могли поучаствовать в решении данного вопроса.

На наш взгляд, хорошее состояние церковного имущества парохода «Саратов» на 1899 год является, вероятно, исключением и связано преимущественно с инициативностью священника, трижды назначавшегося на одно и тоже судно и докупавшего различные «церковные вещи», и моряков, активно участвовавших в формировании и поддержании церковной утвари в должном состоянии. Поэтому этот эпизод не может полноценно отражать общую ситуацию с состоянием судового церковного имущества. Данную гипотезу подтверждают слова иерея Алексея Ливанского, бывшего судовым священником парохода «Саратов» в 1896 году: на судне «имеются всё необходимое для совершения богослужения, но на других пароходах, перевозивших ныне новобранцев, священники жалуются на отсутствие церковной утвари и облачения»[600].

Таким образом, благодаря информации, изложенной иереями Георгием Левитским, Алексеем Ливанским и Николаем Дьяковым, можно проследить состояние церковного имущества, предназначенного для судовых священников, назначавшихся на суда ДФ, которые осуществляли перевозку

---

[599] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. 537.
[600] *Ливанский А., свящ.* Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». С. 502.

новобранцев. Приёмка церковного имущества – первое дело, которое необходимо было сделать священнослужителю при вступлении в должность. И уже здесь клирика подстерегали сложности. Если в 1894–1895 годы проблему в первую очередь составляла неупорядоченность имеющегося имущества, а сама церковная утварь была в достаточном количестве (за исключением «ковшичков» и «лёгкого» облачения), то к 1899 году часть «церковных вещей» была уже в непригодном состоянии и требовала замены. Произошло ли это обновление, на данный момент установить не удалось. Важно отметить ситуацию с церковным имуществом на пароходе «Саратов». Благодаря рачительности иерея Георгия и заботе моряков на этом судне утварь не только находилась в достойном состоянии, но и ее число увеличивалось год от года. Совместные усилия пастыря и паствы, заинтересованных в конечном результате, в условиях недостаточности выделяемых Военным ведомством средств могли принципиально менять ситуацию. Однако, вероятно, приведённый пример, учитывая сведения иерея Алексея Ливанского и Николая Дьякова, можно рассматривать лишь как исключение.

Церковное имущество на кораблях РИФ было почти таким же, как на судах ДФ (за исключением того, что на пароходах отсутствовали иконостасы). Однако остаётся не понятным, сколько выделалось средств на различные «церковные принадлежности» (вино, просфоры, свечи, ладан, елей, иконки, крестики и т. п.). На рейс парохода ДФ, длительностью не более 2 месяцев, на эти цели выделялась сумма в 50 рублей[601]. Плавания кораблей РИФ могли длится значительно больше. Согласно статье 78 «Положения» 1890 года, средства на «церковные принадлежности при очередном богослужении заимствуются от того ведомства, к которому принадлежит служащий священник». Поэтому можно утверждать, что определённая сумма на «церковные принадлежности» всё же выделалась Морским ведомством или

[601] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 1.

Ведомством протопресвитера, но пока не удалось выяснить, в каком размере. Кроме того, остаётся не ясным, что означает формулировка «заимствуются от того ведомства». Ведь она предполагает, что средства будет необходимо возместить. Тогда возникает вопрос: за счёт каких сумм это должно произойди. Архимандрит Владимир Гиганов в статье «Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания» отмечал, что на различные расходы перед отплытием у него ушло 150 рублей, «которые нужно доставать прямо из своего кармана или занимать в счёт будущих благ»[602]. При этом ни о каком финансировании со стороны какого-либо ведомства архимандрит не упоминает. Поэтому, вероятно, под будущими благами, вероятно, автором подразумеваются средства, вырученные с продажи свечей[603] и добровольные пожертвования[604]. Эта гипотеза подтверждается отчётом благочинного 2-й бригады крейсеров Балтийского флота священника Иоанна Спицына за 1916 год. Автор отмечает, что на крейсере «Громобой» доход от продажи свеч небольшой, «но вполне покрывает расходы по церкви»[605].

Определённые сложности, особенно в заграничных плаваниях, могло вызвать снабжение судовой церкви расходуемыми веществами. Из них наименьшие сложности вызывало вино, которое можно было купить в большинстве крупных портов мира. Ладан или елей, ввиду небольших размеров, можно было закупить в достаточном количестве впрок. Но свечи занимали гораздо больше места. Они охотно приобретались моряками на богослужении[606], а их отсутствие за богослужением не остаётся незамеченным

---

[602] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 341.
[603] Там же.
[604] *Кострюков А. А.* Деятельность русского военного духовенства в годы Русско-японской и Первой мировой войн: Дис. … к. богосл. н. Сергиев Посад, 2003. С. 148.
[605] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 25.
[606] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). С. 254; Ляпунова О. А. Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 137.

авторами источников[607]. Следовательно, у священнослужителя должен был быть большой запас свечей, чтобы сотни моряков могли еженедельно их приобретать. Можно предположить, что на некоторых кораблях священникам удавалось взять количество свечей, необходимое для всего плавания. Однако в большинстве случаев, ввиду ограниченности корабельного пространства, а также большого количества иного церковного имущества, представляется сомнительным, чтобы священнослужитель мог взять с собой значительный запас свечей. К сожалению, вопрос снабжения судовой церкви свечами в плавании в источниках остаётся не раскрытым. Можно лишь предположить, что свечи могли высылаться в виде посылок в те порты, куда корабль планировал заходить.

Ещё большую сложность в условиях дальних плаваний составляло обеспечение судовой церкви просфорами. Ведь заготовить их впрок было невозможно, а обычный хлеб для богослужения не походит. О просфоропечении в источниках присутствуют лишь отдельные упоминания. Судовой священник крейсера «Владимир Мономах» иеромонах Михаил в показаниях по разбирательству о его недостойном поведении упоминает среди лиц, с которыми он поддерживал общение, «пекаря просфор»[608]. Священник крейсера «Россия» Иоанн Спицын в отчёте отмечал, что просфоры выпекались «под руководством и присмотром священника»[609]. Судовой священник броненосца «Император Александр II» Иоанн Дьяконов констатировал, что ввиду «небрежности и непонимания в этом деле матроса, готовившего просфоры совершенно несоответствующие по качеству и неприличные по форме, мне на первых порах пришлось самому заняться этим делом в течение нескольких месяцев»[610]. А затем просфоропечением уже начал заниматься

---

[607] См. напр.: Дневник неизвестного моряка с броненосца «Орел»... С. 191.
[608] РГА ВМФ. Ф. 417 Оп. 4 Д. 6737. Л. 12.
[609] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 30.
[610] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 607.

матрос[611]. Автор отметил, что на других кораблях «иеромонахи пекут просфоры всегда сами»[612]. На кораблях РИФ неизменно были матросы, занимавшие должность пекаря, однако далеко не все из них, как мы видимо по описанному выше эпизоду, были способны заниматься просфоропечением. Можно предположить, что чем больше команда корабля, тем выше был шанс найти подходящего помощника. Но, вероятно, проблема обеспечение судовой церкви просфорами была настолько острой, что даже в примечании к пункту 12 «Инструкции судовым священникам», принятой в 1908 году, указано: «При уходе в заграничное плавание судовой священник должен заботиться о том, чтобы печению просфор своевременно на берегу был обучен один или двое способных к тому матросов, чему также содействует и судовое начальство»[613].

Этот пункт инструкции призван облегчить священнику поиск пекарей, в том числе содействием со стороны морских офицеров. За этим скрывается одна из важнейших проблем, которые вставали перед каждым судовым священником, – отсутствие у него штатных помощников. Особо остро она вставала при подготовке к богослужению.

§ 2. Подготовка к богослужению и церковный актив

Богослужение занимает центральное место в служении духовенства. При этом подготовка храма к богослужению и по сей день остаётся, как правило, в тени самого богослужения. Как в приходских, так и в военных храмах у священников были штатные помощники – псаломщики. Поэтому при подготовке к богослужению зачастую священнослужитель занимался лишь организацией процесса. Судовому священнику штатные помощники не полагались. Соответственно либо приходилось делать всё самому, либо искать добровольцев. Подготовить судовую церковь к богослужению в одиночку священнослужителю было невозможно, особенно учитывая то, что в условиях

[611] Там же.
[612] Там же.
[613] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 21 об.

чёткого корабельного распорядка на богослужение выделялось крайне ограниченное время, а значит ему помощники были ему необходимы. В связи с этим на каждом корабле из личного состава приказом командира корабля назначалось 2 помощника: ктитор и церковник. То есть это были моряки, которые, помимо своих непосредственных обязанностей, должны были помогать священнику. Причём они должны были оказывать не абстрактную помощь, а исполнять определённые обязанности, зафиксированные статьями 79–96 «Положении об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств» 1890 года[614]. Поскольку это церковный документ, а на флоте действуют исключительно постановления Морского ведомства, то в «Инструкцию для судовых священников», утверждённую Морским ведомством в 1908 году, был включён пункт 23, подтверждавший, что этими статьями необходимо руководствоваться для организации религиозной жизни на кораблях[615].

Ктитор назначался командиром из числа офицеров корабля (статья 81 «Положения…»)[616]. При этом священник имел права «ходатайствовать» перед командиром о назначении на должность ктитора конкретного лица (Примечание к статье 81). Согласно статье 82, «о назначенном на должность ктитора лице священник доносит благочинному, который доводит о сем до сведения протопресвитера» [617]. На данный момент не удалось найти писем, в которых докладывается о назначении того или иного лица на эту должность. Однако ктиторы упоминались в отчётах, которые подавал флотский благочинный протопресвитеру[618]. Также в клировых ведомостях каждого корабля неизменно была строчка «Староста (ктитор)». Именно такая формулировка содержится во всех известных нам корабельных клировых

[614] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).
[615] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 12.
[616] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).
[617] Там же.
[618] Напр.: РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 23, 25 об., 27 об.

ведомостях[619]. Вероятно, термин «староста» употреблялся по аналогии с приходским старостой, который были наиболее авторитетным прихожанином, занимался различными хозяйственными и имущественными вопросами храма[620]. Между тем такое упоминание вносит определённую терминологическую путаницу, поскольку составитель «Положения…» различает термин «ктитор» и «староста». Это хорошо видно в следующем фрагменте.

Согласно статье 85, обязанности ктитора заключались в следующем: «попечение о внутреннем благоустройстве церкви, заведывание, совместно с священником и церковным старостою, где таковой имеется, поступлением церковных доходов и употреблением оных на нужды церкви по существующим для сего правилам, заведывание церковными сторожами и наблюдение за их поведением и [за] исполнением обязанностей, заведывание, совместно с священником, доходами и надлежащим ремонтом церковных домов и других учреждений, содержимых на церковные суммы, наблюдение, совместно с церковным причтом и старостою, за целостью и сохранностью всего церковного имущества»[621]. Разумеется, здесь, как и во всём «Положении…», описаны реалии сухопутных и береговых церквей, ведь, например, никаких церковных сторожей в корабельной церкви не было (именно поэтому запоздало была разработана «Инструкция для судовых священников», о которой уже рассказывалось в прошлой главе). Но в этой статье видно, что ктитор и староста – два разных должностных лица. Под последним подразумевается церковник, о котором пойдёт речь ниже.

В целом обязанности ктитора судовой церкви сводились к помощи священнослужителю в отношении церковного имущества и финансов. Однако было бы в корне неверным считать, что ктитор осуществлял физическую

---

[619] Напр.: РГИА Ф. 806. Оп. 12. Д. 168. Л. 2 об.; Д. 170 Л. 2 об.; Д. 171. Л. 2 об.
[620] *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX в. М., 2010. С. 139.
[621] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).

помощь священнику: собирал церковь, носил водосвятную чашу и т. д. Ктитор в первую очередь – морской офицер. Для него как для дворянина это было бы ниже собственного достоинства. Он отдавал распоряжения, следил исполнением обязанностей другими помощниками, мог вести подсчёт денежных средств и соответствующую документацию. Вероятно, часть ктиторов относились к своим обязанностям с усердием, но, вероятно, многие – лишь как к формальности. Упоминания о ктиторах встречаются в источниках редко, что с одной стороны не позволяет оценить их деятельность, но с другой, возможно, это свидетельствует в пользу нашего суждения.

Вторым и зачастую главным помощником, который неизменно назначался приказом командира корабля, был так называемый «церковник»[622], «причетник»[623] или «староста» [624]. Эти термины встречаются в одном контексте и являются синонимами, но поскольку более распространённым было наименование «церковник», в данной работе будет использоваться именно оно. Церковник выбирался из нижних чинов, то есть был либо матросом[625], либо унтер-офицером[626]. Упоминания о церковнике из числа офицеров в источниках отсутствуют.

Архимандрит Сергий (Страгородский) так описывает церковника крейсера «Память Азова»: «разряженный в пух и прах, в сапогах "со скрыпом" торжественно расхаживает, ставит к иконам свечи»[627]. Церковник должен был помогать священнослужителю во всех вопросах, касающихся организации богослужения и его непосредственного проведения (например, заведовать

---

[622] См. напр.: *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 254; *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 539.
[623] *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г. С. 93, 185.
[624] *Политовский Е. С.* От Либавы до Цусимы. СПб., 2010. С. 44; *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987. С. 39.
[625] Напр.: *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 254; *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 539.
[626] Напр.: *Владимир (Гиганов), архим*. Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 332; *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987. С. 39.
[627] *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 254.

церковным имуществом, заниматься сборкой и украшением храма, продажей свеч, алтарным служением и т. п.).

Однако одного церковника для выполнения всех этих задач, как правило, было недостаточно. Очевидно, что затруднительно, например, одновременно продавать свечи, петь песнопения и помогать в алтаре. А учитывая жёстко регламентированный ритм судовой жизни, церковь должна была быть собрана и подготовлена к богослужению оперативно, что было невозможно осуществить силами священнослужителя и церковника. Поэтому на многих кораблях у священника были и другие помощники. Их можно условно разделить на две категории.

К первой категории отнесём помощников, выбираемых судовым священником на ответственные послушания: продажа свечей, алтарное служение, пение и чтение за богослужением. Для решения этих задач помощников было необходимо предварительно инструктировать, а в случае певцов и чтецов – заранее проводить репетиции. Чаще помощниками этой категории были унтер-офицеры – то есть заслуженные нижние чины[628]. Однако, например, на броненосце «Император Александр II» в конце XIX века всеми помощниками священнослужителя были матросы[629]. Эту категорию можно назвать «корабельным церковным активом», и в него могли войти не только унтер-офицеры, но и молодые матросы, обладавшие церковными знаниями.

Ко второй категории отнесём моряков, помогавших в уборке помещения, сборке и украшении судовой церкви – ведь именно для выполнения данных видов работ больше всего требовалась помощь добровольцев. Среди них, несомненно, на любом корабле важное место

---

[628] См. напр.: *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 332; *Левитский Г.,* свящ. Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе Д.Ф. «Орел». // Вестник военного духовенства. 1897. №2. С. 90; *Соболев Л. С.* Капитальный ремонт. М.,1962. С. 117.

[629] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 607.

занимали плотники[630]. От этих помощников не требовалась особая подготовка, поскольку помощь была физической. При достаточном количестве помощников установка церкви на корабле РИФ могла занять «10–15 минут»[631]. В любом случае подготовка самого храма осуществлялась силами нижних чинов[632]. Если на корабле РИФ, ввиду ограниченных рамок судового распорядка, на богослужение и подготовку к нему выделялось ограниченное время, то на пароходах ДФ спешки не было. Например, архимандрит Сергий (Страгородский) в одном из писем наоборот сетует на медлительность в подготовке судовой церкви на пароходе «Кострома»[633].

Необходимо отметить, что в XX веке в обществе нарастали антирелигиозные настроения, а вместе с тем увеличивались случаи порчи церковного имущества. Например, в материалах дисциплинарного полуэкипажа, находящегося в г. Архангельске, упоминаются следующие происшествия:

Таблица 4. – Порча церковного имущества в дисциплинарном полуэкипаже г. Архангельска с 1 июня 1913 года по 1 июня 1914 года[634]

Матросы	Что совершили
Федор Разсатин	Разбил и потоптал образ св. Николая Чудотворца и выбросил за окно лампаду
Гордей Бондаренко	Разбил икону Св. Николая Чудотворца и сорвал со стены и бросил на землю портрет государя императора
Михаил Ломтев, Максим Попов	Разбили икону
Григорий Вострецов	Разбил икону

[630] См. напр.: *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г. С. 93, 185.
[631] *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г. С. 92.
[632] *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М., 1984. С. 258.
[633] *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 44–45.
[634] Составлено по изданию: *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. II. СПб., 2018. С. 423–424.

Фаленник Гашук	Разбил икону
Федор Рожко	Разбил икону
Терентий Маслов	Разбил икону

То есть в одном только подразделении за год было 7 случаев порчи церковного имущества. При сборке или разборке корабельного храма шанс повредить икону или другие элементы церкви существенно увеличивался. Вероятно, именно поэтому в «Инструкцию для судовых священников» 1908 года был включён пункт 13, согласно которому судовой священник «лично наблюдает и руководит установкой иконостаса и уборкой его до и после богослужения, охраняя святыню от небрежного обращения с нею назначенных для этого людей»[635]. Можно предположить, что до этого распоряжения корабельный храм нередко собирался под присмотром церковника, который докладывал священнослужителю о готовности. Также надо отметить, что «охранять святыню» было необходимо не только от антицерковно настроенных нижних чинов, но и от офицеров. Так, например, были известны случаи, когда офицеры непочтительно относились к иконам, а при разборке судового храма прикасались к святыням, расположенным на престоле, что, по правилам Русской Православной Церкви, разрешено делать только священнослужителям[636].

Как уже говорилось в прошлом параграфе, на кораблях РИФ были сборные деревянные судовые церкви, а на пароходах ДФ – импровизированные судовые церкви. Вне зависимости от того, какого типа был корабельный храм, по большим церковным праздникам происходило его украшение.

Основным видом украшения иконостаса и окружающего корабельного помещения были растения. В европейских водах, в первую очередь, судовая

[635] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 21 об.
[636] РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 369. Л. 7 об.

церковь украшалась цветами[637], а в южных широтах использовалась разнообразная «зелень»[638]. Однако в письменных источниках не содержится подробностей данного процесса. На фотографиях сохранились примеры украшения судовых церквей растениями при праздновании Пятидесятницы (Рисунки 5, 12). Данные изображения позволяют понять, как выглядел подготовленный к праздничному богослужению храм: растениями обрамлены царские врата, иконы и различные элементы помещения, в котором размещена церковь.

Кроме этого, помещение, где должно было проходить богослужение, могло драпироваться флагами расцвечивания[639], но можно предположить, что делалось это не столько с целью украшения судовой церкви, сколько для того, чтобы скрыть те или иные элементы корабельного оборудования, вооружения и другие не соответствующие праздничной обстановке предметы.

Соответственно, для организации украшения храма к большим церковным праздникам требовалось гораздо больше помощников, чем при остальных богослужениях. Вероятно, это не могло осуществляться без помощи командного состава и силами одних добровольцев. Вероятнее всего, кроме добровольцев в процессе подготовки храма по приказу офицеров участвовали нижние чины. К сожалению, авторы источников данного вопроса практически не касаются, за исключением судового врача крейсера «Аврора» В. С. Кравченко. Он упоминает, что на этом корабле заготовкой растений занимались офицеры: «страстная суббота, несколько офицеров съехало на берег за зеленью»[640]. Неизвестно, каковы были их истинные мотивы, ведь во время дальнего похода украшение к празднику могло быть хорошим

---

[637] *Долгов Б. А.* Указ. соч. С. 33.
[638] *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М., 1984. *С. 258; Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1899. // Вестник военного духовенства. 1900. № 9. С. 279.
[639] *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М., 1984. С. 258; *Кравченко В. С.* Записки судового врача. Через три океана. М., 2014. С. 144.
[640] *Кравченко В. С.* Указ. соч. С. 139.

предлогом для внеочередного увольнения на берег. Но важен сам факт того, что морские офицеры лично принимали участие в подготовке к большому церковному празднику.

К двунадесятым и великим праздникам нередко украшалась не только судовая церковь, но и сам корабль. Украшению предшествовала тщательная уборка. Корабль всегда должен содержаться в чистоте и порядке, для чего проводились ежедневные приборки[641]. К празднику следовало привести корабль «в блестящий вид»[642]. Очевидно, что это осуществлялось силами всего личного состава, и из частного дела добровольцев приготовление к церковному празднику становилось делом, в котором были задействованы, независимо от их желания, все нижние чины.

Верхняя палуба и некоторые корабельные помещения украшались растениями. Так, в 1888 году «В праздник св[ятой] Троицы фрегат "Генерал-Адмирал" разукрасился березками. На столах в кают-компании стояли букеты ландышей и прочих полевых цветов»[643]. Врач крейсера «Аврора» В. С. Кравченко поясняет цель подобного мероприятия: «мечтали утречком сегодня съехать, нарубить зелени, цветущих пальм, хотя [бы] немного скрасить нашу неприглядную обстановку»[644]. Для тех же целей использовались флаги[645], позволявшие за счёт своих размеров скрыть переборки, койки, корабельное оборудование, вооружение и т. п. Это подтверждается фотографиями (Рис. 5). Деревца не только создают атмосферу праздника, но и скрывают или обрамляют те или иные элементы палубного оборудования. Кроме этого,

---

[641] См. напр.: *Апрелев Б. П.* Брызги моря. Прага, 1931. С. 7; *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 132.
[642] *Шуберт Б. К.* На крейсерах «Смоленск» и «Олег». СПб., 2009. С. 14.
[643] *Столяров И.* От Кронштадта до Мадеры и обратно. Личные впечатления во время плавания на фрегате «Генерал-Адмирал», летом 1888 года. СПб., 1890. С. 7.
[644] *Кравченко В. С.* Указ. соч. С. 138.
[645] Там же. С. 144.

например, в рождественскую или пасхальную ночь корабли могли быть «иллюминированы электричеством»[646].

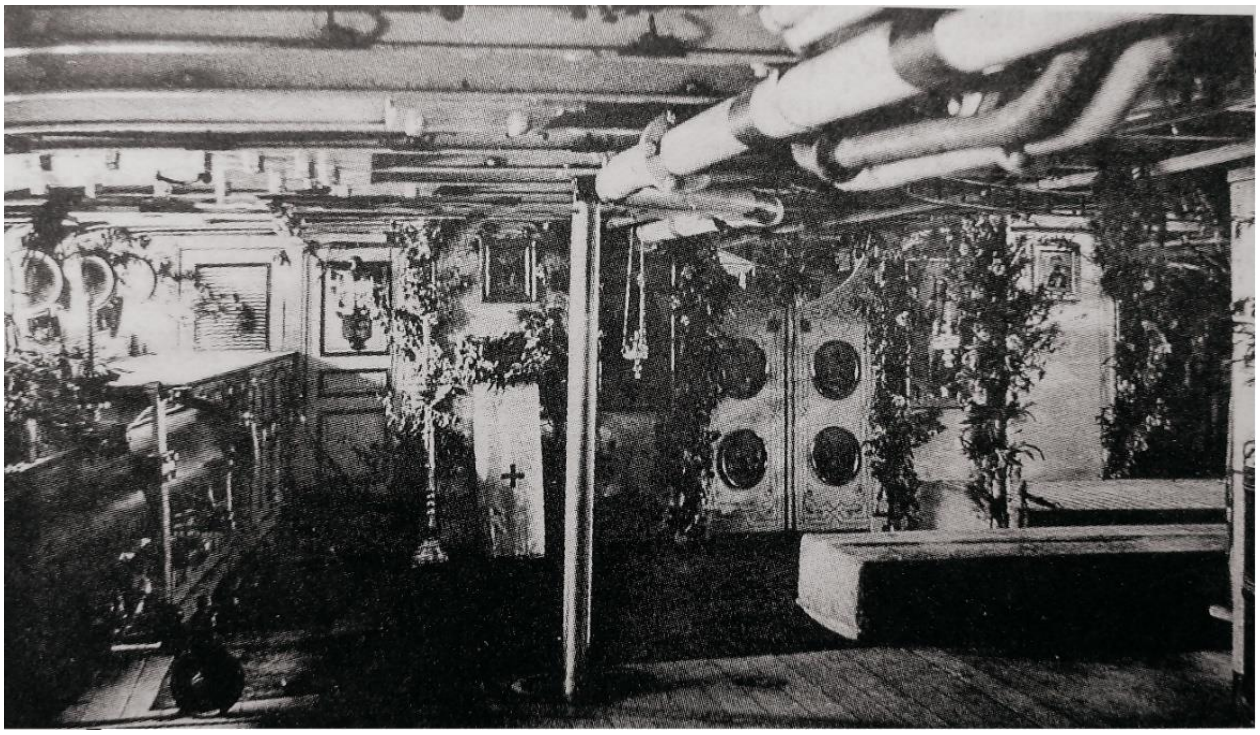


Рисунок 5. – Корабельная церковь на крейсере «Адмирал Корнилов» в день Святой Троицы[647]

Но стоит отметить, что празднование Рождества и Пасхи выходило за рамки исключительно церковного торжества. В эти дни на флоте традиционно офицеры готовили лотереи, конкурсы, ёлки и другие развлечения для матросов, а нижние чины, в свою очередь, готовили спектакли, выступления музыкальных коллективов и т. п[648]. В условиях дальнего плавания было непросто приготовить, например, пасхи, куличи, покрасить яйца[649]. На каждом

---

[646] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1899. // Вестник военного духовенства. 1900. № 9. С. 281; *Апрелев Б. П.* Нашей смене. Шанхай, 1934. С. 97.

[647] Корабельная церковь на крейсере «Адмирал Корнилов» в день Святой Троицы. Конец XIX в. // *Смирнов А. А.* Послушники Андреевского флага: корабельные священники Российского Императорского флота. СПб., 2016. С. 87.

[648] Дневник неизвестного моряка с броненосца «Орел». С. 186. *Апрелев Б. П.* Нашей смене. Шанхай, 1934. С. 93; *Боголюбов Н.* Плавание учебного корабля крейсера 1-го ранга «Герцог Эдинбургский» 1898–1899 гг. Кронштадт, 1899. С. 32; *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. С. 45, 52.

[649] *Политовский Е. С.* От *Либавы до Цусимы*. СПб., 2010. С. 182; *Апостоли Н.И.* В Чикаго на выставку. (Из дневника морского офицера). // Разведчик. 1893. № 135. С.454.

корабле в зависимости от командира и инициатив моряков состав праздничных мероприятий мог сильно меняться, да и моряки традиционно стремились «перещеголять» друг друга[650].

Празднования, досуг этих двух групп обычно принципиально отличались и не пересекались. Как уже было упомянуто выше, нижние чины любили собираться на баке[651], хором попеть песни, поплясать или, например, поиграть в городки или в мяч[652]. Такое времяпровождение естественным образом происходило из крестьянской культуры, и в нем офицеры участия не принимали.

В свою очередь, развлечения морских офицеров мало отличались от досуга, принятого в то время в дворянской среде. Поэтому даже в дальних плаваниях на кораблях продолжали проводиться званые завтраки, обеды, торжественные вечера и балы[653]. Важно отметить, что, как и перед большими церковными праздниками, к светским торжествам корабль украшался растениями, электрическими гирляндами, драпировался флагами, коврами и т. п.[654] Причём, например, для бала было необходимо выполнить гораздо больше работ, чтобы превратить палубу корабля в бальную залу, чем при подготовке к любому церковному торжеству. При этом вся черновая работа ложилась, в первую очередь, на нижние чины, которые должны были

---

[650] См. напр.: *Иванов-Тринадцатый К. П.* На Владивостокском отряде крейсеров // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 81.

[651] Бак – надстройка на носу корабля. Там в парусную эпоху размещались матросы, и это место за ними закрепилось, стало традиционным.

[652] Дневник гальванера Смирнова… С. 237; *Граф Г. К.* Моряки... С. 39; *Магдалинский А.В.* На морском распутье. Ярославль, 1954. С.60. *Боголюбов Н.* Указ. соч. С. 6.

[653] См напр.: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 170; *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Лейпциг, 1895. Том 2. Часть 4. С. 121; *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955. С. 304, *Политовский Е. С.* От Либавы до Цусимы. СПб., 2010. С. 24.

[654] См. напр.: *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. С. 102; *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955. С. 304; Дневник князя Язона Константиновича Туманова // «Орёл» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. СПб., 2014. С. 74.

приводить корабль в «блестящий» вид, заниматься его украшением, приготовлением различных элементов декора и т. д. Но, очевидно, что в торжественных завтраках, обедах, балах и т. п. принимать участие они не могли (разве что в качестве персонала, обслуживающего господ). Тем самым матросы выступали в качестве «слуг» при господах офицерах. А ввиду относительной редкости больших церковных праздников по сравнению с различными торжествами, устраиваемыми офицерами, украшение самого корабля было атрибутом дворянского досуга. И лишь при торжественном богослужении матросы, украшая корабль, трудились на свой, общий с офицерами праздник.

В подготовке к рядовым богослужениям участвовал лишь небольшой «церковный актив», состоявший из нижних чинов. Только для них данные работы были значимы и занимали определённое место в их жизни. В подготовке и украшении судовой церкви и самого корабля к торжественному богослужению, ввиду больших объёмов работ, участвовали все нижние чины, вне зависимости от их желания. В этом процессе могли принимать участие и морские офицеры (например, обеспечить судовую церковь и корабль растениями). Убранства к церковному празднику были идентичны тому, как украшались корабли к офицерским торжествам (званым застольям, балам, приёмам).

Таким образом, при подготовке к церковному торжеству моряки проделывали такую же большую работу, что и к офицерскому празднику, но при этом и сами были участниками торжества. А значит, сама подготовка к такому празднику начинала занимать в той или иной степени важное место в жизни нижних чинов, хотя бы потому, что религиозность простых моряков была значительно выше, чем офицеров, а значит, это было их торжество. Вероятно, для большинства морских офицеров подготовка к праздничному богослужению не играла большой роли и была лишь одним из мероприятий наряду с торжественным обедом или балом.

§ 3. Судовой церковный хор и чтецы

Во все времена музыка присутствовала на корабле и служила как для передачи различной информации, так и для поднятия духа. Центральное место в музыкальной культуре флота занимает сигнальная музыка, необходимая для передачи приказов, оповещения, приветствия и т. п. На флоте конца XIX – начала XX века использовались барабаны, горны, трубы и боцманские дудки. Сигнальная музыка ежедневно сопровождала жизнь моряка на кораблях любого размера. Она использовалась для подачи команд «подъём», «отбой», «тревога»[655] или сигнала к «приёму пищи», а также созывала, например, «на молитву»[656]. Самым любимым сигналом для большинства моряков был сигнал «к вину»[657].

Со второй половины XIX века важную роль в жизни эскадр и больших кораблей играли судовые оркестры, состоявшие из наёмных музыкантов. Первоначально они были созданы для решения сугубо служебных задач – сопровождения военных церемоний и мероприятий. Однако достаточно быстро оркестры начали использоваться на балах, торжественных застольях и иных праздничных мероприятиях[658], и вскоре они стали неотъемлемой частью досуга офицеров. Судовые оркестры нередко приглашались для выступлений на берег и имели там успех[659]. И если первоначально они состояли преимущественно из духовых инструментов, то в начале XX века уже встречаются и струнные оркестры[660]. Судовой врач крейсера «Аврора» В. С. Кравченко упоминает музыку как необходимую часть жизни моряков:

---

[655] *Политовский Е. С.* От Либавы до Цусимы. СПб., 2010. С. 61.
[656] *Кравченко В. С.* Записки судового врача. Через три океана. М., 2014. С. 170.
[657] *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 94.
[658] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 170; *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. С. 92, 97; *Головин П. Н.* На крейсере «Рюрик» // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895-1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 39.
[659] См. напр.: *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. С. 93.
[660] *Кравченко В. С.* Записки судового врача. Через три океана. М., 2014. С. 117.

«Сегодня впервые слыхал наш оркестр, содержащийся на средства офицеров: очень недурён. По-моему, это не роскошь, а необходимая вещь на больших судах, где команды иногда до 1000 человек. Музыка чрезвычайно благотворно влияет на настроение, меняет его, вызывает особый подъём. На "Авроре" даже и авральные судовые работы исполняются под звуки оркестра»[661].

На кораблях кроме оркестров, которые, как правило, были атрибутом досуга офицеров, существовала и самодеятельность – неофициальные музыкальные коллективы, состоявшие из песенников, балалаечников и плясунов[662], которые были организованы простыми моряками. Как отмечали современники, для команды пение, пляски и игра на балалайках считались традиционными видами досуга[663].

В кают-компаниях традиционно стояло фортепиано[664], и офицеры нередко играли на гитаре[665], всегда находились желающие попеть, например, романсы, особенно на праздники, такие как Рождество[666]. На рубеже XIX–XX веков на корабле уже можно было встретить граммофоны[667] и пианолы[668], однако живая музыка была всё-таки предпочтительнее.

Если хоровое, народное пение было больше распространено среди нижних чинов, то офицеры в своей кают-компании музицировали и пели преимущественно авторские произведения. Это различие в музыкальных предпочтениях было одним из проявлений чёткого разделения личного состава на офицеров и нижние чины. То есть корабельная музыкальная

---

[661] Там же. С. 82.
[662] *Апрелев Б. П.* Нашей смене. Шанхай, 1934. С 54, 114.
[663] См. напр.: *Граф Г. К.* Моряки... С. 39; *Магдалинский А. В.* На морском распутье. Ярославль, 1954. С.60.
[664] *Манвелов Н. В.* Жизнь и смерть на корабле Российского императорского флота. М., 2008. С. 106.
[665] *Граф Г. К.* Моряки… С. 101.
[666] *Долгов Б. А.* Указ. соч. С. 29.
[667] *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 139.
[668] *Чегодаев-Саконский А. П.* На «Алмазе» от Либавы через Цусиму – во Владивосток. СПб., 2004. С. 37, 38.

культура носила ярко выраженный двойственный социальный характер. Эта ситуация ярко иллюстрирует культурный раскол в русском обществе, характерный для периода от петровских реформ до 30-х годов XX века.

День на корабле РИФ начинался и заканчивался пением молитв и эта практика естественным образом перешла на пароходы ДФ[669]. Если богослужения совершались на корабле, как правило, один-два раза в неделю, то эти молитвы пелись каждый день, и возглавить молитву священнослужителю необходимо было в первый же день служения на корабле[670]. Под утренней или вечерней «молитвой», как правило, подразумевались следующие песнопения: «Отче наш», «Богородице Дево» и «Спаси Господи»[671], а от Пасхи до Вознесения вместо «Отче наш» трижды пелось «Христос Воскресе»[672]. Содержащееся в Морском уставе упоминание о том, что молитвы «поются», не случайно. Насколько неразрывно в сознании моряков были связаны молитва и пение красноречиво свидетельствует следующий эпизод. Во время экзамена на звание старшего боцмана[673] моряку с броненосца «Орёл» был задан вопрос по Закону Божьему, выражавшийся в необходимости прочитать «молитву Господню». Матрос не был в состоянии прочитать молитву «Отче наш», но с разрешения комиссии её смог успешно спеть[674]. П. Н. Ларенко, бывший в годы Русско-японской войны журналистом, отмечал: «Только тот, кому довелось слышать вечернюю молитву на русских военных судах, только он знает, как в вечерней тишине величественно льются звуки из полной груди сотен молодых людей, этого стройного хора: "Отче наш, иже еси на небесех"»[675].

---

[669] *Дьяков. Н. свящ.* Год на крейсере «Адмирал Нахимов». СПб., 1904. С. 176.
[670] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 304.
[671] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 4.
[672] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 20.
[673] Старший боцман – старший строевой унтер-офицер, имевший старшинство над всеми нижними чинами корабля.
[674] *Затертый А.* Безумцы и бесплодные жертвы: Рассказ из Цусимского боя // Новиков-Прибой А. С. Цусима. М., 2008. С. 798, 799.
[675] *Ларенко П. Н.* Страдные дни Порт-Артура. М., 2005. С. 103.

Поскольку Православие было государственной религией Российской империи, любое плавание, как и другие важные события, неизменно начиналось с молебна[676], пение на котором было желательным. Священник мог пригласить церковный хор с берега, как сделал, например, иерей А. Ливанский[677], перед отплытием парохода ДФ «Саратов» в 1896 г., но это лишь ненадолго отсрочило необходимость создавать судовой хор.

В связи с этим, по мнению анонимного священнослужителя, со стороны «корабельного начальства» первым требованием к кандидату в судовые священники являлась его способность руководить хором[678]. Это умение было действительно необходимо. Как отмечает, например, иерей Г. Левитский, организация хора была его «первой заботой»[679] при вступлении в должность судового священника[680]. Однако достоверно известно лишь о трёх священнослужителях (иерей Георгий Левитский[681], иеромонахи Порфирий[682] и Алексий Оконешников[683]), бывших певцами, поэтому можно предположить, что корабельное начальство не заботилось о том, чтобы судовыми священниками становились люди, обладавшие музыкальными знаниями и способностями. Справедливости ради необходимо отметить, что среди аттестаций морского духовенства в аттестации иерея Николая Высокоостровского указано, что он «любит церковное пение и умело обучает ему», т. к. до рукоположения был регентом[684]. Однако этот

---

[676] См. напр.: *Долгов Б. А.* Указ. соч. С. 14; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 17523А. Л.22.
[677] *Ливанский А., свящ.* Указ. соч. С. 500.
[678] О пастырском служении в русском военном флоте. С. 14.
[679] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 427.
[680] *Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе ДФ «Орел». С. 86.
[681] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 427.
[682] *Магдалинский А. В.* Указ. соч. С.131.
[683] *Старостина М. И.* Герой-священник Русско-японской войны якут Алексий (Оконешников). Якутск, 2021. С. 46.
[684] РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 29. Д 7. Л. 1, 1 об.

священнослужитель служил в 1914 году в береговом храме, относящимся к Морскому ведомству и не был судовым священником.

Ситуация облегчалась, если священник назначался на корабль с давно укомплектованной командой, где произошла лишь смена духовенства. Но если команда корабля только формировалась, то первое, что ему было необходимо сделать, – произвести отбор певцов в хор.

Иерей Г. Левитский упоминает, что находилось много желающих петь в церковном хоре, но при этом на деле выяснялось, что многие из них оказывались «непригодными» для пения[685]. Контр-адмирал Д. В. Никитин также отмечает, что на кораблях «никогда не было недостатка в желающих петь в хоре»[686]. А значит, от пастыря требовалось умение не только грамотно прослушивать и отбирать певчих, но и избегать межличностных конфликтов в случае отказа. Важно отметить, что подбор певцов проходил среди нижних чинов, т. к. пение в церковном хоре считалось занятием матросов, о чём будет подробно рассказано ниже.

На крупных кораблях – броненосцах и крейсерах 1-го ранга, где личный состав составлял от 400–500 до 700–800 человек, по мнению архимандрита Владимира (Гиганова), «никогда не бывает недостатка в певчих, так как из такого числа всегда найдется порядочный выбор»[687], и священнослужитель может подобрать наиболее талантливых и музыкально образованных певчих. Ему во время службы на крейсере 1-го ранга «Владимир Мономах» удалось создать хор из 9 человек, опытных в церковном пении и знающих ноты, что являлось редкостью для того времени, которые благодаря своим качествам легко приготавливали песнопения к богослужениям, молебнам и т. д.[688] и не обременяли священнослужителя. А если бы хор был разнородным и большим

---

[685] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 427.
[686] *Никитин Д. В.* В отлива час. С. 93.
[687] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 332.
[688] Там же.

по составу, то архимандриту пришлось бы тратить на него много времени. Как видим, грамотный подбор голосов мог во многом облегчить жизнь самого священника.

У судового священника крейсера «Герцог Эдинбургский» Александра Касаткина также не возникло проблем с подбором певчих для церковного хора[689]. Однако не на всех кораблях 1 ранга удавалось так легко, как это отмечает архимандрит Владимир, подобрать певчих. Так, несмотря на то что численность личного состава броненосца «Император Александр II составляла 616 человек (31 офицер и 585 нижних чинов)[690], согласно воспоминаниям его судового священника Г. Дьяконова, «пение долго составляло слабое место нашего богослужения, среди желающих петь не находилось самых нужных голосов»[691].

На небольших кораблях, где «команды не более 200 человек, как например, крейсер "Рында", выбор певчих оказывается более затруднительным»[692]. Обычно находилось «человек 5–6, знающих церковное пение»[693], но о подборе по качеству, знаниям, умениям, образовании речи быть уже не могло, и в таком хоре, как правило, была заметна разница в «качестве» пения по сравнению с хорами кораблей 1-го ранга[694].

Подбор певцов для церковного хора на пароходах ДФ имел свою специфику. На судах ДФ количество людей на борту часто превышало 1000 человек, да и пассажиры в каждом из рейсов были новые и различные по

---

[689] *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 530.
[690] *Бережной С. С.* Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки. М., 1997. С. 24.
[691] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. 539.
[692] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 332.
[693] Там же.
[694] Там же. С. 333.

своему статусу: новобранцы[695], переселенцы[696], заключённые[697] и т. д. Поэтому и формировался церковный хор на пароходах иначе, нежели на кораблях. На одном рейсе желающих петь могло оказаться много[698], и священник производил отбор «пригодных»[699], а на другом – всего лишь несколько человек[700].

Главное отличие церковного хора на корабле от хора на пароходе состояло в том, что в первом случае, как правило, хор был постоянным, и священнику требовалось лишь поддерживать его, а во втором – временным явлением, и каждый рейс его было необходимо создавать заново. При рейсе во Владивосток хор формировался преимущественно из пассажиров. Состав таких хоров был нередко очень разнородным. Вот как описывает подобный хор архимандрит Сергий (Страгородский) во время плавания на пароходе ДФ «Кострома»: «Составился импровизированный хор из "образного", какого-то псаломщика, случайно нашедшегося среди пассажиров 3-го класса, нескольких офицеров. Сначала хватили врознь, но потом поправились, и дело пошло на лад. Потом устроим спевку, и тогда выйдет ещё лучше»[701]. При перевозке заключённых из их числа мог быть также организован хор, как это, например, было на пароходе «Ярославль» в 1893 году[702]. При перевозке новобранцев хор состоял преимущественно из военнослужащих[703]. Во время

---

[695] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 427

[696] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). С. 64.

[697] Там же. С. 94.

[698] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1899. С. 276.

[699] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 427.

[700] *Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе ДФ «Орел». С. 90.

[701] *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 17.

[702] *Щербак А. В.* Перевозка ссыльнокаторжных на остров Сахалин морем // Тюремный вестник 1893. № 8. С. 308.

[703] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 2183. Л. 3 об.

обратного рейса из Владивостока в Одессу хор чаще формировался из личного состава пароходов, например, на обратном рейсе парохода «Саратов» в 1895 году он состоял из матросов, под руководством старшего механика[704]. Согласно отчёту иерея Николая Дькова, во время обратного рейса парохода «Владимир» в 1899 г. церковный хор состоял «из музыкантов с профессиональным регентом»[705]. Однако это единственный нам известный случай, являющийся исключением.

Кроме проблем, связанных с численностью людей на борту, священник сталкивался ещё с двумя. Во-первых, при формировании мужских хоров традиционно возникала проблема: на нижние партии баритона и баса всегда легко найти кандидатов, но подобрать теноров для верхних партий было труднее[706], и поэтому нередко не удавалось на все партии найти «нужные голоса»[707]. Во-вторых, возникала более сложная проблема – разнообразие церковных напевов. Священник нередко сталкивался с региональными версиями обиходного пения, тогда на спевках приходилось прикладывать немало усилий для достижения единообразия в напевах. Случаи, когда моряки и пассажиры были из одной местности были редкостью[708].

Однако вывод о том, что забота о церковном хоре на всех кораблях всецело лежала на священниках, был бы преувеличением. В каждом случае ситуация складывалась по-разному: на некоторых кораблях не хватало людей, способных помочь священнику[709], но нередко находились моряки или пассажиры, обладавшие необходимыми знаниями и навыками, некоторые из них могли стать даже руководителями хора – регентами.

---

[704] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 435.
[705] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 2183. Л. 3 об.
[706] *Никитин Д. В.* В отлива час. С. 93.
[707] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 539.
[708] *Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе ДФ «Орел». С. 86.
[709] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 607.

По мнению контр-адмирала Д. В. Никитина, «регентство почти всегда было монополией фельдшеров»[710], что связано с тем, что «в фельдшерской школе администрация, по-видимому, очень любовно и со знанием дела обучала молодых людей церковному пению, и флот получал оттуда превосходных регентов»[711]. Данное утверждение подтверждается словами судового священника броненосца «Император Александр II», который, описывая сложности с организацией корабельного хора, подчеркивал, что только через год, с появлением на корабле фельдшера Яковлева, удалость добиться того, что хоровой коллектив «стал петь прекрасно»[712]. Современный историк В. Я. Крестьянинов отмечает, что в Кронштадте при госпитальной церкви «существовал большой хор воспитанников фельдшерской школы. В 1889 году он насчитывал 150 человек»[713].

Регентом мог быть представитель личного состава корабля или пассажир. На одном из рейсов парохода «Орел» функции регента выполнял пассажир-фармацевт[714], на этом же судне во время Русско-японской войны регентом был матрос[715], на пароходе «Саратов» – пассажир-новобранец[716], на пароходе «Владимир» – пассажир-офицер[717], на броненосце «Адмирал Сенявин» – минный машинист Рудаков[718], а на бронепалубном крейсере «Олег» – старший баталёр[719]. Руководство церковным хором офицерами на кораблях РИФ в известных нам источниках упоминается трижды: на крейсере «Баян» регентом

---

[710] *Никитин Д. В*. В отлива час. С. 93.
[711] Там же.
[712] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 539.
[713] *Крестьянинов В. Я.* Мятежный Кронштадт. 1905–1917–1921. М., 2017. С. 25.
[714] *Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе ДФ «Орел». С. 86.
[715] *Зиновий (Дроздов), иером.* Указ. соч. С. 10.
[716] *Ливанский А., свящ.* Указ. соч. С. 502.
[717] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 3 об.
[718] *Ляпунова О. А.* Указ. соч. С. 128.
[719] *Магдалинский А. В.* Указ. соч. С. 91.

был офицер (звание неизвестно)[720], на броненосном крейсере «Рюрик» II[721] регентом был мичман[722], а на линейном корабле «Андрей Первозванный» – старший судовой врач[723]. На крейсере «Россия» в годы Первой мировой войны был необычный вариант: «Хор певчих есть, им управляет унтер-офицер Попов, под руководством офицера»[724].

В качестве певчих ответственно относящиеся к делу священнослужители старались привлечь в церковный хор и запевал, участников ансамблей из матросских коллективов[725], и обладавших музыкальными способностями офицеров. Поэтому певчими могли быть не только матросы, но и офицеры[726], причём даже высокого чина[727]. Например, в 1894 г. капитан 1-го ранга В. М. Григораш, находясь на пароходе «Саратов» в качестве пассажира, «всегда почти бывал на спевках и каждую службу пел с певчими»[728]. На броненосном фрегате «Адмирал Грейг» корабельный церковный хор состоял из офицеров и матросов[729]. Однако чаще в источниках фигурируют упоминания о том, что церковный хор состоял из матросов[730].

---

[720] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. II. СПб., 2018. С. 77.
[721] Первый броненосный крейсер с таким названием погиб в бою с японскими кораблями в Корейском проливе 14 августа 1904 г.
[722] *Архангельский В., прот.* Обозрение о. Протопресвитером… // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 15–16. С. 559.
[723] *Андреев Д., свящ.* Из Гельсингфорса // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 1. С. 39.
[724] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 31 об.
[725] См., напр.: *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 530.
[726] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). С. 17.
[727] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 435.
[728] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. // Вестник военного духовенства. 1894. № 17. С. 530.
[729] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 217. Л. 208.
[730] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). С. 254; *Магдалинский А. В.* Указ. соч. С. 91; *Архангельский В., прот.* Обозрение о. Протопресвитером… // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 15–16. С.

Можно предположить, что церковное пение, ввиду того, что оно было хоровым и близким к матросской фольклорной культуре, стало как бы прерогативой и зоной ответственности матросов. Однако на рубеже XIX–XX веков в церковном пении уже были распространены авторские произведения, отличающиеся от традиционной крестьянской музыкальной культуры. Сам факт участия в хоре офицеров, неоднократно зафиксированный в источниках, является настоящим феноменом, поскольку офицеры не общались с матросами в неформальной обстановке и не проводили совместно досуг ввиду высоких сословных барьеров. Особенно необычным выглядит участие офицеров богослужении в качестве певцов и чтецов, если иметь в виду, что офицеры не участвовали ни в одном другом виде деятельности священника (напр. духовные беседы и чтения, работа судовой церковной библиотеки, о которых пойдёт речь в следующей главе).

Морской устав не содержит никаких упоминаний о богослужебном чтении, а в статье 50 «Положения…» 1890 года содержится лишь краткое упоминание о том, что «способные из воинских чинов допускаются к чтению на клиросе»[731]. Только в пункте 19 «Инструкции для судовых священников» 1908 года содержится следующее предписание: «Подготовление церковника и чтецов, если на судне нет способных к тому лиц, лежит на обязанности судового священника»[732].

Иерей Алексей Ливанский, бывший судовым священником парохода ДФ «Саратов» в 1896 году, утверждает, что традиционно «чтение во время Богослужения лежало на обязанности певчих, и, нужно отдать им справедливость, читали они хорошо»[733]. Это высказывание также

559; *Андреев Д., свящ.* Из Гельсингфорса // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 1. С. 39.

[731]ПСЗРИ. Собр. III. Т. 10. № 6924.

[732] Там же.

[733]*Ливанский А.,* свящ. Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». С. 502.

подтверждают данные Н. М. Савватеева – на броненосце «Адмирал Сенявин» за богослужением читал «Апостол» регент минный машинист Рудаков[734].

Однако далеко не на всех кораблях церковным чтением занимались певцы. Так, иерей Георгий Левитский, бывший в 1894 и 1895 годах судовым священником на том же пароходе ДФ, что и иерей Алексей, отдельно подбирал людей для церковного чтения из числа пассажиров-солдат[735].

Судовой священник броненосца «Александр II» отмечает: «Часы перед литургией читал прежде кто-нибудь из матросов, чаще "церковник" (то есть матрос, прислуживающий при церкви и при богослужении), апостол – певчий бас. По большим праздникам апостол и паремии читал офицер. Теперь часы и апостол читает шкипер»[736]. Здесь важно отметить, что офицер считал для себя возможным и нужным прочитать апостол и паремии в праздничный день. А упоминание чтения апостола и часов шкипером также расширяет представление об участии личного состава в богослужении и позволяет утверждать, что церковное чтение не считалось исключительной прерогативой матросов.

Наличие способных чтецов было желательным для судового священника[737], поэтому настоящим подарком был чтец, разбиравшийся в церковном уставе[738]. Но поскольку почти все кандидаты в чтецы не были профессионалами своего дела, священнослужитель, радевший о благолепном чтении, должен был проводить их подготовку. Подробности этой работы содержатся лишь в одном источнике – записках иерея Г. Левитского. В плавании на пароходе «Саратов»

---

[734]*Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск,2017. С. 128. Минный машинист – нижний чин, обслуживающий на корабле мины Уайтхеда (торпеды).

[735]*Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весной 1894 г. С. 530.

[736]*Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 539.

[737]*Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе Д.Ф. «Орел». С. 86.

[738]*Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весной 1895 года. С. 427.

в 1894 году он отводил важное место подготовке к чтению богослужебных текстов[739]. А в записках, описывающих плавание 1896 года, иерей Георгий отмечает, что перед каждым «богослужением репетировал, так сказать, чтецов, особенно читающих апостол»[740]. В воспоминаниях иерея Г. Дьяконова содержится упоминание о том, что в Великую субботу «Деяния святых апостолов» читал матрос. Далее священник отмечает, что он «истинно рад был слышать, как благоговейно, внятно, раздельно читает матрос Слово Божие, самой интонацией голоса обнаруживая, что он разумеет читаемое»[741]. Исходя из этого, представляется вероятным, что матрос готовился к богослужению самостоятельно.

Исходя из имеющихся немногочисленных упоминаний можно лишь предполагать, что священнослужитель мог проводить работу по подготовке чтеца к богослужению, но она носила индивидуальный характер и, следовательно, не нашла должного отражения в источниках. Подготовка певцов, взаимоотношения с ними священнослужителя, как работа с коллективом, нашли значительное большее отражение в источниковой базе.

Основной и практически единственный вид работы с хором – хоровая репетиция (спевка) проводилась священнослужителем[742], а при наличии – регентом[743]. Если священнослужитель не обладал необходимым для руководителя хора умениями и знаниями, то непосредственное проведение им спевки было затруднительным. Вот как эту ситуацию описывает судовой священник госпитального судна «Орёл» иеромонах Зиновий (Дроздов): «Выбрано было шесть матросов, умеющих петь, и я с ними устроил спевку. Для меня, не слишком-то сильного в искусстве пения, роль регента

---

[739]Там же. С.530.
[740]Там же. С. 428.
[741]Там же. С. 540.
[742] *Зиновий (Дроздов), иером.* Указ. соч. С. 10; *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника… С. 530.
[743] *Никитин Д. В.* Указ. соч. С. 185; *Магдалинский А. В.* На морском распутье. Ярославль, 1954. С. 109; *Апрелев Б. П.* Брызги моря. Прага, 1931. С. 7.

представлялась довольно нежеланною, и я шёл, надеясь на вдохновение»[744]. При обратной ситуации священнослужитель мог добиться больших результатов. Судовой священник броненосного фрегата «Адмирал Грейг» иеромонах Андроник, согласно рапорту командира корабля, усердно занимаясь церковным пением, «весьма скоро образовал из офицеров и команды хор певчих и обучил их стройному пению, а с их помощью выучил и остальную команду петь общеупотребительные молитвы. С участием этих же певчих церковные службы на фрегате совершались всегда стройно и с полным благочестием»[745].

При наилучших обстоятельствах, т. е. при наличии способных певцов и регента, спустя «две-три спевки, хор был готов»[746]. Для дальнейшего пения, разучивания новых песнопений и подготовки к богослужениям от священнослужителя не требовалось особых усилий, тем более при наличии регента[747]. Наиболее благоприятную ситуацию с певцами описывает иерей Георгий Левитский: «Нашлось довольно знающих церковное пение и даже порядок богослужения: это были преимущественно дети духовного звания, учившиеся в духовных школах»[748]. Но подходящие певцы, а уж тем более певец, способный стать регентом, находились не всегда, и поэтому нередко спевки носили иной характер и решали следующие задачи: 1. Если по тем или иным причинам священнослужителю не удалось произвести предварительный отбор кандидатов, то первые две-три спевки должны были отсеять неспособных певцов[749]. 2. На спевке было необходимо добиться стройного благозвучного звучания хора, переучить певцов из других губерний для

---

[744] *Зиновий (Дроздов), иером.* Указ. соч. С. 10.
[745] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 217. Л. 208.
[746] *Левитский Г., свящ.* Поездка с новобранцами во Владивосток в 1896 году на пароходе ДФ «Орел». С. 86.
[747] *Владимир (Гиганов), архим.* Указ. соч. С. 332.
[748] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника… С. 530.
[749] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 427.

достижения единообразных напевов. 3. Поскольку многие певцы нередко не были хорошо знакомы с чинопоследованием богослужений и напевами песнопений, особенно великопостных[750], священнику необходимо было обучать их.

Данную задачу оригинально решил иерей Георгий Левитский: «Для певчих же мной составлено было особое подробное чинопоследование всенощного бдения и литургии, с выпиской некоторых песнопений целиком»[751]. Но главной задачей спевки была подготовка к службам[752] и разучивание новых песнопений, особенно к праздничным богослужениям[753].

К сожалению, из известных нам источников невозможно точно установить репертуар, исполняемый корабельными церковными хорами. Согласно воспоминаниям контр-адмирала Д. В. Никитина, морякам нравилось, когда хор исполнял обиходные песнопения, однако «как общее правило, регенты наши любили себя показать, разучивая с хором сложные, с сольными номерами, партитуры»[754]. Также есть упоминание о том, что ноты церковных песнопений хранились у судового образа[755]. Вероятно, репертуар напрямую зависел от состава хора, амбиций регента, пожеланий офицеров, священнослужителя и, в равной мере, от наличия нот, которые во время заграничных плаваний могли быть в дефиците.

Таким образом, мы видим, что священнослужители проводили большую работу с певцами, имеющими разный уровень подготовки[756]. Следовательно, они должны были обладать значительными знаниями и музыкальными

---

[750] *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 530.
[751] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 428.
[752] *Левитский Г., свящ*. Впечатления и воспоминания священника… С. 530.
[753] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 430.
[754] *Никитин Д. В*. В отлива час. С. 185.
[755] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 513. Л. 76.
[756] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весной 1895. С. 427.

способностями. Иначе, как подчеркивал иерей Г. Левитский, «если не найдётся среди самих певчих человека, основательно знающего пение и способного быть руководителем, то горе священнику, если он сам не знает пения»[757].

Организация спевки была достаточно сложным мероприятием. Но так как работа с церковным хором не нашла отражения в статьях Морского устава, а для любых действий на борту необходимо разрешение командира или старшего офицера, то священнослужители нередко сталкивались с различными организационными сложностями. Основными проблемами были время и место проведения спевки.

Иерей Александр Касаткин писал: «С одной стороны, я едва мог выбирать свободно для спевок время, так как у команды, согласно расписанию, каждый час занят; с другой, если и устраивалась спевка, то обыкновенно приходили не все певчие: кто, оказывалось, был в карауле, кто на чередных шлюпках[758], кто устал и т. д.»[759]. Вероятно, автор имеет ввиду попытки проведения репетиций в свободное от службы время, однако даже в обозначенное в корабельном расписании личное время часть команды неизменно несла вахтенную службу. Минный машинист Н. М. Савватеев также отмечал, что на броненосце «Адмирал Сенявин» спевки к воскресной литургии проходили по субботам в свободное от службы время[760].

Упоминания об обстоятельствах проведения спевок на других кораблях в источниках отсутствуют, однако, исходя из корабельного распорядка, можно предположить, что ситуация складывалась аналогично. Вероятно, могли быть случаи, когда командир или старший офицер шли навстречу священнослужителю и освобождали необходимых для спевки моряков. Но ни

---

[757] Там же. С. 427.
[758] Очередные или чередные шлюпки предназначались для сообщения с берегом и должны были отходить от корабля и от берега в определённое расписанием время.
[759] *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 531.
[760] *Ляпунова О. А.* Указ. соч. С. 4.

в одном из рассматриваемых источников подобных сведений не содержится. Кроме того, возможно, отсутствие упоминаний связано с тем, что далеко не все священнослужители или регенты считали необходимым регулярно проводить спевки или же пытаться собрать на репетиции всех певчих.

На пароходах ДФ, ввиду того, что чаще всего певчими были пассажиры, подобных проблем не возникало. И, например, иерей Георгий Левитский во всех плаваниях имел возможность проводить спевки, когда ему было необходимо[761]. Можно предположить, что на кораблях РИФ ввиду судового распорядка спевки проводились не чаще, чем раз в неделю. Гипотеза, выдвигаемая в отечественной историографии[762] о том, что спевки проходили не менее двух раз в неделю, не находит подтверждения в источниках. Не исключено, что на отдельном корабле такая практика могла иметь место, однако на данный момент доподлинно известен лишь один случай проведения двух спевок на одной неделе[763], но они были подготовкой к конкретному богослужению и это не было регулярной практикой.

Офицеры могли способствовать организации работы хора, особенно на этапе его создания. Единственный известный эпизод связан с деятельностью капитана 2-го ранга О. О. Рихтера в 1907 году. Им было организовано церковное пение на миноносцах, где судовые священнослужители по уставу не были положены и религиозная жизнь на корабле целиком зависела от офицеров[764].

Имел место и противоположный пример. У иерея Александра Касаткина, судового священника учебного корабля «Герцог Эдинбургский», возникли проблемы с посещением певчими спевок[765]. И поскольку они являлись

---

[761] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника… С. 530.
[762] Подробнее об этом см.: Сингх С. С. Особенности организации работы корабельного церковного хора судовым священником на рубеже XIX–XX веков // Вестник церковной истории. 2020. Вып. 1/2 (57/58). С. 166–167.
[763] *Зиновий (Дроздов), иером.* Указ. соч. С. 10.
[764] *Никитин Д. В.* В отлива час. С. 94–96.
[765] *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 531.

матросами, за решением данной проблемы он обратился к офицерам, которые, по его мнению, должны были помочь в контроле за посещением, однако «никто из офицеров не желал принять участия»[766]. В записках мичмана Б. А. Долгова[767], описывающего это же плавание, какая-либо информация как о церковном пении вообще, так и об этом инциденте в частности, отсутствует. Вероятно, его, как и многих офицеров, подобные вопросы не интересовали. Возможно именно со сложностью организации спевок и пассивностью офицерства в этом вопросе связано предписание, содержащееся в пункте 19 «Инструкции для судовых священников» 1908 года, что священником «при содействии судового начальства, формируется церковный хор»[768].

Хорошее богослужебное пение могло способствовать воцерковлению как самих певчих, так и личного состава корабля, ведь «было отрадно, находясь где-нибудь в тропиках, среди Индийского океана, будучи в церкви, перенестись душой на далекую родину»[769]. Пение «в открытом море как-то особенно торжественно» звучало[770], ведь богослужения часто проходили «на вольном воздухе и под отрытым небом»[771], и у молящихся, особенно при хорошем пении, возникало ощущение единения с природой. Так эти эмоции описывает архимандрит Сергий (Страгородский): «И вот под непрерывный стук винта среди потемневшего уже моря далеко-далеко понеслось наше пение. Редко случалось молиться так, как в этот раз. Днём слишком светло в море. Невольно себя отделяешь от него. Теперь же, когда море только шумело невидимое, когда только чувствовалась его близость и бесконечность, как-то

[766] Там же. С. 531.
[767] *Долгов Б. А.* Указ. соч.
[768] Там же.
[769] *Никитин Д. В.* В отлива час. С. 95
[770] *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 477.
[771] *Ливанский А., свящ.* Указ. соч. С. 502.

сливаешься с ним. Точно бы и оно участвует в нашем слабом, замирающем среди волн пении»[772].

Пение было естественной формой миссионерской деятельности на борту. Как отмечает анонимный священнослужитель, во многом именно стройностью и благозвучием хора можно «привлечь и расположить к богослужению»[773] моряков.

Корабельный церковный хор играл значимую официальную роль в заграничных плаваниях, представляя Русскую Православную Церковь, участвовал в богослужениях в православных зарубежных миссиях[774], встречал и провожал архиереев других православных Церквей во время их визитов на корабль[775]. Как и оркестр, судовой церковный хор играл важную официальную роль: участвовал в различных торжественных богослужениях и церковных мероприятиях, проводимых как на кораблях, так и на берегу[776], хор вместе со священнослужителем мог приглашаться на те корабли, где судовых священников не было[777]. В особо торжественных случаях могли привлекаться два и более хоровых корабельных коллективов. Например, во время отпевания лейтенанта В. Е. Крафта пел сводный хор из певчих трёх кораблей[778].

Вместе с тем хоровой коллектив мог играть немаловажную неофициальную роль в жизни личного состава корабля. Согласно воспоминаниям рулевого крейсера «Олег» А. В. Магдалинского, «матросы-певчие» были

---

[772] *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). М., 2013. С. 27.
[773] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 14.
[774] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе ДФ «Саратов» весною 1895. С. 435.
[775] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 602; *Тихомиров А., свящ.* Из плавания транспорта «Океан» // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 4. С. 184.
[776] *Миляновский Ф., свящ*. Из Севастополя // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 9. С. 348; *Андреев Д., свящ.* Из Ревеля (погребение лейтенанта В. Е. Крафта) // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 4. С. 522.
[777] *Чегодаев-Саконский А. П.* Указ. соч. С. 81.
[778] *Андреев Д., свящ.* Из Ревеля (погребение лейтенанта В. Е. Крафта) // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 4. С. 522.

приближенными к священнослужителю людьми, через которых можно было выяснить ту или иную интересующую матросов информацию[779], а значит, неофициально выделялись среди других моряков. Приближённость певчих к священнослужителю не является уникальным явлением и в той или иной степени имеет место в любом христианском храме. Очевидно, что на крейсере «Олег» хор состоял исключительно из нижних чинов, что подтверждает следующий эпизод.

Дневник А. В. Магдалинского содержит упоминание о том, что «в 2 ч. дня певчие, плотники, маляры и столяры были уволены на берег до 6 ч. вечера»[780]. Официальное выделение певчих как категории моряков для увольнения показывает, что для командного состава певцы церковного хора являлись одним из видов профессионального занятия, приравненного к ремёслам, которыми офицеры по своему статусу заниматься не могли. Что, в свою очередь, свидетельствует о том, что неоднократные упоминания об участии в хоровом коллективе офицеров представляют собой определённый феномен. Не отрицая сугубо религиозного мотива, необходимо отметить, что многие из них не были людьми, сознательно участвовавшими в таинствах Церкви, и что для большинства офицеров участие в богослужении было лишь разнообразием рутинной корабельной жизни. Поэтому можно выдвинуть гипотезу о том, что на кораблях существовали определённые традиции по составу корабельного хора и на одних кораблях было возможным участие в качестве певцов офицеров, а на других это считалось недопустимым. Но на данный момент прямых указаний в источнике на такую практику найти не удалось.

В целом корабельный церковный хор являлся противоречивым явлением. Церковный хор, как неофициальная группа моряков, никак не фигурирует в Морском уставе, однако его организация была для судового священника, вне зависимости от его музыкальных способностей, обязательным мероприятием,

---

[779] *Магдалинский А. В.* На морском распутье. Ярославль, 1954. С. 131.
[780] РГА ВМФ. Ф.763. Оп. 1. Д. 301. Л. 5.

без которого не могла должным образом проходить религиозная жизнь моряков: положенные по Морском уставу ежедневные молитвы и богослужения. Подготовке церковного хора не уделялось должное внимание корабельным начальством, однако на богослужении благолепное пение было ожидаемым, тем более, что хоровой коллектив мог играть значимую роль во время различных торжественных церковных мероприятий. Священнослужители, а при наличии – регенты, проводили большую работу с певцами, имеющими разный уровень подготовки.

На судах ДФ хоровой коллектив создавался преимущественно из пассажиров и при новом рейсе его приходилось создавать заново. Плавание кораблей РИФ были более длительные, чем у пароходов ДФ, поэтому хор мог быть постоянным коллективом. Чем больше была численность личного состава корабля, тем был больше шанс подобрать «нужные голоса» для хорового коллектива. Значительная часть упоминаемых в источниках хоров на военных кораблях состояли из матросов, в результате чего певчие могли неофициальной группой приближённых к священнослужителю лиц, выделявшейся среди остальных моряков. Но существуют упоминания об участии офицеров в составе хора. По нашему мнению, это уникальное явление, ведь и быт, и досуг у офицеров и нижних чинов кардинально отличались. А т. к. объединялись оба культурных музыкальных мира лишь во время богослужений, то священнослужитель своей фигурой и деятельностью имел шанс объединить личный состав корабля, и корабельный хор здесь мог сыграть ключевую роль. Однако чаще всего офицеры по тем или иным причинами не только не принимали участия в церковном хоре, но и не способствовали его работе. Возможно, отчасти это связано с тем, что далеко не все пастыри обладали способностями, должным уровнем подготовки и заинтересованностью в грамотной организации хорового коллектива. В источниках содержится очень мало информации о чтецах и по сути их самих нередко трудно отделить от певцов. Можно лишь предположить, что в случае,

когда для священнослужителя было важным качественное церковное чтение и была возможность, он прикладывал особые усилия и назначал на это служение людей по своему выбору, а в остальных случаях вполне очевидным и простым вариантом являлось чтение певцов за богослужением. При этом в богослужебном чтении участвовали не только матросы, но и офицеры. Ситуация с чтением на одном и том же корабле могла меняться не только при смене священника, но и во времени. Между тем как изменения в составе хора в источниках практически не фигурируют.

Можно предположить, что именно богослужение, церковное пение и чтение могло стать уникальной площадкой, где офицеры и матросы взаимодействовали вне корабельной службы. Поэтому, возможно, если бы организации корабельного церковного хора было уделено большее внимание со стороны духовенства и офицеров, то он, как и само богослужение, могли бы способствовать стабилизации взаимоотношения личного состава.

§ 4. Богослужебная практика судовых церквей

Богослужение должно занимать центральное место в жизни христианина. Поэтому, согласно статье 820 Морского устава, при «совершении Божественной литургии или обедницы, а также при торжественных молебствиях обязаны присутствовать все офицеры корабля и православного исповедания нижние чины, кроме больных и занятых службой; а при остальных богослужениях присутствуют одни желающие»[781]. А поскольку подавляющее большинство моряков были православными, то на основных богослужениях должны были присутствовать практически все моряки (кроме несущих вахту).

Сведения о принадлежности личного состава к тому или иному вероисповеданию содержатся в клировых, исповедальных ведомостях корабельных церквей и отчётах флотских благочинных. Например, согласно

[781] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 304.

отчёту благочинного 2-й бригады крейсеров Балтийского флота (в неё на тот момент входили: «Громобой», «Диана», «Аврора» и «Россия»[782]) священника Иоанна Спицына за 1916 год, совокупно на всех кораблях насчитывалось 3119 человек. Из них 2933 – православного вероисповедания[783]. Таким образом, 94 % личного состава бригады – паства флотского духовенства. Если число православных моряков разделить на 4 священников, служивших в этой бригаде, то соотношение составит 733 человека на клирика. Разумеется, это лишь среднее значение, не отражающее реальную численность личного состава определённого корабля. В целом личный состав кораблей 1-го ранга, на которые, чаще всего назначались судовые священники, насчитывал от 400-1000 человек (около 1200 человек в случае линейных кораблей, вошедших в строй в 1914 году). Если обратиться к приходскому духовенству, особенно сельскому, то соотношение паствы к клирику было иным. Например, по подсчётам современного историка Ю. И. Белоноговой в Московской епархии в 1913 году на 1129 священнослужителей приходилось 1 312 878 жителей православного вероисповедания обоего пола, «то есть в среднем на каждые 1163 человека один священник»[784]. Однако поскольку в городах священнослужителей было больше, чем в сельской местности, то по мнению автора, зачастую в сельских храмах на священника «приходилось по 1500-2500 прихожан обоего пола»[785].

Таким образом, средняя численность паствы приходского клирика была сопоставимо с максимальными значениями для судового, если говорить о священнослужителях линейных кораблей типа «Севастополь», которые вошли в строй всего за несколько лет до упразднения института флотского духовенства. До 1914 года численность самых больших кораблей РИФ –

---

[782] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 1.
[783] Там же.
[784] *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX в. М., 2010. С. 25.
[785] Там же.

броненосцев (с 1907 года они были переквалифицированы в линкоры) обычно не превышала 1000 человек. То есть у судовых священников паства была меньше по численности, чем у епархиальных клириков. Исходя из этого, можно было бы предположить, что и служение было проще. Однако ряд факторов существенно осложнял деятельность духовенства и главную задачу клирика – богослужение. Об особенностях корабельного церковного имущества, судовой церкви и подготовки к богослужению уже было сказано ранее. Теперь сосредоточимся непосредственно на богослужении, участии в нём личного состава и некоторых литургических аспектах.

Малочисленность священников и обилие паствы приходских храмов не позволяло всем верующим регулярно участвовать в Таинствах Церкви.[786] Однако эти люди проживали в собственных домах и не находились круглосуточно в храме. Между тем личный состав был заперт в небольшом пространстве корабля, а церковь собиралась лишь на время богослужения в судовом помещении или на верхней палубе. Береговые храмы по своей архитектуре, чаще всего, имеют своды, и над головами молящихся есть довольно большое пространство. На флоте богослужение обычно совершалось в судовых помещениях (жилая или батарейная палуба), в которых своды, по очевидным причинам, отсутствовали. В результате проведение богослужения зачастую было не очень удобным для молящихся, ведь, ввиду дефицита пространства, там было тесно, жарко и душно[787]. По возможности данная проблема решалась переносом богослужения на верхнюю палубу. Однако для этого была необходима подходящая температура воздуха, отсутствие осадков, сильного ветра и т. п. При этом не стоит забывать и о качке – сильное волнение она могло существенно осложнить богослужение или привести к его отмене (богослужения на берегу менее зависимы от погодных условий)[788]. Наиболее

[786] Там же.
[787] *Кравченко В. С.* Указ. соч. С. 143; *Соболев Л. С.* Капитальный ремонт. М.,1962. С. 119.
[788] *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 280.

интересное описание сохранилось в письмах архимандрита Сергия (Страгородского) о сложностях, возникших при совершении богослужения на пароходе ДФ «Кострома»: «Прежде зеркальная, неподвижная поверхность чуть-чуть стала волноваться. Пароход начал покачиваться. И чем дальше, тем больше. Мои богомольцы один за другим стали сокращаться. В середине обедни море расходилось совсем, так что престол и жертвенник пришлось держать двум матросам. Я служил балансируя, как на канате, и искренне раскаиваясь, что начал литургию. Но утром так было хорошо, и если бы не промедлили с устройством алтаря, то всё обошлось бы превосходно»[789]. Этот эпизод происходил на регулярном рейсе из Одессы во Владивосток, пассажирами были гражданские лица. Поэтому «богомольцы» могли легко покинуть богослужение. Можно предположить, что в случае с военнослужащими или заключёнными поступить таким образом им было бы запрещено. Но если в отношении пароходов ДФ это лишь предположение, то посещение богослужений на кораблях РИФ для нижних чинов православного вероисповедания и всех офицеров было предписано Морским уставом[790]. Однако далеко не все моряки хотели принимать участие в богослужениях. И, вероятно, исполнение или неисполнение устава, зависело от позиции командира. И если офицеры, по-видимому, имели больше возможностей, чтобы пропустить богослужение, то нижним чинам это было сделать сложнее.

Например, А. С. Новиков-Прибой, баталёр броненосца «Орёл», в романе «Цусима» приводит следующее описание того, как собирали матросов на богослужение: «И на этот раз с утра, после подъёма флага, вахтенный начальник распорядился: – Команде на богослужение! Засвистали дудки капралов, и по всем палубам, повторяя на разные лады распоряжение вахтенного начальника, понеслись повелительные слова фельдфебелей и дежурных. Для матросов самым нудным делом было – это стоять в церкви.

[789] Там же. С. 44-45.
[790] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 304.

Они начали шарахаться в разные стороны, прятаться по закоулкам и отделениям, словно в щели тараканы, когда их внезапно осветят огнем. А унтеры гнали их с криком и шумом, с зуботычинами и самой отъявленной бранью»[791]. Произведение Новикова-Прибоя, написанное в 1920-е годы, носит явно антирелигиозный характер, поэтому можно было бы предположить, что данное описание – не больше чем художественный вымысел или преувеличение.

Однако в воспоминаниях Н. М. Савватеева, минного машиниста броненосца «Адмирал Сенявин», можно встретить ещё один пример подобного «сбора» на богослужение. Описывая вечернюю молитву, на которой должны были присутствовать нижние чины православного исповедания, автор упоминает, что все бегут на молитву, а иные «бегут, подгоняемые боцманским линьком»[792]. Описывая еженедельные богослужения, Савватеев также отмечает, что на них «гнали линьком»[793]. А повествуя о Пасхе, автор с удивлением отмечает присутствие на богослужении мусульман, «не принуждённых»[794] на нём находится. Данный источник был опубликован в 2017 году, а время написания остаётся неизвестным. Поэтому нет оснований считать, что данные фрагменты были специально добавлены в идеологических антирелигиозных целях. С другой стороны, автор был выходцем из старообрядческой среды, а, возможно, и сам был старообрядцем, поэтому, как и в случае с произведением А. С. Новикова-Прибоя, не представляется возможным судить о степени объективности материала.

В остальных источниках, написанных нижними чинами, подобные эпизоды не упоминаются, что может говорить, как об их отсутствии, так и наоборот, об их обыденности для простых моряков. В некоторых материалах,

---

[791] *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М., 1984. С. 115.
[792] *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 36.
[793] Там же. С. 40.
[794] Там же. С. 137.

вероятно, есть косвенные свидетельства принудительного посещения молитв и богослужений. Например, матрос линейного корабля «Гангут» Д. И. Иванов вспоминал: «В воскресные дни нас заставляли одеваться по-праздничному и под командой боцманов и унтер-офицеров два раза в день водили на молитву»[795]. Возможно под формулировкой «водили» скрывается принуждение к участию в богослужении. Если обратиться к источникам, написанным священнослужителями, то лишь в одном из них можно найти схожий эпизод. В отчете за 1916 год благочинный 2-й бригады крейсеров Балтийского флота священника Иоанн Спицын отмечает: «Храм свой воины-моряки любят и исправно посещают богослужения, хотя, как и везде и во всём бывают исключения; находятся такие, которые уклоняются от посещения службы церковной, но и при опущении иногда могут быть оправданы и уважительными причинами, как например утружденные исполнением своих обязанностей, – часто, где-либо укрывшись, отдыхают во время богослужения»[796]. Однако о принуждении к участию в богослужении здесь напрямую речи не идёт. Попытки анализировать подобные эпизоды, с целью увидеть в них те или иные подтексты и намёки, представляется малопродуктивными. При этом важно отметить, что практика принуждения моряков к участию в молитвах и богослужениях встречалась не только в российском флоте. Например, она была распространена в Королевском флоте (Royal Navy)[797].

Кроме вышеупомянутой статьи 820 Морского устава, предписывающей посещение всеми офицерами и православного вероисповедания нижними чинами (кроме больных и несущих вахту) литургии или обедницы и торжественных молебнов, существовала статья 821: «При богослужении команда присутствует с должным благоговением, и в это время как на

---

[795] *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987.С. 39
[796] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 32.
[797] См. напр.: *Dawson Wm.* The Church in the Navy // The Contemporary review. London, 1869. Vol. 12. Sep. – dec., pp. 106–111.

шканцах, так и в палубах соблюдается возможная тишина, о чем заботятся старший офицер и вахтенный начальник. Вообще, в это время должно избегать производства работ и воспрещаются ученья, игры и курение табаку»[798].

Насколько предписания Морского устава были далеки от реальной богослужебной практики в корабельных храмах, писал в 1914 году священник Фёдор Круглов: «Но и здесь жизнь далека от закона![799] Если когда и случается вечернее богослужение, то присутствуют на нем едва ли более одного офицера, и то назначенного старшим офицером, из 15–20–25-ти состоящих на судне, а из команды одни "желающие", которых набирается 10–15% из всей команды. Кому не известно, как неохотно посещают даже самые обязательные службы, как например: торжественные молебны, общие панихиды, связанные какими-либо событиями, гг. морские офицеры? Перед каждой такой службой судовому священнику приходится выслушивать в кают-компании массу неуместных замечаний, иногда даже очень обидных, о том, что сегодня "опять молитва!.. " "Всевозможная тишина" на корабле во время служений имеет здесь также свое толкование; часто богослужение приходится совершать под звуки шагов, раздающихся над головой священника, от праздно шатающихся по верхней палубе фалрепных[800] или под звуки раздающегося откуда-нибудь стука как причины неоконченной или спешной работы, или какого-нибудь крика, свистка из машинного отделения, где не всегда знают о совершении в данный момент богослужения. Вот в каком положении вопрос о богослужении на судах нашего флота! Едва ли нужно вдаваться в подробности отправляемого на судах богослужения, разбираться в песнопениях, ектениях, псалмах и возгласах, чтобы видеть ненормальное положение разбираемого нами вопроса, когда самое право и возможность назначения богослужения в

---

[798] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 304.

[799] Автор ссылается на более позднее издание устава, чем используется в этом исследовании, однако упоминаемые священником статьи дословно совпадают.

[800] Матросы, в задачу которых входила встреча или проводы прибывающих на корабль или убывающих с него лиц командного состава.

установленные даже на то дни устранены совершенно от судового священника!»[801].

Последние замечания автора обусловлены с тем, что дабы не возникало отклонений от корабельного распорядка, которого на флоте неукоснительно придерживались, на церковную службу отводилось минимальное время или её отменяли вовсе. Анонимный судовой священник отмечал: «Обыкновенно, дневное богослужение [литургия] начинается после проведения командой "приборки", т[о] е[сть] в 10 часов, а в 11 час[ов] по [Морскому] уставу у команды должен быть обед, а в кают-компании – завтрак; вечернее богослужение может начинаться не ранее 5 час[ов], так как лишь к этому времени вся команда успеет вымыться в бане, а в 6 час[ов] у команды [начинался] ужин, а в кают-компании – обед»[802]. Автор пытается найти и положительную сторону в сложившейся ситуации: Морской устав предписывает в субботу вечером или накануне праздников подавать ужин «после церковной службы»[803]. Но затем добавляет, что судовой священник «не должен забывать, что "всенощная на корабле не обязательна" и с этим так или иначе надо считаться». Такой нормы в Морском уставе не зафиксировано, а наоборот предписывается служить накануне воскресения и праздников всенощное бдение[804]. Однако анонимный клирик фиксирует сложившуюся на флоте богослужебную практику.

Дело в том, что поскольку вечернее богослужение не было обозначено в статье 820 как обязательное к посещению, на многих кораблях решением командиров оно отменялось вовсе[805], сохранялось лишь перед большими

---

[801] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. II. СПб., 2018. С. 414.
[802] О пастырском служении в русском военном флоте. С. 14.
[803] Там же.
[804] Там же.
[805] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 14.

церковными праздниками[806] и накануне некоторых воскресных дней[807], причём каждый священник сокращал его по собственному усмотрению. Литургия же «по приказу судового начальства» часто заменялась обедницей[808].

Современный историк А. А. Кострюков, ссылаясь на анонимного священнослужителя[809], отмечает: «Литургия на судах часто заменялась обедницей, которая представляла собой не "чин изобразительных", а литургию, из которой выпускалось всё, относящееся к таинству Евхаристии»[810]. После этого автор уже описывает следующую проблему, к сожалению, не поясняя сути данной фразы. Современный исследователь капитан 1-го ранга А. П. Беляков, ссылаясь на того же анонимного священнослужителя[811], обращает внимание на обедницу в ином контексте: «На кораблях 2-го и 3-го ранга, с малым числом команды, священников не было. Но на них всё же происходило богослужение, но литургия заменялась обедницей. Читали и пели на этих службах сами матросы под руководством офицеров»[812]. А. А. Кострюков рассматривает её как совершаемую священником замену литургии, сокращающую время на проведение богослужения, а А. П. Беляков – как замену литургии при отсутствии священника, для чего был составлен особый чин. При обращении же к источнику, на который ссылаются оба автора, мы видим подтверждение обоих

---

[806] См. напр.: *Кравченко В. С.* Указ. соч. С. 138; *Апрелев Б. П.* Нашей смене. Шанхай, 1934. С. 139.
[807] РГА ВМФ. Ф.763. Оп. 1. Д. 301. Л. 4 об.
[808] *Касаткин А., свящ.* Пастырь на корабле. Путевые заметки и впечатления священника (из письма на имя о. протопресвитера). // Вестник военного духовенства. 1898. №17. С. 530.
[809] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 12.
[810] *Кострюков А. А.* Деятельность русского военного духовенства в годы Русско-японской и Первой мировой войн: Дис. … к. богосл. н. Сергиев Посад, 2003. С. 27.
[811] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 12.
[812] *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014.
С. 197.

мнений. Кроме того, анонимный автор даёт несколько странные пояснения: «Под именем "Обедницы" во флоте разумеется не "Чин изобразительных", а Литургия с пропуском всего относящегося к таинству Евхаристии»[813]. При этом остаётся непонятным, имеется в виду один и тот же или разные чинопоследования. В Морском уставе указано, что если есть священник, то служится литургия, при его отсутствии – обедница[814]. При привлечении остальных источников, где упоминается обедница, удаётся уточнить некоторые детали.

В письме иерея Александра Касаткина, судового священника учебного корабля «Герцог Эдинбургский», на имя протопресвитера армии и флота упоминается, что замена литургии обедницами было регулярной практикой[815]. Контр-адмирал Д. В. Никитин в мемуарах отмечает, что для богослужений без священника существовал особый чин «Морской обедницы», текст которой на 1907 год был «библиографической редкостью»[816]. Проведя анализ данных упоминаний, приходится констатировать, что остаётся непонятным, что конкретно из себя представляло это чинопоследование. Можно лишь предположить, что это был некий вариант обедницы с добавлением частей литургии, которые чин Изобразительных не предполагает. Однако сам текст чинопоследования «Морской обедницы» пока так и не найден.

Решение вопросов, будет или не будет богослужение и в какой форме оно будет совершаться, зависело исключительно от командира или старшего офицера. Командный состав кораблей, руководствуясь статьёй 820 Морского устава и желанием соблюсти корабельный распорядок, приказами формировал собственную, корабельную литургическую практику. Это, в свою очередь, противоречило статьям 644 и 819 того же Морского устава, согласно которым

---

[813] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 12–13.
[814] Морской устав 1885 г. СПб., 1885. С. 303.
[815] *Касаткин А., свящ.* Пастырь на корабле. Путевые заметки и впечатления священника (из письма на имя о. протопресвитера) // Вестник военного духовенства. 1898. №17. С. 530.
[816] *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco, б. г. С. 95.

священнослужитель в духовных вопросах подчинялся лишь «своему духовному начальству»[817], а все службы «отправляются по церковному уставу»[818]. Корабль, ввиду оторванности от внешнего мира, суровых проявлений стихии, однообразия и монотонности тяжёлого труда моряков, представлял собой особый, замкнутый мир. Ввиду многих сложностей службы на флоте, власть на кораблях была предельно централизована и сосредоточена в руках командира корабля. Священнослужитель во всех действиях был чётко подчинён командиру и мог действовать только с его разрешения, даже если это касалось произнесения проповеди после окончания богослужения[819]. В связи с этим, например, записи о проведении богослужений в судовом журнале дают представление не только о богослужебной деятельности священнослужителя, но и о позиции корабельного начальства в отношении церковной службы. Для примера обратимся к судовому журналу крейсера «Адмирал Нахимов» за 1891 и 1893 годы, хранящиеся в фонде 870 РГА ВМФ[820]. Судовой журнал за 1892 год не сохранился. Архивные дела не пронумерованы, поэтому в работе мы будем ссылаться не на листы, а на дату записи.

Почти каждое упоминание о начале или о завершении богослужения предваряется фразами «подняли молитвенный флаг» и «спустили молитвенный флаг»[821]. С 1890 года крейсер «Адмирал Нахимов» являлся флагманским кораблём Тихоокеанской эскадры, а иеромонах Авель (Иванов) был благочинным этого соединения[822]. Поэтому запись в судовом журнале о поднятии молитвенного флага на флагманском корабле имеет значение для реконструкции деятельности духовенства всей эскадры. Согласно ст. 827 Морского устава, молитвенный флаг поднимался на адмиральском корабле и

---

[817] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 245.
[818] Там же. С. 304.
[819] Там же. С. 246.
[820] РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16359, 16360, 16361, 17520.
[821] См. напр.: РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 17520. 3 июля 1893.
[822] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 217. Л. 78-83.

ему следовали «все остальные корабли, спускается же он на каждом корабле независимо, по окончании богослужения»[823]. То есть богослужения на остальных кораблях совершались в то же время, что и на флагманском.

Около половины записей содержат лишь слово «богослужение», без каких-либо пояснений. И можно лишь по времени (утро или вечер) догадываться о том, что была отслужена литургия (нередко заменявшаяся обедницей) или всенощное бдение. Остальные записи содержат упоминания о следующих богослужениях: «Вынос плащаницы», «Заутреня», «молебен у судовой иконы св. Николая Чудотворца», судовой праздник, «всенощная»[824].

При этом богослужения по требованию личного состава – требы, которые согласно статье 653 Морского устава входили в обязанности судового священника[825], в судовом журнале не упоминаются. Вероятно, это связано с тем, что они носили частный характер.

Исходя из сохранившихся записей, можно утверждать, что богослужебная практика на крейсере «Адмирал Нахимов» не отличалась от ситуации на других кораблях: большинство богослужений совершались утром в воскресение или большие церковные праздники и, вероятно, это были литургии или обедницы, а всенощные бдения служились редко. Даже, например, 28 июня 1893 года, в канун дня памяти Первоверховных апостолов Петра и Павла (судовой праздник, то есть престольный праздник корабельного храма) или 5 августа 1893 года, накануне праздника Преображения Господня, всенощная не служилась[826]. В качестве другой аномалии, с точки зрения общей церковной практики, можно привести 8 августа (суббота) и 9 августа (воскресенье) 1893 года, когда не было совершено ни одного богослужения[827].

---

[823] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 306, 307.
[824] РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16360. 19 апреля, 20 апреля 1891 года; Д. 16361. 9 мая, 29 июня, 3 июля 1891 года.
[825] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 248.
[826] РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 17520.
[827] Там же.

Отдельно необходимо отметить запись от 9 мая 1891 года о проведении молебна у корабельной иконы св. Николая Чудотворца[828]. Несмотря на то, что это был четверг, богослужение было «стандартной» церковной службой для флота. Согласно статье 819 Морского устава, «сверх» проводимых по воскресениям, праздникам и накануне их богослужений «в торжественные дни по утвержденному расписанию бывает молебствие»[829]. Святитель Николай всегда почитался православными, особенно моряками, поэтому 9 мая, день, когда Церковь празднует перенесение его мощей, был одним из торжеств.

Согласно записям в судовом журнале, продолжительность богослужения нередко отличалась. Наиболее часто встречаются упоминания о церковной службе, длившейся 30 минут[830]. Наиболее долгие богослужения зафиксированы 14 апреля, в день Входа Господня Во Иерусалим (2 часа) и в ночь на 20 и 21 апреля 1891, в день Пасхи (2 часа 5 минут)[831]. Наиболее короткое – 25 июля 1893 года. В этот день в судовом журнале содержится следующая запись: «10 ч. 10 м. Подняли молитвенный флаг (X[832]). 10 ч. 20 м. Спустили молитвенный флаг»[833]. Это было 10 часов утра и воскресный день, поэтому в журнале несомненно шла речь о богослужении. Но было ли действительно на столько краткое богослужение (10 минут) или же это ошибка офицера, сделавшего запись, на данный момент установить не удалось.

То, что богослужебная практика судовых церквей была полностью в руках у корабельного начальства, вызывало недовольство флотского духовенства. Например, священник Фёдор Скальский, служивший в 1903 году на крейсере «Баян», вспоминал: «командир крейсера капитан I ранга В[ирен] приказал мне начинать литургию в 10 часов утра, причём не начинать её

---

828 РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16361.
829 Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 303.
830 Напр.: РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16359. 24 февраля 1891; Д. 16360. 30 апреля 1891 года.
831 РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16360, 16361.
832 Молитвенный флаг – буква «X» по военно-морскому своду сигналов.
833 РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 17520.

раньше прибытия его в судовую церковь (старший офицер судна входит в алтарь со словами: "Командир прибыл в церковь, прошу начинать!"), а оканчивать литургию не позже 10 ч[асов]. 50 мин[ут], с таким расчётом, чтобы ровно в 11 часов я явился в кают-кампанию и благословил трапезу. Когда я возразил, что 50 минут для совершения литургии слишком короткое время, командир предложил мне сократить литургию, когда же я возмутился и резко возразил ему, что ни он, ни я не имеем на это канонического права, командир крейсера обещал за каждое опоздание делать мне гласное замечание и регенту-офицеру приказал петь как можно скорее. Командир крейсера был лютеранин»[834].

В сентябре 1904 года судовой священник госпитального судна «Орёл» иеромонах Зиновий (Дроздов) сетовал в письме: «Вчера служили всенощную. Я вызвал роптание тем, что служил "целый" час. Как различно понятие о долготе: я доволен, что служба идёт *только* [выделено иеромонахом – С. С.] час, а здесь час службы кажется целым веком. "Вы служите по монастырскому", упрекают меня: "У нас на всех судах служат много-много полчаса". А мне, право, было совестно отслужить всенощную двунадесятого праздника в тридцать минут. Служа час, и то мы безбожно выпускали»[835].

В августе 1906 года благочинный кронштадтских морских церквей протоиерей Иаков Погодин жаловался протопресвитеру: «…всенощное бдение накануне великих праздников и воскресных дней почти никогда не совершается, в самые эти дни редко служится литургия (один иеромонах заявил о. Василию Погодину, что он не отслужил ни одной литургии во всю летнюю кампанию), по больше части [служатся] обедницы. Правда, встречаются, хотя редко, пастыри и ревностно исполняющие свои обязанности, но на таких, как из рога изобилия, сыпятся со стороны судового

---

[834] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. II. СПб., 2018. С. 77.
[835] *Зиновий (Дроздов), иером.* С эскадрой до Цусимы. Вятка, 1906. С. 14.

начальства одни лишь неприятности, противодействия и всевозможные инсинуации вплоть до жалоб и требований о списании с корабля такого, по их мнению, неудобного пастыря»[836].

Священник Роман Медведь в статье, описывающей Братское собрание военного духовенства, которое состоялось 16 ноября 1904 года, приводит следующий эпизод: «О. Алексий [Оконешников] обратил также внимание на неудовлетворительность Морского устава, часто поставляющего судового священника в весьма неопределённое и тяжёлое положение. Священник не властен даже совершать в определённые дни и часы богослужения. О. Протопресвитер [Александр Желобовский] относительно Морского устава заметил, что разъяснение положения судовых священников уже давно его озабочивает; ожидается благоприятное к тому время»[837]. Возможно, протопресвитер имел ввиду создание «Инструкции для судовых священников», которая будет составлена в 1907 году и будет утверждена Морским ведомством в 1908 году. 17 пункт инструкции предписывал в богослужебной практике не нарушать «основ церковного Устава»[838]. Однако её появление ничуть не улучшило богослужебную практику. По приказу корабельного начальства церковные службы, как и прежде, предельно сокращались или вовсе отменялись.

Например, в 1911 году во время посещения протопресвитером Георгием Шавельским кораблей Балтийского флота, стоящих на кронштадтском рейде, один из судовых священников ему рассказал: «Было воскресенье, – повествовал батюшка, – с вечера, в субботу, я отслужил всенощное бдение, а наутро получил согласие старшего офицера совершить Божественную литургию. Утром совершил проскомидию. Команда и офицеры собрались в церковь. Приходит и старший офицер, входит ко мне в алтарь и предлагает

---

[836] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5673. Л. 3 об.
[837] *Медведь Р., свящ.* Братское собрание военного духовенства 16-го ноября 1904 года (окончание) // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 58.
[838] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 22.

мне заменить литургию обедницей. Я объясняю ему, конечно, что этого сделать теперь нельзя. Горячится и вдруг говорит: "В таком случае я вовсе не позволю вам служить", и действительно, отдает приказание: "всем разойтись". Все оставляют церковь, а я, имея в своем случайном распоряжении одного нижнего чина, исполняющего у меня обязанности церковника, совершил литургию... ". В результате был прав, конечно, старший офицер...»[839].

Судовой священник учебного судна «Рында» Фёдор Круглов в 1914 году писал: «Выпросить (именно в буквальном смысле – выпросить) время для совершения божественной литургии и всенощной для каждого судового священника составляет поистине подвиг. Обычно корабельное начальство снисходительно разрешает совершать только обедницы, причем, каждому такому разрешению предшествует предупреждение, чтобы служба была "покороче". Согласно нормального еженедельного расписания работ и занятий судовой команды, опубликованного в приложении к тому же Морскому уставу, на всенощную и на литургию на корабле уделяется едва ли более 20–30 минут один раз в неделю, а именно в воскресенье, и это в лучшем случае и бывает на том корабле, где командир и старший офицер религиозны и исполнительны, но чаще богослужение в 20–30 минут разрешается на корабле один раз в месяц, и при этом выбирается или двунадесятый праздник, или царский день. Литургия же – это редкостное явление на судах нашего флота – бывает только в тех случаях, когда нужно приобщать говеющую команду, и, в виде исключения, в Пасху. Даже в судовые праздники стараются обойтись обедницей или даже одним коротеньким молебном»[840].

В результате на рубеже XIX–XX веков на кораблях РИФ богослужение совершалось один, реже два раза в неделю (в целом на пароходах ДФ ситуация складывалась сходным образом, но жесткие рамки Морского устава на них не

---

[839] *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. II. СПб., 2018. С. 391.
[840] Там же. С. 407-408.

действовали). В это время в обществе установилось пренебрежительное выражение «служить по-военному», обозначавшее «неоправданно быстрое совершение богослужения»[841]. Ранее мы предполагали, что серьёзное обсуждение произвольных сокращений богослужений в армии и на флоте началось лишь в 1914 году на съезде военного и морского духовенства[842]. Однако найденная затем в РГА ВМФ «Инструкция для судовых священников» 1908 года показывает ошибочность нашей гипотезы. Согласно пункту 17, чтобы избежать «произвола» в сокращении богослужений «как со стороны священнослужителей, так и судового начальства, на всех судах флота должен быть один общий порядок службы, принятый в церквях Придворного ведомства и вполне подходящий к условиям судовой жизни»[843]. Протопресвитер Георгий Шавельский в 1914–1915 годах лишь завершил дело протопресвитера Александра Желобовского. В 1915 году по инициативе протопресвитера был принят «Порядок отправления церковных служб в судовых церквах»[844], составленный по образцу богослужебной практики придворных храмов[845]. Таким образом, принципиально нового чинопоследования не появилось. Было лишь подготовлено специальное издание, в котором было воплощено предписание, содержащееся в Инструкции 1908 года.

Согласно этому документу, чин Всенощного бдения в воскресные и праздничные дни подвергался следующим сокращениям[846]. На Великой вечерне из положенных по уставу стихир на «Господи воззвах» пелась одна

---

[841] *Кострюков А. А.* Особенности богослужения в действующей армии в начале XX века (об одном «свидетельстве» Н. Д. Жевахова) // Церковно-исторический вестник. 2007. № 14. С. 153.
[842] *Сингх С. С.* К вопросу о богослужебной практике в судовых церквях на рубеже XIX–XX веков // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 151.
[843] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 22.
[844] РГВИА. Ф. 2044. Оп.1. Д. 6. Л.37а.
[845] *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014. С. 197.
[846] РГВИА. Ф. 2044. Оп.1. Д. 6. Л.37а

стихира и Богородичен. В свою очередь, стихиры «на стиховне» сокращались до одной стихиры, которую при этом разрешалось читать. Положенное по уставу троекратное пение тропаря «Богородице Дево, радуйся» сокращалось до одного раза. Пение 33-го псалма в конце Великой вечерни не предполагалось. По большим церковным праздникам на Великой вечерне полагалось чтение одной паремии, а также лития с благословением хлебов. На Утрени шестопсалмие было сокращено до 4 псалмов. Тропарь на «Бог Господь» пелся один раз, чтение кафизм на утрени сокращалось до одного псалма. Тропари «по непорочнах» сокращались до 3-х. Степенные антифоны исполнялись чтением. Канон сокращался до 4-5 песней, по 2-3 тропаря в каждой, ектеньи по 3-ей и 6-ой песне канона опускались. Пение Песни Богородицы «Величит душа моя Господа» сокращалось до 2-3 стихов. Из положенных по уставу стихир «на хвалитех» пелся только Богородичен. Чтение Первого часа начиналось с тропарей, псалмы полностью опускались. Последование Божественной литургии также подверглось некоторым сокращениям. Пение антифонов опускалось, непосредственно после Великой ектеньи пелся тропарь «Единородный Сыне». Далее литургия совершалась без сокращений (полный текст см. в Приложении 2)[847].

По мнению А. П. Белякова, несмотря на выход данного документа, «в вопросах сокращения службы нередко наблюдались злоупотребления»[848]. Однако, к сожалению, автор не ссылается на какие-либо источники информации. А имеющиеся на данный момент источники не позволяют определить, применялся ли предписанный порядок на практике.

Кроме еженедельных богослужений (литургия/обедница и всенощное бдение) священнослужителем с разрешения командного состава корабля[849] совершались и богослужения по требованию (требы), которыми неизменно

---

[847] Там же.
[848] *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014. С. 197.
[849] Морской устав 1885 г. СПб., 1885. С. 306.

сопровождалась жизнь на флоте: с водосвятного молебна начинался не только дальний поход[850], но и любое плавание[851], молебном же завершается плавание[852], перед вступлением в бой также служился молебен[853], а если моряк умирал, то его отпевали и хоронили в море[854] (однако были случаи погребения и на суше)[855]. Кроме частных просьб, молебны неизменно совершались в памятные даты царской фамилии: «по случаю именин государыни»[856], «по случаю царского дня»[857], «о рождении наследника»[858] и т. п. Богослужебную практику в судовой церкви могли разнообразить такие события как крещение детей православных родителей в странах, где нет православных священников (так же это могло быть крещение местных, желавших принять православие или же детей моряков, в случае когда корабли находились в месте постоянного базирования)[859], и венчание[860], которые случались крайне редко и превращались в большой праздник для всего личного состава корабля (при отдельном плавании) или всей эскадры.

Так Б. П. Апрелев, бывший в начале XX века учащимся Морского кадетского корпуса, а затем офицером, вспоминал (год в мемуарах не указан): во время одного из заходов учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота в испанский порт Виго русский эмигрант, женатый на испанке, захотел

---

850 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 181. Л. 24.
851 *Давидович-Нащинский В.Н.* Воспоминания старого моряка. В 4-х частях. София, б. г. С. 8.
852 *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987. С. 28.
853 *Иванов-Тринадцатый К. П.* На Владивостокском отряде крейсеров // Война и мир крейсера «Рюрик» (1895–1905) (Сборник воспоминаний, статей и документов). СПб., 2013. С. 82.
854 *Семёнов В. И.* Цусима. СПб., 2011. С. 235.
855 *Левитский Г., свящ.* 1897. Поездка священника во Владивосток в 1896 году на пароходе Д. Ф. «Орел» // Вестник военного духовенства. № 3. С. 87, 88.
856 *Политовский Е. С.* От Либавы до Цусимы. СПб., 2010. С. 189.
857 Там же. С. 201.
858 *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. С. 109.
859 См. напр.: *Апрелев Б. П.* Нашей смене. Шанхай, 1934. С. 55-58; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 839. Л. 91 об. – 92; Д. 1054. Л. 105 об. – 106; РГА ВМФ. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.
860 См. напр.: *Долгов Б.А.* Указ. соч. С. 24; *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 533. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 986. Л. 118 об. – 119, Д. 1131. Л. 236 об. – Л. 237.

крестить своего сына. Адмирал, узнав о таком решении, заявил, что сам будет крёстным отцом, а «в его лице весь отряд»[861]. Крещение прошло в торжественной обстановке на борту броненосца «Цесаревич», само таинство совершали все три священника, пел большой хор из 60 человек, а сама судовая церковь была наполнена испанцами[862].

К требам можно отнести и приведение моряков к присяге. Причём это могла быть не только воинская присяга[863], но и привод свидетелей к присяге в суде[864]. Но если последнее случалось не так часто, то приведение к воинской присяге проходило ежегодно. Важно отметить, что присяга отнесена нами к богослужебной деятельности, поскольку эта церемония неизменно начиналась с молебна, а сама присяга носила религиозный характер, поэтому в ней могли участвовать не только православные, но и мусульманские, иудейские и другие священнослужители[865]. Таким образом, служба моряка начиналась с молебна и напутственного слова священника, и этим же она заканчивалась[866]. Так например отправлялись в запас моряки линейного корабля Балтийского флота «Андрей Первозванный»: «после молебна уходящим в запас были розданы Евангелия с соответствующей надписью и за судовой печатью»[867].

Заботой о личном составе корабля, на который клирик был назначен, богослужебная деятельность флотского духовенства не ограничивалась. Согласно статье 653, Морского устава судовой священник «обязан выполнять требы и оказывать духовную помощь, по правилам Православной Церкви и с разрешения командира, во всех случаях, когда их будут просить извне

---

[861] *Апрелев Б. П.* Нашей смене. Шанхай, 1934. С. 55.
[862] Там же. С. 57.
[863] РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 17523А. Л. 13 об. Л.4.
[864] РГА ВМФ. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
[865] *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987. С. 13.
[866] *Богословский А., свящ.* Проводы запасных матросов // Вестник военного духовенства. 1908. № 19. С. 594-596
[867] *Андреев Д., свящ.* Из Гельсингфорса // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 9. С. 350.

корабля[868]. В первую очередь это касалось моряков встречаемых кораблей (ведь судовые священники назначались далеко не на все единицы флота, а плавания могли длиться несколько лет). Вдали от Родины моряки были рады видеть священнослужителя, который мог им преподать духовное утешение, исповедовать, причастить, совершить просимые ими требы и т. п. Также были нередки случаи, когда один священнослужитель должен был осуществлять свою деятельность в отношении моряков сразу нескольких кораблей. Так, например, судовой священник крейсера «Адмирал Нахимов» иеромонах Авель (Иванов) в конце 1889 года «окормлял» ещё моряков клипера «Разбойник», канонерских лодок «Манджур» и «Сивуч»[869].

Итак, на рубеже XIX–XX веков на практику совершения богослужений на флоте чаще всего влияли два фактора: условия, в которых они совершались, и приказы командира корабля. Именно они отличали богослужебную практику на флоте от богослужебной практики в приходских храмах. Погодные условия, а также теснота помещений нередко осложняли, а подчас делали невозможным совершение богослужений в судовых церквях. Командный состав кораблей регулярно сокращал или отменял богослужения. То есть богослужебная практика во многом формировалась не священнослужителем, а командиром корабля или старшим офицером. Ввиду этого на кораблях, как правило, литургия или обедница совершались раз в неделю, в воскресенье, а также на большие церковные праздники, а Всенощные бывали редко и в большинстве случаев отменялись. Исходя из приказов корабельного начальства, которые противоречили статьям 644 и 819 Морского устава (согласно ним, в духовных делах священнослужитель подчиняется лишь духовному начальству), флотское духовенство предельно

---

[868] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 248.
[869] Из рапортов начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала В.П. Шмидта // *Арбузов В. В.* Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». СПб., 2000. С. 41.

сокращало те немногие богослужения, которые служились, причём каждый священник по-своему сокращал и видоизменял его.

§ 5. Восприятие богослужений моряками

В источниках можно встретить идиллические описания богослужений. Например, судовой священник госпитального судна «Орел» иеромонах Зиновий (Дроздов) отмечал: «За молитвой матросы отдыхали душой и телом. Сколько было ропоту, когда служба отменялась! <…> В такой великий праздник всем хотелось попасть на пасхальную службу; все на перебой просили отпустить их. Но судьба выделила только избранных. Сколько было тайной зависти у оставшихся к счастливым товарищам богомольцам!»[870] Протоиерей Дмитрий Поликарпов, судовой священник яхты «Штандарт» так оценивал свою паству: «Все одинаково горячо и усердно молились: старые, бывшие в плавании, матросы, - недаром пословица говорит "кто на море не бывал, тот и Богу не маливался", - и молодые, ещё не видевшие грозного моря, но наслышавшиеся о нём от старых матросов»[871]. Архимандрит Сергий (Страгородский) так описывает богослужение на крейсере «Память Азова»: «Поёт небольшой хор из матросов. Служба идёт, конечно, очень быстро, по-военному, но и за то слава Богу. Прямо против царских дверей трап на верхнюю палубу, направо и налево огромные пушки, около них офицеры, а дальше за машинными люками темнеет сплошная стена матросов с их быстрыми русскими крестами и поклонами. Конечно, всякие между ними есть. Есть и пьяницы, и легкомысленные, и пр., но вообще это золотой народ, чистую душу которого не могло испортить даже многовековое рабство татарам и помещикам. Жаль только, что теперь они блуждают, как овцы без пастыря, питаясь лишь скудными крохами»[872].

---

[870] *Зиновий (Дроздов), иером*. С эскадрой до Цусимы. Вятка, 1906. С.101–102.
[871] *Поликарпов Д., свящ*. Указ. соч. С. 474.
[872] *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 254.

В том же ключе оценивает отношение матросов к богослужению пассажир крейсера «Память Азова» князь Э. Э. Ухтомский: «В батарейной палубе, перед маленькими алтарем, несколько сот человек благоговейно внемлют священным словам любви и покаяния, переживая всеми фибрами существа своего самые скорбные страницы внятно читаемого Евангелия. По сторонам от судового образа грозно стоят исполинских размеров орудия. Урывками долетает отголосок движения на рейде. В просветы видна гладь живописного залива, просится солнечное небо, чудный неведомый край словно гармонирует с величием богослужения. Когда же их высочества выносят плащаницу, низко клонятся головы матросов и невыразимое умиление отражается на лице этих простых глубоко потрясенных людей»[873].

Как мы видим, архим. Сергий, иером. Зиновий и князь Э.Э. Ухтомский считают отношение моряков к богослужению положительным. Однако материалы, написанные этими авторами, были опубликованы в официальной дореволюционной печати, поэтому можно предположить, что и они старались показать описываемые события с наилучшей стороны, подчёркивая религиозность личного состава. Ввиду этого возникает вопрос о том, какова была настоящая, неформальная религиозность моряков. Какое место в их жизни занимало богослужение? Многим ли из них действительно было нужно богослужение? Возможно, за исключением «церковного актива» большинство моряков участвовало в церковной службе, в основном, лишь исходя из требования Морского устава? И, наконец, было ли богослужение в судовой церкви единством «и самого пастыря, и его пасомых»[874]?

Для полноценного ответа на эти вопросы необходимо изучить, что же пишут сами моряки о богослужении. В данном параграфе будут проанализированы упоминания о церковной службе, содержащиеся в письмах,

---

[873] *Ухтомский Э. Э.* Указ. соч. Том 3. Часть 5. С. 7, 8.
[874] *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение Электронная версия. URL: http://predanie.ru/kiprian-kern-arhimandrit/book/182986-pravoslavnoe-pastyrskoe-sluzhenie/ (дата обращения: 17.12.2022).

дневниках и воспоминаниях, написанных морскими офицерами и корабельными специалистами, а затем для сравнения будут привлечены материалы, написанные нижними чинами.

Упоминания о самих богослужениях в источниках, авторами которых были офицеры и морские специалисты, носят краткий и неинформативный характер: «была обедница (краткая обедня)»[875], «пригласили к обедне»[876], «отправились к обедне»[877], «была божественная служба»[878], и т. п. Какие-либо подробности при упоминании рядовых богослужений обычно отсутствуют. Исключение составляет лейтенант Н. И. Апостоли, подробно описывающий богослужение в судовой церкви: «Новичка обыкновенно поражает обстановка и в то же время особенная торжественность, а какое бы впечатление на него произвела служба не на якоре, а на ходу, когда судно сильно качается, из машинного люка слышен стук машины, наверху над головой рёв ветра, а с боков удары волн в борта судна, и все эти разнородные звуки смешиваются с пением певчих. К довершению всего вы не можете спокойно стоять, а должны балансировать и перемещать своё вертикальное положение относительно палубы почти на 70° в обе стороны. Но как священник, так и офицеры, и команда на это нисколько не обращают внимания, и торжественность службы не нарушается, а наоборот, у вас является сознание своего ничтожества перед бушующей стихией и невольно заставляет вас теплей отнестись к молитвам»[879]. Вероятно, поскольку автор до этого служил на небольших кораблях, он впервые видел судовую церковь. Поэтому корабельный храм, богослужение и церковное пение на корабле подробно им описывается как

---

[875] *Политовский Е. С.* От Либавы до Цусимы. СПб., 2010. С. 16.
[876] О войне, любви и вере: Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904–1905 гг. М., 2008. С. 288.
[877] *Чегодаев-Саконский А. П.* Указ. соч. С. 46.
[878] *Никитин Д. В*. На берегу и в море. San Francisco, 1938. С. 216.
[879] *Апостоли Н. И.* В Чикаго на выставку. (Из дневника морского офицера). // Разведчик. 1893. № 135. С. 439.

необычное явление. При этом автора больше интересует антураж, внешние аспекты богослужения.

Более информативны описания офицерами богослужений по требованию, которыми неизменно сопровождалась жизнь на флоте: поход корабля начинался с водосвятного молебна[880], перед вступлением в бой также служился молебен[881], а если моряк умирал, то его отпевали и хоронили в море[882]. Но помимо сугубо церковных праздников и частных просьб, молебны неизменно совершались в памятные царской фамилии даты, например: «По случаю именин Государыни был сегодня молебен и салют со всех судов»[883], «По случаю царского дня был сегодня молебен и салют»[884], «о рождении наследника — отслужить благодарственный молебен и произвести салют в 25 выстрелов»[885] и т. п. Подобные молебны, как правило, являлись частью дворянского торжества, светского праздника, развлекательного элемента. Поэтому неудивительно, что эти молебны достаточно часто упоминаются в источниках, написанных морскими офицерами.

Можно было бы предположить, что упоминания пасхальных и рождественских богослужений будут более информативными, чем описания рядовых церковных служб. Действительно, в большинстве источников[886], написанных офицерам и морскими специалистами, присутствуют описания

---

[880] *Давидович-Нащинский В.Н.* Воспоминания старого моряка. В 4-х частях. София, б. г. С. 8.

[881] *Иванов-Тринадцатый К. П.* На Владивостокском отряде крейсеров // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895-1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 82.

[882] Семёнов В. И. Цусима. СПб., 2011. С. 235.

[883] *Политовский Е. С.* От Либавы до Цусимы. СПб., 2010. С. 189.

[884] Там же. С. 201.

[885] *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. С. 109.

[886] См. напр.: *Апрелев Б. П.* Нашей смене. Шанхай, 1934. С. 93; *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. С. 45, 57; *Давидович-Нащинский В.Н.* Воспоминания старого моряка. В 4-х частях. София, б. г. С. 16, 17, 47; *Вырубов П. А.* На броненосце Князь Суворов. Десять лет из жизни русского моряка, погибшего в Цусимском бою. СПб., 2010. С. 68. *Шуберт Б. К.* На крейсерах «Смоленск» и «Олег». СПб., 2009. С. 90, 91; *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955. С. 295.

Пасхи и Рождества Христова. Однако подавляющее большинство упоминаний столь же неинформативны, что и описания рядовых богослужений, и более того, нередко праздничное богослужение не упоминается вовсе. Например, так описывает Рождество 1897 года на корабле «Герцог Эдинбургский» мичман Б. А Долгов: «25 декабря вечером в день Рождества Христова вся команда получила по подарку, которые были разложены на шканцах около украшенного фруктами и свечами дерева, заменявшего ёлку; потом в устроенном на юте театре смотрели представление <…> Театр понравился и иностранцам, которые были приглашены из города к нам на бал»[887]. Подобным образом Рождество 1898 года на этом же корабле описывает судовой врач Н. Боголюбов: «В Перее мы встречали праздник Рождества Христова; в этот день у нашей команды была ёлка <…> после ёлки Королева смотрела спектакль, на котором матросы и служащие крейсера были действующими лицами»[888]. Схожим образом контр-адмирал Г. Ф. Цывинский описывает празднование Рождества на крейсере «Рюрик»: «На Рождество на судах для команды были елки с лотереей и подарками. <…> Начальник охраны полковник Гернгрос привел на ёлку к адмиралу на "Рюрик" десятка два кавказцев, артистов, танцевавших лезгинку с кинжалами под свои зурны на палубе»[889]. А так этот же автор описывает празднование Пасхи на крейсере «Владимир Мономах»: Пасха на кораблях «отряда была встречена с подобающим торжеством заутреней. В кают-компании был богато убранный стол с куличами, окороками и всевозможными тортами ("таберо"), исполненными японскими кондитерами с отменным искусством. Для команды были заказаны пасхи, куличи и проч. Командиры судов были приглашены Наследником разговляться на "Азов", а я, оставаясь за командира, ночью после заутрени

---

[887] *Долгов Б.А.* Указ. соч. С. 29.
[888] *Боголюбов Н.* Плавание учебного корабля крейсера 1-го ранга «Герцог Эдинбургский» 1898-1899 гг. Кронштадт, 1899. С. 32.
[889] *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. С. 74.

христосовался с командой»[890]. Во всех четырёх эпизодах отсутствует описание торжественного богослужения, хотя очевидно, что на этих кораблях были судовые священники и совершались церковные службы. Для авторов богослужение не представляло интереса, в отличие от различных развлечений, спектаклей, балов. Богослужение получалось лишь необязательным, формальным элементом, сопутствующим празднику, или же чем-то, что может разнообразить монотонную корабельную службу.

Об этом свидетельствует и следующий эпизод, нашедший отражение в записках Б. А. Долгова: «28 января крейсер праздновал свадьбу лейтенанта С. Н. Ворожейкина; венчанье происходило в собранной на шканцах церкви, убранной цветами; присутствовавшие гости-иностранцы со вниманием следили за службой и говорили, что много слышали о благочинии и торжественности нашего богослужения раньше и рады теперь были увидеть сами»[891]. То есть таинство венчания описывается в данном источнике именно ввиду того, что это не рядовое богослужение и не праздничное (описания и того и другого в заметках отсутствуют), а необычное событие, сильно выбивающееся из ритма повседневной жизни.

Безусловно, среди источников есть и противоположные примеры[892], где авторы уделяют достаточное внимание богослужению, однако на фоне большей части материалов, написанных офицерами, они, вероятнее всего, являются исключением.

Показательным представляется эпизод, описанный в записках В. С. Кравченко: «Днем был отслужен молебен с водосвятием, судно окроплено святой водой. Служба тянулась без конца. Отец Георгий не выпускал решительно ни одной молитвы и наказывал этим наших грешников, привыкших к более короткой службе. Когда после в кают-компании кто-то

---

[890] Там же. С. 52.
[891] *Долгов Б. А.* Указ. соч. С. 24.
[892] *Кравченко В. С.* Указ. соч. С. 143. 144, 170; *Шуберт Б. К.* На крейсерах «Смоленск» и «Олег». СПб., 2009. С. 90–91.

заметил: "Нельзя ли, батя, служить как-нибудь покороче?" – батя вспылил, принес требник и просил вопрошающего указать ему все то, что он находит лишним»[893]. Здесь мы видим, что богослужение на корабле для офицеров во многом уже стало формальным действом. Вероятно, именно поэтому судовой священник броненосца «Император Александр II» Иоанн Дьяконов особо отмечает факт усердного посещения офицерами богослужений[894].

Судовая церковь, священнослужитель появились на флоте, чтобы дать возможность морякам участвовать в общей церковной молитве, а главное – участвовать в таинствах Церкви. Поэтому особый интерес представляют собой литературные источники, где описывалось участие моряков в церковных таинствах. Судовой священник крейсера «Герцог Эдинбургский» отмечал не частоту посещений офицерами богослужений, а участие в таинствах, и пришел к выводу, что за плавание исповедовалось и причастилось лишь 9 из 29 офицеров[895]. К сожалению, участие в богослужении офицеров в источниках мало отражено, и представляется затруднительным сделать выводы только на основе данных цифр. Можно лишь предположить, что участие в таинствах не являлось важным для значительной части офицеров. Исключения, несомненно, составляли воцерковлённые офицеры, такие как, например, князь А. А. Щербатов[896], которых, вероятно, было меньшинство.

Итак, само богослужение как общая молитва, участие в таинствах Церкви в источниках, написанных офицерами, не отражено, а упоминания о церковной службе если и есть, то, чаще всего, краткие и неинформативные. В целом можно предположить, что на рубеже XIX–XX вв. для многих офицеров церковная служба не представляла интереса и, если и воспринималась ими, то,

---

[893] *Кравченко В. С.* Указ. соч. М., 2014. С. 157.
[894] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. Соч. С. 541.
[895] *Касаткин А., свящ.* Пастырь на корабле. Путевые заметки и впечатления священника (из письма на имя о. Протопресвитера). // Вестник военного духовенства. 1898. №17. С. 533.
[896] О войне, любви и вере: Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904-1905 гг. М., 2008. С. 4.

в основном, как некое событие, которое может разнообразить монотонную службу на корабле.

В отличие от офицеров, нижние чины участвовали в богослужениях не только в качестве молящихся, но и в качестве пономарей, церковников, певчих и чтецов. Богослужение простым морякам было значительно ближе. Об этом ярко свидетельствуют упоминания церковной службы в источниках, написанных нижними чинами. Об этом свидетельствует и то, что даже в ярко выраженных антирелигиозных произведениях баталёра А. С. Новикова-Прибоя и рулевого А. В. Магдалинского присутствуют подробные описания богослужебной деятельности морского духовенства, освещены различные аспекты подготовки к богослужению[897].

Первоначально необходимо обратиться к кратким дневниковым упоминаниям богослужений: «в 10 часов была обедня»[898], «в 10 часов была литургия с благодарственным молебном»[899], «Была маленькая всенощная на полубаке, без свеч, срочная»[900], «служили панихиду по погибшей команде «Петропавловска»[901], «в 10 ч. у[тра] была отслужена литургия и благодарственный молебен»[902], «После богослужения с молебном, командир пил за здоровье Государя»[903].

В источниках также встречаются описания рядовых, непраздничных богослужений. Так, например, описывает богослужение на броненосце «Адмирал Сенявин» минный машинист С. Н. Савватеев: «День был – воскресенье. Матросы приводили себя в порядок. В спардеке стоял священник, хор судовых певчих под управлением минного машиниста

---

[897] *Новиков-Прибой А. С.* Указ. соч. С. 68, 258; *Магдалинский А. В.* Указ. соч. С. 91, 109, 154. 131.
[898] РГА ВМФ. Ф.763. Оп. 1. Д. 301. Л. 5.
[899] Там же. Л. 2 об.
[900] Дневник неизвестного моряка с броненосца «Орел»... С. 190.
[901] *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 134.
[902] Дневник «Варяжца» ... С. 41.
[903] РГА ВМФ. Ф.763. Оп. 1. Д. 301. Л. 17.

Рудакова настраивал свои голоса. Скоро команда за исключением вахтенных стояла у обедни. Здесь же, принарядившись, стояли офицеры во главе с командиром»[904]. Как мы видим, даже краткие упоминания могли содержать в себе какую-либо дополнительную информацию о богослужении. Несмотря на то, что источников, авторами которых являлись нижние чинами меньше, чем написанных офицерами (что связано с разницей в образовательном уровне), упоминания простых матросов гораздо информативнее. Вероятно, это связано с тем, что нижние чины имели значительно меньше, чем офицеры, возможности разнообразить корабельную жизнь и богослужение для них могло быть событием. Важно отметить, что в отличие от офицеров, нижние чины, как правило, отмечают не внешний антураж, а само богослужение. Им важно зафиксировать то, какая именно была церковная служба, что ей сопутствовало, кто в ней участвовал и т. п. Кроме того, в источниках многократно зафиксированы молебны, однако в отличие от офицеров, матросы больше отмечают «обычные» молебны, а требы, посвящённые датам, связанным с императорской семьёй, почти не упоминаются.

Значительно большее, чем молебен, впечатление на матросов производило отпевание. Как правило, оно если и упоминается, то описывается подробно. Так, например, описывает это богослужение Н. М. Савватеев: «Покойного одевают в майское (летняя форма. – *С. С.*), зашивают в парусину, лицо оставляют. Кладут на доску у собранной церкви (иконостаса), отпевают, прощаются и выносят на ют. Поют "Святый Боже", священник кадит, покойного кладут на самой корме поперёк судна, машина стопорит, флаг приспускается, священник покойному отпускает грехи, посыпает землёй со словами "вся от земли и в землю пойдёшь" <…> Парусиной зашивают лицо, привязывают к ногам груз, поют "Вечная память", доску постепенно уклоняют, балласт с досками скатывается, моряк за ним. Пушка раз даёт

[904] *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 109.

выстрел. Покойный идёт на дно, а акулы за ним. Флаг поднимается, машина даёт ход»[905]. Матрос 2-й статьи Ф. У. Перфильев следующим образом описывает отпевание, произошедшее после морского сражения: «Пришёл батюшка, хор, собралось начальство, и началась панихида. По окончании пристроили с кормы доски в виде спуска, потом дали пушечный выстрел и при пении "Святый Боже" один за другим стали спускать в море безвременно погибших героев. Трогательная была картина… Поневоле наворачиваются на глаза слёзы. То же происходило и на "Громобое". Грустно прошёл этот день»[906]. Это описание хорошо дополняет фотография (Рис. 6), на которой запечатлено отпевание, происходившее на этом же корабле полугодом ранее.

Рисунок 6. – Похороны в море погибших на крейсере «Громобой» 1 августа 1905 года[907]

Данное изображение сильно отличается от остальных фотографий, ведь отпевание, как и в описании Перфильева, происходит сразу после боя. На

[905] *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 148.
[906] Дневник машиниста Перфильева... С. 108.
[907] Похороны в море погибших на крейсере «Громобой» 1 августа 1905 г. // *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014. С. 263.

заднем плане хорошо различимо повреждение, а точка съёмки расположена у аналоя, что позволяет увидеть происходящее глазами священнослужителя. Вероятно, поскольку похороны нижних чинов происходили чаще, чем офицеров, а матросы, находясь в море и ощущая постоянную опасность от непредсказуемой стихии, сопереживали своим собратьям, которых хоронили не в родной земле, а в море.

Авторы данных пространных эпизодов передают общее эмоциональное ощущение от происходившего на их глазах отпевания и не касаются его богослужебных аспектов.

Но наиболее подробно нижние чины описывают большие церковные праздники. В отличие от источников, написанных морскими офицерами, в центре этих эпизодов, как правило, располагается богослужение[908]. Вероятно, наиболее показательным примером подобного упоминания, является эпизод, содержащийся в дневнике Д. С. Смирнова: «Священник уже стоял в облачении и горячо молился Богу. Пред царскими вратами стояла плащаница, и пред образами горели свечи. Легкие волны ударялись о борт, ярко сверкала молния, слышались раскаты грома. На баке горели люстры, команда мылась под искусственным дождём. Каждый спешил поскорее переодеться в церковь и там встретить светлое Христово Воскресение. В 12 часов священник запел: «Христос Воскресе!», и этот возглас вызвал великую радость. В 2 часа отошла обедня, команда встала повахтенно во фронт»[909]. Здесь, как и в случае с отпеванием, автору гораздо важнее показать не чинопоследование или какие-то аспекты богослужения, а свои чувства, эмоции, которые возникли во время церковного торжества. Однако среди источников есть и обратный пример: «В 1 ½ ч. окончилось богослужение, получили 2 яйца и по сдобной булке и по чарке водки»[910]. Так кратко было упомянут моряком праздник Пасхи.

---

[908] См. напр.: Дневник «Варяжца»… С. 41–42; *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 137–138.
[909] Дневник гальванера Смирнова... С.237.
[910] Дневник машиниста Перфильева... С. 191.

Важно отметить, что корабль представляет собой небольшой самодостаточный мир, в котором содержатся все радости и горести моряков[911]. Сам факт постоянного нахождения перед лицом природных стихий (ветер, шторм, буря и т. п.), аварий и различных непредвиденных ситуаций, которые легко могут привести к смерти, формирует у моряков в той или иной степени необходимость в защите, которая создаёт особую религиозность[912], выражающуюся, например, в многочисленных оберегах и суевериях. При опасности моряк дореволюционного флота мог молиться[913] или рефлекторно осенить себя крестным знамением[914]. Однако эти внешние проявления лишь отчасти могут отразить степень его истинной религиозности.

Итак, к сожалению, для полноценного ответа на вопрос о религиозности моряков, вероятно, привлекаемых источников недостаточно. Однако можно сделать предположение, что многие из матросов, большинство из которых были выходцами из крестьянской среды, были религиозны или воспринимали богослужения как неотъемлемую часть своей культуры. Поэтому становится возможным утверждать, что матросы более осознанно, чем офицеры, посещали богослужение. При этом рядовая церковная служба была не только богослужением, совместной церковной молитвой, но во многом сменой обстановки, которая вносила хоть какое-то разнообразие в ежедневный тяжёлый и монотонный труд моряков. Большие церковные праздники занимали особое место в жизни нижних чинов. Ведь именно тогда украшенный корабль и долгожданное торжество были предназначены не только для господ офицеров, но и для них. Два лагеря, во всяком случае

---

[911] *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск, 2017. С. 121.

[912] Подробнее см.: *Данченко С. А.* Профессиональная и религиозная направленность в структуре личности моряка: Динамика и соотношение. Дис. … к. психол. н. М., 2003.

[913] *Долгов Б. А.* Указ. соч. С. 17.

[914] Из Кронштадта в Порт-Артур. Дневник матроса В. М. Ермакова о плавании на крейсере «Диана» в 1902–1904 гг. Екатеринбург, 2014. С. 30. *Сливкин М.* Из прошлого. Воспоминания старого рабочего. М., 1938. С. 16.

формально, объединялись в едином празднике, который неизменно начинался церковной службой. Для многих матросов богослужение оставалось важной частью повседневной жизни. А для многих офицеров оно практически не играло никакой роли: вероятно, в силу своих взглядов они и не нуждались в церковной службе и «окормлении» духовенством.

§ 6. Деятельность флотского духовенства в условиях боевых действий

Завершая раздел о богослужебной деятельности флотского духовенства, необходимо коснуться служения в условиях боевых действий. Поскольку, как уже было сказано во введении, участие судовых священников в боевых действиях – наиболее изученная тема в историографии флотского духовенства, в данной работе будут затронуты лишь некоторые её аспекты.

Согласно статье 650 Морского устава, во время боевых действий судовому священнику были предписаны следующие обязанностью: «Перед боем, если командир признает возможным, священник служит молебен с коленопреклонением о даровании победы, обходит палубы и окропляет корабль и команду святою водою. Во время сражения он должен находиться при раненых, подавать им возможное пособие и утешение, исповедовать и приобщать умирающих и тяжело раненых, которые того пожелают»[915]. Следовательно, до боя священник совершает молебен, а во время него находится при раненых и совершает Таинства Церкви. Поэтому исполнение священнослужителем своих обязанностей в бою отнесено включено в главу II.

Моряков, получивших ранение во время боя, по возможности, приносили лазарет. В свою очередь корабельный лазарет обычно располагался на церковной палубе, то есть на том же месте, где совершалось богослужение, пелись ежедневные молитвы и находились судовые иконы. Корабельный врач крейсера «Аврора» В. С. Кравченко описывает это сочетание: «операционный стол находился как раз на месте престола. На переборке, отделявшей нас от

[915] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 246–247.

шпилевого (носового) отделения, висели в киотах иконы, теплились лампады»[916]. Таким образом, как в мирное время, так и в боевых действиях судовой священник находился на одном и том же посту – на церковной палубе. Только в первом случае на ней размещался храм, а во втором – лазарет. Когда на корабле появлялись заболевшие или раненые, то с ними бок о бок работали врач и священник[917].

В изучаемый нами период судовые священники несли своё служение на кораблях, принявших участие в подавлении Боксёрского восстания (1899–1901) и Русско-японской войне (1904–1905). В первом случае клирики обращались к пастве с соответствующими моменту проповедями[918], но не успели совершить запоминающихся подвигов, которые были бы зафиксированы в известных нам источниках Между тем в период Русско-японской войны судовые священники проявили себя с самой лучшей стороны: вдохновляли моряков, исповедовали и причащали раненных, помогали врачам, участвовали в тушении пожаров и устранении повреждений, возникших во время боя и т. п. Ниже будет приведён список отличившихся судовых священников. Некоторые клирики, например, судовой священник крейсера «Аврора» Анастасий (Рукин), получивший смертельное ранение от «дружественного огня» в Гульском инциденте[919], в списке отсутствуют.

Таблица 5. – Судовые священники, отличившиеся в годы Русско-японской войны[920]

---

[916] *Кравченко В. С.* Указ. соч. С. 242.

[917] См. напр.: *Граф Г. К.* Моряки... С. 26; *Кравченко В. С.* Указ. соч. С. 250; *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 532.

[918] См. напр.: *Дьяков. Н. свящ.* Год на крейсере «Адмирал Нахимов». СПб., 1904. С. 223–224.

[919] Гулльский инцидент – происшествие, произошедшее 9 октября 1904 года в Северном море, в ходе которого Вторая тихоокеанская эскадра в тумане по ошибке приняла английский рыбаков за японские миноносцы и открыла огонь на поражение. Часть снарядов попала в рыбацкие суда, а некоторые – в русские корабли.

[920] Таблица создана на основе*: Исакова Е. В.* Русское военное духовенство в войне с Японией 1904–1905 гг. // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. СПб., 1998. С. 131–148; *Кострюков А. А.* Деятельность русского военного духовенства в годы Русско-японской и Первой мировой войн: Дис. … к. богосл. н. Сергиев Посад, 2003.С. 70–75; *Самохвалов. С. В.* Вера и

Клирик	Корабль	Доп. информация
Иерей Михаил Руднев	«Варяг»	Храбро исполнял свои обязанности
Иеромонах Алексий (Раевский)	«Петропавловск»	Погиб после подрыва корабля на мине
Иерей Николай Исидоров	«Паллада»	Погиб
Иеромонах Алексий (Оконишников)	«Рюрик»	Был ранен в бою, но продолжил служение
Иеромонах Гавриил	«Диана»	Храбро исполнял свои обязанности
Иерей Феодор Станкевич	«Россия»	Храбро исполнял свои обязанности
Иерей Георгий Федоров	«Громобой»	Храбро исполнял свои обязанности
Иеромонах Никодим	«Победа»	Используя навыки плотника, клирик организовал заводку пластыря на пробоину в корпусе. Когда броненосец затонул два дня нырял, пока не смог поднять антиминс и дарохранительницу
Анатолий Куньев	«Баян»	Храбро исполнял свои обязанности
иеромонах Герман	«Севастополь	Храбро исполнял свои обязанности
Иеромонах Назарий	«Суворов»	Умер в бою от ран
Иерей Александр Недригайлов	«Император Александр III»	Погиб вместе с кораблём
Иерей Феодор Хандалеев	«Светлана»	Погиб вместе с кораблём
Иеромонах Виктор (Никольский)	«Ослябя»	Погиб вместе с кораблём

мужество: флотское духовенство в Русско-японской войне // Вестник военного и морского духовенства № 1 (661). М., 2004. С. 40–44; *Кострюков А. А.* К истории служения военного духовенства в годы Русско-японской войны // Православная культура в России: прошлое и настоящее (по материалам Вторых Свято-Филаретовских чтений). М., 2007. С. 135–145; *Соколов А. Н.* Деятельность флотского духовенства в годы русско-японской войны // Угрешский вестник. 2006. №. 2. С. 152–161; *Агафонов Н., прот.* Ратные подвиги православного духовенства М., 2013. С. 128–141; *Галустян Н. В., Ефимов Д. А.* Значение личности флотского священника в поддержании морально-психологического состояния и боевого духа личного состава (исторический анализ на примере боевых эпизодов русско-японской войны 1904–1905 г.г.) // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке. Сборник научных трудов. Севастополь, 2019. С. 144–151.

Иеромонах Георгий	«Аврора»	Храбро исполнял свои обязанности
Иеромонах Виталий	«Адмирал Нахимов»	Храбро исполнял свои обязанности
Иеромонах Порфирий	«Олег»	Храбро исполнял свои обязанности
Петр Добровольский	«Дмитрий Донской»	Благочинный Второй Тихоокеанской эскадры. Храбро исполнял свои обязанности
Иеромонах Михаил (в других источниках – Маркелл)	«Урал»	Во время того, как корабль тонул, сумел спасти все необходимые для богослужения принадлежности и продолжил исполнять обязанности на спасшем его транспорте «Анадырь»
Иеромонах Антоний	«Николай I»	Погиб в бою
Иеромонах Варлаам	«Бородино»	Погиб вместе с кораблём
Иеромонах Кирион (в других источниках Кириан, Кириак)	«Наварин»	Погиб вместе с кораблём
Иеромонах Порфирий	«Аскольд»	Храбро исполнял свои обязанности
Иеромонах Герасим	«Сисой Великий»	Храбро исполнял свои обязанности
Иеромонах Иона	«Адмирал Ушаков»	Бывший в молодости фельдшером, священник оказывал раненым медицинскую помощь наряду с судовым врачом
Иеромонах Рафаил	«Цесаревич»	Храбро исполнял свои обязанности
Иерей Николай Исидоров	«Паллада»	Погиб в бою

Возможно, приведённый выше список не полный. Тем более, что, вероятно, не все подвиги бывают достойно отмечены как окружающими, так и руководством. Также необходимо отметить, что в некоторых источниках содержатся сведения о далёком от храброго поведение священников во время морского боя. Больше всего подобных эпизодов содержится в знаменитом романе А. С. Новикова-Прибоя «Цусима». Это произведение справедливо

критикуется за идеологизированность и недостоверность некоторых эпизодов. Но в отношении одного иеромонаха, которого нелицеприятно описал Новиков-Прибой (судового священника броненосца «Орёл» иеромонаха Паисия[921]), есть свидетельство младшего минного офицера этого корабля В. Л. Модзалевского: было необходимо похоронить убитых в бою моряков, но священник «не хотел идти на ют, говорил, что сейчас начнут стрелять и его убьют. Я официально приказал ему пойти со мной. Прочитали краткую молитву и выбросили за борт 28 трупов»[922]. Разумеется, иеромонах Паисий, как и любой другой человек перед лицом смертельной опасности, мог проявить малодушие. Однако это не отменяет того, что большая часть судовых священников проявила себя с лучшей стороны.

Вероятно, самым ярким примером являются подвиги судового священника крейсера «Рюрик» иеромонаха Алексия (Оконешникова). В результате сражения в Корейском проливе (1 августа 1904 года) «Рюрик» получил тяжёлые повреждения и, чтобы корабль не достался врагу, был затоплен личным составом. За время боя множество моряков было убито и ранено. В корабль постоянно попадали вражеские снаряды и осколки. В этих условиях судовой священник проявил себя героически, что подтверждается свидетельствами очевидцев[923]. Сам клирик оставил подробные описания своих действий: «Я ушёл в свое место расписания – лазаретное отделение. <…> Спустя ещё немного времени в лазаретах уже не представлялось возможным делать перевязки: все проходы были полны ранеными, и два доктора не успевали подавать помощь. Я начал было исповедовать раненых, причащать их не предоставлялось возможности, всюду было тесно, и я боялся пролить Св[ятые] Дары. Скоро пришлось отложить и исповедание. Я спустился в

---

[921] *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М., 1984. С. 434.
[922] *Модзалевская Л. А., Модзалевская Т. Л.* Всеволод Львович Модзалевский. Страницы жизни. СПб., 2008. С. 23.
[923] Рассказ старшего штурмана А. С. Салова // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895-1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 104; *Солуха Н. П.* О последних минутах на крейсере «Рюрик» // Там же. С. 106.

лазарет, наполнил карманы подрясника бинтами и стал ходить по верхним и батарейным палубам и делать перевязки. Матросы бились самоотверженно; получившие раны после перевязки шли снова в бой. <…> Услышав с батареи, что ранен командир Л. Е. Трусов, я побежал к нему и нашёл его лежащим в боевой рубке и истекающим кровью. К счастью, близко нашлась вода, я омыл раны и перевязал их. <…> Наверху на мостике происходило что-то ужасное: все сигнальщики, дальномерщики были перебиты, палуба полна трупами и отдельными частями человеческих тел. Последним запасом марли я сделал ещё несколько перевязок и пошел было в лазарет за марлей; спустился на батарейную палубу, – там ужасный пожар; навстречу бежит с забинтованной головой лейтенант Постельников, вдвоём с ним мы взялись тушить пожар <…> Почти одновременно меня отбросило и я пробил головой парусинную переборку кают-компании и от ушиба потерял сознание. Сколько времени я был в беспамятстве, не помню: придя в себя, я легко встал и вышел наверх. Мостик, боевая рубка и все палубы были покрыты убитыми и ранеными. Убитых было уже так много, что по палубе приходилось пробираться с трудом, строевых оставалось мало, <…> снаряды подавать было некому, я взялся помогать комендорам. Узнав, что взорвать судно нельзя, так как уничтожены все провода, лейтенант Иванов отдал приказ открыть кингстоны и распорядился выносить раненых, привязывать их к койкам и бросать за борт. Видя это, я пошёл исповедовать умирающих; они лежали на трех палубах по всем направлениям. Среди массы трупов, среди оторванных рук и ног, среди крови и стонов я стал делать общую исповедь. Она была потрясающа: кто крестился, кто протягивал руки, кто, не будучи в состоянии двигаться, смотрел на меня широко открытыми, полными слёз глазами… Картина была ужасная…»[924].

---

[924] Рассказ иеромонаха отца Алексия // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб., 2013. С. 110–112.

Как мы видим, клирик блестяще выполнил свои прямые обязанности и делал всё возможное, чтобы помочь морякам своего корабля. И подобным образом проявили себя многие судовые священники. Но уникальной деятельность иеромонаха Алексия сделал его следующий поступок. После того как крейсер был потоплен, его личный состав попал в плен. Иеромонах Алексий содержался вместе с остальными моряками, которые стремились донести до морского начальства выявленные недостатки кораблей, снарядов и тактики боя. Поскольку священник как некомбатант в ближайшее время должен был быть отпущен на свободу, решено было воспользоваться этим обстоятельством. Вот как об этом писал сам иеромонах: «Иванов собрал совет, на котором решили, что мне надо ехать и свезти каким бы то ни было путём донесение. И вот ночью лейтенант Иванов стал писать краткое донесение <…> К четырём часам утра сообщение было готово, я положил его в вату, а ею прикрыл рану на ноге и забинтовал марлей»[925]. Сообщение было успешно доставлено. За свои подвиги священник был награждён Золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте[926].

Вопрос об особенностях награждения представителей военного и морского духовенства подробно раскрыт в работах К. Г. Капкова[927]. Здесь лишь отметим, что до Первой мировой войны не существовало практики посмертного награждения клириков. Первым из таковых стал иеромонах Антоний (Смирнов), уступивший матросу во время гибели минного заградителя «Прут» своё место в шлюпке. Он был удостоен орденом св. Георгия IV степени посмертно[928].

---

[925] Там же. С. 114.

[926] *Максимов В. Ю. Капков К. Г.* За службу и храбрость. Священники – кавалеры ордена Святого Георгия. Неизвестные страницы. М., 2018. С. 302.

[927] *Капков К. Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. С. 76-104; *Он же.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков. М., 2009. С. 98-158.

[928] *Максимов В. Ю. Капков К. Г.* За службу и храбрость. Священники – кавалеры ордена Святого Георгия. Неизвестные страницы. М., 2018. С. 437.

***

Подводя итог главе, вновь отметим, что жизнь моряка дореволюционного флота была неразрывно связана с богослужебной деятельностью судового священника. Любое важное событие сопровождалось богослужением: присяга, отплытие и возвращение из плавания, государственные праздники, сражение и смерть в бою, увольнение в запас. Разумеется, всё это можно было бы отнести и к любому жителю Российской империи. Тем более, что фактически священнослужитель был государственным чиновником, фиксировавшим рождение, вступление в брак, смерть, религиозную принадлежность, частоту причащения и исповеди[929]. И, по-видимому, сами моряки не видели разницы между клириками приходского храма и судовыми священниками. Но для духовенства исполнение своих обязанностей на флоте было сопряжено с определёнными сложностями, которые и составляют специфику служения судовых священников. Применительно к богослужебной деятельности можно выделить следующие особенности:

1. Ввиду дефицита внутренних судовых помещений церкви было необходимо собирать для каждого богослужения, а затем разбирать. Корабельный храм обычно хранился в каюте священника.
2. Определённые сложности, особенно в заграничных плаваниях, могло вызвать снабжение судовой церкви расходуемыми веществами (ладан, елей, свечи и т. д.). Особой проблемой были просфоры: заготовить их впрок было невозможно, а обычный хлеб для богослужения не походит. Если человека, умеющего их печь, на корабле не находилось, то священник вынужден был выпекать просфоры самостоятельно.

[929] *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 214-217.

3. У судового священника не было штатных помощников, он мог рассчитывать только на добровольцев. Приказом командира корабля один из офицеров назначался ктитором судовой церкви, чьи обязанности сводились к помощи священнослужителю в отношении церковного имущества и финансов. Главным помощником священнослужителя был церковник – ответственный матрос или унтер-офицер. Он должен был помогать священнослужителю во всех вопросах, касающихся организации богослужения и непосредственно его проведения. Однако одного церковника, как правило, было недостаточно, поэтому на многих кораблях у священника были и другие помощники: певцы и чтецы (которые вместе с церковником составляли «церковный актив» корабля), а также моряки, помогавшие в уборке помещения, сборке-разборке и украшении судовой церкви.
4. На флоте ежедневные молитвы пелись, а любое плавание начиналось с молебна, во время которого должно было звучать пение. Поэтому сразу после вступления в должность судовому священнику приходилось создавать хор, проводить работу с певцами разного уровня подготовки, выстраивать стройное и благозвучное звучание хора, для чего ему необходимо было обладать соответствующими знаниями и навыками. Кроме этого, священнослужитель должен был заботиться и о том, чтобы в его судовой церкви звучало достойное богослужебное чтение.
5. Сложности вызывали условия, в которых совершались богослужения. Например, качка осложняла, а подчас делала невозможным совершение богослужений в судовых церквях. Жилая или батарейная палубы, где обычно проходило богослужение, были мало приспособлены для проведения там церковной службы. Там было тесно, жарко и душно.

6. Богослужебная практика, несмотря на статьи Морского устава и утверждённую Морским ведомством «Инструкцию для судовых священников», была всецело в руках морского начальства. Офицеры требовали максимального сокращения богослужений, заменяли по собственному желанию литургию на обедницу или вовсе отменяли церковную службу. В лучшем случае богослужение в судовой церкви совершалось 2 раза в неделю (в субботу – всенощное бдение и в воскресение – литургия). Но чаще всего всенощные отменялись, а литургии заменялись на обедницу. В худшем случае богослужение совершалось раз в месяц. В результате, как отмечал священник Фёдор Круглов, флотское духовенство было вынуждено «выпрашивать» у судового начальства время на богослужение.

Организация богослужебной жизни на пароходах ДФ имела свою специфику. Количество пассажиров (не считая команды) доходило до 1500 человек (численность личного состава самых больших кораблей РИФ – линкоров – 1200 человек), благодаря чему священнослужителю неизменно удавалось найти помощников. Большая часть паствы – пассажиры, а судовое начальство меньше вмешивалась в богослужебную практику. Однако рейсы из Одессы во Владивосток и обратно длились не более нескольких месяцев, пассажиры каждый раз были различны по своему статусу, при этом на один и тот же пароход каждый раз мог назначаться другой священник. Поэтому каждый рейс священнослужителю приходилось вновь организовывать хор, находить помощников и выстраивать взаимоотношение с командой и пассажирами. Кроме этого, пароходы, в отличие от кораблей РИФ, не снабжались сборными судовыми церквями, поэтому священнослужителю было необходимо найти место для богослужения и из подручных средств создать импровизированный храм.

Богослужебная деятельность – главная обязанность судового священника. И те условия, в которых священнику приходилось совершать церковную

службу, ярко показывают, какова была религиозная ситуация в дореволюционном флоте. Ввиду отсутствия штатных помощников священнику были нужны добровольцы как во время богослужения, так и при его подготовке. При этом, например, церковное пение и богослужебное чтение требовали подготовки, репетиций. Но судовое начальство, зачастую, не считало нужным способствовать священнику в этом деле, ведь даже на богослужение время выделялось неохотно, а на подготовку и подавно. Причиной являлось то, что общество в тот момент переживало духовный кризис, многие представители образованных слоёв населения были далеки от того, чтобы быть набожными христианами, авторитет Церкви был низок. Практически все помощники священнослужителя были нижними чинами. Среди них уровень религиозности, во всяком случае внешне, был выше, а богослужение имело большее значение, чем для офицеров. Однако достаточно проблематично определить степень реальной веры матросов, ведь посещение богослужений могло восприниматься ими как привычная часть быта, культуры, а помолиться или осенить себя крестным знамением моряк мог рефлекторно. Тем более, что есть свидетельства о том, что некоторые матросы не хотели принимать участие в богослужении и их принуждали к этому.

Не стоит забывать, что личный состав корабля представлял собой два враждующих лагеря: офицеры и матросы. Их жизнь, быт и досуг принципиально различались, но при этом почти все они были православными христианами. Поэтому потенциально богослужение и подготовка к нему могли хотя бы в храме объединять эти враждующие лагеря. Однако этого не произошло. Одной из причин было то, что на флот долго назначали малообразованных священнослужителей. Другой же можно назвать желание государства использовать Церковь в качестве идеологического инструмента (о чём подробнее мы поговорим в следующей главе). Потенциал богослужебной деятельности духовенства так и не был реализован. Напряжение между офицерами и матросами нарастало, а церковная служба для многих стала лишь

формальным действом, но не более того. В свою очередь строгий корабельный распорядок стал для морских офицеров удобным предлогом, чтобы обойти эту формальность.

Глава III. Внебогослужебная работа судовых священников

Наличие духовенства в воинских частях или на кораблях в мирное время нередко было непонятным военнослужащим и сторонним наблюдателям в Российской империи. Это непонимание во многом присутствует и в современной России[930]. Среди моряков дореволюционного флота было распространено представление о том, что от священника на корабле нет никакой практической пользы. Последний протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский, выступая на Братском собрании военного и морского духовенства в 1913 году, отмечал: «на многих судах составилось убеждение, что священник – какой-то балласт, что его приходится терпеть по нужде и кормить даром»[931]. Но насколько было оправдано такое представление о служении морского духовенства? Ведь во время сражений большинство судовых священников проявляло себя с лучшей стороны, личным примером демонстрируя готовность к самопожертвованию и верность долгу и тем самым вдохновляя моряков. Чем же занимался священник на борту корабля в мирное время? Ограничивалось ли его взаимодействие с личным составом совершением богослужений или же им проводилась какая-либо работа с личным составом во внебогослужебное время?

Кроме совершения богослужений судовой священник мог проводить различную внебогослужебную работу с личным составом. В ней можно выделить два направления: катехизаторская и просветительская деятельность. Под катехизаторской деятельностью священника в данной работе подразумевается работа священнослужителя, направленная на воцерковление паствы. К ней будет отнесено: преподавание Закона Божьего, проведение внебогослужебных бесед и организация чтений духовной литературы. Под просветительской деятельностью понимается работа священника, связанная с

---

[930] *Галицкий С. Г.* Из смерти в жизнь... Записки военного священника. СПб., 2017. С. 56.
[931] Братское собрание военного и морского духовенства в Санкт-Петербурге 14 февраля 1913 г. // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 5. С. 219.

повышением образовательного, интеллектуального и культурного уровня моряков. К ней относится: обучение матросов грамоте, участие священника в корабельной переписке, устройство судовой библиотеки и организация экскурсий паломнических поездок для нижних чинов. Важно отметить, что это условное деление, ведь между собой эти виды деятельности постоянно пересекались.

§ 1. Преподавание Закона Божьего

Под Законом Божиим в данной работе понимается учебная дисциплина, предполагающая изучение основ Православной веры, Священной истории и Истории Церкви. Как обязательный учебный предмет во всех гражданских и военных учебных заведений Закон Божий был введён в 1811 году, а упразднён – в 1918 году[932]. В 1828 году на должность законоучителя могли назначаться «только духовные лица, окончившие духовные школы не ниже семинарии»[933]. Поэтому значительная часть учителей Закона Божьего были священниками, для которых, с одной стороны, преподавание было дополнительной нагрузкой, а с другой – ещё одним источником дохода[934]. Небрежное отношение священников к своим обязанностям законоучителя встречалось нередко, «особенно в учебных заведениях провинции», что не могло не отражаться на отношении учащихся к предмету[935]. Необходимо также упомянуть и об отношении родителей к данному учебному предмету. Мещане, купцы, крестьяне – люди, «малосведущие в вопросах веры и Церкви или полные невежды, для которых школа представляет интерес лишь постольку, поскольку она обещает материальную выгоду в смысле обеспечения их детей

---

[932] *Трофимов И. А.* Образ законоучителя средней светской школы в воспоминаниях священников конца XIX — начала XX вв. // Христианское чтение. 2020. №1. С. 219.
[933] *Калинина Е. А.* Закон Божий в русской школе первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2014. №59 (4). С. 88.
[934] *Шатохина С. Б.* Преподавание Закона Божия на рубеже XIX–XX веков: проблемы и их последствия // Сборник трудов Восемнадцатой международной научно-практической конференции «Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт». 2019. С. 121.
[935] Там же. С. 122.

дипломами»[936], относились к Закону Божьему как к одному из школьных предметов. Не лучше было отношение в «дворянско-интеллигентской среде», где в то время формировались «нигилистические и атеистические идеи»[937]. По мнению современного исследователя И. А. Трофимова, это происходило «в связи с тем, что законоучителя не стремились развивать религиозное сознание учащихся, а в основном ставили баллы за выученные тексты»[938].

В начале XX века в российском обществе широко распространялись материалистические, антирелигиозные настроения, однако «формальный метод преподавания» Закона Божия стал подавляющим: «заучивание наизусть, не позволявшее ученику ни малейших отступлений от дефиниций и толкований учителя с одной стороны, и неукоснительная обязанность учителя следовать учебнику – с другой»[939]. В результате проблема формализации преподавания Закона Божьего начала подниматься в церковных кругах и в 1908 году обсуждалась на Всероссийском миссионерском съезде в Киеве, а в 1909 году – на Всероссийском съезде преподавателей Закона Божия светских учебных заведений в Петербурге[940]. Участники съезда пришли к выводу о том, что «программы, методики преподавания» Закона Божьего устарели, «они не отвечают культурным и социальным переменам в обществе, следовательно, нуждаются в реформировании»[941]. Однако никакого «реформирования» так и не произошло.

В результате изучение Закона Божьего зачастую не только не способствовало катехизации учащихся, но и отталкивало от Православной веры. Ситуация усугублялась обязательным посещением богослужений[942].

---

[936] *Трофимов И. А.* Образ законоучителя средней светской школы в воспоминаниях священников конца XIX – начала XX вв. // Христианское чтение. 2020. №1. С. 220.
[937] Там же.
[938] Там же.
[939] *Бычкова В. М.* Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 1 (12). С. 17.
[940] *Шатохина С. Б.* Указ. соч. С. 123.
[941] *Бычкова В. М.* Указ. соч. С. 18.
[942] *Шатохина С. Б.* Указ. соч. С. 122.

Наиболее остро это могло проявляться в рамках жёсткой дисциплины в военных учебных заведениях. Необходимо отметить, что кроме уроков Закона Божьего, количество которых в разные годы в программах военных учебных заведений колебалось от одного до двух часов в неделю[943], распорядок дня учащихся был неразрывно связан с религией. Молитвы читались утром, перед началом первого урока, после окончания уроков, перед и после приёма пищи, а также перед отходом ко сну[944]. Кроме того, при каждом военном учебном заведении была домовая церковь[945], где на каждых выходных и по церковным праздникам проходили богослужения, присутствие воспитанников на которых было обязательным, что, согласно воспоминаниям морских офицеров, было весьма обременительно. Например, знаменитый кораблестроитель академик А. Н. Крылов, рассказывая об обучении в Морском училище, отмечает, что не любил оставаться на выходные в учебном заведении, потому что «прежде чем покинуть в воскресный день корпус, надо было отстоять длинную и нудную обедню»[946].

В результате у воспитанников военных учебных заведений нередко формировалось негативное отношение к предмету Закон Божий и к религии в целом. В воспоминаниях морских офицеров можно встретить законоучителя в качестве курьёзного персонажа или объекта насмешек, даже если это был достойный священнослужитель и педагог[947]. Поэтому неудивительно, что

---

[943] Подробнее см.: *Котков В. М.* Закон Божий и пастырские беседы // Инновационная деятельность в вооружённых силах Российской Федерации: Труды всеармейской научно-практической конференции. 2016. С. 371–374.

[944] После революции этот распорядок был воссоздан в эмигрантских военно-учебных заведениях. Подробнее см.: Церковь, Закон Божий // *Скворцов М. М.* Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. Бюллетень ОКРКК. № 69. 2002. Электронная версия. URL: http://www.ruscadet.ru/library/01-books/skvortcov/skv_14.htm (дата обращения: 21.06.2023).

[945] *Доценко В. Д., Клавинг В. В.* Морские храмы России СПб., 1995. С. 14.

[946] *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. СПб., 2003. С. 436.

[947] См. напр.: *Граф Г. К.* Моряки... С. 18; *Никитин Д. В.* На берегу и в море. San Francisco, 1938. С. 19.

молодой человек, окончив Морской кадетский корпус и оказавшись на корабле уже в качестве офицера, относился также и к судовому священнику.

Согласно 652 статье Морского устава, корабельный священнослужитель был обязан, «когда командир признаёт возможным», обучать Закону Божиему «юнкеров и воспитанников», а с разрешения командира корабля – и матросов[948]. Юнкера – юноши (как правило, выходцы из обеспеченных семей), имевшие законченное высшее образование, полученное в гражданских учебных заведениях, которые поступали на флот добровольно (их называли вольноопределяющимися)[949]. После двухлетней службы юнкера сдавали специальные экзамены, затем практический экзамен, после чего производились в мичманы (первый офицерский чин)[950]. Под воспитанниками подразумевались учащиеся высших военно-морских учебных заведений, в первую очередь кадеты Морского кадетского корпуса. Обучение длилось 6 лет: три общеобразовательных класса и три специальных гардемаринских. Летняя практика воспитанников была ежегодной: в младших классах корпуса она проходила на учебных судах, а в старших – на боевых кораблях. После завершения последнего класса «гардемарины сдавали выпускные экзамены и производились в корабельные гардемарины. После этого они направлялись в годичное плавание вокруг Европы в Средиземное море на современных кораблях Балтийского флота»[951]. После возвращения из плавания «особая флотская комиссия принимала у них экзамен, и они производились в мичманы»[952].

---

[948] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 247.
[949] *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 36–38.
[950] Подробнее об экзаменах см.: *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 39.
[951] *Беспалов А.* История военно-морского образования в России // [Электронный ресурс]. URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/bespalov_navy-education.pdf (дата обращения: 21.06.2023).
[952] Там же.

Необходимо отметить, что известны случаи, когда законоучитель Морского училища отправлялся вместе со своими воспитанниками в плавание на учебном судне. Митрофорный протоиерей Капитон Белявский, бывший законоучителем Морского кадетского корпуса в 1872-1906 годах, с «1873 по 1884 гг. ежегодно бывал в плаваниях на учебных судах»[953]. В 1903-1906 годах иерей Иоанн Спицын был судовым священником учебного судна «Воин», а в зимнее время был прикомандирован к церкви Морского кадетского корпуса[954]. Но это не было общим правилом, ведь, уже упоминавшиеся в предыдущих главах священники Александр Касаткин, Николай Орлов и Николай Дьяков не являлись законоучителями в военно-морских учебных заведениях, но были назначены на учебные суда.

К сожалению, даже в источниках, подробно описывающих плавания на учебных кораблях, не содержится подробностей, касающихся обучения юнкеров и воспитанников Закону Божиему судовым священником. Поэтому можно предположить, что оно проходило так же, как и учебных заведениях. Единственный эпизод, который можно косвенно отнести к данной теме, содержится в воспоминаниях контр-адмирала Г. К. Графа. Описывая плавание на учебном корабле «Князь Пожарский» в 1901 году, он рассказывает о следующей привычке старшего офицера корабля: «ловить кадет по корабельным закоулкам, куда мы забирались, чтобы избежать занятий или церковных служб»[955]. Вероятно, представляется неслучайным упоминание церковной службы наряду с занятиями, ведь богослужение в военно-морских учебных заведениях фактически было частью образовательного процесса. Примечательно, что с самим судовым священником «Князя Пожарского» у воспитанников сложились хорошие отношения. Иеромонах Иаков до пострига был гусарским вахмистром[956], поэтому, особенно учитывая то, что это было

---

[953] *Граф Г. К.* Моряки... С. 287.
[954] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 1842. Л 2.
[955] *Граф Г.* Моряки... С. 55.
[956] Вахмистр – унтер-офицерская должность и звание в дореволюционной кавалерии.

его первое плавание, офицерское общество «по старой привычке продолжало его смущать, но зато с кадетами он чувствовал себя превосходно»[957]. Однако вскоре священнослужитель был списан с корабля за пьянство[958].

Таким образом, можно предположить, что к началу XX века Закон Божий, как и богослужебная практика в целом, для воспитанников были привычными элементами образовательного процесса и в стенах учебного заведения, и на корабле, и даже хорошие личные взаимоотношения со священнослужителем не могли изменить их отношение, например, к церковной службе, которую они избегали как на берегу, так и в море.

С обучением Закону Божиему матросов дело обстояло иначе. До назначения на корабль новобранец попадал в экипаж – береговую часть, где он проходил обучение. Помимо военно-морских знаний новобранца знакомили с азами веры: он «должен был выучить несколько молитв. В программе курса унтер-офицеров по закону Божиему были включены: Начинательная молитва, Иисусова молитва, молитва Святому Духу, Трисвятое, молитва Святой Троице, молитва За царя и Отечество, молитва Перед сражением. Новобранцам, кроме того, необходимо было усвоить Символ Веры, знать церковные Таинства и Десять Заповедей»[959]. Дальнейшее обучение должно было продолжаться священнослужителем на корабле.

Военный корабль рубежа XIX–XX веков, особенно во время плавания, – это сложное инженерное сооружение с множеством механизмов и приборов, которые требуют постоянного обслуживания, наблюдения, ухода. Поэтому корабельный распорядок дня личного состава был весьма насыщенным, что не позволяло организовывать уроки Закона Божьего в общераспространённом формате для всех нижних чинов. Поэтому, за редким исключением, если занятия и проходили, то в виде бесед на духовно-нравственные темы в

---

[957] *Граф Г.* Моряки... С. 51.
[958] Там же. С. 52.
[959] *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014. С. 285.

свободное от службы время и по «свободному произволению каждого»[960]. Необходимо также отметить, что, согласно 648 статье Морского устава: «После богослужения с предварительного согласия командира, священник излагает команд краткие поучения, стараясь, чтобы они были доступны понятиям слушателей и чтобы имели на них благодетельное нравственное влияние»[961]. То есть, поскольку богослужение на корабле проходило, как правило, каждое воскресение и по праздникам, священнослужитель, согласно Морскому уставу, должен был минимум раз в неделю читать проповеди, которые считались отдельным мероприятием, на которое было нужно предварительное разрешение командира. На практике, как отмечает в воспоминаниях иерей Иоанн Дьяконов, поучения после богослужений «священнослужителями (насколько известно) не выполняются»[962]. Вероятно, это было связано с тем, что, ввиду корабельного распорядка, командир выделял на богослужение крайне ограниченное время и на проповедь его уже не оставалось. В результате можно наблюдать следующее явление. В Морском уставе существовало два предписания о катехизации моряков: преподавание Закон Божьего, без указания на частоту проведения занятий, и еженедельные проповеди после богослужений. Однако, согласно имеющимся источникам, к концу XIX века проповеди читались редко, а среди священников и моряков сложилось представление о том, что священнослужителю желательно еженедельно проводить духовно-нравственные беседы.

По словам архимандрита Владимира, (Гиганова), проведение этих бесед было обязательным для судовых священников на учебных кораблях, на которых находились нижние чины, которые готовились к производству в унтер-офицеры[963]. Для отличия от воспитанников высших военно-морских

---

[960] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 569.
[961] Морской устав. 1885. СПб., 1885. С. 246.
[962] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 607.
[963] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 334.

заведений они именовались учениками. Одним из учебных кораблей, на которых проходили обучение нижние чины, был крейсер 1 ранга[964] «Герцог Эдинбургский». В 1897 году на корабль был назначен иерей Александр Касаткин[965]. Он впервые оказался на флоте и поэтому подробно описал всё происходившее с ним в письме, в том числе и организацию внебогослужебных бесед[966].

Иерей отмечает: после выхода в море, согласно «расписанию корабельной жизни, я должен был начать вести с командою религиозно-нравственные собеседования каждодневно с 7 до 8 часов вечера, кроме воскресных и праздничных дней»[967]. То есть занятия с учениками на учебном судне, в отличие от занятий с матросами на боевых кораблях, было внесено в официальный корабельный распорядок. Священник Александр делит проводимые им беседы на религиозно-нравственные собеседования и духовные беседы, но из текста письма остаётся не понятным, проводились они одновременно или последовательно. В рамках религиозно-нравственных собеседований автор до Рождества рассказывал Священную Историю «с довольно подробным объяснением притчей Христа Спасителя и с присоединением в конце евангельского рассказа нравственного приложения для слушателей», а после Рождества познакомил моряков с историей Древней Церкви и Русской Церкви[968]. По словам иерея Александра, данная программа была основана на книге «Вне-богослужебные беседы пастыря с пасомыми»[969]. В рамках духовных бесед он рассказывал команде о воскресных евангельских

---

[964] Несмотря на то, что он был переведён в учебные суда, он по-прежнему числился как «крейсер 1-го ранга». Подобная ситуация была с учебным кораблём крейсером 1 ранга «Генерал-Адмирал». Подробнее см.: *Несоленый С. В.* Полуброненосные фрегаты «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский» (1869–1918). СПб., 2011.
[965] *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 529-534.
[966] Там же. С. 531.
[967] Там же.
[968] Там же.
[969] Там же.

чтениях, о грехах, правильном отношении к ближним, начальству и т. п[970]. По мнению автора, моряки охотно слушали беседы, «не скучая и с полным вниманием», т. к. он не читал их по книге, а объяснял в форме простых рассказов[971]. Кроме того, иерей упоминает о том, что на некоторые беседы приходили старообрядцы, а также больные из корабельного лазарета[972].

Таким образом, за время плавания, длившегося с сентября по апрель 1897-1898 годов, благодаря практически ежедневным беседам, иерею Александру Касаткину фактически удалось обучить команду курсу Закона Божьего. Конечно, в этом немалая заслуга священнослужителя, но это было бы невозможным без участия судового начальства, которое включило беседы в распорядок дня. Однако в этом случае о добровольности посещения данного мероприятия уже не могло быть и речи. Кроме того, эти беседы значились в распорядке дня вместо свободного времени, что могло негативно отразится на отношении моряков и к священнослужителю, и к самим духовным собеседованиям. И, возможно, лишь благодаря инициативности и педагогическому таланту иерея Александра моряки охотно слушали его рассказы и объяснения. По нашему мнению, этот пример не может быть признан стандартной ситуацией с проведением бесед на учебных кораблях. Важно также отметить, что нам известно только мнение самого священнослужителя об этих беседах. Мичман Б. А. Долгов, бывший в плавании на этом же учебном корабле, в книге, посвящённой этому плаванию, не упоминает духовных беседах вовсе[973].

§ 2. Проведение внебогослужебных бесед

Обратимся теперь к практике проведения духовных бесед на боевых кораблях. По мнению анонимного священнослужителя, «всего естественнее и удобнее вести внебогослужебные беседы накануне воскресных и праздничных

---

[970] Там же.
[971] Там же.
[972] Там же. С. 532.
[973] *Долгов Б. А.* Указ. соч.

дней после ужина команды и до вечерней молитвы (от 7 до 8 час.)»[974], т. е. в свободное время личного состава. По мнению анонимного священнослужителя, это связано с тем, что «кануны воскресных и праздничных дней невольно располагают русского православного человека к тому, чтобы поговорить, почитать или послушать о "Божественном"»[975]. О распространённости именного такой регулярности и времени проведения бесед позволяет судить следующий эпизод, содержащийся в письме иеромонаха Сергия (Страгородского).

В 1891 году будущий патриарх, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, находился в Японии в составе Российской духовной миссии. В это время русские военные и гражданские корабли регулярно заходили в японские порты, Тихоокеанская эскадра оставалась на зимовку в Нагасаки, где располагались российские государственные, частные, общественные учреждения, сухой док и морской лазарет[976]. В ноябре эскадра находилась в японском порту Йокогаме[977]. На флагманском крейсере «Память Азова» заболел судовой священник иеромонах Филарет, и 6 декабря для исполнения обязанностей судового священника прибыл иеромонах Сергий (Страгородский)[978]. Он впервые оказался на военном корабле в качестве морского священнослужителя поэтому следующая фраза, написанная им в письме, представляет особый интерес: «На Благовещенье была у нас и служба. Но от вечерней беседы накануне праздника пришлось отказаться, несколько смалодушничал, хотя и жаль было моих слушателей, которые бросали на меня

---

[974] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 17.
[975] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 41.
[976] *Павлов Д. Б.* Русский военно-морской лазарет в Нагасаки, 1858–1906 гг. (исторический очерк по российским источникам) // Ежегодник Япония. 2010. № 39. С. 252-273.
[977] *Кондратенко Р. В.* Крейсер I ранга «Память Азова» //Мидель шпангоут. 2016. № 45. С. 105.
[978] *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 245.

ожидающие взгляды»[979]. Таким образом, иеромонах знал о том, что накануне праздников проводились внебогослужебные беседы. Возможно, об этой практике ему сообщил заболевший священнослужитель или моряки, в любом случае ему было известно о ней, но беседа так и не состоялась. Данный эпизод позволяет значительно шире посмотреть на ситуацию с проведением бесед на кораблях РИФ.

Теоретическое представление о том, что беседы должны были проводиться накануне воскресных и праздничных богослужений, сильно отличалось от того, как они проходили на практике. По словам архимандрита Владимира (Гиганова), внебогослужебные беседы на не учебных кораблях «никогда и не ведутся, потому что служащие там монахи, как люди в большинстве случаев не получившие полного богословского образования, не подготовлены к ведению их; но в похвалу их нужно сказать, что многие из них запасаются книжками религиозного содержания и дают читать их матросам»[980]. Эпизод с иеромонахом Сергием (Страгородским), которого нельзя назвать малообразованным священнослужителем, показывает, что дело могло быть не только в недостатке образования. Иерей Иоанн Дьяконов в воспоминаниях, хоть и отмечает неграмотность как проблему, из-за которой внебогослужебные беседы не проводились, но рассматривает эту проблему иначе. По его мнению, священнослужителя на корабле часто воспринимают как «требоисполнителя», временного «наёмника», да и сам он нередко себя так воспринимает, из чего и проистекает формальное и безынициативное отношение духовенства к своим обязанностям[981].

Однако не на всех кораблях ситуация складывалась таким образом. Так, иеромонах Андроник на броненосном фрегате «Адмирал Грейг», согласно рапорту командира корабля, во время плавания был доступен для всех

---

[979] Там же. С. 279.
[980] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 334.
[981] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 607.

моряков, а «своими беседами с нижними чинами, весьма благодетельно влиял на команду и не мало содействовал общему её хорошему поведению за кампанию»[982]. К сожалению, автор рапорта не упоминает частоту проведения бесед, однако очевидно, что они проводились неоднократно. Судовой крейсера «Рюрик» священник Алексей Оконишников, выступая на Братском собрании военного и морского духовенства в 16 ноября 1904 года, упомянул о том, что им проводились беседы «с нижними чинами по четвергам с 7 ч[асов] вечера до 8, а также и по субботам»[983].

Организация внебогослужебных бесед с нижними чинами на броненосце «Император Александр II», описанная в воспоминаниях судового священника И. Дьяконова, является самым подробным эпизодом по затрагиваемой теме из всех известных нам в источниках. Первоначально беседы проводились в носовой части жилой палубы «то в праздник днём, то – накануне вечером. Беседы в праздник скоро оказались неудобными, так как в праздник – день отдыха и развлечений команды и день отпуска её на берег – матросы танцуют, играют, поют, для них нарочно играет музыка; между тем духовная беседа, по выражению самих матросов, "все одно как молитва"»[984]. В результате священник пришёл к уже известной нам по другим источникам практике: беседы проводились накануне праздничных богослужений в свободное время и для желающих. Однако «беседы происходили далеко не на каждый праздник, если случалось, беседовали через 3-4 дня, то случались и перерывы, даже на целые месяцы»[985]. Беседы проводились иереем на следующие темы: объяснение Символа Веры, молитвы Господней, заповедей, обсуждение воскресных евангельских, чтений, житий «воспоминаемых в ближайшие дни святых», церковных праздников «или наконец какое-либо явление из жизни

---

[982] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 217. Л. 208.
[983] *Медведь Р., свящ.* Братское собрание военного духовенства 16-го ноября 1904 года (окончание) // Вестник военного духовенства № 2. С. 52.
[984] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 569.
[985] Там же.

команды (например, такие пороки как сквернословие, пьянство»[986]. Как мы видим, тематика бесед была менее обширной, чем в программе бесед, проводимых иереем Александром Касаткины на крейсере «Герцог Эдинбургский», но тем не менее она охватывает основные вопросы вероучения.

Иерей И. Дьяконов считал, что внебогослужебные беседы, даже такие «отрывочные», как проводились им на броненосце, приносят большую пользу, т. к. ему «случалось примечать возникновение доброго, христианского настроения, пробуждение духовного интереса к книге, к наставлению, вообще к знанию и усвоению истин веры»[987]. Поэтому он стремился «организовать духовные беседы более правильно, так, чтобы присутствовать на них могла по очереди вся команда»[988]. В результате священнослужителю, спустя 8 месяцев после начала внебогослужебных бесед, удалось добиться разрешения проводить их «под именем уроков Закона Божьего»[989]. К сожалению, автор не указывает, в какое время проводились эти занятия и с какой частотой, есть лишь указание на то, что на них могли присутствовать все свободные от корабельных работ матросы. Необычной представляется длительность беседы – полтора-два часа, что является наибольшим показателем из всех известных нам источников. Возможно, такая длительность связана с тем, что беседы стали проводится реже. В любом случае ситуация с проведением бесед на броненосце «Император Александр II» показывает, что инициативный священнослужитель мог не только регулярно проводить частные беседы, но и добиться официального проведения катехизаторских занятий.

В судовом журнале крейсера «Адмирал Нахимов» содержится 2 записи за 1 августа 1893 года, посвящённые одному событию: «2:40 Вызвали обе вахты

---

986 Там же. С. 570.
987 Там же.
988 Там же.
989 Там же.

и нестроевых[990] на ют и началась духовная беседа», «3:35 Духовная беседа окончилась»[991]. По нашему мнению, это уникальный случай. В судовом журнале данного корабля это – единственная запись о внебогослужебной беседе. Однако она не может однозначно свидетельствовать о том, что на этом корабле беседы не проводились. В большинстве случаев, если они проходили, то в свободное от корабельной службы время и не могли быть зафиксированы, т. к. носили частный характер. Исключение представляет описанная выше ситуация с проведением бесед на броненосце «Император Александр II», где они проходили по согласованию с судовым начальством под официальным названием уроков Закона Божьего. Уникальность упоминания связана с уточнением: «вызвали обе вахты». Личный состав кораблей «расписывался» на определённое количество вахт, чтобы посменно нести корабельную службу. Число вахт зависело от количества моряков, и на каждом корабле расписания могли отличаться. Обычно на кораблях 1-го ранга было 3 вахты. Таким образом, на беседу в середине дня было собрано, как минимум, 2/3 личного состава корабля. Чему было посвящена эта встреча, на данный момент выяснить не удалось. В этот момент крейсер «Адмирал Нахимов» находился в океане – совершал переход из Нью-Йорка в Гибралтар[992]. В рапорте командира корабля капитана 1-го ранга В. Лаврова этот день ничем особым не отмечен[993]. Но в любом случае, данный эпизод показывает, что для внебогослужебной беседы, хоть и разово, могло быть выделено 55 минут в служебное время. Для сравнения необходимо отметить, что большая часть богослужений на этом корабле длилось 30 минут[994].

---

[990] К нестроевому составу относились машинисты, кочегары, повара, баталеры и т.п.
[991] РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 17520.
[992] *Сулига С. В.* Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» // Морская коллекция. 1995. № 2. С. 19.
[993] Из рапортов командира капитана 1 ранга В. Лаврова // *Арбузов В. В.* Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». СПб., 2000. С. 68.
[994] Напр.: РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16359. 24 февраля 1891; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 16360. 30 апреля 1891 года.

Однако приведённые выше примеры являются исключением из общего правила, и внебогослужебные беседы на боевых кораблях были редким явлением, о чём свидетельствует не только приведённые в начале параграфа мнения иерея Иоанна Дьяконова или архимандрита Владимира (Гиганова), но и рапорта старших офицеров флота. Так, например, об иеромонахе Андронике, проводившем беседы на броненосном фрегате «Адмирал Грейг», командир пишет: «В продолжении плаваний на судах флота, я редко встречал священника, который простым и ясным словом сумел бы так быстро и полно как отец Андроник заслужить всеобщие симпатии и искреннее уважение всех служащих, и полагаю, что назначение такого священника на одно из судов, отправляющихся в продолжительное дальнее плавание, отозвалось бы весьма благодеятельно на офицеров и команду того судна»[995]. В первой главе уже рассматривались рапорты офицеров Балтийского флота, в которых фиксировалась неспособность иеромонахов исполнять свои обязанности. Уже упоминаемый нами начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал В. С. Сарнавский прямо указывал, что «на корабле при большом составе команды желательно иметь интеллигентного священнослужителя»[996]. В докладной записке благочинный кронштадтских морских церквей протоиерей Иаков Погодин, написанной в августе 1906 года, отмечает, что «необразованные иеромонахи смиренно относятся к шуткам офицеров над собою и религиозными обрядами, понятно, что такие иеромонахи не ведут каких-либо религиозно-нравственных бесед на судах с нижними чинами флота»[997]. Разумеется, были исключения, но как правило это были представители белого духовенства. Так, командир учебного судна «Минин» капитан 1-го ранга А. Г. Петц в 1907 году в письме протопресвитеру писал о судовом священнике

[995] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 217. Л. 208, 208 об.
[996] РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 7. Д. 297. Л. 101.
[997] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5673. Л. 3 об.

Дмитрии Удимове, что тот «вёл духовные беседы и говорил прекрасные проповеди»[998].

Морские офицеры и представители образованного монашества и белого духовенства, служившего на флоте, и считают, что иеромонахи не способны проводить внебогослужебные беседы ввиду своей малообразованности. В подобном ключе высказывался и протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский: «Хуже обстояло дело в составе судового духовенства, где нештатные священники-иеромонахи по своей развитости нередко стояли ниже не только морских офицеров, но и матросов. Бывали, конечно, и исключения, но они не были частыми»[999]. Поэтому в 1911–1912 годах им и была проведена кадровая реформа, в результате которой почти все монашествующие на флоте были заменены на представителей белого духовенства, окончивших преимущественно семинарии и академии, о чём подробно было рассказано в первой главе. За несколько лет до реформы произошло два события, повлиявшие на катехизаторскую деятельность флотского духовенства.

Первым событием, повлиявшим на катехизаторскую деятельность флотского духовенства, стала Первая русская революция (1905-1907 годов). Революция потрясла всё общество, и государство, пытаясь найти инструментарий для его успокоения и предотвращения новых выступлений, традиционно обратилась к Церкви, которая была идейной основой самодержавия, а Синод со дня своего появления – инструментом политической воли императора. Священник был не только духовным пастырем своей общины, но и исполнителем государственных функций[1000]. Особенно важным для государства обеспечение лояльности армии и флота, которые обеспечивают безопасность и устойчивость режима. Поэтому уже в

---

[998] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 5860. Л 190.
[999] *Шавельский Г. И., протопр*. В школе и на службе. М.; Брюссель, 2016. С. 243.
[1000] Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 37.

один из первых дней восстания в Кронштадте (октябрь 1905 года) – военной крепости комендант Кронштадтской крепости генерал лейтенант Т. М. Беляев пригласил к себе всё духовенство, в том числе клириков военных и морских церквей, и «попросил о том, чтобы каждый из них стремился, не ограничиваясь одними только проповедями в церквях, "неустанно беседовать и поучать свою паству, с тем чтобы внести упокоение в умы в скорейшее время"»[1001]. Так духовенство оказалось сразу задействовано в работе по успокоению матросов.

Церковь оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, она не оправдывала надежд государства, и священники быстро стали объектом критики. Их в первую очередь обвиняли в том, что они «безмолвствуют»[1002]. 30 октября 1905 года протопресвитер военного и морского духовенства выступил с проповедью, в которой отвечал на эту критику: «Когда поднялась буря непорядков и бесчинств, почему же пастыри оказались виновнее всех? Почему упреки посыпались на них, что они ни усмиряют, не вразумляют, не укрощают, а молчат? Годами, целыми годами рос этот дух недовольства; проник он в учебные заведения, где никогда его не было слышно, коснулся даже невинных детских душ, а родители, воспитатели, руководители относились к этому движению безучастно или, что ещё хуже, деспотично: они заботились о развитии ума, а сердце и волю предоставили самим себе, оставили без водительства. Разлад во взаимных отношениях членов общества дошёл до последних размеров: не стало ни доверия, ни авторитета. Начали искать виноватых. Их много, и далеко – не одни пастыри. Здесь, пред престолом Бога мира и любви, я не дерзаю никого обвинять: да судит Правосудный Бог!»[1003]. Затем он обратился к военному и морскому

[1001] *Крестьянинов В. Я.* Мятежный Кронштадт, 1905-1917-1921. М., 2017. С. 58.
[1002] *Желобовский А. протопр.* Поучение, сказанное в домовой церкви о. протопресвитера военнаго и морского духовенства 30-го октября // Вестник военного духовенства. 1905. № 23. С. 710.
[1003] Там же. С. 711.

духовенству: «В горьких чувствах о печальных современных событиях призываю собратий-пастырей немолчно, со всяким долготерпением вещать слово Божие, как-бы ни были неблагоприятны условия для его проповедания. Наш долг сеять, а возрасти – дело Божие»[1004].

С другой стороны, духовенство не удовлетворяло и общественным ожиданиям. В годы Первой русской революции «страна переживала не только государственный, но и церковный кризис»[1005]. Внутри Церкви развернулись дискуссии о путях церковной реформы, поместном соборе, восстановлении патриаршества, о различных проблемах духовенства и т. д[1006]. Между тем революционные события ярко продемонстрировали то, что многие представители крестьян и рабочих далеки от религиозности. Об этом свидетельствуют участившиеся случаи оскорбления священников, рост различных антирелигиозных преступлений[1007]. Поэтому усилия священнослужителей и не могли оказать должного воздействия на народные массы. В свою очередь попытки Церкви вести борьбу с антиправительственной и антирелигиозной пропагандой лишь сильнее отталкивало от неё общество.

Возвращаясь к истории флотского духовенства, необходимо отметить, что единственный известный отечественному читателю эпизод, в котором фигурирует клирик, связан с восстанием на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» (июнь 1905 года). Судовой священник броненосца игумен

[1004] Там же. С. 712.

[1005] *Фирсов С. Л.* Православная Церковь между двумя революциями (1905–1917 гг.) // Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II. СПб., 2007. С.133.

[1006] См. напр.: *Корелин А. П., Пушкарева И. М., Королёва Н. Г., Тютюкин С. В., Христофоров И. А.* Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 481-484; *Ореханов Г., свящ*. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002; Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.) СПб., 2002. С. 175–425; *Белоногова Ю. И.* Указ. соч. С. 96-107; *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 364–626.

[1007] *Фирсов С. Л.* Православная Церковь между двумя революциями (1905–1917 гг.) // Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II. СПб., 2007. С. 139–141.

Пармен был избит и едва сумел спастись[1008]. Во многом этот эпизод известен благодаря вышедшему в 1925 году фильму «Броненосец Потёмкин». В нём священник показан карикатурно. Между тем после избиения игумен Пармен вернулся к исполнению своих обязанностей: «причащал раненого старшего врача С. Е. Смирнова, исповедовал и причащал артиллерийского квартирмейстера Г. Н. Вакуленчука, который святые дары "принял с верою". 16 июня был привлечён восставшими к переговорам с военными властями Одессы об организации похорон Г. Н. Вакуленчука. После панихиды по убитому в порту скрылся от матросов и прибыл к командующему Одесским военным округом генералу С. В. Каханову. По докладу начальника штаба Одесского военного округа генерала Д. Н. Безрадецкого в военное министерство, именно от Пармена впервые были получены "более точные сведения" о восстании на броненосце»[1009]. Таким образом, священнослужитель, будучи на тот момент уже почтенного возраста (65 лет), после избиения смог не только исполнять свои должностные обязанности, но и скрыться от матросов и сообщить ценные сведения для властей. В целом же участие флотского духовенства в этих событиях осталось незаметным и в источниках практически не упоминается. Удалось найти лишь два эпизода, относящиеся к событиям Первой русской революции и флотскому духовенству. В них клирики предстают в совсем ином ключе, чем игумен Пармен.

В воспоминаниях П. Е. Стогова о его службе на учебном судне «Память Меркурия» содержится следующий эпизод, относящийся к Севастопольскому восстанию (ноябрь 1905): «В кают-компании мы все были в весьма приподнятом настроении, видя, как вся команда готова с нами защищать Георгиевский флаг и икону-знамя – флаг с брига "Меркурий", которая

[1008] *Шигин В. Д.* Мятеж броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Правда и вымысел. М., 2014. С. 76–77.
[1009] *Кардашев Ю. П.* Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. М., 2008. С. 219–220.

передавалась последовательно на суда, носившие имя "Память Меркурия". Наш судовой священник, в более мирное время всегда напоминавший нам, мичманам, что он штаб-офицер, ибо пристаёт к правому трапу и что за ним нельзя посылать двойку или тузик, как за мичманом, вдруг взмолился: "Отпустите вы меня на берег, зачем я вам нужен, вы люди военные, вам нужно сражаться, а я священнослужитель!" На это заявление мы ответили, что мы будем сражаться, а он отпускать нам грехи, когда мы будем умирать и молиться. "Молитва, она и на расстоянии действует и на расстоянии и грехи отпустить можно", – настаивал священник. Мы единодушно решили, что если он может нести обязанности, не рискуя своей жизнью, то нет причины задерживать его на судно. Через полчаса, на двойку, батя съехал и вернулся только тогда, когда восстание было подавлено»[1010]. Таким образом, судовой священник, согласно описанию автора, проявил трусость и покинул свою паству в самый ответственный момент.

29 октября 1905 года в историческом журнале крейсера «Россия» зафиксирован следующий случай. Команда корабля отказалась петь молитву, и от её лица несколькими матросами была заявлена старшему офицеру претензия, среди пунктов которой первым был следующий: «батюшка ведёт себя не как духовный отец, он постоянно сходит на берег, пьёт и ведёт развратный образ жизни»[1011]. Отсутствие судового священника на молитве – нарушение Морского устава. Тем более, что это был вечер субботы и в это время было желательно служить всенощное бдение. Но примечательно, что критика священнослужителя была первой среди других претензий, не устраивавших матросов. Позже командир крейсера капитан 1-го ранга В. А. Лилье обратился к команде с речью, в которой отметил, что он «с командой солидарен и хотел батюшку просить о том же, о чем просила команда, т. е. о

[1010] *Стогов П. Е.* На старом «Память Меркурия». Воспоминания 1905–6 г.г. // Морские записки 1944. № 4 (Vol. II). С. 312–313.
[1011] РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 181. Л. 17.

присутствии на молитве»[1012]. В результате офицер ловко перевёл разговор с причины (ненравственное поведение священника) на повод (отсутствие священника на молитве). Священник был оставлен на корабле. Оба эпизода показывают клириков не с лучшей стороны и, вероятно, именно поэтому и были зафиксированы в источниках как отклонение от нормы.

Во время событий Первой русской революции Морское ведомство видело обязанностью морского духовенства не только борьбу с антирелигиозной и сектантской пропагандой, но и с антиправительственными высказываниями. Например, в феврале 1905 года в секретной переписке Морского ведомства главный командир Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирал Г. П. Чухнин отмечал: «Одним из главных факторов правильного воспитания команд является духовно-нравственное их развитие в духе Православной Церкви, для чего необходимо не только посещение нижними чинами богослужений, но и широко поставленное ведение нравственно-религиозных бесед в командах для противодействия влиянию разных сектантов, а также, главное, пропаганде противоправительственных агитаторов»[1013]. При этом, ввиду малочисленности береговых и судовых священников, «почти всё количество нижних чинов остаётся не только без должного духовного руководства, но и даже не может посещать богослужения»[1014]. Г. П. Чухнин считал необходимым увеличить штат священников Черноморского флота, чтобы «удовлетворять духовные нужды команд»[1015].

При этом в Морском уставе – главном документе, обозначающем обязанности судового и берегового священника, борьба с антиправительственной пропагандой не упоминается. В уставе священнослужитель представлен исключительно как религиозное лицо. Между тем эту точку зрения разделяли не только морские офицеры, но и

[1012] Там же. Л. 22.
[1013] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 681. Л. 1.
[1014] Там же.
[1015] Там же. Л. 1 об.

представители морского духовенства. Так, в докладной записке благочинного кронштадтских морских церквей протоиерея Иакова Погодина, написанной в августе 1906 года, есть фраза, подчёркнутая, вероятно, протопресвитером военного и морского духовенства Александром Желобовским: «Нельзя же оставить матросов так забытыми, заброшенными, как теперь. Недостаток дисциплины, заброшенность матросов со стороны офицерства и духовенства, на мой взгляд, были главными причинами успеха пропагандистов между ними, открытого бунта, пережитых и теперь переживаемых в Кронштадте и других наших портах»[1016]. Благочинный неподвижных севастопольских церквей Военного и Морского ведомств протоиерей Михаил Золотуха в октябре 1907 года закончил рапорт, в котором уделил много внимания необходимости улучшения положения морского духовенства, следующими словами: «Такое улучшение быта судовых священников, несомненно, привлечёт для службы на корабле лучшие силы из духовенства. Эти то силы мощными влиянием проповеди Слова Божия, личным примером и руководством пастырской мудрости лучше и скорее, чем кто-либо, оградят малых сих из чинов флота от растлевающего развития в современной молодёжи идей революционных, неверия и нравственной порчи»[1017]. Сходных взглядов придерживался и сам протопресвитер военного и морского духовенства А. Желобовский[1018].

В написанной в 1907 году «Инструкции для судовых священников», утверждённой Морским ведомством в 1908 году, вероятно, нашли отражение как взгляды протопресвитера и благочинных, так и морского начальства.

Как уже отмечалось выше, Морской устав, кроме преподавания Закона Божьего «юнкерам и воспитанникам», предписывает священнику излагать «краткие поучения» после богослужений[1019]. Ввиду того, что времени на само

[1016] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5673. Л. 2 об.
[1017] Там же. Л. 15.
[1018] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632. Л. 3.
[1019] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 246, 247.

богослужение зачастую было недостаточно, то на «краткие поучения» его не оставалось вовсе. А если на борту не было «юнкеров и воспитанников», то священнослужители под этим предлогом могли не вести никаких бесед с моряками, считая, что они «обязательны для священников только на учебном корабле»[1020]. В результате на многих кораблях катехизаторскую деятельность клирик не осуществлял вовсе.

В 1908 году с принятием «Инструкции для судовых священников» ситуация изменилась. Её 3-й пункт гласил: «Накануне воскресных и праздничных дней, а также особенно во дни говения команды, он ведёт с нею внебогослужебные собеседования, стараясь при этом приноровиться к её пониманию и потребностям»[1021]. Таким образом, проведение внебогослужебных бесед стало обязанностью судового священника вне зависимости от того, есть на корабле воспитанники или нет. Они должны были происходить не реже одного раза в неделю. Стоит также отметить, что некоторые представители духовенства ещё до написания инструкции отмечали, что канун воскресных и праздничных дней – естественное и удобное время для проведения беседы[1022]. Поэтому можно предположить, что протопресвитер зафиксировал в инструкции мнение этих клириков.

6-й пункт инструкции предписывает священнослужителю следующее: «В свободное же от занятий команды время он входит также в общение с нижними чинами путём частных и отдельных личных собеседований с ними, стараясь узнать настроение каждого члена судовой команды и приобрести её доверие к себе и принимая соответственные нужде меры пастырского воздействия»[1023]. Однако факт того, что здесь речь идёт исключительно о нижних чинах, с которыми священник «входит» в общение и старается узнать

[1020] *Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 334.
[1021] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 20.
[1022] См. напр.: О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 17; *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 279.
[1023] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 20 об.

«настроение» каждого матроса, позволяет предположить, что за этим пунктом стоит не только забота о душеспасении, но и завуалированная обязанность следить за политическими настроениями матросов.

Так или иначе, но принятие в 1908 году «Инструкции для судовых священников» стало вторым, после Первой русской революции, событием, существенно повлиявшим на внебогослужебную деятельность духовенства. В 1911–1912 годах произошла кадровая реформа и на флот пришло много образованных священнослужителей, которые были способны вести беседы, что, по мнению морского начальства и представителей духовенства, должно было стать важнейшим инструментом борьбы с антирелигиозной и антиправительственной пропагандой.

По источникам хорошо прослеживается, что до 1910-х годов внебогослужебные беседы практически не велись. Так, например, не удалось найти ни одного упоминания о них в дневниках, письмах или воспоминаниях, написанных нижними чинами в этот период. В 1910-е годы ситуация несколько изменилась[1024]. Беседы начинают проводить чаще, однако лишь в двух воспоминаниях нижних чинов удалось найти упоминания о них. Д. И. Иванов, бывший в годы Первой мировой войны матросом линкора «Гангут», отмечал: «Священник собирал матросов и говорил с ними о покорности и вечном терпении, о царстве небесном»[1025]. П. Е. Дыбенко, служивший с 1912 по 1915 год на линкоре «Император Павел I», вспоминал: «Без работы не бываешь. Развлекаться некогда и нечем. От поры до времени по указке командира "святому" делу поучали: читали лекции по истории по учебнику Рождественского, рассказывая родословную царей, а иногда и поп "святыми" мучениками угощал да о похождениях Иисуса Христа рассказывал»[1026].

[1024] Напр.: РГА ВМФ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 49. Л. 4 об., 5 об., 3 об. 9 об., 10-11 об.; *Мельников Р. М.* Крейсер «Очаков». Л., 1986. С. 124; *Он же* Крейсер I ранга «Россия» (1895–1922). Самара, 2007. С. 49.

[1025] *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987. С. 39.

[1026] *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1958. С. 21.

Эти воспоминания были написаны в советское время и можно предположить, что они носили заведомо антирелигиозный характер. Но, во-первых, это единственные упоминания в источниках, написанных самими нижними чинами, в которых упоминаются беседы, а, во-вторых, они отражают ту ситуацию, в которую попало флотское духовенство. И до событий Первой русской революции Церковь была идеологической опорой власти. Но после неё поддержка правительства и борьба с революционной пропагандой на флоте стала обязанностью (хоть прямо и не прописанной) для морского духовенства.

Между тем антиправительственная агитация среди матросов набирала обороты. После начала Первой мировой войны на флот попало множество рабочих, что усугубило ситуацию. В свою очередь деятельность флотского духовенства, во многом ставшая формальностью ещё в XIX веке, в 1900–1910-е годы начала всё более политизироваться, что, вероятно, ещё сильнее подорвало авторитет судовых священников. Ведь матросы в начале XX века, в отличие от священников и большинства офицеров, становились всё более «подкованными» в политических темах[1027]. Фактически священники должны были проводить проправительственную пропаганду, но никакой подготовки для проведения политической работы священнослужители не имели. Важно отметить, что эта не исключительно флотская специфика, а общая ситуация для Русской Православной Церкви этого периода[1028]. Но на флоте, особенно из-за не утративших силу сословных по своей природе противоречий между офицерами и матросами, ситуация была наиболее напряжённой. Здесь представляется уместным процитировать слова последнего протопресвитера

[1027] *Грибовский В. Ю.* Личный состав Российского Флота в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Сборник статей «Синдром Цусимы». Цитадель, СПб., 1997. Электронная версия. URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_19/page_26/page_26_004/ (дата обращения 21.06.2023).

[1028] Аналогичным образом, например, действовали клирики, чьё служение проходило в среде рабочих. Подробнее см.: *Грабко М. Е.* Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX в. М., 2017.

военного и морского духовенства Георгия Шавельского: «До революции флот наш блестяще выполнял свою задачу. Но матросская масса представляла котел с горючим веществом, куда стоило попасть мятежной искре, чтобы последовал страшный взрыв. И этот взрыв в самом начале революции последовал и унес он множество жертв»[1029].

Возлагаемую на них обязанность по борьбе с антирелигиозной и антиправительственной пропагандой судовые священники выполнить не смогли, а матросы стали «авангардом революции».

Итак, к концу XIX века сложилось представление о том, что священнику желательно проводить беседы с матросами накануне воскресных и праздничных дней в свободное время личного состава. На практике на большинстве кораблей внебогослужебные беседы не проводились. Это было связано с рядом причин, но главной образованная часть морского духовенства, офицеры и протопресвитер считали малообразованность монашествующих, неспособных к такой деятельности. В 1910-х годах ситуация несколько изменилась на многих кораблях беседы проводились на регулярной основе, однако, ввиду усугублявшегося религиозного кризиса, антирелигиозной и антиправительственной пропаганды, усилия судовых священников были нивелированы.

§ 3. Организация чтений духовной литературы

Как уже отмечалось выше, у малообразованной части монашествующих, прибывшей «из далёких провинциальных монастырей»[1030] и не подготовленной к проведению бесед[1031], необходимость их регулярного проведения вызвала определённые сложности. Архимандрит Владимир (Гиганов) приводит следующее описание того, как подобные

[1029] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 105.

[1030] *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco: Морское издательство при Кают-компании морских офицеров в Сан-Франциско, б. г. С. 90.

[1031] *Владимир (Гиганов), архим*. Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 334.

священнослужители выходили из положения: «брали с собой какую-либо проповедь или брошюрку религиозно-нравственного содержания и читали её матросам в назначенное время для беседы, читали сами или давали кому-либо из матросов, которые разбирая кое-как, почти по складам, поучал дремлющую публику»[1032]. По мнению архимандрита Владимира, подобные «беседы» не приносили реальной духовной пользы, а наоборот «одно лишь обременение»[1033]. На такую ситуацию намекал иерей Александр Касаткин, упоминая, что беседы были «ведены» им «устно, в форме простых рассказов, а не читались по книжке»[1034]. Старший офицер в таких случаях мог предложить «лектору» прекратить беседы, на что тот «с благодарностью соглашается и беседы прекращаются»[1035]. Фактически это означало полную формализацию беседы – мероприятие проводилось, но пользы не приносило, поэтому офицер и мог вмешаться, чтобы никто не тратил время зря.

Практика замены духовных бесед чтениями можно встретить и на судах ДФ. Пароходы этого судоходного общества в мирное время не входили в состав военно-морского флота и, соответственно, жизнь моряков и пассажиров на них не регулировалась Морским уставом. Однако, как уже отмечалось в первой главе, на священника, назначенного на пароход ДФ, который перевозил новобранцев, возлагалось кроме совершения богослужений «ещё занятие с новобранцами, возможно чаще, духовными беседами, поддерживающими хорошее нравственное настроение и бодрость духа, отражающиеся благотворно и на их здоровье»[1036].

Иерей Алексей Ливанский, бывший судовым священником парохода ДФ «Саратов» в 1896 году, отмечает в путевых записках, что ему не удалось устроить на корабле «правильные собеседования», ввиду неудобства

[1032] Там же
[1033] Там же.
[1034] *Касаткин Александр, свящ.* Указ. соч. С. 531.
[1035] *Владимир (Гиганов), архим*. Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 334.
[1036] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 540. Л. 1 об.

«помещений, а также вследствие особых условий морской жизни»[1037]. При этом стоит отметить, что у служившего ранее на этом пароходе в 1894 и 1895 годах иерея Георгия Левитского так же возникали проблемы с организацией бесед. Во время рейса 1894 года, ввиду погодных условий и сложностей распорядка корабельной жизни, беседы для новобранцев организовать не удалось, однако в следующем, 1895 году, несмотря на сложности с помещением, расписанием дня и т. п., беседы были организованы[1038]. Иерей Алексей Ливанский, сменивший его на этом корабле в 1896 году, заменял «правильные» духовные беседы частными беседами и чтением брошюр религиозно-нравственного и исторического содержания[1039]. Причём священнослужитель отмечает, что новобранцы «охотно читали эти брошюры и сами приходили ко мне за "божественной книжкой". Приятно было видеть, как около какого-нибудь грамотея собиралась кучка человек в пять-десять и с интересом слушали, что он читал им вслух»[1040]. Этот эпизод является положительным примером замены беседы на чтение на судах ДФ, которое было хорошо воспринято новобранцами и приносило пользу.

Таким образом, можно предположить, что появление духовных чтений на флоте во многом связано с тем, что ими стали заменять беседы. Однако далеко не всегда чтения проводились в ущерб духовных бесед, вместо них. Иногда духовные чтения шли в гармоничной связи с беседами. По мнению анонимного судового священнослужителя, особенно они были важны для неграмотных моряков, а таковых на флоте было немало[1041]. По его словам,

---

[1037] *Ливанский А., свящ.* Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». (Впечатления и заметки). С. 503.
[1038] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. С. 430.
[1039] *Ливанский А., свящ.* Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». (Впечатления и заметки). С. 503.
[1040] Там же. С. 503.
[1041] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 47.

настоящий священник должен проводить духовные беседы и чтения, даже если таковых «сидящих во тьме» было всего двое или трое[1042].

По мнению иерея Иоанна Дьяконова, во время бесед у моряков нередко пробуждался интерес к духовной книге[1043], и было необходимо удовлетворить их жажду знаний. Многие ведь даже никогда не видели Евангелия и практически не знали его содержания[1044], поэтому перед священником вставала задача ознакомить моряков с текстом, и тогда беседы на новозаветные сюжеты[1045] имели бы качественно другой смысл. По ходу разговора у моряков могло возникнуть желание прочитать определённую литературу, после чего появлялась почва для обсуждения прочитанного со священником[1046]. Некоторые священники практиковали «ежедневные духовные собеседования не со всем экипажем, а с теми, кто желает»[1047]. Подобные «частные собрания», по мнению анонима, лучше вести не в форме беседы, а в виде «религиозно-нравственных чтений»[1048]. Примечательно, что в данной рекомендации вновь присутствует, хоть и в несколько ином контексте, замена духовных бесед на чтения.

Матросы могли по собственной инициативе читать неграмотным[1049]. Но и сам судовой священнослужитель мог советовать, «чтобы грамотные

[1042] Там же. С. 48.
[1043] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 570.
[1044] Там же. С. 570.
[1045] *Владимир (Гиганов), архим*. Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 338.
[1046] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 45; *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 607.
[1047] *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014.С. 201,
[1048] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 41.
[1049] *Ливанский А., свящ*. Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». (Впечатления и заметки). С. 503.

собирали около себя неграмотных и читали бы вслух»[1050]. Но, безусловно, чтения организовывались в первую очередь священнослужителем.

К сожалению, авторы источников, за исключением анонима, не указывают, какая именно литература читалась морякам. Анонимный автор рекомендовал использовать во время вечерних религиозно-нравственных чтений «назидательные повести и рассказы из жизни вообще – в прекрасном и очень доступном журнале "Отдых христианина" и "Воскресный благовест" и в приложениях к журналу "Русский Паломник" и из военной жизни в частности – в "Вестнике военного духовенства"»[1051]. Вероятнее всего читались книги, которые были в судовой церковной библиотеке, организованной священником. А полковыми священниками в армии в годы Первой мировой войны при проведении внебогослужебных чтений рекомендовалось читать «Евангелие, брошюры религиозно-нравственного содержания, Армейский вестник или выдержки из газет»[1052].

Итак, из-за недостаточной подготовки многих священников получила распространение замена внебогослужебных бесед чтениями религиозной литературы. Подобное мероприятие было легко организовать, поскольку достаточно было иметь религиозную книгу. Однако формально организованные чтения могли не только не принести пользы слушателям, но и нанести духовный вред. В свою очередь замена бесед духовными чтениями свидетельствуют о том, что во многом произошла формализация катехизаторской деятельности священнослужителя. При этом в источниках присутствуют и положительный опыт. Он связаны в основном с проведением чтений для небольших групп желающих, а не для большого числа моряков, как

[1050] *Левитский Г., священник.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 532.
[1051] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 42.
[1052] РГВИА. Ф. 2044. Оп.1. Д. 6. Л. 26.

это нередко происходило. Такие чтения могли способствовать пробуждению интереса личного состава к религиозной литературе, а также могли быть полезными для неграмотных матросов. Наилучшим, с точки зрения катехизации моряков, было сочетание внебогослужебных бесед и духовных чтений. Но для этого от священнослужителя требовался определённый уровень подготовки, знание литературы и инициативность.

§ 4. Участие священника в корабельной переписке и обучение грамоте необразованных нижних чинов

Для людей, находящихся в море, вдали от родных берегов, связь с родиной, с семьёй имела чрезвычайное значение. На каждой стоянке моряки, а тем более пассажиры, не привычные к долгим плаваниям, старались написать письма и отправить их любым возможным способом. Если на берегу, возле которого остановился корабль, не было «ни почты, ни телеграфа», то это место считалось «диким»[1053] и не оправдавшим ожиданий команды. Как правило, сообщения отправлялись через почтовые отделения[1054], но при возможности их можно было переправить непосредственно на почтовый пароход[1055], при этом передача сообщений с помощью телеграфа в источниках упоминается достаточно редко[1056].

Письма играли большую роль в жизни команды корабля, а получение почты было тем событием, которое выделялось из череды серых будней. Для неграмотных моряков переписка была особенно сложной проблемой. Такой матрос всегда был вынужден обращаться к грамотным с просьбой прочитать или написать за него письмо на родину. На каждом корабле был один или несколько штатных писарей, к которым в первую очередь и обращались моряки, однако количество писем, которые было необходимо написать,

---

[1053] *Чегодаев-Саконский А. П.* Указ. соч. С. 122.
[1054] *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С. 71.
[1055] Там же. С. 79.
[1056] Напр.: *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 511.

исчислялось сотнями[1057]. С таким объёмом писем писарь, как правило, не справлялся. Важно отметить, что заказчикам нередко хотелось отправить домой не сухое, короткое, однообразное письмо, а яркое, красивое, с различными описаниями и эпитетами, особенно если речь шла о письмах жене или невесте[1058]. Поэтому в матросской среде были востребованы грамотные люди, которые были готовы помочь в написании и прочтении писем. Одним из таких людей мог оказаться судовой священник.

Нижние чины гораздо чаще, чем офицеры, видели в священнослужителе пастыря, с которым можно «поговорить по душам», доверить свои скорби, особенно касающиеся «семейных невзгод», которые он никому другому не стал бы говорить, боясь, чтобы не «подняли его на смех»[1059]. Обращаясь к судовому священнику, моряк мог «рассчитывать на нравственную поддержку и утешение»[1060]. Но подойти к священнослужителю и сразу завести разговор на волнующую тему матросы часто боялись или стеснялись, и поэтому был необходим формальный повод. А так как большая часть информации, особенно семейного характера, приходила посредством почты, то письмо являлось поводом для личной беседы[1061]. Анонимный судовой священник отмечает, что нередко моряк, в случае «щекотливых» вопросов или проблем, связанных с перепиской, боясь «выносить сор из избы», естественным образом обращался с этими просьбами к священнику[1062]. Священнослужитель мог и помочь в написании или прочтении письма, и в личной беседе постараться разрешить проблемы, и утешить в случае трагических вестей, ведь нередко неграмотному моряку, находящемуся в дальнем плавании, писали с целью сообщить весть о смерти родственника.

[1057] РО ИРЛИ. Ф. 500. Оп. 4. Д. 56. Л. 10
[1058] Там же. Л. 9.
[1059] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 45.
[1060] Там же.
[1061] Там же. С. 46.
[1062] Там же.

Кроме того, священник обладал большей свободой перемещения, чем матросы, и мог отправлять письма в тех случаях, когда нижние чины не получали увольнения на берег. А если команда, например, по причине запрета иностранных властей или угрозы взаимодействия моряков с бунтующими рабочими, долго не увольнялась на берег, моряки через священника могли узнавать последние новости. Яркий пример подобного общения описан в мемуарах рулевого крейсера «Олег» А. В. Магдалинского, носящих ярко выраженный антирелигиозный характер. Несмотря на то, что эпизод призван высмеять судового священника, в нём можно почерпнуть важную информацию. Крейсер «Олег» после Цусимского сражения (14–15 мая 1905 года) разоружился в Маниле (Филиппины), а нижним чинам покидать корабль запрещалось. Но иеромонах Порфирий регулярно посещал берег, и матросы обращались к нему после каждой поездки, «чтобы узнать береговые новости»[1063].

На пароходах ДФ священнослужитель мог быть особенно полезен в первую очередь не личному составу судна, а пассажирам. Это связано с тем, что пароходы этого общества из года в год заходили в одни и те же порты. Поэтому судовой священник, хотя бы один раз назначенный на пароход ДФ, уже был знаком с посещаемыми заморскими портами и с тем, как в целом организован процесс передачи писем. Между тем пассажиры были каждый раз новые, и они многое не понимали в окружающем их корабельном мире. Так, например, иерей Георгий Левитский, судовой священник парохода ДФ «Саратов», описывает эпизод с новобранцем, который не знал, как с корабля отправлять письма[1064]. Беседа и разъяснения на этот счёт привели к благим последствиям: «На другой день он является ко мне с приготовленным письмом

[1063] *Магдалинский А. В.* На морском распутье. Ярославль, 1954. С. 130.

[1064] *Левитский Г., священник.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 531.

и весь сияющий и высказывается, что он не мог уснуть всю ночь – так он обрадовался встрече со мной и тому, что я принял в нём такое участие»[1065].

Кроме традиционных личных писем существовал вид переписки, где судовой священник мог быть особенно полезен. Моряки могли состоять в сношениях с монастырями. Так, например, на броненосце «Александр II» нижние чины вели активную переписку с обителями, расположенными на Афоне и в Иерусалиме, а также с Ново-Афонским монастырём. Они регулярно посылали туда пожертвования и в ответ получали не только письма, но и иконы и книги[1066]. Как отмечает судовой священник броненосца И. Дьяконов, после того как из Нового Афона пришли благословения, иконы и книги, матросы отправили туда новые пожертвования, а с иерусалимскими и афонскими монастырями дело обстояло иначе: ввиду того, что в ответ ничего подобного не присылали, «посылка пожертвований туда прекратилась сразу»[1067]. Как мы видим, у матросов, кроме желания пожертвовать, был ещё и расчёт получить что-то взамен. Фактически священнослужитель мог быть посредником: порекомендовать монастырь, помочь составить письмо, но при этом полученные из обителей иконы, брошюры или книги шли лично морякам, а не в состав судовой библиотеки или имущества судовой церкви[1068]. Судовой священник броненосца также приводит пример того, как подобная переписка могла быть толчком для освоения грамоты: «Один матрос, тронутый благословением обители, пожелал сам прочитать присланные листки и для этого принялся усердно за грамоту; и тогда как прежде за 2 1/5 года службы он никак не мог постигнуть грамоты, – теперь он быстро её одолел, сам уже

[1065] Там же.
[1066] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 600.
[1067] Там же.
[1068] Нередко в имущество судовой библиотеки входили не только складной иконостас и богослужебные предметы, но и различные иконы, кресты, пожертвованные личным составом и гостями корабля.

выписал новых книг и всё не нарадовался, что Бог вразумил его чрез св. обитель и что теперь придёт он в деревню грамотеем»[1069].

В указанном выше случае матрос, вероятно, сам смог овладеть грамотой. Но нередко нижние чины просили обучить их грамоте[1070]. Хотя формально на флоте эта деятельность была закреплена за командным составом, священник мог помочь им в обучении нижних чинов и провести индивидуальное занятие с матросом[1071]. Кроме того, могли быть случаи, когда священник непосредственно помогал офицерам во время процесса обучения нижних чинов грамоте. В целом обучение грамоте и какой-либо морской специальности предполагалось в первую очередь в береговом экипаже[1072]. С конца 1850-х – начала 1860-х годов некоторые младшие офицеры, гардемарины и юнкера организуют в Санкт-Петербурге библиотеку для нижних чинов, главной целью которой было просвещение моряков, поэтому в ней проходили различные занятия, лекции и обучение грамоте[1073]. Вскоре аналогичные библиотеки стали появляться в крупных портовых городах. Инициативу поддержало Морское министерство, которое стало выделять им небольшие средства[1074]. Эти меры способствовали увеличению числа грамотных моряков: в 1899 году около половины новобранцев во флоте владели грамотой[1075], а в 1913 году они составляли уже 76%[1076]. Остальные

[1069] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 600.
[1070] Там же.
[1071] Там же.
[1072] Подробнее см.: *Баяндин В. И.* Обучение нижних чинов специальных частей российской армии и флота во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2013. №1. С. 34–35.
[1073] Подробнее см.: *Бочаров А.А.* Обучение грамоте матросов русского флота во второй половине XIX века // Елагинские чтения. Вып. 5. СПб., 2011. С. 122–129.
[1074] *Матвеев М. Ю.* Научные и специальные библиотеки в Российской империи в 1850–1860-х гг // Вестник СПбГУК. 2013. №1 (14). С. 81, 82.
[1075] *Грибовский В. Ю.* Личный состав Российского Флота в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Сборник статей «Синдром Цусимы». Цитадель, СПб., 1997. Электронная версия. URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_19/page_26/page_26_004/ (дата обращения 21.06.2023).
[1076] *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции 1917–1918 гг. М., 2017. С. 20.

нижние чины по тем или иным причинам оставались малограмотными и неграмотными.

Говоря о грамотности, необходимо учитывать следующий факт. Несмотря на то, что по «национальному признаку (полностью или частично) освобождались от [военной] службы ряд народностей Сибири, жители Кавказа, Башкирии, Бессарабии, крымские татары, а также армяне и татары Астраханской губернии»[1077], далеко не все новобранцы армии и флота владели русским языком. Вот как эту ситуацию с армейскими новобранцами, которые перевозились на пароходе ДФ «Владимир», описывает иерей Николай Дьяков: «Из новобранцев следовало на Восток до 200 евреев и поляков; несколько татар совершенно не понимали по-русски, так и несколько же лютеран. Большинство новобранцев состояло из малоросов, тоже не много понимавших по-русски»[1078]. Таким образом, нередко надо было не только научить военнослужащего читать и писать по-русски, но и говорить на понятном для всех языке. Ситуация с матросами была несколько лучше, так как на кораблях становилось всё больше сложного технического оборудования, но всё равно на флоте могло присутствовать немало новобранцев, не владеющих в достаточной мере русским языком.

Если судовое начальство заботилось об уровне образования моряков, то во время плавания организовывались соответствующие занятия[1079]. Однако, ввиду ограниченных временных рамок корабельного распорядка, особенно во время дальних походов, они проходили не регулярно. Вот как описывает Иоанн Дьяконов это занятие на броненосце «Император Александр II»: «батарейная палуба корабля превращается в громадный класс, где несколько десятков человек, под руководством офицеров и грамотных своих товарищей,

---

[1077] *Подлесных А. Р.* Матросский состав российского Императорского флота в XVIII – второй половине XIX вв. // Берегиня.777.Сова. 2011. №2 (9). С. 19.
[1078] РГИА. Ф. 806. Оп 4. Д. 2183. Л. 3 об.
[1079] РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 17523А. Л. 72 об.

бьются над азбукой»[1080]. По мнению священника И. Дьяконова, «не быть там [во время обучения] батюшке – по меньшей мере неловко»[1081]. Клирик относит обучение грамоте нижних чинов священнослужителем к средствам духовного влияния на паству и считает, что желательно, чтобы судовой священник принимал «широкое участие в обучении: заведовал бы командной библиотекой, беседовал бы по поводу прочитанных книг и т. п.»[1082].

Кроме того, по мнению И. Дьяконова, священник мог бы взять на себя обучение конкретного матроса или неграмотных одного подразделения. Но хотя участие священника в образовании «желательно и полезно», фактически вся образовательная деятельность священнослужителя осуществлялась «нелегально, частно, "между прочим"»[1083]. Поскольку «устав-то собственно об этом не говорит, то и деятельность участия в обучении, руководства в чтении книг и т. д., на священника возложена быть не может»[1084]. Следовательно, данная работа, которая была крайне важной для жизни матросов и влияла на «плодотворность пастырского дела», носила неофициальный характер, и священнослужители занимались ею лишь по желанию[1085].

То внимание, которое уделяется И. Дьяконовым обучению грамоте, не случайно. Состояние самого корабля и его личного состава в это время известно из «Отчёта Комиссии главного командира Кронштадтского порта об осмотре броненосца "Император Александр II" после плавания 1896–1901 гг.»[1086]. Согласно данным комиссии, «процент неграмотных и малограмотных на броненосце, вернувшемся из продолжительного заграничного плавания, слишком велик, и вообще видно, что на занятия грамотностью на броненосце

[1080] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 608.
[1081] Там же.
[1082] Там же.
[1083] Там же.
[1084] Там же.
[1085] Там же.
[1086] Отчет комиссии главного командира Кронштадтского порта... С. 84-87.

не было обращено должного внимания»[1087]. Возможно, иерей Иann Дьяконов, наблюдая во время плавания уровень грамотности команды, захотел исправить сложившуюся ситуацию и принял решение поучаствовать в обучении моряков, что и нашло отражение в его воспоминаниях[1088].

На некоторых кораблях, как отмечается в судовых клировых ведомостях за 1914 год, священнослужители «в зимнее время», то есть между плаваниями, преподавали «грамотность всем нижним чинам»[1089]. Однако никаких подробностей об этой деятельности в источниках не содержится.

Таким образом, достойный священнослужитель старался быть внимательным к своей пастве, особенно при поступлении корреспонденции, когда матросы нередко могли «раскрыться»[1090] и прийти к нему за советом. Настоящий пастырь стремился использовать любую возможность, чтобы выслушать матроса, помочь ему во всех затруднениях и духовно «окормить». По возможности священнослужитель мог обучать грамоте как индивидуально, так и группы нижних чинов. В целом работа с нижними чинами носила традиционно частный характер.

Священник на корабле мог исполнять и официальную роль «почтмейстера»[1091]. Например, на яхте «Штандарт» она доставалась священнослужителю «по предложению кают-компании и как бы по наследству от своего предшественника»[1092]. Данная формулировка – очень важный показатель, поскольку кают-компания была автономным институтом[1093], чьё «консолидированное мнение было очень веским и играло

[1087] Там же. С. 87.
[1088] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 608.
[1089] РГИА. Ф. 806 Оп. 12. Д. 171. Л. 2 об.; Д. 172. Л. 2 об.
[1090] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 45.
[1091] *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 535.
[1092] Там же.
[1093] *Манвелов Н. В.* Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота. М., 2008. С. 98.

всегда большую роль»[1094]. И тот факт, что священнослужитель являлся «почтмейстером» по предложению офицеров, показывает уважение и доверие, с которым они относились к нему. Кроме того, назначение на эту «должность» могло было быть связано с тем, что священник, в отличие от офицеров, не нёс вахты и соответственно мог в любое время отправиться на берег. Судовым почтмейстером должен был быть человек ответственный, ведь данная должность подразумевала выполнение определённого круга обязанностей. Судовой священник яхты «Штандарт» Дмитрий Поликарпов описывает их так: «Главная забота по званию "почтмейстера" заключалась в том, чтобы по приходе в этот или иной порт поскорее запастись местными марками и притом так, чтобы их на всё время достало, но при уходе на руках не оставалось, как совершенно бесполезных для нас на следующей стоянке»[1095]. Причём «заведывание иностранными почтовыми марками» могло быть не только в отношении кают-компании, но и всей команды[1096], и здесь действительно требовались определённые способности, особенно на больших кораблях, чтобы снабдить весь личный состав марками и организовать отправку писем до отхода от берега. Но главное, что для исполнения возложенных на него обязанностей священнослужитель контактировал со всем личным составом, знал нужды и проблемы многих, если не каждого, и имел возможность регулярно беседовать и духовно «окормлять» моряков.

Можно было бы полагать, что приведённый выше пример об официальном участии священнослужителя в переписке является исключением. Вполне возможно, что данная практика в России не имела широкого распространения, однако на примере британских капелланов можно увидеть, что духовенство могло принимать активное участие в организации переписки военнослужащих.

[1094] Там же. С. 94.
[1095] *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 535.
[1096] Там же.

Во время Первой мировой войны капелланы подразделений британской армии (British Army) были вынуждены участвовать в переписке в качестве почтальонов и цензоров (Postal officer and Censor)[1097]. Первоначально цензурой писем занимались офицеры, однако с одной стороны, ввиду большого числа писем, они не справлялись с этой работой, а с другой – старались, по возможности, отказываться от этого обременительного труда[1098]. В результате получила широкое распространение практика назначения капелланов на должность полкового цензора. Нередко священнослужитель был вынужден проводить значительную часть своего времени за этим делом, поскольку ежедневно приходилось обрабатывать от 100 до 250 писем[1099].

В Королевском военно-морском флоте Великобритании (Royal Navy) во время боевых действий корабельный капеллан (Navy Chaplain), как и сухопутные коллеги, мог исполнять обязанности цензора (Censor). Подробно деятельность капеллана в качестве корабельного цензора описана в записках преподобного Монтегю Томаса Хайнсселина[1100]. По словам автора, все личные письма, отправленные с корабля, подвергались строгой цензуре, после чего их запечатывали в сумки для почты, «во избежание бездумных порывов, которые могут выдать важную информацию [изложенную в письмах]»[1101]. Если в письмах встречались неподобающие фразы, то цензор вырезал их из письма, так, к примеру, описывает капеллан письмо, отправленное главным старшиной отцу: «Первая страница представляла из себя тонкую полоску

[1097] *Stover E. F.* Up from Handymen: The United States Army Chaplaincy 1865-1920. Vol. 3. Washington, 1977. P. 196.
[1098] *Snape M.* The Royal Army Chaplains' Department, 1796-1953: Clergy under Fire. Woodbridge (USA), 2008. P. 209, 210.
[1099] *Stover E. F.* Up from Handymen: The United States Army Chaplaincy 1865-1920. Vol. 3. Washington, 1977. P.196.
[1100] *Montague T. Hainsselin.* In The Northern Mists: A Grand Fleet Chaplain's Notebook. London, New York, 1916.
[1101] Ibid. P. 5. В оригинале: «in order that no careless expression may chance to give away information of importance».

бумаги сверху и такую же снизу. Середина была щедро вырезана жестокосердным цензором. И это не было одиночным случаем»[1102].

Как отмечает капеллан, проверке подвергались личные письма не только рядового состава, но и офицеров корабля. При этом на корабле было два официальных цензора: он и казначей. Однако, ввиду того, что личный состав корабля превышал восемьсот человек, два цензора не справлялись с возложенной на них работой, поэтому некоторые офицеры вызывались им помогать[1103]. В распоряжении капеллана находился почтальон (messenger), о котором священнослужитель старался заботится.[1104] Сам процесс работы корабельного капеллана с письмами в записках не фиксируется, есть лишь упоминание о почтовой сумке (a mail-bag), которая вначале находилась у священнослужителя, потом у почтальона, а затем пустой возвращалась к преподобному[1105]. Но можно предположить, что письма, написанные моряками, поступали к нему как к цензору, он их прочитывал и цензурировал, затем наполнял ими почтовую сумку и отдавал почтальону.

Письма, прошедшие цензуру, получают специальные штампы. Некоторые из них были именными, благодаря чему возможно установить личность цензора. Некоторые почтовые материалы, прошедшие цензуру капелланов, сохранились в частных собраниях. В личном архиве автора есть несколько подобных примеров. Среди них достаточно редкий конверт (Рис. 7), на котором стоит цензурный штамп, который по классификации М. Гулда (M. H. Gould) относится к типу 3A19[1106].

[1102] Ibid. В оригинале «The first page was represented by a narrow ribbon of paper at the top and similar one at the bottom; the remainder had been cut out bodily by the hard-hearted Censurer! Yet his was not an exceptional case».
[1103] Ibid.
[1104] Ibid. P. 3.
[1105] Ibid. P. 3, 4.
[1106] Gould M. H. *British Naval Post and Censor Marks of the First World War*. 2000. P. 84, 89.

Рисунок 7. – Письмо с штампом капеллана Д. Маккарти[1107]

Это цензурный штамп британского корабельного капеллана (navy chaplain) Джеймса Маккарти (James McCarthy), который во время Первой мировой войны служил на различных госпитальных судах. К сожалению, на конверте мало данных, чтобы его точно датировать. Поскольку гашение с 8-ю линиями начало применяться в 1916 году, то этот конверт можно датировать 1916 или 1917 годом, когда James McCarthy был капелланом госпитального судна «St. Margaret of Scotland»[1108].

Очевидно, что, в отличие от судовых священников РИФ, участие британских корабельных капелланов в переписке в качестве цензоров во многом было недобровольным. Однако назначение на пост цензора именно духовного лица, вероятно, было связана тем, что священнослужитель с одной

[1107] Письмо с штампом военно-морского капеллана Д. Маккарти // Личный архив Сингха С. С.

[1108] Я благодарю П. Хая (Peter High) и Ф. Шофилда (Frank Schofield) за предоставленную информацию.

стороны не заступал на вахту, в этом отношении был более свободен, чем другие моряки, а с другой, это можно связать с тем, что священнослужитель по роду своего служения регулярно общается с людьми, даёт духовные советы, узнаёт тайны и хранит их. Поэтому можно выдвинуть гипотезу: для духовенства, служившего на кораблях, работа с письмами была естественным видом деятельности.

Таким образом, мы видим, что работа с письмами могла быть важным аспектом в служении судового священника: для многих неграмотных матросов священнослужитель олицетворял собой связь с внешним миром, помогал разрешать личные проблемы, а в случае, когда священник был «почтмейстером», он являлся своеобразным символом переписки для всего корабля. Это во многом способствовало сближению с паствой, а поскольку стоянки и прибытие почты были относительно стабильным явлением, у священника появлялась постоянная возможность для бесед и духовного «окормления». Кроме того, переписка могла подтолкнуть неграмотных или малограмотных матросов к изучению грамоты, и священнослужитель мог помочь в этом деле. Также пастырь мог участвовать в общем образовательном процессе на корабле. Но и работа с письмами, и обучение грамоте не были прямыми обязанностями судового священника, и священнослужители проводили эту деятельность лишь по желанию. Участие в переписке, обучение грамоте на кораблях РИФ и судах ДФ проходили примерно в одинаковых условиях. Разница заключалась лишь в том, что на кораблях работа в основном проводилась с моряками, а на пароходах – с пассажирами-новобранцами.

§ 5. Организация судовым священником корабельной библиотеки

Официально судовые офицерские библиотеки появились лишь в 1859 года, хотя ещё в XVIII веке на кораблях РИФ присутствовали книжные собрания офицеров, которые размещались в кают-компании или же «в каютах

командира и старшего офицера»[1109]. Одна из первых известных библиотек находилась на шлюпе «Надежда» и предназначалась для офицеров и учёных, которые на борту этого корабля отправились в Первое русское кругосветное плавание (1803–1806 годы)[1110]. Нижним чинам пользоваться офицерскими библиотеками не разрешалось[1111].

По инициативе отдельных офицеров на некоторых кораблях библиотеки для нижних чинов стали появляться «ещё в начале 1860-х годов»[1112], и к началу XX века для закупки литературы Морским ведомством выделялись некоторые средства[1113]. Однако, по мнению Л. И. Новиковой, эти денежные средства часто разворовывались[1114]. Наиболее известный случай произошёл на броненосце «Орёл» в 1905 году. Вот как его описывает баталёр корабля А. С. Новиков-Прибой: «Из 160 руб., отпущенных казною на приобретение книг для команды этого корабля, употребили в дело лишь сорок с небольшим руб., вернее – только счёт был показан на такую сумму, остальные же деньги где-то присохли. Уже это одно достаточно показывает, как начальствующие заботились о просвещении вверенных им людей»[1115]. В результате, от «библиотеки получить что-либо путного – было бы напрасной мечтой. Если не считать несколько научно-популярных книжонок разных авторов, входивших в её состав, её наполняли ни к чему не нужные буквари и сказки», а также некоторые рассказы Л. Н. Толстого[1116].

[1109] *Манвелов Н. В.* На вахте и на гауптвахте. Русский матрос от Петра Великого до Николая Второго. М., 2014. С. 260.
[1110] Подробнее см.: *Фёдорова О. М.* Книги в просоленных обложках: библиотека шлюпа «Надежда» // Морское наследие, 2015. № 2 (14). С. 72–77.
[1111] Напр.: ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358. Л. 12 об.
[1112] *Манвелов Н. В.* На вахте и на гауптвахте. Русский матрос от Петра Великого до Николая Второго. М., 2014. С. 260.
[1113] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 43.
[1114] *Новикова Л. И.* Военно-морские библиотеки России: история формирования и развития фондов: XVIII – первая четверть XX вв.: автореферат дис. … к. пед. н. СПб., 2007. С. 22.
[1115] *Новиков-Прибой А. С.* Что и как читали матросы? // Российский некрополь: сайт. URL: http://www.necropol.org/novikov-priboy.html (дата обращения 21.06.2023).
[1116] Там же.

Слова А. С. Новикова-Прибоя подтверждаются воспоминаниями матроса Г. П. Сотникова, посвящённые плаванию крейсера «Аврора» в 1903–1906 годах. Примечательно, что эпизод о библиотеке присутствует и в рукописи[1117], и в опубликованной в 1937 году статье[1118] с некоторым отличием. В рукописи автор рассказывает о библиотеке следующим образом: «На "Авроре " была библиотека, в которой были небольшие брошюры, например, "Робинзон Крузо", "Бова-Королевич", "Илья Муромец" и прочие, и их читали не все. Ещё была офицерская библиотека в кают-компании, но книг из неё матросам не давали»[1119]. В опубликованном варианте описание библиотеки почти дословно совпадает с рукописью, однако отсутствует предложение об офицерской библиотеке и есть одно существенное дополнение. Перечисляя книги матросской библиотеки, автор отмечает: «но и таких книг многие читать не могли, так как были неграмотны» [1120].

В свою очередь священнослужитель, должен был заботиться о литературе для своей паствы. Ответственный священнослужитель, вступая в обязанности судового священника, старался выяснить все имеющиеся проблемы команды, особенно он интересовался «досугом» нижних чинов, и одним из важнейших вопросов для него было наличие или отсутствие матросской библиотеки. При отсутствии таковой священнослужитель старался как можно быстрее исправить данное положение[1121]. Анонимный автор отмечает: «ввиду особенного духовного склада русского народа, вполне понятно и неоспоримо преимущество духовной библиотеки для команды пред светской»[1122]. Но, возможно, это было связано со сложностями финансирования и с тем, что на кораблях не было лица, отвечавшего за организацию библиотеки и чтения.

[1117] ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358. Л. 12 об.
[1118] *Сотников Г. П.* Из прошлого // Северный колхозник. 1937. № 145. С. 1.
[1119] ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358. Л. 12 об.
[1120] *Сотников Г. П.* Из прошлого // Северный колхозник. 1937. № 145. С. 1.
[1121] *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 530.
[1122] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 43.

Здесь важно отметить, что библиотеки организовывались священником исключительно для нижних чинов, ведь в кают-компаниях были хорошие книжные собрания, а сами офицеры могли легко приобрести необходимую литературу.

Судовые священники отмечали не только желание русского человека почитать или послушать «книжку»[1123], но и любовь многих матросов «к чтению Слова Божия и душеполезных книг»[1124]. И кто, как не клирик, должен был заботиться о подборе достойной литературы для паствы. Кроме того, в условиях корабельной жизни не все нижние чины могли присутствовать на беседах и чтениях[1125]. Очевидным восполнением «общих духовных бесед и частных религиозно-нравственных чтений» было «самостоятельное чтение командой «душеспасительных» книг»[1126]. Чтение, наряду, например, с пением[1127] и разговорами[1128], было традиционным времяпрепровождением команды в свободное время. У некоторых грамотных матросов были и собственные книги, например, Новый Завет и книги «патриотического содержания»[1129], и они самостоятельно посвящали свободное время чтению[1130]. Но поскольку свои книги были далеко не у всех членов команды, а среди них отмечался большой интерес к вопросам веры[1131], нижние чины обращались к судовому священнику, который мог во время плавания

[1123] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 531.
[1124] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 599.
[1125] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 42.
[1126] Там же. С. 42.
[1127] *Граф Г.* Моряки… С. 39.
[1128] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 42.
[1129] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895 // Вестник военного духовенства. 1896. № 14. С. 431.
[1130] Там же. С. 432.
[1131] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 42.

производить закупки «евангелий, молитвенников, житий святых, путеводителей по святым местам»[1132].

По мнению анонимного автора, под руководством священнослужителя «каждый матрос может самостоятельно заняться разъяснением для себя заинтересовавших его вопросов»[1133] в свободное время посредством чтения. Иерей Иоанн Дьяконов раскрывает это «руководство» глубже, считая важным чтобы священнослужитель заведовал «командной [матросской] библиотекой» и проводил беседы по прочитанными книгам[1134]. Стоит отметить, что, по мнению анонимного автора, члены команды могли читать не только в свободное время (например, после вечерней молитвы и перед сном[1135]), но «иногда и при самом исполнении некоторых несложных обязанностей, не требующих постоянного и неуклонного внимания к себе», т. е., например, «во время стоянки на якоре» и т. д.[1136] Именно для таких целей, по мнению анонимного священнослужителя, на каждом корабле было желательно иметь «духовную» библиотеку[1137].

Однако было ещё одного обстоятельство, которое могло способствовать появлению судовых церковных библиотек. За оборотом и хранением любых печатных изданий, рукописей и писем на флоте, особенно в военное время, следили и органы военной цензуры. При обнаружении или при подозрении на хранение и распространение «преступных изданий» проводилось расследование Уголовными отделениями 1-го Департамента Министерства юстиции[1138]. Ввиду революционных событий 1905 года и последующих восстаний на флоте в 1905–1907 годах цензурный надзор за личными книгами

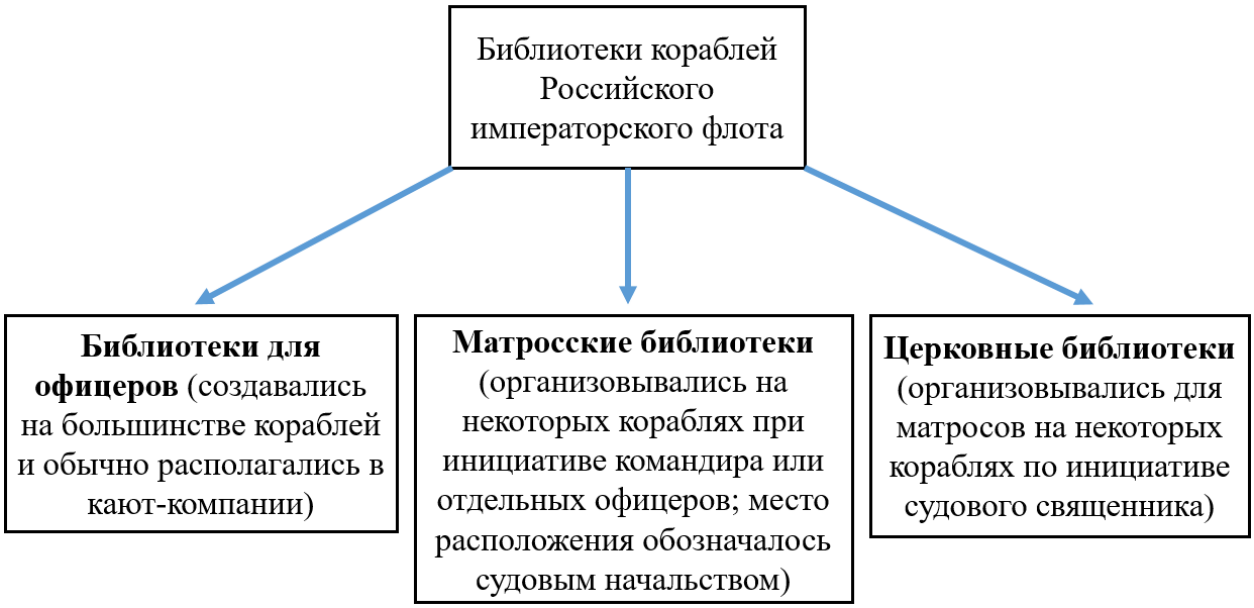
[1132] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 599.
[1133] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 42
[1134] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 608.
[1135] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 43.
[1136] Там же. С. 42.
[1137] Там же. С. 43.
[1138] См. напр.: ГАРФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 1342. Л. 1, 2.

и корабельными библиотеками ужесточился. Личные собрания книг нижних чинов и матросские библиотеки и до этих событий были скудными, а теперь разрешался лишь узкий круг литературы, определявшийся на каждом корабле судовым начальством. Например, на «крейсере 1 ранга "Аскольд", который в 1908 г. находился во Владивостоке, матросам категорически запрещалось чтение газет и журналов. Из книг допускалось лишь "Житие Святых", специальные издания об особах царствующего дома, рассказы о морской службе»[1139]. В связи с этим церковная библиотека, с точки зрения судового начальства, могла быть более выгодной, чем светская.

Таким образом, на кораблях РИФ кроме личных книжных собраний могли находиться библиотеки трёх видов: библиотеки для офицеров, существовавшие на большинстве кораблей, библиотеки для матросов, которые иногда организовывались и существовали в жёстких рамках цензуры, и церковные библиотеки, организуемые по инициативе священнослужителя. Схематически корабельные библиотеки РИФ можно изобразить следующим образом:

Схема 2. Библиотеки кораблей Российского императорского флота

[1139] *Панченко А. М.* Судовые офицерские и матросские библиотеки // Российскому флоту быть! Материалы обл. науч.-истор. конф. (Новосибирск, 17 нояб. 2006 г.). Новосибирск, 2007. С. 130.



Из «Отчёта Комиссии главного командира Кронштадтского порта об осмотре броненосца "Император Александр II" после плавания 1896–1901 гг.»[1140] известно, что на нём существовала унтер-офицерская[1141] библиотека, организованная «при частном содействии» командира корабельного соединения и командиров броненосца (на протяжении плавания на корабле сменилось три командира)[1142]. Книжный фонд библиотеки пополнялся «периодическими изданиями, которые выписывались ежегодно унтер-офицерами, при материальной помощи командира [корабля]»[1143]. Это единственный известный нам случай организации библиотеки для унтер-офицеров, который произошёл лишь благодаря деятельному участию высокопоставленных офицеров флота.

Создание судовой церковной библиотеки начиналось с закупки литературы. Разумеется, опытный судовой священник при назначении на корабль, предвидя традиционную ситуацию с отсутствием литературы

[1140] Отчет комиссии главного командира Кронштадтского порта об осмотре броненосца «Император Александр II» после плавания 1896–1901 гг. // *Арбузов В. В.* Броненосец «Император Александр II». СПб., 1997. С. 84–87.
[1141] Унтер-офицер – звание младшего командного состава в Российском императорском флоте. В общем делении личного состава унтер-офицеры относились к нижним чинам.
[1142] Отчет комиссии главного командира Кронштадтского порта... С. 84–87.
[1143] Там же.

«религиозно-нравственного содержания», мог заранее «запастись» таковой[1144]. Но, как правило, священнослужитель лишь после назначения на корабль и ознакомления «с делами» выяснял состояние дел в библиотеке, а нередко наличие или отсутствие её как таковой[1145], степень её укомплектованности и востребованности[1146]. И уже после выхода в море приходил к выводу о необходимости создания библиотеки или дополнительной закупки тех или иных книг. В этом деле большую помощь священнослужителю мог оказать командир корабля. По мнению анонимного автора, «каждый командир, радеющий о духовных нуждах своей команды, придёт на помощь своему священнику в делах открытия судовой духовной библиотеки для команды»[1147].

Как уже было сказано выше, для закупки литературы Морским министерством выделялись средства[1148]. Чаще всего они предназначались для пополнения фондов «светской» библиотеки[1149], однако часть средств могла пойти и на литературу для духовной библиотеки[1150]. Но подобные траты не были обязательными. Командир мог не пойти на выделение средств для духовной библиотеки, а «светская библиотека» могла и вовсе отсутствовать, что свидетельствует либо об отсутствии интереса нижних чинов к нецерковной литературе, либо о нежелании командного состава заниматься организацией библиотеки и решать связанные с нею проблемы. Так или иначе, средств на закупку литературы могло не быть. Священнослужитель, разумеется, мог закупать книги на собственные деньги или изыскивать иные

[1144] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. С. 430.
[1145] *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 530.
[1146] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 599.
[1147] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 43.
[1148] Там же.
[1149] Там же.
[1150] Там же.

способы. Например, «употребить на это суммы, ассигнуемые на "церковные книги и ноты"»[1151]. Кроме того, очевидным выходом являлось использование для пополнения библиотеки денежных сумм, вырученных с продажи свечей и из «кружки (при судовом образе) для доброхотных пожертвований»[1152]. Кроме того, помощь священнослужителю нередко оказывал протопресвитер армии и флота. Например, в 1896 году он снабдил пароход «Саратов» литературой религиозно-нравственного и исторического содержания[1153].

Для подбора духовной литературы священнослужителю рекомендовалось пользоваться специальными каталогами, например, «Каталог магазина духовных и других книг И. Л. Тузова»[1154]. Это был ежедневный каталог, в котором публиковались актуальные на этот год религиозные публикации, выпущенные издательством знаменитого книгоиздателя И. Л. Тузова. Однако было бы неверным утверждать, что «выписывалась» литература исключительно духовного и религиозно-нравственного содержания. Иерей Георгий Левитский, например, перед плаванием закупил литературу «религиозно-нравственного, патриотического, исторического и бытового содержания»[1155].

В отличие от ситуации, сложившейся с организацией библиотек на пароходах ДФ (см. ниже), положение на кораблях была несколько лучше. Так, например, иерею Александру Касаткину, судовому священнику крейсера «Герцог Эдинбургский, не пришлось лично заниматься закупкой литературы: книги и брошюры для религиозно-нравственного чтения были выписаны «по

[1151] Там же.
[1152] Там же. С. 44.
[1153] *Ливанский А., свящ.* Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». (Впечатления и заметки). С. 503.
[1154] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 43.
[1155] *Левитский Г., священник.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 532.

моей просьбе и моему указанию»[1156]. Перед отплытием броненосца «Александр II» в 1896 году «для чтения команды было приобретено до 130 книг религиозно-нравственного содержания»[1157]. Стоит отметить, что численность личного состава данного броненосца составляла 616 человек (31 офицер и 585 нижних чинов)[1158]. Соотношение численности моряков с количеством закупленной литературы может свидетельствовать либо о недостаточной заинтересованности команды, либо, что на наш взгляд вероятнее, с недостаточностью финансирования. К сожалению, священник Иоанн Дьяконов не сообщает, на какие средства были приобретены данные 130 книг. По заявлению командира броненосца капитана 1 ранга М. А. Броницкого (за время дальнего плавания это был третий командир корабля), при отплытии броненосца на организацию библиотеки для команды «по неизвестной ему причине, [денег] требовано не было»[1159]. Возможно, первый из трёх командиров корабля капитан 1 ранга К. П. Никонов не счёл нужным запрашивать средства для этой цели. Впоследствии, во время плавания, по словам капитана 1 ранга М. А. Броницкого, «на этот предмет сумм не выделялось»[1160]. Поэтому, можно предположить, что книги были закуплены священнослужителем из средств, выделенных на «церковные принадлежности».

К сожалению, в источниках, как и в вышеописанном случае, практически не содержится данных о количестве книг в судовых библиотеках, а если такая информация и присутствует, то не представляется возможным сказать, что именно и по сколько экземпляров каждого наименования было куплено. Что в конечном счёте не позволяет оценить, насколько полной и разнообразной по содержанию получилась та или иная библиотека.

[1156] *Касаткин А., свящ.* Указ. соч. С. 530.
[1157] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 569, 608.
[1158] *Бережной С.С.* Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки. М., 1997. С. 24.
[1159] Отчет комиссии главного командира Кронштадтского порта... С. 87.
[1160] Там же.

Библиотека, как правило, располагалась в каюте священнослужителя. В первую очередь это было связано с практическими соображениями: если разместить библиотеку в каком-либо ином помещении, например, «в жилой палубе», то приходилось бы назначать «определённое время для выдачи книг»[1161], что в свою очередь стесняло бы как команду, так и священника. Вероятно, вместо пастыря библиотекарем мог быть назначен член команды, однако в источниках данные о таковых не встречаются. Кроме того, размещение библиотеки в каюте священнослужителя вполне соответствовало Морскому уставу, по которому судовой священник получал отдельную каюту по соседству с помещением для команды, «дабы быть доступнее к ней»[1162]. Но размещение библиотеки в каюте священнослужителя было необходимо и для другой цели.

Исходя из распорядка корабельной жизни, наиболее удобным временем посещения библиотеки для большинства членов команды был промежуток «после ужина до вечерней молитвы и даже после молитвы до отхода ко сну, т. е. с 7 до 10»[1163]. Однако сама возможность прийти в библиотеку в другое время была очень важной для многих моряков.

По мнению анонимного автора, получение книг в библиотеке было удобным поводом для того, чтобы побеседовать со священником наедине[1164]. Однако в случае, «если выдача книг производится в определённое для всех время»[1165], то побеседовать «по душам» не удавалось, ввиду очереди, поскольку человек «не захочет навлекать на себя подозрений своей секретной продолжительной беседой на виду у всех»[1166]. В свою очередь

[1161] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 44.
[1162] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 373.
[1163] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 45.
[1164] Там же.
[1165] Там же.
[1166] Там же.

священнослужителю необходимо быть чутким и бдительным, чтобы, например, если читатель «не спешит уходить и смущённо стоит на одном месте, нужно спешить в таком случае на помощь и навстречу его готовящейся "исповеди", завести разговор о его «домашних», избегая прямо и сразу затронуть "больное место"»[1167]. Но стоит подчеркнуть, что анонимный священнослужитель, опираясь на собственный опыт, подаёт информацию в виде рекомендации пастырю, а не только приводит пример. У остальных авторов выдача книг как повод для беседы не фигурирует.

Как правило, непосредственно работа библиотекаря состояла в подборе литературы, её выдаче и приёме[1168]. Однако на каждом корабле ситуация складывалась по-разному. Например, на пароходе «Саратов», перевозившем новобранцев, в работе с литературой помогали фельдфебели[1169]. Однако, к сожалению, далеко не все священнослужители были способны стать библиотекарями. Так, по мнению архимандрита Владимира (Гиганова), при недостаточном образовании представители чёрного духовенства, составлявшие большинство судовых священников, нередко считали, что «та или другая книга достойна внимания потому, что она религиозного содержания, хотя под своим внешним покровом проводит христианские идеи в искажённом виде; а если известная какая-либо книга по внешней форме изложения не имеет религиозного вида, хотя и проводит высокие христианские идеи, презирается ими как нечто соблазнительное и безнравственное»[1170]. Следовательно, подобный священнослужитель при выборе книги мог принести не столько пользу, сколько вред.

[1167] Там же.

[1168] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. С. 430.

[1169] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 532.

[1170] *Владимир (Гиганов), архим*. Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 336.

Ещё более яркий пример негативного участия судового священника в организации матросского чтения содержится в статье А. С. Новикова-Прибоя[1171]. Автор, описывая скудность судовой библиотеки броненосца «Орёл» на 1905 год, отмечает: «Правда беллетристический её отдел украшали некоторые совершенно невинные рассказы Л. Толстого (изд. "Посредника"), но, к несчастью, они попались на глаза к священнику, о. Паисию, который, увидев в них, как он выразился, «антихристово учение», упросил командира выкинуть их за борт, что и было сделано…»[1172]. Конечно, данный эпизод можно было бы считать примером советской антирелигиозной пропаганды, однако статья была написана в 1909 году, а среди морского духовенства действительно присутствовали малограмотные священнослужители. Поэтому можно предположить, что данный эпизод вполне мог иметь место и показывает, какой ущерб мог причинить необразованный судовой священник не только просвещению матросов, но и авторитету Церкви.

Но есть и положительные примеры. Так командир учебного судна «Минин» капитан 1-го ранга А. Г. Петц в августе 1907 года писал протопресвитеру, что священник Удимов «обучал грамоте нижних чинов, заведовал [их] библиотекой, которую с большим умением дополнил, вёл духовные беседы и говорил прекрасные проповеди»[1173].

Организация библиотек и работа с литературой на пароходах ДФ имела свою специфику, схожую с организацией на них церковного хора. На пароходах, как правило, не было постоянных библиотек. В начале каждого рейса священнослужителю приходилось её организовывать, а к концу рейса – раздавать литературу пастве (в первую очередь, новобранцам) «на память»[1174].

[1171] *Новиков-Прибой А. С.* Что и как читали матросы? // [Электронный ресурс]. URL: http://www.necropol.org/novikov-priboy.html (дата обращения 14.05.2020).
[1172] Там же.
[1173] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 5860. Л 190.
[1174] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 532.

Причём, как правило, её организация, в отличие от библиотеки на корабле[1175], лежала всецело на священнослужителе. Если была возможность, клирик закупал литературу за счёт средств, отпущенных Военным ведомством на «церковные принадлежности»[1176]. Но зачастую в основу библиотеки ложились личные книги священнослужителя[1177], а также подобранные[1178] и купленные за его счёт[1179] до и во время плавания.

Нередко единственным человеком, кто мог помочь ему в создании библиотеки, был протопресвитер военного и морского духовенства[1180], поскольку тот лично назначал на корабли и суда священнослужителей[1181] и старался принимать посильное участие в их службе. Стоит отметить, что за один рейс раздавалось до 1000 экземпляров книг, брошюр и иконок[1182]. Кроме своей корабельной паствы священник мог оставлять книги и русским, находящимся недалеко от мест, где останавливался пароход. Например, иерей Алексей Ливанский, судовой священник парохода «Саратов», оставил книги «в госпиталях Адена и Сингапура для русских больных, находившихся на излечении»[1183]. Следовательно, поскольку пароходные библиотеки, как правило, были временным явлением, они преимущественно состояли из брошюр и небольших книжечек. В отличие от корабельной, состоявшей, как правило, большей частью из книг.

[1175] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 43.
[1176] РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 777. Л. 1.
[1177] *Ливанский А., свящ*. Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». С. 503.
[1178] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. С. 430.
[1179] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 531.
[1180] *Ливанский А., свящ*. Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». С. 503.
[1181] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. С. 427.
[1182] *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1895. С. 429.
[1183] *Ливанский А., свящ*. Священник на пароходе Добровольного флота «Саратов». С. 503.

Иерей Георгий Левитский, три года служивший судовым священником на пароходах ДФ и в каждом рейсе сопровождавший новобранцев, отмечает, что «весьма полезно иметь на пароходах, на которых обыкновенно бывает отправка солдат, постоянные небольшие библиотеки, тем более, что при существовании массы дешёвых популярных изданий, особенно религиозно-нравственного характера, на это не потребуется больших затрат, да и самая библиотека не потребует особого помещения»[1184]. Стоит отметить, что на пароходе «Саратов», где в 1895 году служил иерей Георгий Левитский, в 1896 году, когда на нём служил иерей Алексей Ливанский, ситуация не изменилась: священник по-прежнему сам занимался литературой, библиотеки так и не было, и каждый раз всё приходилось делать заново[1185].

При наличии «фундаментальной библиотеки», достаточного количества книг и большого числа грамотных членов команды могли организовываться дополнительные передвижные «библиотеки-читальни»[1186]. Разумеется, «читальни», как и закупка литературы, появлялись лишь при выявлении интереса к книгам со стороны нижних чинов[1187]. Устройство «читален», по мнению анонимного автора, было связано с тем, что одни матросы «затрудняются брать большую книгу, боясь не «одолеть» её; другие – как это ни странно и ни прискорбно – стесняются или боятся из ложного стыда перед священником и товарищами, а, пожалуй, и просто ленятся идти к нему за книгой; третьи, наконец, просто не имеют времени для чтения и находят, что «не стоит» брать книг»[1188].

[1184] *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 532.
[1185] *Ливанский А., свящ*. Священник на пароходе Добровольного флота «Саратов». С. 503.
[1186] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 46.
[1187] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 599.
[1188] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 46.

Традиционно устроителем читальни был священнослужитель, однако иногда получалось и иначе. Так на броненосце «Александр II» закупленные перед отплытием книги быстро «разошлись по рукам». И «правильное пользование» книгами в режиме библиотеки так, как это обычно происходило на кораблях, оказалось невозможным (вероятно, в этом была вина и самого священнослужителя). Но нижние чины сами проявили инициативу, и «с разрешения командира на корабле организована была матросская читальня»[1189]. Данный эпизод показывает, что чтение действительно играло немалую роль в жизни нижних чинов, раз они смогли организовать читальню самостоятельно.

Однако обратимся теперь непосредственно к самим «читальням». «Подвижные читальни» были изобретением полкового протоиерея Евлампия Якиманского[1190]. Это были небольшие, «локальные» библиотеки, расположенные в наиболее удобных для читателей местах, чтобы предоставлять матросам возможность читать «в тот свободный час, который окажется в его распоряжении и в который у него явится охота почитать»[1191]. «Читальни» представляли собой «рамы со вставленными в них газетами и журналами»[1192] и были созданы для того, чтобы «брошюры не рвались и не трепались»[1193]. Кроме литературы, которую традиционно выписывали для судовой библиотеки (Евангелия, молитвословы, жития святых и т. д.[1194]), по мнению анонимного автора, «полезно выписывать, если позволяют условия

[1189] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 569.
[1190] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 46.
[1191] Там же. С. 46.
[1192] *Жукова Л. В.* Военное духовенство и благотворительность в годы русско-японской войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Т. 2. № 21. С. 166.
[1193] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 46.
[1194] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 599.

плавания, один-два общедоступных духовных журнала»[1195]. Оптимально она «должна состоять преимущественно из небольших книжечек и брошюр религиозно-нравственного содержания»[1196]. При этом литературу «каждую неделю следует менять, чтобы заохотить читателя»[1197].

По мнению анонимного судового священнослужителя, лучше всего было «класть книжки у образных киотов»[1198], которые «хорошо и даже необходимо иметь <…> в каждом отделении жилой палубы»[1199]. Причём данное расположение читальни было не только удобным, но и символичным: «таким образом, отсюда изливался на живущих здесь не только свет неугасимой лампады, но и «свет Христов, просвещающий всякого человека» через хорошую книгу»[1200]. В том же месте могло располагаться различное церковное имущество, но чаще оно хранилось в каюте священнослужителя[1201]. Таким образом, при наличии у команды желания, священнослужитель и корабельное начальство нередко шло навстречу пожеланиям моряков, и организовывались «читальни», что делало для нижних чинов литературу более доступной, а регулярная замена ассортимента могла пробудить в читателях дополнительный интерес.

В 1910-е годы ситуация с корабельными библиотеками начала постепенно улучшаться. В 1911 году Морское ведомство решило изменить политику в отношении книг на кораблях: в четыре раза увеличилось количество средств на покупку литературы «на одного нижнего чина на

[1195] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 47.
[1196] Там же.
[1197] Там же.
[1198] Там же.
[1199] Там же. С. 46.
[1200] Там же. С. 47.
[1201] См. напр.: *Ливанский А., свящ.* Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». С. 500; *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе добровольного флота «Саратов» весною 1894 г. С. 531.

морскую кампанию» (20 копеек вместо пяти), и «было решено выделять на каждом вновь строящемся крупном корабле помещение под книгохранилище»[1202]. Поэтому в 1910-х годах на многих кораблях РИФ появились библиотеки, но, как правило, это были лишь единицы флота, находившиеся в заграничном плавании. Современный историк Д. А. Бажанов так описывает ситуацию с корабельными библиотеками к 1914 году: «при участии корабля в заграничном плавании, на офицерскую и командную библиотеки выделялось от 350 до 500 руб., в зависимости от численности экипажа, во внутреннем плавании – рассчитывать можно было только на береговые, находившиеся при Морских собраниях, в экипажах или береговых ротах»[1203]. При этом выделяемых денег было всё равно недостаточно, книжные собрания оставались скудными, к офицерским библиотекам нижние чины так и не допускались, а судовое начальство, по цензурным соображениям, не позволяло свободно закупать литературу и прессу[1204]. Таким образом, организация судовых библиотек для матросов зачастую носила случайных характер[1205], что в конечном счёте предопределило высокую заинтересованность нижних чинов в чтении и распространении нелегальной литературы[1206].

[1202] *Манвелов Н. В.* На вахте и на гауптвахте. Русский матрос от Петра Великого до Николая Второго. М., 2014. С. 260.

[1203] *Бажанов Д. А.* Судовые библиотеки на кораблях Балтийского флота в годы Первой мировой войны // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 17 марта 2018 г. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов. СПб., 2017. С. 70.

[1204] Подробнее см.: *Бажанов Д. А.* Судовые библиотеки на кораблях Балтийского флота в годы Первой мировой войны. С. 69–77.

[1205] *Панченко А. М.* Судовые офицерские и матросские библиотеки // Российскому флоту быть! Материалы обл. науч.-истор. конф. (Новосибирск, 17 нояб. 2006 г.). Новосибирск, 2007. С. 131.

[1206] *Бажанов Д. А.* Судовые библиотеки на кораблях Балтийского флота в годы Первой мировой войны // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 17 марта 2018 г. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов. СПб., 2017. С. 74.

Протопресвитер военного и морского духовенства Александр Желобовский, занимавший эту должность в 1890–1910 годах, поддерживал начинания полковых и корабельных священников касательно создания библиотек в сухопутных и морских подразделениях. Но эта деятельность никак не регламентировалась, не существовало специального пособия или свода рекомендаций для клириков Ведомства военного и морского духовенства, желавших организовать библиотеку. Первым шагом к изменениям в этом направлении произошли в 1908 году, когда была приятна «Инструкция для судовых священников», пункт 7 которой гласил, что для «укрепления тех религиозных начал, которые судовой священник насаждает в команде, он заботится об устройстве для неё церковной библиотеки и заведует ею»[1207]. Теперь организация церковной библиотеки стало обязанностью судового священника.

Ситуация существенно изменилась в начале 1910-х годов с приходом на должность протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского, а также кадровой реформы 1911–1912 годов, в результате которой на флот пришло много образованных священнослужителей. Им была организована специальная комиссия, которая определила круг литературы, которую Ведомство рекомендовало для чтения офицерам и нижним чинам. Комиссией были изданы каталоги книг, рекомендованных для военных и морских церковных библиотек[1208]. При этом известен как минимум один случай, когда книга в каталог была добавлена, исходя из финансовых соображений. Книга священника Григория Цитовича «Храмы армии и флота»[1209] сейчас является библиографической редкостью и ценнейшим источником по истории военных и морских церквей Российской империи.

[1207] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 684. Л. 20 об.

[1208] *Панченко А. М.* Классификация военных библиотек русской армии // Библиосфера. 2015. № 1. С. 36.

[1209] *Цитович Г., свящ.* Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. Пятигорск, 1913. В 2 ч.

Однако на момент её публикации в 1913 году она совершенно не пользовалась спросом, а автор, поскольку издал её за своё счёт, понёс существенные убытки. Весной 1914 года священник Григорий в письме протопресвитеру жаловался, что даже Санкт-Петербургские соборы не приобрели его издание[1210]. Поэтому протопресвитер Георгий Шавельский решил рекомендовать эту книгу к включению в новый каталог, её реклама неоднократно помещалась на страницах Вестника военного и морского духовенства[1211]. Кроме того, протопресвитер настоятельно рекомендовал эту книгу клирикам «для выписки в церковные библиотеки»[1212].

В целом, можно полагать, что судовые священники неплохо себя зарекомендовали в качестве организаторов библиотек. Особенно после кадровой реформы, когда большая часть должностей заняли образованные клирики. Однако на каждом корабле ситуация могла кардинально различаться, что нашло отражение в клировых ведомостях судовых церквей. Например, в 1914 году на крейсере «Громобой» корабельная церковная библиотека состояла из «20 томов», в церковной библиотеке линкора «Слава» не было книг вовсе, на линкоре «Цесаревич» – «139 томов», на линкоре «Император Павел I» – «147 томов», а на линкоре «Андрей Первозванный» церковная библиотека состояла из «50 томов»[1213]. К сожалению, клировые ведомости многих кораблей РИФ не сохранились, но и приведённые выше данные показывают, что в 1910-е годы судовая церковная библиотека была распространённым явлением. Однако в приведённых случаях библиотечные фонды были крайне скудными, особенно учитывая численность потенциальных читателей. При этом, вполне вероятно, что на многих кораблях церковные библиотеки стали формальностью. Ведь с 1908 года их организация

[1210] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8942. Л. 434.
[1211] Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 1, 2, 3, 4,13–14, 17, 18, 24. (Нумерация на страницах с рекламой отсутствует)
[1212] Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 2. С. 86.
[1213] РГИА. Ф. 806. Оп. 12. Д. 168. Л. 2 об.; Д. 170. Л. 2 об.; Д.171. Л. 2 об.; Д. 172. Л. 2 об.; Д. 173. Л. 2 об..

– обязанность священника, но относились к ней клирики по-разному. Показательна вышеприведённая запись из клировой ведомости линкора «Слава»: церковная библиотека есть, а книг в ней нет.

В источниках неоднократно фигурирует информация о том, что в 1910-е годы судовые священники заведовали командными библиотеками, то есть не церковной, а содержащей различную литературу. Так на линейном корабле «Андрей Первозванный» была читальня и библиотека, которой судовой священник Дмитрий Андреев «заведует, внимательно наблюдая за самим чтением команды, в необходимых случаях давая соответствующие указания и руководя выбором чтения»[1214].

В отчете за 1916 год благочинный 2-й бригады крейсеров Балтийского флота священник Иоанн Спицын упоминает, что все находившиеся в его подчинении судовые священники обучают грамоте матросов и заведуют командной библиотекой[1215]. В состав корабельного соединения на тот момент входили: «Громобой», «Диана, «Аврора» и «Россия»[1216]. Иерей Иоанн Спицын был судовым священником крейсера «Россия», а в его подчинении находилось 3 священника. Следовательно, все 4 священника бригады крейсеров были библиотекарями командных библиотек. Однако нельзя назвать эту ситуацию нормой для всех кораблей РИФ. Вероятно, ситуация, сложившаяся на данных кораблях, была связана с личностью благочинного. Священника Иоанна можно назвать профессиональным библиотекарем, поскольку он имел соответствующий аттестат, и в делопроизводственных материалах он даже упоминался как «исполняющий должность заведующего командной библиотекой»[1217].

[1214] *Архангельский В., прот.* Обозрение о. Протопресвитером военного и морского духовенства Г. И. Шавельским судовых церквей Балтийского флота и военно-морских Прибалтийского края // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 15–16. С. 563.
[1215] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 24 об.
[1216] Там же. Л. 1.
[1217] РГА ВМФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 151. Л. 30.

Сохранилась даже его библиотекарская отчётность, что является уникальным случаем. Согласно отчёту, который был составлен иереем Иоанном в качестве библиотекаря командной библиотеки крейсера «Россия», к 1 января 1913 года библиотечный фонд состоял из 1238 книг[1218]. В течение 1913 года библиотека пополнилась 240 книгами, 55 были потеряны, 45 пришли в негодности ввиду ветхости. Итого к 1 января 1914 года библиотечный фонд насчитывал 1378 книг[1219]. Священник отмечает, что в журнале учёта книг за год было сделано около 4000 записей о выдаче книг[1220]. 55 книг, указанные потерянными, были не возвращены матросами в библиотеку. Священнослужитель жалуется командиру корабля на это обстоятельство и приводит поимённый список матросов, не вернувших литературу, а также перечисляет названия книг. Среди них, например, были: «Отцы и дети», «Собрание сочинений Толстого», «Война и мир», «Тайные чудеса Божьего мира», «Австралия», «Адмирал Нахимов», «Патриарх Никон», «Среди мумий», «Самоучитель эсперанто», «Шинель» и «Вокруг света»[1221]. Этот список, отчасти, показывает круг интересов некоторых матросов.

Наибольшей популярностью среди нижних чинов, по словам библиотекаря, пользовалась беллетристика: романы, повести, рассказы. Этот раздел, считал иерей Иоанн, необходимо пополнить[1222]. Также матросы любили читать журналы: «Природа и люди», «Витязь», «Свет», «Русское чтение, «Знамя», «Кронштадтский вестник», «Колокол», «Миссионерское обозрение» и другие[1223]. Кроме того, клирик привлекал матросов к чтению следующим способом: «После каждой прочитанной мною лекции по отечественной истории ко мне всегда обращаются нижние чины с просьбой рекомендовать им книгу, в которой они могли бы сами прочитать и как бы

[1218] Там же. Л. 31 об.
[1219] Там же.
[1220] Там же.
[1221] Там же. Л. 55–56.
[1222] Там же. Л. 32.
[1223] Там же.

удостовериться в слышанном на лекции»[1224]. В результате у нижних чинов повышался интерес к военно-исторической и патриотической литературе[1225]. Из этих жанров любимыми книгами были: «Князь Серебряный», «Война и мир», «Богдан Хмельницкий» и «Юрий Милославский»[1226]. По словам священника, отдел «книг религиозно-нравственного содержания также имеет своих читателей»[1227]. Из них наибольший интерес вызывала литература о мучениках первых веков, объяснения богослужения и нравоучения Православной Церкви[1228]. Была и ещё одна категория, интересовавшая матросов, – учебники по общеобразовательным предметам[1229]. Таким образом, командная библиотека крейсера «Россия» в 1913 году содержала около 1200-1300 книг различного содержания. В это время личный состав корабля насчитывал, не считая священника, 911 человек: 45 офицеров и 866 нижних чинов[1230]. Поскольку офицеры не пользовались командными библиотеками (во всяком случае упоминания о таких случаях отсутствуют), то читателями были 866 нижних чинов – это примерно полторы книги на моряка. По словам библиотекаря книги, брали около 4000 раз, что говорит о высоком интересе матросов к литературе и о потенциале этого направления внебогослужебной работы священнослужителя с личным составом. Кроме того, отец Иоанн Спицын, буду благочинным, вероятно, ратовал за то, чтобы на всех кораблях бригады были организованы библиотеки, и он как профессионал своего дела мог оказывать своим подчинённым компетентную помощь в библиотечном деле.

В 1912 году во время посещения кораблей Балтийского флота протопресвитер Георгий Шавельский, осмотрев читальню и библиотеку

[1224] Там же. Л. 32–32 об.
[1225] Там же. Л. 32.
[1226] Там же.
[1227] Там же.
[1228] Там же.
[1229] Там же. Л. 33.
[1230] *Мельников Р. М.* Крейсер I ранга «Россия» (1895–1922). Самара, 2007. С. 50.

линейного корабля «Андрей Первозванный», которой заведовал иерей Дмитрий Андреев, высказал пожелание, «чтобы и на других кораблях священники заведовали командной библиотекой»[1231]. Однако благочинный иерей Александр Щеглов «доложил, что при всем желании духовенства осуществить это не всегда возможно, т. к. г.г. офицеры не хотят считаться с мыслью, что это – естественное дело пастыря, а чаще всего устраняют священника от этой обязанности»[1232]. Таким образом, если до кадровой реформы флотского духовенства священники зачастую не были организаторами и заведующими корабельных библиотек ввиду малообразованности, то теперь – ввиду сопротивления морских офицеров.

Итак, подводя итог разделу, можно утверждать, что на кораблях РИФ ситуация с организацией библиотек для нижних чинов была достаточно печальной. Судовое начальство, как правило, не считало нужным заниматься этим вопросом, поэтому часто светская библиотека для нижних чинов на корабле отсутствовала, и если библиотека организовывалась священнослужителем, то она оказывалась единственной. Она устраивалась при наличии интереса со стороны нижних чинов, проявлении инициативы священнослужителя и поддержке командного состава. Однако такие случаи представляются скорее редкостью, чем общераспространённой практикой. Ситуация начала несколько улучшаться в 1910-х годах, когда и Морское ведомство, и протопресвитер стали уделять библиотечному делу больше внимания. На многих кораблях были церковные библиотеки, а также известно, что в это время как минимум на пяти кораблях РИФ существовали командные библиотеки, которыми заведовали священнослужители. Подобные библиотеки до 1910-х годов размещались в каюте священнослужителя, что было удобно как для духовенства, так и для команды. Кроме того, подобное

[1231] *Архангельский В., прот.* Обозрение о. Протопресвитером военного и морского духовенства Г. И. Шавельским судовых церквей Балтийского флота и военно-морских Прибалтийского края. С. 563.
[1232] Там же.

размещение и нефиксированное время выдачи книг предоставляло возможность священнослужителю ближе познакомиться с личным составом. Где размещались библиотеки, которыми заведовали священники, в 1910-х годах установить не удалось, но можно предположить, что они оставались там же. Не менее важной была возможность создавать судовые читальни, которые играли немалую роль в просвещении команды и делали литературу доступнее для команды. Церковная библиотека на корабле РИФ носила более постоянный характер, чем на судах ДФ. На пароходах дело было поставлено по-иному: постоянные библиотеки отсутствовали, однако большинство пассажиров-новобранцев получали в подарок брошюры религиозно-нравственного содержания. Однако в целом работа по устройству библиотеки на корабле требовала от священнослужителя знания литературы и образованности, иначе клирик мог не только не способствовать просвещению моряков, но и навредить. Возможно, из-за наличия инцидентов, в которых священники-библиотекари проявили себя не с лучшей стороны, в 1910-е годы духовенство столкнулось с тем, что офицерство могло не допускать их до библиотекарской деятельности.

§ 6. Организация экскурсий и паломнических поездок

Корабли РИФ посещали различные порты всего мира, и представители морского духовенства, по возможности, отправлялись на берег, в том числе осмотреть окрестности и полюбоваться природой. Священник, как правило, путешествовал либо самостоятельно, либо в компании офицеров[1233]. Ярким примером такого судового священнослужителя-путешественника является архимандрит Сергий (Страгородский), бывший в 1891–1892 годах судовым священником крейсера «Память Азова». Во время посещения крейсером различных городов и бухт Китая и Японии он активно общался с местными

[1233] *Поликарпов Д., свящ.* Указ. соч. С. 535–536.

жителями и европейскими миссионерами[1234], что, вероятно, способствовало накоплению опыта для его дальнейшей миссионерской деятельности.

Некоторые судовые священники стремились не только сами путешествовать, познавать новые страны, их природу, достопримечательности, но и приобщать к этому свою паству, в первую очередь нижних чинов, ведь офицеры были вполне самостоятельны и регулярно путешествовали сами.

Но так как судовой священник в первую очередь лицо духовное, то экскурсии носили, как правило, характер паломничества. Однако, поскольку целью этих поездок было не только посещение христианских святынь, но и расширение кругозора матросов, священнослужитель стремился дать им представление об архитектуре, природе, жизни разных народов, о событиях отечественной и всемирной истории. Поэтому данное направление работы можно отнести к просветительской деятельности.

Необходимо отметить, что для клириков из отдалённых провинций, как и для большей части матросов, приезд в города, где базировался Балтийский или Черноморский флоты, был также необычным явлением. Так, например, матрос линейного корабля «Гангут» Д. И. Иванов вспоминая о том, как он ехал на военную службу, заметил: «Были среди нас рабочие, большинство же – крестьяне из глухих деревень, никуда доселе не выезжавшие: паровоза и того не видели»[1235]. Поэтому и самим священникам, и нижним чинам было интересно посетить достопримечательности и святыни России. В связи с этим организацию поездок условно можно разделить исходя из местоположения посещаемых объектов:

1) направленные на посещение святынь и достопримечательностей, расположенных недалеко *от места базирования*;

[1234] Подробнее см. *Сергий (Страгородский), архим.* Указ. соч. С.245–283.
[1235] *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М., 1987. С. 6.

2) предполагающие посещение достопримечательностей *во время плаваний*.

Необходимость организации экскурсий и паломнических поездок не фигурировала ни в Морском уставе, ни в «Положении» 1890 года, ни в других документах и была исключительно инициативой духовенства. Участие нижних чинов в поездках было на добровольной основе[1236], упоминаний об их принудительности на данный момент обнаружить не удалось. Организация поездок в первую очередь должна была согласовываться со статьёй 974 Морского устава: нижние чины должны возвращаться из увольнения не позже «вечерней зари»[1237]. Поэтому было необходимо выбирать объекты для осмотра относительно недалеко от места стоянки корабля. Именно расстояние, как правило, было критерием, по которому давалось разрешение на проведение поездки.

Организация поездки к объекта, *расположенным у мест базирования*, начиналась с рассказа священнослужителя о святынях и достопримечательностях[1238]. Как правило, это происходило либо во время воскресной проповеди, либо в отдельной внебогослужебной беседе. В основном, больший упор в рассказе был именно на церковную проблематику, а главной задачей было заинтересовать моряков. После чего определялись желающие, священник обговаривал с судовым начальством (старшим офицером или командиром) подробности поездки и получал разрешение на её проведение. В группу, обычно, назначался «для надзора» унтер-офицер[1239], а если группа превышала 50 человек, то, согласно ст. 973 Морского устава, в её состав должен быть назначен офицер[1240]. Но как правило, группы были

[1236] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 49.
[1237] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 370.
[1238] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 49.
[1239] Там же. С. 50.
[1240] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 370.

небольшие[1241]. Анонимный священнослужитель отмечает, что «лучше всего, если священник с группой желающих в воскресный и праздничный день сам отправится туда и будет руководить командой при осмотре, сопровождая оный надлежащими пояснениями на месте»[1242]. Из этого упоминания становится возможным предположить, что не все экскурсии, организованные священником, проводились им самим.

Экскурсии проводились чаще всего в Санкт-Петербурге (Балтийский флот) и Севастополе (Черноморский флот) и их окрестностях. В Санкт-Петербурге основными местами для поездки были: Казанский, Исаакиевский, Петропавловский соборы, Александро-Невская лавра и т. п. Кроме святынь объектами посещения могли быть и светские достопримечательности: «памятники, музеи и дворцы»[1243]. В Севастополе группами посещались «Владимирский храм на могилах 4-х адмиралов» (В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, М. П. Лазарева и В. И. Истомина), а также «Братское кладбище» с храмом и местом погребения защитников города, павших в Крымскую войну (1853–1856)[1244]. Но наибольший интерес для проведения поездок представляли монастыри, расположенные в окрестностях Севастополя: Херсонесский, Бахчисарайский Успенский, Георгиевский Балаклавский и Инкерманский. Последний был особо почитаемым, поскольку по преданию именно здесь проходили молитвенные подвиги Климента Папы Римского, у входа в эту скальную обитель располагался небольшой музей, а сами окрестности монастыря «обильно орошены кровью славных защитников Севастополя»[1245]. Например, в этот монастырь в 1912 году на третий день

[1241] *Миляновский Ф., свящ.* Из Севастополя // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 9. С. 348.
[1242] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 49.
[1243] Там же. С. 50.
[1244] Там же. С. 49.
[1245] *Миляновский Ф., свящ.* Из Севастополя // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 9. С. 348.

Пасхальной седмицы была организована большая паломническая поездка судовых священников и моряков с разных кораблей Черноморского флота. После литургии, совершённой в главном храме монастыря, паломники посетили английское и французское кладбища[1246]. Судовое начальство охотно разрешало совершать поездки во все вышеуказанные монастыри, кроме Бахчисарайского Успенского[1247]. Вероятно, это связано с тем, что он расположен значительно дальше остальных.

По мнению анонимного священнослужителя, такая поездка полезна для нижних чинов, поскольку «доставит "им и духовное утешение, и скромное развлечение, и освежит их после недельного сидения на судне»[1248]. Сама формулировка «после недельного сидения» может свидетельствовать о наличии практики еженедельных поездок, однако на данный момент других упоминаний об этом найти не удалось.

Организация *экскурсий во время плаваний* требовала от священнослужителя особой подготовки. Священнику было желательно иметь общее представление о странах, народах, их культурах в портах, куда планировались заходы корабля и передать эти знания матросам.

Сохранилась теоретическая рекомендация, содержащаяся в статье[1249] анонимного священнослужителя в Вестнике военного духовенства в 1905 году: «При заходе в другие иностранные порта не мешает знакомить команду с народностью той страны, её религией, нравами, обычаями, денежными знаками и рекомендовать то, что заслуживает осмотра в этом порте»[1250]. Пример подготовки к экскурсии, произведённой на практике, упоминается в

[1246] Там же.
[1247] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 49.
[1248] Там же. С. 50.
[1249] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 11–18, № 2. С. 41–51
[1250] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 50.

записках протоиерея Романа Медведя, опубликованных в 1914 году в «Вестнике военного и морского духовенства»[1251]. Священнослужитель был настоятелем вышеупомянутого Свято-Владимирского адмиралтейского собора (именно там расположены могилы четырёх адмиралов) и благочинным береговых команд Черноморского флота, поэтому можно предположить, что он был знаком с материалами, публикуемыми в «Вестнике» и знал о рекомендациях анонимного священника. В апреле 1914 года, отправляясь в качестве судового священника в небольшое заграничное плавание на крейсере «Алмаз», протоиерей Роман, узнав об иностранных портах, которые планирует посетить корабль, подготовился основательным образом. Для будущего рассказа он решил воспользоваться техническим оборудованием: взял с собой «несколько серий световых картин[1252], содержание которых так или иначе касалось тех мест, мимо которых нам надлежало проезжать, особенно же о Константинополе и Афинах»[1253]. То есть рассказ, предваряющий экскурсию, был мероприятием, запланированным ещё до плавания.

Плавание яхты планировалось до Греции и обратно, то есть проливы Босфор и Дарданеллы проходились судном дважды. На обратном пути был возможен заход в Константинополь[1254]. Протоиерей решил рассказать о Константинополе и расположенных там святынях на пути в Грецию: «К заходу солнца мы вышли в Архипелаг[1255]. После ужина я решил устроить для команды чтение о турках, Константинополе и св. Софии»[1256]. Вероятно, священник предполагал сделать чтение отрывков из книги или книг,

---

[1251] *Медведь Р., прот*. Путевые впечатления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 15–16. С. 572–575; № 17. С. 611–617; № 18. С. 641–643.
[1252] Вероятно, речь идёт о диапроекторе.
[1253] *Медведь Р., прот*. Путевые впечатления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 15-16. С. 572.
[1254] Официально переименование в Стамбул произойдёт в 1930 году.
[1255] Южные Эгейские острова.
[1256] *Медведь Р., прот*. Путевые впечатления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 15-16. С. 575.

сопровождая повествование «световыми картинами». Но в первый раз это мероприятие прошло не совсем удачно: «Много времени ушло на приспособление фонаря и его установку. Моя просьба всё приготовить заблаговременно не была исполнена, а потому и чтение было кратко»[1257]. А чтения, организованные на следующий день во время стоянки в порту Пирей, прошли успешно: «Тридцать картин промелькнуло незаметно. Матросы сожалели, что наступил конец так скоро. Но дольше продолжать чтение было нельзя, так как наступило время молитвы. Рассказы о св. Софии произвели на матросов должное воздействие, и они стали просить меня, чтобы на обратном пути, если мы остановимся в Константинополе, я бы с ними отправился в эту знаменитую христианскую святыню. Я обещал, если начальство разрешит и если их пустят на берег. "С Вами то непременно пустят", сказали они, и были правы»[1258].

Действительно, «съезд на берег» нижних чинов в иностранных портах был под особым контролем судового начальства. Комендор крейсера «Аврора» Г. П. Сотников, рассказывая о заграничном плавании, отмечает: «За каждую небольшую провинность на берег не отпускали по месяцу и более»[1259]. При увольнении на берег в иностранном порту, согласно статье 974 Морского устава, «с нижними чинами всегда отправляется офицер»[1260]. Судовой священник по статусу был близок к офицеру и, следовательно, группа во главе с ним могла посетить берег для проведения экскурсии. Священнослужитель обладал большими знаниями, чем матрос, ведь он специально знакомился с историей и культурой страны посещения. И, как утверждает анонимный автор, во время заморских поездок «непосредственное руководство священника своими паломниками – матросами гораздо необходимее, чем на родине»[1261].

[1257] Там же.
[1258] Там же.
[1259] ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358. Л. 1.
[1260] Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 370.
[1261] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 50.

На обратном пути крейсер «Алмаз» сделал заход в Константинополь, и священника с матросами «пустили в св. Софию». К сожалению, в записках нет подробностей самой поездки, кроме упоминания, что все матросы, отпущенные на берег со священником, «возвратились на корабль вовремя, никто не загулял»[1262]. Протоиерей Роман отмечает, что для него «это паломничество было сплошною отрадою»[1263].

Итак, можно утверждать, что протоиерей Роман Медведь, заранее предусмотрел возможность проведения экскурсии, подготовил оборудование и отрывки текста, смог заинтересовать моряков и успешно провёл её, что может служить хорошим примером такого вида деятельности.

Кроме святынь Константинополя, по сведениям анонимного священника, поездки для нижних чинов могли организовываться священнослужителями в монастыри Старого и Нового Афона и в Иерусалим[1264]. Поэтому не случаен тот факт, что именно с этими монастырями матросы нередко состояли в переписке[1265].

В связи с заморскими экскурсиями нельзя не упомянуть любопытный случай, произошедший в октябре 1893 года во французском порте Тулон. В то время происходило важное внешнеполитическое событие – оформление союза между Россией и Францией. Александр III направил в Тулон эскадру под командованием контр-адмирала Ф. К. Авелана, что должно было продемонстрировать сближение России и Франции. Эскадра состояла из броненосца «Император Николай I», крейсеров «Память Азова», «Адмирал Нахимов», «Рында» и канонерской лодки «Терец». 1 октября 1893 года русская эскадра вошла на рейд Тулона. Её приход был встречен французами с восторгом: нашим морякам был устроен торжественный приём, а праздничные

[1262] *Медведь Р., прот*. Путевые впечатления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 15-16. С. 575.
[1263] Там же.
[1264] О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 50.
[1265] *Дьяконов Г., свящ.* Указ. соч. С. 599.

гуляния в их честь продолжались несколько дней. Множество французов хотели посмотреть русские корабли, и моряки с удовольствием проводили им экскурсии. Одним из добровольных экскурсоводов стал уже упоминавшийся иеромонах Авель (Иванов)[1266]. Здесь необходимо отметить важную деталь: иеромонах попытался провести экскурсию для гостей на французском языке, который тот изучал самостоятельно во время плавания[1267]. Контр-адмирала Д. В. Никитин в мемуарах отмечает, что, когда отец Авель показывал гостям крейсер «Адмирал Нахимов», выяснилось, что его знания во французском невелики[1268]. Связанный с этим комический эпизод даёт крайне любопытную информацию. Показ корабля гостям – не редкость, но обычно этим занимались моряки, а данный эпизод – единственный известный автору случай, когда экскурсию по кораблю проводил судовой священник.

Вопрос о языке немаловажен для организации экскурсий в заграничных плаваниях. Но за исключением упомянутого эпизода проблема языка в связи с экскурсиями в источниках не фигурирует. Поэтому можно лишь предполагать привлечение при организации экскурсии местных гидов или сотрудников русских консульств.

Единственное упоминание в источниках, которое можно рассматривать как организацию экскурсии для нижних чинов не духовным лицом, связано с греческой королевой Ольгой Константиновной, супругой короля Георга I, урождённой российской великой княжной, внучкой Николая I. Она с особым вниманием и заботой относилась к российскому флоту, «прежде всего любила его личный состав: матросы были предметом её особого попечения, не только потому, что они были матросами, а главным образом потому, что это были

[1266] Подробнее об этом эпизоде см.: *Сингх С. С.* Судовой священник крейсера «Адмирал Нахимов» иеромонах Авель (Иванов): штрихи к портрету // Златоустовские чтения: Сборник докладов историко-богословской научно-практической конференции. М., 2019. С. 27-37.

[1267] *Никитин (Фокагитов) Д. В.* В отлива час. Морское издательство при Кают-компании морских офицеров в Сан-Франциско, б.г. С. 98.

[1268] Там же. С. 99.

русские крестьяне [курсив в тексте], простые люди, которых королева знала и любила с детства»[1269]. Ольга Константиновна часто приглашала моряков к себе во дворец, одаривала их подарками. Причём особого внимания удостаивались именно простые матросы[1270]. В воспоминаниях комендора крейсера «Аврора» Г. П. Сотникова упоминается о том, как в 1903 г. во время празднования Рождества королева посетила корабль, некоторых членов команды взяла с собой в Афины, где показала им свой дворец и вручила каждому моряку по медному кресту на шею[1271].

Важно отметить, что, как и в предыдущих видах деятельности, изложенных в этой главе, организация экскурсий не входила в обязанности судового священника. Это мероприятие мог организовать любой офицер корабля, но вероятно, как и в случае с библиотекой, командный состав, состоявший из дворян, не видел смысла в организации каких-либо поездок для нижних чинов. Между тем даже поездка к ближайшим от места базирования объектам могла оказать большое влияние на развитие личности моряков. Дело в том, что большая часть матросов, бывших подчас неграмотными или малограмотными провинциальными крестьянами, за годы службы на флоте, даже находясь в заграничных плаваниях, нередко кроме военных баз и портов с прилежащими районами могли ничего и не увидеть. Командный состав кораблей имел больше финансовых возможностей и, в отличие от нижних чинов, мог свободнее перемещаться в заграничных портах. Офицеры регулярно отправлялись на различные приёмы, путешествия по округе, охоту, рыбалку и т. д. Можно предположить, что священник, всё же более близкий к простому матросу, чем офицер, если он был настоящим пастырем, радеющим о пастве, мог стремиться исправить эту ситуацию, а заодно и способствовать развитию религиозности матросов. Крестьяне, воспитывавшиеся

[1269] *Гаршин М. Ю.* Королева эллинов Ольга Константиновна. Прага, 1937. С. 29.
[1270] Там же. С. 35, 36.
[1271] ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358. Л. 23.

преимущественно в христианских семьях, как правило, не раз слышали, например, о Святой земле, Афоне и других святынях, но у среднестатистического жителя Российской империи практически не было шанса их посетить. Да и различные достопримечательности, расположенные в столице или Крыму, также могли представлять большой интерес для простых моряков.

Однако стоит отметить, что в источниках информация о данной деятельности встречается достаточно редко, что может свидетельствовать о том, что мало кто из священнослужителей имел желание заниматься организацией столь сложного мероприятия. Ведь матросов надо было заинтересовать, продумать поездку и во время неё отвечать за то, чтобы никто из нижних чинов «не загулял» и они все вовремя вернулись на борт.

Экскурсии позволяли нижним чинам познакомиться с особенностями природы разных регионов, быта разных народов, достопримечательностями, известными святынями своего вероисповедания, что вероятно, позволяло скрасить тяжёлую, однообразную работу на корабле и приобрести массу новых впечатлений. Этому ещё способствовало то, что в условиях жёсткой корабельной дисциплины все поездки, организованные священником, носили добровольный характер.

***

Подводя итог главе, отметим, что практика обучения Закону Божьему и проведения бесед и чтений позволяет увидеть тенденцию к формализации *катехизаторской деятельности* судовых священников. Закон Божий, за редким исключением, преподавался только на учебных судах воспитанникам и ученикам и проходил в форме внебогослужебных бесед. На остальных кораблях беседы зачастую отменялись или заменялись чтениями, которые нередко сводились к простому чтению вслух священнослужителем или матросом «дремлющей публике» проповедей или брошюр. Однако если священнослужители ответственно подходили к делу катехизации личного

состава, то организовывали беседы на темы, как правило, предусмотренные курсом Закона Божьего. В некоторых случаях (например, ввиду особенностей корабельного распорядка или недостатка судовых помещений) беседы заменялись заранее подготовленными чтениями, которые могли способствовать духовному просвещению нижних чинов. После Первой Русской революции, утверждения в 1908 году «Инструкции для судовых священников» и кадровой реформы 1911 года ситуация с катехизацией начала несколько улучшаться: на большинстве кораблей регулярно проводились внебогослужебные беседы, но поскольку после Первой русской революции на флотское духовенство была возложена борьба с антиправительственной пропагандой, катехизаторская деятельность постепенно политизировалась, что не могло положительно отразиться на восприятии судовых священников многими матросами.

Все виды *просветительской деятельности* способствовали сближению священнослужителя с паствой. Особенности морской службы предоставляли внимательному пастырю множество возможностей для расширения кругозора матросов, повышения уровня их образования, для организации такого досуга, который способствовал бы их духовному и культурному просвещению. При этом любое направление просветительской деятельности давало морякам повод ближе познакомиться со священнослужителем и доверить ему свои переживания. Ведь многие нижние чины либо из-за нехватки времени, либо из-за нерешительности не обращались к судовым священникам. Все виды просветительской работы священнослужителя были направлены исключительно на простых моряков. При этом важно отметить, что обучать грамоте, работать с письмами, организовать судовую матросскую библиотеку или экскурсию для нижних чинов – всем этим мог заниматься любой офицер. Но, как правило, офицеры не считали нужным этим заниматься, за исключением обучения грамоте. Возможно, они даже не видели в этой работе смысла, ведь на кораблях продолжало сохраняться чёткое разделение на

командный состав и нижних чинов. Поэтому священник, будучи, как правило, не дворянином, был ближе к матросам, чем офицер. Это открывало перед флотским духовенством большие возможности не только для просветительской деятельности, но и пасторской работы в целом. Необходимо достаточно аккуратно относиться к словам священнослужителей о том, что моряки «охотно» читали религиозную литературу и участвовали в паломнических поездках. Это могло быть связано не только с религиозностью простых матросов, но и с отсутствием у них альтернативы. Каждый из рассмотренных видов просветительской деятельности требовал от священнослужителя определённого уровня знаний. Многие представители чёрного духовенства, которые до реформы 1911 года составляли большую часть судовых священников, сами были малообразованны и не были способны вести просветительскую деятельность. Кроме того, эта работа не входила в круг обязанностей священника, поэтому даже хорошо образованный священнослужитель мог её не проводить. Можно утверждать, что судовой священник, радеющий о своей пастве, всегда находил способы для её просвещения, духовного развития, катехизации, а нерадивый или неспособный пастырь мог легко ограничиться исполнением богослужебных обязанностей, ссылаясь на Морской устав.

Заключение

Жизнь моряка дореволюционного флота была неразрывно связана с богослужебной деятельностью судового священника. Любое важное событие сопровождалось богослужением: присяга, отплытие и возвращение из плавания, государственные праздники, сражение и смерть в бою, увольнение в запас. Разумеется, всё это можно было отнести и к любому жителю Российской империи. И, по-видимому, сами моряки не видели разницы между клириками приходского храма и судовыми священниками. Но для духовенства исполнение своих обязанностей на флоте было сопряжено с определёнными сложностями, которые и составляют специфику служения судовых священников. Применительно к богослужебной деятельности можно выделить следующие особенности: ввиду дефицита внутренних судовых помещений было необходимо собирать церковь для каждого богослужения, а затем разбирать; на пароходах Добровольного флота сборные церкви отсутствовали, и храм необходимо было создавать из подручных средств; сложности могло вызвать снабжение судовой церкви расходуемыми веществами (ладан, елей, свечи, просфоры и т. д.); у судового священника не было штатных помощников, сразу после вступления в должность клирику приходилось создавать хор, а если на корабле отсутствовал регент, то священник должен был сам проводить работу с певцами разного уровня подготовки, выстраивать стройное и благозвучное звучание хора; сложности вызывали и условия, в которых совершались богослужения (качка, теснота корабельных помещений); богослужебная практика была всецело в руках морского начальства, офицеры требовали максимально сокращать богослужение, заменяли по собственному желанию литургию на обедницу или вовсе отменяли церковную службу.

Все перечисленные особенности богослужебной деятельности судовых священников в равной степени применимы как к 1890 году, так и к 1914 году. В связи с этим может возникнуть впечатление, которое нашло отражение в

историографии, что институт флотского духовенства был статичен и, например, не было существенной разницы между обязанностями судового священника в 1890-х и в 1910-х годах. Однако это ошибочное суждение. В 1890 году было сформировано единое Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, обозначено положение священнослужителей в воинской иерархии, определены их обязанности и установлены финансируемые из казны штаты. Все нюансы служения были подробно изложены в «Положении об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств». Ведомство приобрело свою окончательную форму. Однако судовые священники ни разу не упоминаются в «Положении». Штатные священники неподвижных храмов военного и морского ведомств и полковое духовенство получили существенные права, привилегии, достойное жалование и пенсию. Но штатные должности корабельных священников отсутствовали и в 1890 году так и не появились. Поэтому все судовые священники оставались нештатными, продолжали числиться клириками своих епархий, а вместо постоянного жалования получали лишь небольшое содержание на время плавания. В результате большинство судовых священников были малообразованными монашествующими, которые зачастую не могли должным образом исполнять свои обязанности. Из-за низкого жалования священнослужитель на флоте не мог делать специальные взносы и питался в кают-компании за счёт офицеров, что серьёзно уменьшало его авторитет, делало объектом насмешек и превращало в «требоисполнителя».

Институт флотского духовенства в начале XX века претерпел значительные изменения. Водоразделом можно считать преобразования, произошедшие с 1908 по 1911 год: утверждение в 1908 году Морским ведомством «Инструкции для судовых священников» и проведение кадровой реформы в 1911–1912 годах. Их необходимость назревала в течение десятилетий, о чём свидетельствует переписка между Морским ведомством и

Ведомством протопресвитера военного и морского духовенства. Необходимо было привлечь на флот достойных священнослужителей, а это было невозможно осуществить без улучшения финансирования. В 1902 году появились первые штатные должности судовых священников, на которые пришли образованные представители белого духовенства. На штатных судовых священников стали распространяться права и привилегии берегового духовенства, а их жалование было даже выше последних, однако большинство корабельных священнослужителей всё ещё оставались монашествующими. Между тем произошли события Первой русской революции (1905–1907 гг.). Морское начальство, как и сами представители морского духовенства, считали, что необходимо усилить внебогослужебную деятельность судовых и береговых священников, чтобы нейтрализовать антирелигиозную и антиправительственную пропаганду. Однако Морской устав предполагал лишь два вида внебогослужебной работы священника с паствой: обучение Закону Божьему и поучение после богослужения. К рубежу XIX–XX веков проповеди после богослужений произносились священнослужителями редко, что, возможно, было связано с тем, что на богослужение командиром корабля отводилось крайне мало времени. Обучение Закону Божьему проводилось только на учебных судах для воспитанников (кадетов) или учеников (матросов, готовившихся к экзамену на унтер-офицерский чин), поскольку вносилось в официальный распорядок дня и осуществлялось в основном в форме внебогослужебных бесед. При этом, поскольку чёткая регламентация отсутствовала, всё зависело от инициативности священнослужителя, его знаний и умений. К концу XIX века среди флотского духовенства сложилось мнение о том, что священнику желательно проводить беседы с матросами накануне воскресных и праздничных дней в свободное время личного состава. На практике на большинстве кораблей внебогослужебные беседы не проводились. Это было связано с рядом причин, но главной была неспособность большей части судовых священников, по своей

малообразованности, к такой деятельности. Кроме того, в Морском уставе внебогослужебные беседы не значились, поэтому многие судовые священники их и не проводили. Так могли рассуждать даже образованные клирики. Таким образом, можно утверждать, что катехизация личного состава кораблей Российского императорского флота практически не велась.

В 1905 году государство пыталось привычно опереться на Церковь как на идеологический инструмент. Но вскоре и морскому начальству, и протопресвитеру, и благочинным стало очевидно, что морское духовенство не способно должным образом бороться с революционной и антирелигиозной пропагандой. Это подтолкнули Морское ведомство и протопресвитера к полноценным преобразованиям. В 1908 году была утверждена «Инструкции для судовых священников» (которая существенно расширила обязанности флотского духовенства, особо оговорив необходимость регулярных бесед). В 1911–1912 годах была проведена кадровая реформа, в результате которой большинство должностей судовых священников заняли образованные представители белого духовенства. С 1912 года ситуация с катехизацией начала несколько улучшаться: на большинстве кораблей регулярно проводились внебогослужебные беседы, но поскольку после Первой русской революции на флотское духовенство была возложена борьба с антиправительственной пропагандой, катехизаторская деятельность постепенно политизировалась, что не могло положительно отразиться на доверии моряков священнослужителю. На пароходах Добровольного флота вся деятельность духовенства проходила в более мягких условиях, поскольку большую часть паствы составляли пассажиры, а Морской устав в мирное время на суда Добровольного флота не распространялся. При этом на каждом рейсе пассажиры менялись, да и сам клирик мог назначаться только на одно плавание. В результате, например, церковный хор на пароходе был более временным явлением, чем на кораблях Российского императорского флота.

Кроме проведения внебогослужебных бесед, организации чтений духовной литературы и преподавания Закона Божьего (действий, которые были отнесены нами к катехизаторской деятельности флотского духовенства), судовые священники могли также заниматься просветительской деятельностью среди матросов. Она была востребованной, поскольку морское начальство не считало нужным уделять должное внимание досугу нижних чинов. Судовой священник мог, например, создать корабельную библиотеку, организовать для нижних чинов экскурсию, помочь неграмотному матросу прочитать письмо из дома, обучить его чтению и письму. То есть клирик мог себя проявить как истинный пастырь и наставник, расширяющий кругозор матросов, повышающий уровень их образования и организующий такой досуг, который способствовал бы их духовному и культурному просвещению. Однако многие представители чёрного духовенства, которые до кадровой реформы 1911–1912 годов составляли большую часть судовых священников, нередко сами были малообразованны и не были способны вести просветительскую деятельность. После кадровой реформы ситуация изменилась, но не существенно. Деятельность священника в качестве библиотекаря встречается значительно чаще, но другие направления просветительской деятельности не нашли отражения ни в Морском уставе, ни в инструкции и поэтому оставались редкостью.

Важно отметить, что ни запоздалое принятие инструкции, призванной улучшить религиозную ситуацию на флоте, ни кадровая реформа флотского духовенства, сопровождавшаяся повышением жалования, не смогли исправить отношение, сложившееся у моряков к клирикам. На это даже не повлияло то, что во время сражений Русско-японской войны большинство корабельных священнослужителей проявило себя с самой лучшей стороны. Статус судового священника так и остался неопределённым. Вопреки расхожему (даже среди самого духовенства) мнению, священники не являлись офицерами. По мнению Морского ведомства, они не были к ним приравнены,

а лишь сравнивались с офицерами в некоторых правах. Ни офицеры, ни матросы не считали судового священника «своим». Не обладая должным авторитетом, институт флотского духовенства на рубеже XIX–XX веков во многом превратился лишь в необходимую формальность, не оказывавшую существенного влияния на личный состав кораблей. Отдельные священнослужители стремились изменить эту ситуацию, старались быть инициативными, проводили с моряками различные виды внебогослужебной работы, и их деятельность показывает весь уникальный многогранный потенциал, который был у должности судового священника. Однако эти пастыри стали лишь исключением. Большинство судовых священнослужителей занимались лишь богослужебной деятельностью, а в остальное время они, вероятно, готовились к следующему богослужению и отдыхали. Скорее всего поэтому и возникло у моряков представление о том, что священник является «балластом» на борту.

Список сокращений и условных обозначений

ГА РФ – Государственный Архив Российской Федерации

ДФ – Добровольный флот (пароходство)

ДС – Духовная семинария

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

СПбДА – Санкт-Петербургская духовная академия

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив

РИФ – Российский императорский флот (военно-морской)

Приложения

Приложение 1. Ответ Морского ведомства южноамериканскому епископу Григорию Игнатий Ромеро на вопросы о флотском духовенстве Российском империи, составленный в 1913 году.

(РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4315. Л. 43-43 об.)

1. Какой титул присвоен начальнику морского духовенства?

Начальнику военно-морского и военно-сухопутного духовенства в России присвоен титул: "протопресвитер военного и морского духовенства".

2. Приравнены ли начальник военно-морского духовенства и военно-морские духовники к каким-нибудь военным или гражданским чинам?

Как протопресвитер военного и морского духовенства, так и священники на судах флота не приравнены ни к военным, ни к гражданским чинам, но в отношении отпуска некоторых видов денежного довольствия, так то: в выдаче прогонных денег, а также в отношении прав на награждении некоторыми орденами, они сравниваются с военными чинами. Протопресвитер – с генералами, благочинные (старшие священники на отрядах) – со штаб-офицерами, а судовые священники – с обер-офицерами.

3. Сколько духовников в русском флоте?

Число священников на судах императорского российского флота находятся в соответствии с судовым составом флота; в данное время на судах флота имеется 46 священников.

4. Входит ли в государственный бюджет вознаграждение морского духовенства?

Вознаграждение морского духовенства входит в состав государственного бюджета.

5. В чём заключаются обязанности морского духовенства в мирное время и во время войны?

Обязанности судовых священников изложены в прилагаемых при сем ст. ст. 250-253, 697-706 Морского устава и в прилагаемой также при сем инструкции судовым священникам.

6. Ограничиваются ли обязанности морского духовенства исполнением религиозных треб или же ему вменяется также законоучительская деятельность?

Судовым священникам вменяется в обязанности помимо совершения духовных треб также и ведение с командою внебогослужебных собеседований; на тех же кораблях, на коих находится учебная команда, обязанная пройти особый курс обучения, судовой священник есть обязательный законоучитель её.

Приложение 2. Порядок отправления церковных служб в судовых церквах

(РГВИА. Ф. 2044. Оп.1. Д. 6. Л.37а.)

Вечерня: Каждение алтаря. Возглас «Слава Святей», пение «Приидите поклонимся», «Благослови, душе моя», Великая ектения, «Блажен муж», «Господи, воззвах», стихира (поется); слава и ныне – Богородичен; Вход; Прокимен, сугубая ектения, «Сподоби, Господи»; просительная ектения, стихира на стиховне (можно читать), «Ныне отпущаеши», Трисвятое – «Отче наш», «Богородице Дево» (1 раз), «Буди имя Господне».

Утреня: Шестопсалмие (4 псалма); Великая ектения, «Бог Господь», тропарь (1 раз), кафизма (1 псалом), малая ектения, седален, «Хвалите имя Господне», «Благословен еси, Господи»… «Ангельский собор» … Слава … «Поклонимся Отцу» … и ныне… «Жизнодавца родши», малая ектения, антифоны (читаются), Прокимен, Евангелие и т.д. Канон 4-5 песней (ектении не произносятся), читается по 2-3 стиха каждой песни; по 8 песни… «Величит душа моя Господа» (2 или 3 стиха), малая ектения, «Всякое дыхание»… Слава и ныне… «Преблагословенна еси», «Великое славословие» … Сугубая и просительная ектении и отпуст.

1 час: «Приидите»… Тропарь, «Что Тя наречем» … «Стопы моя направи» … «Отче наш»… Кондак … «Иже на всякое время» и т.д.

Праздничное бдение совершается таким же порядком, как и воскресное, но только с некоторыми обычными дополнениями, именно: после вечернего входа читается одна паремия; затем после просительной ектеньи лития и благословение хлебов. Если была лития, то «Спаси Боже люди твоя» на утрени вторично не произносится, а только возглас «Милостию и щедротами»…

Литургия. Чтение часов. Начало. После великой ектении «Единородный Сыне» и далее.

Список использованных источников и литературы:

1. Источники

1.1 Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА):

1. Ф. 806 (Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства). Оп. 4. Д. 217, 540, 777, 899, 1069, 1213, 1376, 1549, 1674, 1965, 2020, 2183, 2594, 3092, 3917, 5776; Оп. 5. Д. 5860, 8942, 9830; Оп. 12. Д. 168, 172, 173; Оп. 17. Д. 524.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ):

2. Ф. 406 (Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства). Оп. 12. Д. 574, 1036, 1741, 1842, Д. 2223; Оп. 13 Д. Р-1а, М-1а, Д-3а, К-4а, Д. З-1а, Д. З-2а, К-2а, С-6а, К-6а.
3. Ф. 407 (Главное военно-морское судное управление Морского министерства). Оп. 1-1. Д. 1802; Оп. 1-2. Д. 7218.
4. Ф. 410 (Канцелярия Морского министерства г. Петроград). Оп. 3. Д. 1468; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2632, Оп. 6 Д. 679, 687.
5. Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 4315; Оп. 4 Д. 6737; Оп. 6. Д. 684
6. Ф. 419 (Эмеритальная касса Морского министерства г. С. Петербург-Петроград). Оп. 1. Д. 546.
7. Ф. 555 («Россия», крейсер Балтийского флота). Оп. 1. Д. 151;
8. Ф. 566 («Диана», крейсер Балтийского флота). Оп. 1. Д. 49.
9. Ф. 716 (Морской штаб верховного главнокомандующего). Оп. 1. Д. 82.
10. Ф.763 (Дневники, заметки, записки, вырезки из газет о русско-японской войне). Оп. 1. Д. 301.
11. Ф. 794 («Богатырь», крейсер 1 ранга Балтийского флота). Оп. 1. Д. 2, 8.
12. Ф. 870 (Вахтенные журналы). Оп. 1. Д. 16359, 16360, 16361, 17520, 17523А.
13. Ф. 873 (Аттестации на личный состав флота). Оп. 29. Д 1, 3, 5, 6, 7, 33.
14. Ф. 920 (Севастопольский порт). Оп. 5. Д. 1300; Оп. 6. Д. 369; Оп. 7. Д. 133, 297

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ):

15. Ф. 124 (Уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции). Оп. 13. Д. 1342.
16. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 225, 513, 1464.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

17.Ф. 1190 (Златоустовский мужской монастырь, г. Москва). Оп. 1 Д. 14а.
18.Ф. 1289 (Щербатовы). Оп. 2. Д. 139, 149, 181.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб):
19.Ф. 19 (Петроградская духовная консистория.). Оп. 128. Д. 839, 986, 1054, 1131.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ):
20.Ф. 524 (Новиков-Прибой А. С.). Оп. 2. Д. 358.
Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ):
21. Ф. 500 (Новиков-Прибой А. С.). Оп. 4. Д. 56.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):
22.Ф. 2044 (Управление главного священника армий Северного фронта). Оп. 1. Д. 6.

1.2 Опубликованные материалы

Нормативные акты
23.Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ).
Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).
Собр. I. Т. 6. № 3718 (25 января 1721 г.).
24.Морской устав 1885. СПб.: Типография Морского министерства, 1885.
25.Свод морских постановлений. Книга X. Морской устав. Издание 1901 года. СПб.: Типография Морского министерства, 1902.
26.Высочайшее повеление о штате духовенства церквей морского ведомства // Вестник военного духовенства. 1890. № 6. С. 153–158.
Делопроизводственные материалы
27.Из рапортов начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала В.П. Шмидта // *Арбузов В. В*. Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». СПб.: Корабли и сражения, 2000. С. 41–48.
28.Из рапортов командира капитана 1 ранга В. Лаврова // *Арбузов В. В.* Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». СПб.: Корабли и сражения, 2000. С. 67–82.
29.Отчет комиссии главного командира Кронштадтского порта об осмотре броненосца «Император Александр II» после плавания 1896–1901 гг. // *Арбузов В. В.* «Броненосец Император Александр II». СПб.: Корабли и сражения, 1997. С. 84–87.

Справочные издания

30.Памятная книжка Морского ведомства на 1898 г. СПб.: Типография Морского минисреста, 1898.

Периодическая печать

31.L'Actualite // L'Express du Midi. 1893. 17 octobre. № 5 (748). P. 1.

32.Nos gravures // L'illustration. 1893. 14 octobre. № 2642. P. 320.

33.*Андреев Д., свящ.* Из Гельсингфорса // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 1. С. 39–41.

34.*Андреев Д., свящ.* Из Ревеля (погребение лейтенанта В. Е. Крафта) // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 4. С. 522.

35.*Андреев Д., свящ.* Из Гельсингфорса // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 9. С. 349–350.

36.*Архангельский В., прот.* Обозрение о. Протопресвитером военного и морского духовенства Г. И. Шавельским судовых церквей Балтийского флота и военно-морских Прибалтийского края // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 15–16. С. 555–575.

37.Братское собрание военного и морского духовенства в Санкт-Петербурге 14 февраля 1913 г. // Вестник военного и морского духовенства. 1913. № 5. С. 219–222.

38.*Владимир (Гиганов), архим.* К вопросу о необходимости улучшения положения священника на военных кораблях // Вестник военного духовенства. 1897. № 2. С. 55–61.

39.*Владимир (Гиганов), архим.* Положение священнослужителя на военном корабле // Вестник военного духовенства. 1894. № 18. С. 554–559.

40.*Владимир (Гиганов), архим.* Священнослужитель на корабле во время кругосветного плавания // Вестник военного духовенства. 1894. № 11. С. 331–345.

41.*Круглов Ф.,* свящ. Забытые // Колокол. 1914. 10 июня. № 2430. С. 3.

42.О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 11–18; № 2. С. 41–51.

43.*Медведь Р., свящ.* Братское собрание военного духовенства 16-го ноября 1904 года (окончание) // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 19–26; № 2. С. 52–64.

44.*Миляновский Ф., свящ.* Из Севастополя // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 9. С. 347–349.

45.*Сотников Г. П.* Из прошлого // Северный колхозник. 1937. № 145. С. 1.

46. *Щербак А. В.* Перевозка ссыльнокаторжных на остров Сахалин морем // Тюремный вестник 1893. № 6. С. 239–242; № 7. С. 268–273; № 8. С. 300–309.

Источники личного происхождения

47. *Montague T. Hainsselin.* In The Northern Mists: A Grand Fleet Chaplain's Notebook. London; New York; Toronto: Hodder & Stoughton, 1916.
48. *Апостоли Н. И.* В Чикаго на выставку. (Из дневника морского офицера). // Разведчик. 1893. № 135. С. 438–439; № 136. С. 452–454; № 140. С. 516–519; № 142. С. 550–553; № 153. С. 745–750; № 159. С. 847–850.
49. *Апрелев Б. П.* Брызги моря. Прага: [Без изд.], 1931.
50. *Апрелев Б. П.* На «Варяге». Жизнь после подвига. М.: Вече, 2013.
51. *Апрелев Б. П.* Нашей смене. Шанхай: Слово, 1934.
52. *Белобров А. П.* Воспоминания. 1894–1979. М.; СПб.: Индрик, 2008. С. 210.
53. *Боголюбов Н.* Плавание учебного корабля крейсера 1-го ранга «Герцог Эдинбургский» 1898–1899 гг. Кронштадт: тип. «Кронштадт. вестн.», 1899.
54. *Богословский А.,* свящ. Проводы запасных матросов // Вестник военного духовенства. 1908. № 19. С. 594–596.
55. *Витте С. Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 1. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923–1924. 471 с.
56. *Гаршин М. Ю.* Королева эллинов Ольга Константиновна. Прага: изд. Кают-компании в Праге, 1937. 48 с.
57. *Головин П. Н.* На крейсере «Рюрик» // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб.: Р. Р. Муниров, 2013. С. 39.
58. *Граф Г. К.* Императорский Балтийский флот между двумя войнами, 1906–1914. СПб.: БЛИЦ, 2006.
59. *Граф Г. К. Моряки.* Очерки из жизни морского офицера 1897–1905 гг. М.: Вече, 2012.
60. *Давидович-Нащинский В. Н.* Воспоминания старого моряка. В 4-х частях. София: Новая жизнь, б. г.
61. Дневник «Варяжца» // *Гладких С. А.* Забытые герои. История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. С. 35–55.
62. Дневник гальванера Смирнова // *Гладких С. А*. Забытые герои. История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. С. 227–247.

63. Дневник князя Язона Константиновича Туманова // «Орёл» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. СПб.: Гангут, 2014. С. 37–111.
64. Дневник машиниста Перфильева // Гладких С. А. Забытые герои. История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. С. 101–121.
65. Дневник неизвестного моряка с броненосца «Орел» // *Гладких С. А.* Забытые герои. История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. С. 175–211.
66. *Долгов Б. А*. Плавание учебного корабля крейсера 1-го ранга «Герцог Эдинбургский» 1897–1898. Кронштадт: тип. «Кронштадт. вестн.», 1899.
67. *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. М.: Воениздат, 1958.
68. *Дьяков. Н. свящ.* Год на крейсере «Адмирал Нахимов». СПб.: тип. Артели печ. дела, 1904.
69. *Дьяконов Г., свящ.* Церковно-религиозная жизнь на корабле «Император Александр II», за два года заграничного плавания (1896–97 гг.) // Вестник военного духовенства. 1907. № 17. 537–541; С № 18. С. 568–570; № 19. С. 599–608.
70. *Желобовский А. протопр.* Поучение, сказанное в домовой церкви о. протопресвитера военнаго и морского духовенства 30-го октября // Вестник военного духовенства. 1905. № 23. С. 710–712.
71. *Затертый А*. Безумцы и бесплодные жертвы: Рассказ из Цусимского боя // Новиков-Прибой А. С. Цусима. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2008. С. 784–833.
72. *Зиновий (Дроздов), иером.* С эскадрой до Цусимы. Вятка: Губ. тип., 1906.
73. *Иванов Д. И.* Я – матрос Гангута. М.: Воениздат, 1987.
74. *Иванов-Тринадцатый К. П*. На Владивостокском отряде крейсеров // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб.: Р. Р. Муниров, 2013. С. 78–99.
75. Из Кронштадта в Порт-Артур. Дневник матроса В. М. Ермакова о плавании на крейсере «Диана» в 1902–1904 гг. Екатеринбург: Издательский дом «КЛАССИКА», 2014.

76. *Касаткин А., свящ.* Пастырь на корабле. Путевые заметки и впечатления священника (из письма на имя о. протопресвитера) // Вестник военного духовенства. 1898. №17. С. 529–534.
77. *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л.: Судпромгиз, 1955.
78. *Кравченко В. С.* Записки судового врача. Через три океана. М.: АСТ, 2014.
79. *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. СПб.: Политехника, 2003.
80. *Ларенко П. Н.* Страдные дни Порт-Артура. М.: Транзиткнига, 2005.
81. *Левитский Г., свящ.* Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весной 1894 г. // Вестник военного духовенства. 1894. № 17. С. 528–534.
82. *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток в 1896 году на пароходе Д.Ф. «Орел» // Вестник военного духовенства. 1897. № 3. С. 86–91.
83. *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весной 1895 // Вестник военного духовенства. 1896. № 14. С. 427–436.
84. *Левитский Г., свящ.* Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весною 1899 // Вестник военного духовенства. 1900. № 9. С. 275–281.
85. *Ливанский А., свящ.* Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов». (Впечатления и заметки) // Вестник военного духовенства. 1896. № 16. С. 500–504.
86. *Ляпунова О. А.* Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. Ижевск: Известия Удмуртской Республики, 2017.
87. *Магдалинский А. В.* На морском распутье. Записки участника Цусимского боя. Ярославль: Ярославское книжное издательство, 1954.
88. *Медведь Р., прот*. Путевые впечатления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 15/16. С. 572–575; № 17. С. 611–617; № 18. С. 641–643.
89. *Модзалевская Л. А., Модзалевская Т. Л.* Всеволод Львович Модзалевский. Страницы жизни. СПб.: РИО «СПб ГИПТ», 2008.
90. *Никитин Д. В.* В отлива час. San Francisco: Мор. Изд-во при Кают-Компании Мор. Офицеров в Сан-Франциско, б. г.
91. *Никитин Д. В.* На берегу и в море. San Francisco: Мор. Изд-во при Кают-Компании Мор. Офицеров в Сан-Франциско, 1938.
92. *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М.: Мысль, 1984.

93. *Новиков-Прибой А. С.* Что и как читали матросы? // Российский некрополь: сайт. URL: http://www.necropol.org/novikov-priboy.html (дата обращения 21.06.2023).
94. О войне, любви и вере: Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904–1905 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2008. 535 с.
95. *Поликарпов Д., свящ.* Воспоминания и впечатления первого судового священника во время заграничного плавания в 1900 году // Вестник военного духовенства. 1908. № 15. С. 472–480; № 16. С. 501–511; № 17. С. 533–542.
96. *Политовский Е. С.* От Либавы до Цусимы. СПб.: Гангут, 2010.
97. Рассказ иеромонаха отца Алексия // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб.: Р. Р. Муниров, 2013. С. 110–115.
98. Рассказ старшего штурмана А. С. Салова // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб.: Р. Р. Муниров, 2013. С. 99–104.
99. *Семёнов В. И.* Цусима. СПб.: Ленинградское изд-во, 2011.
100. *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). М.: Из-во Сретенского монастыря, 2013.
101. *Сливкин М.* Из прошлого. Воспоминания старого рабочего. М.: Профиздат, 1938.
102. *Соболев Л. С.* Капитальный ремонт. М. Правда,1962.
103. *Солуха Н. П.* О последних минутах на крейсере «Рюрик» // Война и мир крейсера «Рюрик». 1895–1905 гг. Сборник воспоминаний, статей и документов. СПб.: Р. Р. Муниров, 2013. С. 104–110.
104. *Стогов П. Е.* На старом «Память Меркурия». Воспоминания 1905–6 г.г. // Морские записки 1944. № 4 (Vol. II). С. 295–324.
105. *Столяров И.* От Кронштадта до Мадеры и обратно. Личные впечатления во время плавания на фрегате «Генерал-Адмирал», летом 1888 года. СПб.: тип. «Кронштадт. вестн.», 1890.
106. *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. [в 3 томах]. Лейпциг: Тип. Ф. А. Брокгауза, 1893–1897.
107. *Цывинский Г. Ф.* Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб.: ООО ИТД «ЛеКо», 2008.

108. *Чегодаев-Саконский А. П.* На «Алмазе» от Либавы через Цусиму – во Владивосток. СПб.: М. А. Леонов, 2004.
109. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Т. 1.
110. *Шавельский Г. И., протопр.* В школе и на службе. М.; Брюссель: Архив русской эмиграции, 2016.
111. *Шуберт Б. К.* На крейсерах «Смоленск» и «Олег». СПб.: Гангут, 2009.

2.Литература:

1. *Dawson Wm.* The Church in the Navy // The Contemporary review. London, 1869. Vol. 12. Sep.-dec., pp. 92–114.
2. *Stover E. F.* Up from Handymen: The United States Army Chaplaincy 1865–1920. Vol. 3. Washington: Office of the Chief of Chaplains, Dept. of the Army, 1977.
3. *Snape M.* The Royal Army Chaplains' Department, 1796–1953: Clergy under Fire. Woodbridge (USA): The Boydell Press, 2008.
4. *Gould M. H.* British Naval Post and Censor Marks of the First World War. 2000.
5. *Drury C.* The history of the Chaplain Corps, United States Navy. 1778–1939. Volume 1. Washington: U.S. Government Printing Office, 1948.
6. *Агафонов Н. прот.* Ратные подвиги православного духовенства. М.: Благовест, 2013. 350 с.
7. *Андреев А. Ю.* Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93.
8. *Бажанов Д. А.* Роль священников в поддержании нравственного облика военных моряков на кораблях Балтийского флота в годы Первой мировой войны // Вопросы патриотического и духовно-нравственного воспитания в отечественном образовании XIX–XXI веков материалы регионального этапа XXV международных Рождественских чтений и круглого стола Общественной палаты Ярославской области 24 октября 2016 г. / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2017. С. 168–177.
9. *Бажанов Д. А.* Судовые библиотеки на кораблях Балтийского флота в годы Первой мировой войны // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 17 марта 2017 г. Сб. научн. ст. СПб., 2017. С. 69–77.
10. *Бажанов Д. А., Коноплева Е. В.* Должностные обязанности судовых священников Балтийского флота и их исполнение в годы Первой мировой

войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5, № 5. С. 56–63.

11. *Байдаков А. В.* Православное духовенство Русской армии и флота: вторая половина XIX – начало XX вв.: Дис. … к. и. н. М., 1995.
12. *Барсов Т.В.* Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879. С. 51–101.
13. *Барсов Т.В.* Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879. С. 81.
14. *Баяндин В. И.* Обучение нижних чинов специальных частей российской армии и флота во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2013. №1. С. 31–36
15. *Баяндин В. И.* Российская армия в конце XIX – начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 24–29.
16. *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: Дис. …д. и. н. М., 2020.
17. *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 175 с.
18. *Беляков А. П.* Деятельность армейского и флотского духовенства по воспитанию духовных и нравственных качеств у военнослужащих (на материале армии и флота дореволюционной России XVIII – начала XX вв.): Дис. … к. пед. н. Краснодар, 2017.
19. *Беляков А. П.* Религиозное воспитание военных моряков в дореволюционной России. СПб., 2014. С. 384–389.
20. *Беляков А. П.* Решение межрелигиозных проблем в вооруженных силах дореволюционной России // Вестник ПСТГУ. История. 2004. №3. С. 104–118.
21. *Бережной С. С.* Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки. М.: Воениздат, 1997. 311 с.
22. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 237 с.
23. *Беспалов А.* История военно-морского образования в России // РГАВМФ: офиц. сайт. URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/bespalov_navy-education.pdf (дата обращения: 02.12.2022).
24. *Бочаров А. А.* Обучение грамоте матросов русского флота во второй половине XIX века // Елагинские чтения. Вып. 5. СПб., 2011. С. 122–129.

25. *Бычкова В. М.* Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 1 (12). С. 7–20.
26. *Василенко В. О.* Офицеры в рясах: духовенство царской армии. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит.; (М.: тип. "Красный пролетарий"), 1930. 112 с.
27. *Васильев А. В.* Реорганизация военного духовенства в ходе военной реформы императора Павла I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. №3. С. 426–436.
28. *Галицкий С. Г.* Из смерти в жизнь... Записки военного священника. СПб.: Град Духовный, 2017. 224 с.
29. *Галустян Н. В., Ефимов Д. А*. Значение личности флотского священника в поддержании морально-психологического состояния и боевого духа личного состава (исторический анализ на примере боевых эпизодов русско-японской войны 1904–1905 г.г.) // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке. Сборник научных трудов. Севастополь, 2019. С. 144–151.
30. *Горемыкин Н. Д.* Павел Озерецковский – первый по времени, обер-священник (Из дней Павла I) // Русская старина, 1887. Т. 56. № 12. С. 842–845.
31. *Грабко М. Е.* Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 213 с.
32. *Грибовский В. Ю.* Личный состав Российского Флота в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Сборник статей «Синдром Цусимы». Цитадель, СПб., 1997. Электронная версия. URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_19/page_26/page_26_004/ (дата обращения 21.06.2023).
33. *Григорьев А. Б.* Вера и Верность: очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005 (ОАО Можайский полигр. комб.). 469 с.
34. *Гузаиров Д. М.* Проблема православной миссии и духовно-нравственно состояние чинов Балтийского флота накануне революции 1917 года // Труды I Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944), Санкт-Петербург, 27 ноября 2010

года. Исход на Юге России и начало Галлиполийской эпопеи Русской армии, 90 лет 1920–2010 СПб., 2011. С. 37–48.

35. *Дворников И. Н.* Приамурский военный округ в системе управления, освоения и обороны Дальнего Востока (1884–1903 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 3. С. 167–172.
36. *Дмитриев В. И.* История корабельного устава. Л.: ВВМИУ им. Ф. Э. Дзержинского, 1984. 139 с
37. Добровольный флот. СПб.: Типография товарищества «Художественная печатн», 1915. 136 с.
38. *Доценко В. Д., Клавинг В. В.* Морские храмы России. СПб.: Logos, 1995. 159 с.
39. *Дыгало В. А.* Откуда и что на флоте пошло. М.: Крафт+, 2000. 381 с.
40. *Дыгало В. А.* Российский флот. Три века на службе Отечеству. М.: Вече [и др.], 2007. 365 с.
41. *Егорьев В. Е.* Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.-Л.: Военмориздат, 1939. 276 с.
42. *Жукова Л. В.* Военное духовенство в Порт-Артуре в период русско-японской войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 2. С. 33–43.
43. *Жукова Л. В.* Военное духовенство и благотворительность в годы русско-японской войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Т. 2. № 21. С. 165–167
44. *Золотарев В. А. Козлов И. А.* Три столетия Российского флота, XIX– начало XX века. СПб.: ООО «Издательство "Полигон"», 2004. 683 с.
45. *Иванов С. М., Супрун В. И.* Плавучие храмы России: история флотского духовенства. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. 199 с.
46. *Изотова А. О.* Кронштадтский Морской собор // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 28–29.
47. *Иконников С. А.* Материальное обеспечение приходского духовенства Центрально-черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века): Дис. …д. и. н. Воронеж., 2019.
48. *Исакова Е. В.* Русское военное духовенство в войне с Японией 1904–1905 гг. // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. СПб.: Фонд по изуч. истории правосл. церкви, 1998. С. 131–148.

49. *Исакова Е. В., Шкаровский М. В.* Никольский Морской собор и другие храмы Санкт-Петербурга. СПб.: Паритет, 2003. 253 с.
50. *Калинина Е. А.* Закон Божий в русской школе первой половины XIX в // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2014. №59 (4). С. 85–97.
51. *Каменский С. Ю.* Уральские туристы XIX века // Каменский С. Ю. Учебная приемная: сайт. URL: http://ksu.ucoz.ru/news/uralskie_turisty_xix_veka/2012-02-08-10 (дата обращения 15.11.2022).
52. *Кандидов Б. П.* Религия в царской армии. М.: Безбожник, 1928. 80 с.
53. *Кандидов Б. П.* Церковный фронт в годы Мировой войны. М.: Атеист, 1929. 159 с.
54. *Капков К. Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков. М.: «Летопись», 2009. 256 с.
55. *Кардашев Ю. П.* Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. М., [Без изд.], 2008. 542 с.
56. *Карчевский С.* «Метеоры» воинской славы. История России: священники на бранном поле // Наука и религия. 1995. № 2. С. 6–7.
57. *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение Электронная версия. URL: http://predanie.ru/kiprian-kern-arhimandrit/book/182986-pravoslavnoe-pastyrskoe-sluzhenie/ (дата обращения: 17.12.2022).
58. *Клавлинг В. В.* Военные храмы России. СПб.: [Без изд.], 2002. 160 с.
59. *Ковалева З. А. Плохих С. В.* История Дальнего Востока России. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2002. 244 с.
60. *Кондратенко Р. В.* Крейсер I ранга «Память Азова» // Мидель шпангоут. 2016. № 45.
61. *Коноплёва Е. В.* Духовенство Балтийского флота в годы Первой мировой войны: основные направления деятельности (Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «Педагогическое образование», профиль «Историческое образование». РГПУ им. А. И. Герцена). СПб., 2022.
62. *Копылов С. Н.* Деятельность православного духовенства российского императорского флота в конце XIX–начале XX вв.: Дис. … к. ист. н. Курск, 2020.
63. *Копылов С. Н.* Международные контакты судовых священников Российского Императорского флота // Каспийский регион: политика,

экономика, культура: научный журнал. Астрахань, 2018. № 4 (57). С. 16–21.

64. *Копылов С. Н.* Место судового священника в иерархии Российского Императорского флота // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. №4 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sudovogo-svyaschennika-v-ierarhii-rossiyskogo-imperatorskogo-flota (дата обращения: 24.01.2023).
65. *Копылов С. Н.* Повседневная служба священников русского флота в конце XIX – начале XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. №1 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnaya-sluzhba-svyaschennikov-russkogo-flota-v-kontse-xix-nachale-xx-veka (дата обращения: 24.01.2023).
66. *Копылов С. Н., Третьяков А. В.* Кадровая политика протопресвитера военного и морского духовенства по формированию штатного состава священников русского флота в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. №4 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaya-politika-protopresvitera-voennogo-i-morskogo-duhovenstva-po-formirovaniyu-shtatnogo-sostava-svyaschennikov-russkogo-flota-v (дата обращения: 24.01.2023).
67. *Корелин А. П., Пушкарева И. М., Королёва Н. Г., Тютюкин С. В., Христофоров И. А.* Первая революция в России. Взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
68. *Кострюков А. А.* Деятельность русского военного духовенства в годы Русско-японской и Первой мировой войн: Дис. … к. богосл. н. Сергиев Посад, 2003.
69. *Кострюков А. А.* К истории служения военного духовенства в годы Русско-японской войны // Православная культура в России: прошлое и настоящее (по материалам Вторых Свято-Филаретовских чтений). М., 2007. С. 135–145.
70. *Котков В. М.* «Военное духовенство нередко показывало примеры мужества... во время боевых действий» // Военно-исторический журнал. 2000. № 4. С. 56–60.
71. *Котков В. М.* Военное духовенство России: Страницы истории. В 2-х т. СПб: Изд-во Нестор, 2004. 319, 317 с.
72. *Котков В. М. Коткова Ю. В.* Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. СПб., [Без изд.], 2005. 187 с.

73. *Котков В. М., Коткова Ю. В.* Материалы первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах российского государственного исторического архива. Т. I, II. СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2018. 444, 520 с.
74. *Крестьянинов В. Я.* Мятежный Кронштадт, 1905–1917–1921. М.: Яуза [и др.], 2017. 535 с.
75. *Крестьянинов В. Я.* Российский императорский флот в фотографиях конца XIX – начала XX века. Информ.-издат. фирма «Лики России». СПб.: Проект-2003, 2012. 302 с.
76. *Крестьянинов В. Я., Гамлицкий А. В., Завьялова А. Е.* Кронштадтский морской собор во имя святителя Николая Чудотворца. СПб.: Лики России, 2013. 320 с.
77. *Кузнецов А. М.* Деятельность института православного духовенства российского флота по духовно-нравственному воспитанию моряков в XVIII – начале XX в // Общество: философия, история, культура. 2019. №1 (57). С. 54-58.
78. *Кузнецов А. М.* «На каждом корабле иметь по одному иеромонаху...». Православные пастыри российского флота // Военно-исторический журнал. 2019. №2. С. 93–95.
79. *Кузнецов А. М.* Православное духовенство морского ведомства России и его роль в укреплении флотских традиций: XVIII – начало XX века: Дис. … к. и. н. М., 2000.
80. *Кузнецов О. Ю.* Русское военно-морское духовенство // Военно-морские силы России и Тульский край: Сборник материалов научной конференции. Тула, 1997. С. 17–25;
81. *Ливенцев Д. В.* Рейсы судов Добровольного флота на Сахалинскую каторгу // Известия ВГПУ. 2015. № 3 (268). С. 90–95.
82. *Максимов В. Ю. Капков К. Г.* За службу и храбрость. Священники – кавалеры ордена Святого Георгия. Неизвестные страницы. М.: Книжный мир, 2018. 702 с.
83. *Манвелов Н. В.* Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 412 с.
84. *Манвелов Н. В.* На вахте и на гауптвахте. Русский матрос от Петра Великого до Николая Второго. М.: Вече, 2014. 380 с.
85. *Манвелов Н. Н.* Под Андреевским флагом: Русские офицеры на службе Отечеству. М.: Вече, 2011. 416 с.

86. *Матвеев М. Ю.* Научные и специальные библиотеки в Российской империи в 1850–1860-х гг // Вестник СПбГУК. 2013. №1 (14). С. 75–88.
87. *Мельников Р. М.* Крейсер «Очаков». Л.: Судостроение, 1986. 256 с.
88. *Мельников Р. М.* Крейсер I ранга «Россия» (1895–1922). Самара: Историко-культурный центр АНО «ИСТФЛОТ», 2007. 92 с.
89. *Мельников Р. М.* Крейсер I ранга «Рюрик» (1889–1904). Самара: АНО «ИСТФЛОТ», 2005. 96 с.
90. *Моисеев С. П.* Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воен. изд-во., 1948. 576 с.
91. *Морозан В. В.* Материальное обеспечение приходского духовенства соборов С.-Петербурга в XIX – начале XX века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 94. С. 31–44.
92. Морское духовенство (Владимирский Адмиралтейский собор. г. Севастополь) // Православные храмы. Путешествие по святым местам. 2015. № 124. С. 30–31.
93. *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции 1917–1918 гг. М.: Эксмо: Яуза, 2017; Санкт-Петербург: Якорь. 447 с.
94. *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М.: Яуза, 2018: Якорь. 382 с.
95. *Назаренко К. Б.* Крестьянин на флоте после отмены крепостного права: Служебное положение и самосознание // Проблемы аграрной истории Северо-запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России. Международная межвузовская научная конференция. Псков, 2011. С. 202–220.
96. Начало Добровольного флота: Материалы для истории Русскаго добровольнаго флота / Ред. А. Е. Носа. М.: Типо-литография В. О. Рихтер, 1890.
97. *Никон (Лысенко), архим.* Вестник военного и морского духовенства // Православная энциклопедия: электронная версия. URL: http://www.pravenc.ru/text/158248.html (дата обращения: 14.03.2022).
98. *Новикова Л. И.* Военно-морские библиотеки России: история формирования и развития фондов: XVIII – первая четверть XX вв.: автореферат дис. … к. пед. н. СПб., 2007.
99. *Овсянников С. И.* Один день на крейсере «Аврора». СПб.: Остров, 2019. 128 с.

100. *Ореханов Г., свящ.* На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2002. 221 с.
101. Офицерский состав II эскадры Тихого океана // С эскадрой адмирала Рожественского. Сборник статей, посвященных двадцатипятилетию похода II-й эскадры Тихого океана. Прага: Колесников, 1930. С. 8–26.
102. *Павлов Д. Б.* Русский военно-морской лазарет в Нагасаки, 1858–1906 гг. (исторический очерк по российским источникам) // Ежегодник Япония. 2010. № 39. С. 252–273.
103. *Панченко А. М.* Классификация военных библиотек русской армии // Библиосфера. 2015. № 1. С. 28–40.
104. *Панченко А. М.* Судовые офицерские и матросские библиотеки // Российскому флоту быть! Материалы обл. науч.-истор. конф. (Новосибирск, 17 нояб. 2006 г.). Новосибирск, 2007. С. 122–132.
105. *Пашков В. И.* Традиции духовно-нравственного воспитания военнослужащих в русской армии конца XIX - начала XX в.: Дис. … к. пед. н. Москва, 2013.
106. *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 555 с.
107. *Пикуль В. С.* Крейсера. Ступай и не греши. Звёзды над болотом. М.: Вече, 2008. 525 с.
108. *Платонов Н. Ф.* Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 228–240.
109. *Подлесных А. Р.* Матросский состав российского Императорского флота в XVIII – второй половине XIX вв. // Берегиня.777.Сова. 2011. №2 (9). С. 15–23.
110. *Поляков Г., прот.* Военное духовенство России. М.: Творческий информационно-издательский центр, 2002. 535 с.
111. *Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х томах. Рязань: Александрия, 2011. 650, 719 с.
112. РПЦ предложила допустить капелланов в зону спецоперации // Коммерсант: электрон. версия. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5355784 (дата обращения: 23.05.2023).
113. *Самохвалов С. В.* Духовенство военного флота Российской империи. Корабельные священники на рубеже XIX–XX веков // Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами: офиц. сайт. https://pobeda.ru/biblioteka/nauchnyie-

rabotyi/duhovenstvo-voennogo-flota-rossiyskoy-imperii.html (дата обращения: 21.03.2023).

114. *Самохвалов. С. В.* Вера и мужество: флотское духовенство в Русско-японской войне // Вестник военного и морского духовенства № 1 (661). М., 2004. С. 40–44.
115. Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. /Сост. Фирсов С. Л. М.: Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-т: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. 206 с.
116. *Сидоров Д. И.* Война и религия. М.: Воениздат, 1961. 170 с.
117. *Сингх С. С., Иванченко М. Р.* Судовые священники Российского императорского флота в исследованиях С. Н. Копылова: череда ошибок или намеренная фальсификация? // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 4 (32). С. 324–340.
118. *Смирнов А. А.* Послушники Андреевского флага: корабельные священники Российского Императорского флота. СПб.: Морское наследие, 2016. 159 с.
119. *Смирнов А., прот.* История флотского духовенства. СПб.: тип. «Сел. вестн.», 1914. 76 с.
120. *Соколов А. Н.* Деятельность флотского духовенства в годы русско-японской войны // Угрешский вестник. Дзержинский, 2006. № 2. С. 152–161.
121. *Старостина М. И.* Герой-священник Русско-японской войны якут Алексий (Оконешников). Якутск: Новый печатный дом, 2021.
122. *Суглобов Г. А.* Союз креста и меча. (Церковь и война). М.: Воениздат, 1969. 145 с.
123. *Сулига С. В.* Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» // Морская коллекция. 1995. № 2.
124. *Сушанский А. С.* Духовно-нравственное воспитание в военно-учебных заведениях России XVIII – нач. XX в. в: Дис... к. пед. н. М., 2002.
125. *Трофимов И. А.* Образ законоучителя средней светской школы в воспоминаниях священников конца XIX – начала XX вв. // Христианское чтение. 2020. №1. С. 217–224.
126. *Фирсов С. Л.* Военное духовенство России (к вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетий) // Новый Часовой. СПб., 1994. № 2. С. 19–24.

127. *Фирсов С. Л.* Православная Церковь между двумя революциями (1905-1917 гг.) // Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II. СПб., 2007. С.133–145.
128. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Круглый стол по религиоз. образованию и диаконии: Духов. б-ка, 2002. 623 с.
129. Христолюбивое воинство. Православные традиции русской Армии. Российский военный сборник. М.: Русский путь, 2006.
130. Цветков И.Ф. Храм Спаса на водах – памятник русским морякам: история создания и гибели // Вопросы истории естествознания и техники. 1992, № 3. С. 74-94.
131. Церковь, Закон Божий // *Скворцов М. М.* Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. Бюллетень ОКРКК. № 69. 2002. Электронная версия. URL: http://www.ruscadet.ru/library/01-books/skvortcov/skv_14.htm (дата обращения: 21.06.2023).
132. *Цитович Г., свящ.* Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. В 2 ч. Пятигорск: Типо-лит. А.П. Нагорова, 1913. 520, 40, XIV с.
133. *Чимаров С. Ю.* Русская православная Церковь и вооруженные силы России в 1800–1917 гг. СПб.: Нестор, 1999. 272 с.
134. *Чимаров С. Ю.* Русская православная церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота (1800–1917 гг.): Дис. … д. и. н. СПб., 1999.
135. *Полохов Д., свящ.* Нравственно-патриотическое воспитание в вооруженных силах на основах православной христианской веры: Дис. … к. богосл. н. Сергиев Посад, 2000.
136. *Шатохина С. Б.* Преподавание Закона Божия на рубеже XIX–XX веков: проблемы и их последствия // Сборник трудов Восемнадцатой международной научно-практической конференции «Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт». 2019. С. 121–125.
137. *Шигин В. В.* Жизнь на палубе и на берегу. М.: Моркнига, 2019. 443 с.
138. *Шигин В. В.* Повелители фрегатов. М.: Вече, 2012. 317 с.
139. *Шигин В. Д.* Мятеж броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Правда и вымысел. М.: Вече, 2014. 381 с.
140. *Якимович Д. Б.* Эскадренный броненосец «Бувэ» // Морская коллекция. 2010. № 12 (135).
141. *Яровой В. В.* Добровольный флот. СПб.: Галея-Принт, 2010. 157 с.